

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONTI BVSEI SIN
IO IACTA BAT COR
CRUDE LIS ALEXINI
CARMINI NOS TRI
REFORMA FIDN VN
MONTI BVSEI SIN
IO IACTA BAT COR
CRUDE LIS ALEXINI
CARMINI NOS TRI

10 / 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Исифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Д. А. Плетнёв, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбий**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Прякин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016 г.
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Верстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 05.12.24.
Выход в свет 19.12.24.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 30,0.
Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 500 экз. Заказ 506.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **D. S. Bents**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **O. V. Brizhak**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Moscow); **A. V. Gorshkov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **A. Yu. Davankov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. P. Dovby**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Egorova**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Yu. Sh. Kapkajev**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **I. I. Kilina**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. V. Kim**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. D. Kolmakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Korkina**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. N. Milchakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **G. I. Nemchenko**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **Ye. V. Nikolajeva**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); **M. A. Pestunov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **G. N. Pryakhin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **A. A. Salamatov**, Dr. Sci. (Economics), Prof., Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **V. V. Sedov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **D. A. Sorokin**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Ye. A. Stepanov**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Imposition by *M.V. Trifonova*

Approved for printing 05.12.24.
Date of publication 19.12.24.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 30,0.
Ac.-publ. sh. 25,0.
Circulation 500 copies.
Order 506. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

Плетнёв Д. А. Качество жизни от Аристотеля к Правительству России. 7

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. Р. Суверенизация социально-экономической системы как необходимое условие сохранения Россией международной субъектности. 9

Тихонова О. К., Ужегов А. О. Сущность и явление цифровой экономики. 21

Василенко Е. В. Модель жизненного цикла региональной инновационной экосистемы 32

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Ковалева И. П., Митрофанова О. В. Актуальные аспекты развития государственно-частного партнёрства в социальной сфере 44

Плетнёв Д. А., Меньшикова Ю. А., Токарева А. А. Мировой опыт проектного управления в государственном секторе через призму академических публикаций 54

Даванков А. Ю., Пряхин Г. Н., Нестеров К. Е. Влияние факторов доступности импорта на результаты деятельности предприятий и налоговые поступления в региональные бюджеты 68

Бенц Д. С., Капкаев Ю. Ш. Оценка социально-экономического иммунитета Челябинской области через призму человеческого потенциала 78

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Абросимова О. М. Основания модели развития цифровых компетенций персонала сферы промышленности в условиях формирования технологической безопасности 92

Зотиков Н. З. Малое и среднее предпринимательство в ходе выполнения нацпроекта 104

Дмитриев Н. Д., Тюлькова А. В., Сорокожердьев В. В. Кластеризация российских компаний технологического сектора на основе рыночных и финансовых показателей 116

Наумова К. А. Многообразие критериев и методов идентификации быстрорастущих компаний 128

Демина Н. К., Максакова И. В., Мишина В. Д., Субчева М. В. Подходы к организации финансирования системы получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья 139

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Титова Е. С., Александрова Е. В. Формирование человеческого капитала в российском секторе биоэкономики 149

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Низамов Д. И. Проблемы тарифного регулирования естественных монополий в России 161

Волкова А. А. Инклюзивное проектирование цифровых интерфейсов: методы и перспективы развития 167

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

<i>Нестеренко И. Ю., Меленькина С. А.</i> Методологические подходы к измерению качества жизни	174
<i>Гринивецкий И. И., Гамбеева Ю. Н.</i> Ключевые характеристики стран БРИКС на фоне мировой экономики	186
<i>Толстобоков О. Н.</i> Обеспечение конкурентоспособности российской промышленности с опорой на внутренние ресурсы	194
<i>Егорова А. А., Данилов И. А., Гельм С. А.</i> Роль и порядок информационного взаимодействия при формировании инновационных конкурентных преимуществ	200
<i>Бенц Д. С., Левикова Т. В.</i> Источники социально-экономического иммунитета территории	208
<i>Кретов С. И.</i> Ассоциированная частная собственность граждан как способ выхода из тупика российской приватизации	217
<i>Масленникова Е. В.</i> Дефицит работников на российском рынке труда: понятие, причины, меры преодоления	228
<i>Геокчалян А. Г.</i> Обзор методологических аспектов оценки уровня проектной зрелости организаций	238
<i>Федотов Д. А.</i> К вопросу о списании региональной задолженности по бюджетным кредитам	249

CONTENTS

EDITORIAL

- Pletnev D. A.* The Quality of Life from Aristotle to the Russian Government 7

THEORY AND METHODOLOGY

- Shlychkov V. V., Bataykin P. A., Nestulaeva D. R.* The Sovereignization of the Socio-Economic System as Necessary Condition for Russia's Preservation of International Subjectivity 9
- Tikhonova O. K., Uzhegov A. O.* The Essence and Phenomenon of the Digital Economy 21
- Vasilenko E. V.* Life Cycle Model of a Regional Innovation Ecosystem 32

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

- Kovaleva I. P., Mitrofanova O. V.* Current Aspects of the Development of Public-Private partnership in the Social Sphere 44
- Pletnev D. A., Menshikova Yu. A., Tokareva A. A.* The Global Experience of Project Management in the Public Sector Through the Prism of Academic Publications 54
- Davankov A. Yu., Pryakhin G. N., Nesterov K. E.* The Impact of Import Availability Factors on the Enterprises Performance Results and Tax Revenues to Regional Budgets 68
- Benz D. S., Kapkaev Yu. Sh.* Assessment of the Socio-Economic Immunity Chelyabinsk Region Using the Human Potential 78

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

- Abrosimova O. M.* Basis of the Model of Industrial Personnel's Digital Competences Development in the Context of Technology Security Building 92
- Zotikov N. Z.* Small and Medium-Sized Businesses During the Implementation of the National Project 104
- Dmitriev N. D., Tyulkova A. V., Sorokozherdiev V. V.* Clustering of Russian Companies in the Technology Sector based on Market and Financial Indicators 116
- Naumova K. A.* Variety of Criteria and Methods for Identification of High-Growth Firms 128
- Demina N. K., Maksakova I. V., Mishina V. D., Subcheva M. V.* Approaches to Financing the System of Education for Children with Disabilities 139

ECONOMIC EDUCATION

- Titova E. S., Alexandrova E. V.* Human Capital Formation in the Russian Bioeconomy Sector 149

A FRESH LOOK

- Nizamov D. I.* Problems of Tariff Regulation of Natural Monopolies in Russia 161
- Volkova A. A.* Inclusive Design of Digital Interfaces: Methods and Development Prospects 167

REVIEWS AND DISCUSSIONS

- Nesterenko I. Y., Melenkina S. A.* Methodological Approaches to Measuring Quality of Life 174

Grinivetskiy I. I., Gambeeva J. N. The Key Characteristics of the BRICS Countries in the Context of the Global Economy	186
Tolstobokov O. N. Ensuring the Competitiveness of Russian Industry Based on Internal Resources. . .	194
Egorova A. A., Danilov I. A., Gelm S. A. The Role and Procedure of Information Interaction in the Formation of Innovative Competitive Advantages.	200
Benz D. S., Levikova T. V. Sources of Socio-Economic Immunity of the Territory.	208
Kretov S. I. Associated Private Property of Citizens as a Way Out of the Impasse of Russian Privatization	217
Maslennikova E. V. The Shortage of Workers in the Russian Labor Market: the Concept, Causes, and Measures to Overcome.	228
Geokchakyan A. G. Overview of Methodological Aspects of Assessing the Level of Project Maturity of Organizations	238
Fedotov D. A. About the Writing off Regional Debt on Budget Loans	249

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 7–8.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(10(492):7-8

Редакторская статья

УДК 338.22

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-7-8

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ОТ АРИСТОТЕЛЯ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет; Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия,
pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Ключевые слова: качество жизни, хорошая жизнь, Аристотель

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Качество жизни от Аристотеля к Правительству России // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 7–8. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-7-8.

Editorial article

THE QUALITY OF LIFE FROM ARISTOTLE TO THE RUSSIAN GOVERNMENT

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk State University; Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Keywords: Quality of Life, Good life, Aristotle

Funding. The article was prepared in accordance with the research plan for the Federal State Budgetary Institution “Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” for 2024-2026.

For citation: Pletnev DA. The Quality of Life from Aristotle to the Russian Government. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):7-8. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-7-8.

Качество жизни каждого человека в стране — цель Правительства Российской Федерации, продекларированная премьером М. Мишустиним еще в 2020 г. Это условная «татуировка» которую должен носить каждый чиновник и поглядывать на нее каждый день, чтобы не забывать и действовать сообразно с ней. И в этой фразе ключевыми являются два момента — «качество жизни» и «каждый» [человек]. Начну со второго. «Каждого» — значит отказ от усредненных оценок доходов, потребностей и жилищных условий. Это значит — больше положительных ответов на вопрос — «хорошо ли вам живется?». А это уже совсем иная материя, чем любые статистические сводки. Это — новый уровень государственного управления, соответствующий посткапиталистической стадии развития общества, где государство не максимизирует «общественное благо», а улуч-

шает жизнь каждого человека. Согласитесь, это принципиально разные подходы. Ведь прикрываясь «общественным благом», можно реализовывать проекты, не отвечающие интересам отдельных деревень и городов, и даже обрекающие их на вымирание. Как именно будет строиться такое госуправление, такое государство — ответ, пожалуй, не даст никто, так как подобного опыта в мире нет. Но сам заданный вектор заслуживает похвалы и поддержки.

Второй и, безусловно, определяющий момент — это «качество жизни». Никто не против, чтобы его качество жизни стало выше. Но кто знает, в чем именно состоит ваше представление о качестве жизни: больше денег, больше уважения, просторное жилье, здоровье, уверенность в будущем детей, время, проведенное с семьей/друзьями... Кроме множественности интерпретаций, качество жизни имеет и очевидную способность к изменению, как у каждого индивида, так и в целом

в стране. Достижение одного из параметров качества жизни делает его (параметр) несущественным в будущих оценках, а недостаток другого — актуализирует потребность в нем. Пример: мы не замечаем качества воды или воздуха, когда они нас устраивают, и воспринимаем как само собой разумеющееся. Но лишь только они ухудшаются, как это сразу же влияет на качество нашей жизни. Более того, качество жизни, оцениваемое субъективно каждым человеком, находится под серьезным влиянием внешних обстоятельств и информационных потоков, которые сегодня во многом формируются СМИ и социальными сетями... И велик соблазн вместо сложного поиска ответа на вопрос, как же реально можно повысить качество жизни каждого человека, просто вложиться в то, чтобы убедить людей, что их качество жизни растет, при помощи медиа-технологий. «Вот, посмотрите на график...» или «А вот у них там такое творится...».

Есть точка зрения, восходящая еще к аристотелевской этике, согласно которой качество жизни определяется гармонией, балансом, умеренностью в желаниях и их осуществлении, добродетельности (в том числе — великодушии). Более того, в этой философской традиции качество жизни как результат существования человека определяется качеством его деятельности, которая ведет к добродетельному развитию. Все прочее — наносное и маскирующее реальную нищету тех из нас, кто обладает многими благами, но не готов помочь ближнему своему. Не результатом деятельности, а ее качеством. Способно ли государство повысить качество жизни, трактуемое так? Пожалуй. И даже сегодня оно много делает для этого, увеличивая возможности для самореализации, ограничивая влияния «новой этики» и подобных доктрин на молодое поколение, повышая каче-

ство образования. Способно ли оно его измерить в этом случае? Вопрос несколько более сложный. Лишь только появится «официальный» измеритель, как он изживет себя, он будет достоверным лишь в прошлом. Но создать среду, где это (рост качества жизни) было бы вероятно и желательно, возможно вполне. И сегодняшние попытки измерить качество жизни, сколь бы детальными и глубокими они ни были, все равно описывают лишь среду, более широко или более узко. Ту среду, которая взрастит (или нет) человека будущего. Того, кто наследует эту землю и буде счастливее нас.

Для научных работников (если это ваше призвание, дело жизни, по Аристотелю, а не изнурительный труд, как у неоклассиков) чтение научных статей по своей теме — важная и приятная часть работы. Внимательно вчитаться, понять, возможно, что-то уточнить, дать обратную связь автору, согласиться с ним или нет — нормальная, казалось бы, практика. Так наука и движется вперед. Описать цельную мысль и доказать ее — для этого едва хватает печатного листа. Много ли вы так внимательно прочитали крупных статей за прошедший год? Сколькими из них восхитились? Сегодня многие журналы ограничивают объем публикуемых статей из экономических соображений. По счастью, наш журнал может себе позволить сохранять мысль авторов в полном объеме, и дарить ее читателям, ожидая от них ответной дискуссии. И показателем качества нашей жизни, пожалуй, может считаться число внимательно прочтенных таких больших статей. Но не своеобразный социальный грумминг в форме взаимного цитирования без детального прочтения коллег. Так давайте стремиться к повышению качества нашей жизни, начав с малого. Возможно, в этом номере вы найдете одну или несколько таких больших статей, достойных вашего внимания.

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования; директор Челябинского филиала ИЭ УрО РАН.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration; Director of the Chelyabinsk branch of IE UrO RAS.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 15.09.2024; approved after reviewing 01.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 9–20.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(10(492):9-20

Научная статья

УДК 338.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-9-20

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ РОССИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Валерий Владимирович Шлычков¹, Павел Александрович Батайкин²,
Диана Рустамовна Нестулаева³

¹ Федеральный научно-практический и аналитический журнал «Вестник экономики, права и социологии», Казань, Россия, vestnik_eps@mail.ru, 0000-0002-3307-2153

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, vestnik_eps@mail.ru, 0000-0003-2731-8580

³ Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия, diana_n_r@mail.ru, 0000-0002-4885-449X

Аннотация. Рассматривается этимология понятия «суверенитет» и показана эволюция теории суверенитета. Обосновывается вывод о наличии «абсолютного суверенитета» в качестве обязательного условия выработки и принятия государственной властью национально ориентированных решений и доказывается безальтернативность процесса суверенизации российской социально-экономической системы, в свете определения суверенизации общественной сферы в качестве ключевого направления развития страны в долгосрочной перспективе. Авторы оценивают степень влияния западных экономических санкций на процесс экономического роста и выделяют «реперные точки» санкционного воздействия, наиболее «чувствительные» для российской социально-экономической системы. В статье обосновывается неизбежное сохранение санкционных ограничений для России в среднесрочной перспективе. Опираясь на выводы факторного анализа и экспертные оценки, исследователи предлагают определить задачу достижения технологического суверенитета в качестве главного вектора трансформации экономики, позволяющего удовлетворить внутренний спрос на товары и услуги и оказать максимально возможный позитивный мультипликативный эффект на все элементы социально-экономической системы. При этом для достижения технологического суверенитета доказывается целесообразность реализации политики «островизации», позволяющей сочетать принцип опоры на собственные ресурсы и открытость российской экономики. Кроме того, в работе обосновывается ведущая роль государства в процессе суверенизации и констатируется, в качестве условия его успеха, необходимость мобилизации всех ресурсов и консолидации общества, а также насущность введения показателей отраслевой и региональной суверенизации.

Ключевые слова: суверенитет, технологический суверенитет, экономические санкции, антисанкционная политика, критические и сквозные технологии, проекты развития, отечественные научные разработки, суверенизация общественной жизни, островизация экономики

Для цитирования: Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. Р. Суверенизация социально-экономической системы как необходимое условие сохранения Россией международной субъектности // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 9–20. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-9-20.

Original article

THE SOVEREIGNIZATION OF THE SOCIO-ECONOMIC SYSTEM AS NECESSARY CONDITION FOR RUSSIA'S PRESERVATION OF INTERNATIONAL SUBJECTIVITY

Valery V. Shlychkov¹, Pavel A. Bataykin², Diana R. Nestulaeva³¹ Federal scientific, practical and analytical journal "Bulletin of Economics, Law and Sociology", Kazan, Russia, vestnik_eps@mail.ru, 0000-0002-3307-2153² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vestnik_eps@mail.ru, 0000-0003-2731-8580³ Kazan State Power Energy University, Kazan, Russia, diana_n_r@mail.ru, 0000-0002-4885-449X

Abstract. The article examines the etymology of the concept of "sovereignty" and shows the evolution of the theory of sovereignty. The paper substantiates the conclusion that there is "absolute sovereignty" as a prerequisite for the development and adoption of nationally oriented decisions by the state authorities and proves that there is no alternative to the process of sovereignization of the Russian socio-economic system, defining the sovereignization of the public sphere as a key direction of the country's development in the long term. The authors assess the degree of influence of Western economic sanctions on the process of economic growth and identify the "reference points" of the sanctions impact, the most "sensitive" for the Russian socio-economic system. The article substantiates the inevitable continuation of sanctions restrictions for Russia in the medium term. Based on the conclusions of factor analysis and expert assessments, the researchers propose to define the task of achieving technological sovereignty as the main vector of economic transformation, which allows satisfying domestic demand for goods and services and having the maximum possible positive multiplier effect on all elements of the socio-economic system. At the same time, in order to achieve technological sovereignty, the expediency of implementing an "islandization" policy is proved, which allows combining the principle of relying on one's own resources and the openness of the Russian economy. In addition, the paper substantiates the leading role of the state in the process of sovereignization and states, as a condition for its success, the need to mobilize all resources and consolidate society, as well as the urgency of introducing indicators of sectoral and regional sovereignization.

Keywords: sovereignty, technological sovereignty, economic sanctions; anti-sanctions policy, critical and end-to-end technologies, development projects, domestic scientific developments, sovereignization of public life, islandization of the economy

For citation: Shlychkov VV, Bataykin PA, Nestulaeva DR. The Sovereignization of the Socio-Economic System as Necessary Condition for Russia's Preservation of International Subjectivity. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):9-20. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-9-20.

Введение

Начиная с первых дней становления современной российской государственности и повсеместного отказа от «советского наследия» в социально-экономической и политической сферах, в обществе постепенно формировался запрос на обозначение конечной цели проводимых социально-экономических преобразований и определение параметров, складывающейся под их воздействием будущей модели национальной экономики. Внедрение в хозяйственный механизм новых форм собственности, переход к рыночным принципам функционирования экономики и развитие рыночных институтов при сохранении значительной регулятивной роли государства, позволяет исследователям охарактеризовать сегодняшнюю российскую экономическую систему как рыночно ориентированную, смешанную экономику переходного типа с элементами плановой. Причем, если с отправной точкой начала процесса этого

«перехода» — административно-командной системой бывшего СССР, все было более или менее ясно, то его конечная цель для значительной части россиян всегда оставалась и по-прежнему остается в значительной мере неопределенной и носит достаточно абстрактный характер.

В последние двадцать лет в России в целях поддержания конкурентоспособности поэтапно предпринимались позитивные усилия по построению инвестиционной, инновационной, цифровой и иных экономик, что в конечном итоге и позволило создать «фундаментальный запас прочности»¹ и обеспечить высокую устойчивость российской экономической системы в условиях глобальных геополитических и геоэкономических турбулентностей, связанных с демонтажем однополярного миропорядка [1]. Однако, в силу пред-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://duma.gov.ru/news/58905/> (дата обращения: 29.02.2024 г).

определенной ограниченности заложенных в них импульсов развития, эти попытки все же не смогли обеспечить устойчивый поступательный рост российской экономики и решить ее системные проблемы (сырьевая ориентированность, дефицит трудовых ресурсов, технологическое отставание от передовых стран и т. д.), наличие которых, в купе с издержками проводимой Специальной военной операции (СВО) и санкционной войны, в кратко- и среднесрочной перспективах вводят в зону повышенного риска процесс дальнейшего экономического развития страны. И преодолеть эти, в значительной мере искусственно возведенные и политически мотивированные барьеры, возможно только в рамках комплексного подхода, реализуя адекватную современным реалиям стратегию экономического развития, главной задачей которой должно стать «обеспечение безопасности в сфере суверенитета, в сфере экономики, технологического суверенитета»¹.

Этимология понятия «суверенитет» и его значение в современной системе мирового устройства

В научный оборот термин «суверенитет» был введен в 1576 г. французским политическим мыслителем и теоретиком естественного права Ж. Баденом (1530–1596), подробно сформулировавшим в своей работе «Шесть книг о государстве» основные признаки и характеристики данного понятия, рассматривая его как «абсолютную и постоянную власть» [2].

В XIX–XX вв. по мере развития мирового хозяйства, активизации межгосударственных и международных контактов в рамках процесса глобализации и повышения степени взаимозависимости его субъектов, теория суверенитета получила свое дальнейшее развитие и наряду с государственным, представители научного сообщества стали выделять иные виды суверенитета (национальный, территориальный, народный, ограниченный и т. д.) и предпринимать попытки их иерархической систематизации, демонстрируя при этом разносторонние подходы к оценке этого понятия. Однако для раскрытия заявленной темы представленной работы, по мнению авторов, вполне достаточно зафиксировать, признаваемый большинством исследователей, доминирующий признак суверенности — наличие у государственной власти исключительного права самостоятельно,

без учета мнения и воли иных субъектов (наднациональные органы, международные организации или другие государственные образования) принимать национально-ориентированные решения как во внутренних вопросах, так и в процессе международных коммуникаций. В то же время, необходимо учитывать тот факт, что абсолютной независимости в условиях глобализации достичь невозможно в принципе [3], а условный показатель «степени чувствительности» любой «суверенной власти» к внешнему воздействию постоянно изменяется с учетом складывающейся международной и внутренней конъюнктуры в конкретный исторический период, находясь при этом в жесткой корреляционной зависимости от величины социально-экономического потенциала управляемого государства и его способности за счет внутренних ресурсов обеспечить стабильность и устойчивость национальной социально-экономической системы, а также конкурентоспособность страны на внешнем контуре.

В современном мире, несмотря на наличие тенденции самоограничения суверенитета посредством передачи части полномочий через механизм принятия на себя тех или иных обязательств в рамках международных договоров и соглашений, «суверенность» по-прежнему является основополагающим признаком любого государства. Более того, постоянно усиливающиеся попытки отдельных государств и прежде всего стран коллективного Запада, используя свое доминирование в военной и финансово-экономической сферах, навязать другим субъектам международных отношений решения не отвечающие их коренным национальным интересам, как кажется авторам, спровоцировали возникновение встречного тренда на восстановление утраченных суверенных полномочий государств и отказа от принципа превалирования дискредитировавшего себя международного права над национальным законодательством. И именно современная Россия сегодня бесспорно стала лидером этого движения в мире, доказывая на своем примере его необходимость и показывая вариативность шагов по суверенизации национальной социально-экономической системы.

Суверенность российской государственной власти как необходимое условие эффективности проводимых социально-экономических преобразований

В начале 90-х годов российское политическое руководство и значительная часть общества

¹ Путин: «Прямая линия» — 2023. URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/putin-pryamaya-liniya-2023.html> (дата обращения: 14.12.2023 г.).

обоснованно рассчитывали на то, что снятие политически мотивированных барьеров на пути развития экономического сотрудничества и международной кооперации позволит новой России занять достойное место в глобальной экономике и сложившейся мировой системе разделения труда, а значительный военно-политический потенциал (статус ядерной державы и постоянного члена Совбеза ООН) обеспечит сохранение лидирующих позиций страны в мировой политике. Со своей стороны, страны запада на первоначальном этапе публично поддерживали эти иллюзорные устремления России, раздавая многочисленные обещания и гарантии их реализации, порой забывая формализовать их в соответствующих международно-правовых документах.

Необходимо признать, что весь процесс трансформации политического устройства и перехода к рыночной экономике в России фактически прошел под полным руководством западных советников и консультантов, сумевших не только навязать россиянам неолиберальную модели строившейся социально-экономической системы и актуализированного национального законодательства, но и внедрить в общественное сознание тезис о том, что скорейшая интеграция страны в глобальную систему, пусть и в статусе «младшего партнера», безусловно является для России благом и самым кратчайшим путем к экономическому процветанию. В обмен на соблюдение установленных им и постоянно изменяющихся «правил», коллективный Запад был готов полностью удовлетворить накопившийся потребительский спрос на качественные товары и услуги, обеспечить доступ на глобальные рынки и интегрировать российскую экономику в качестве одного из элементов в полностью подконтрольную ему мировую экономическую систему, отведя в ней для России роль неисчерпаемого источника дешевого сырья. Неудивительно, что вследствие осуществления подобной экономической политики в России, отечественные товаропроизводители были почти полностью отсечены от инвестиционных ресурсов и рынков, что в конечном итоге привело к утрате ими конкурентоспособности даже внутри страны и спровоцировало начало процесса деиндустриализации, приведшего к потере не только ключевых предприятий промышленности, но и многих её отраслей (как совокупности производителей), таких как авиастроение, автопром, судостроение и т. д.

Президент РФ В. В. Путин, характеризуя социально-экономическую ситуацию того пери-

ода заявил, что к началу нынешнего тысячелетия «Россия была в достаточно слабом состоянии и была зависима от различного рода финансовых инструментов и механизмов, от политических, внутривнутриполитических»¹, что в конечном итоге и привело к потере государством значительной части суверенитета. На фоне этой «слабости» и снижения потенциала государства коллективный Запад начал открыто демонстрировать своё пренебрежение к позиции России и стал пытаться активно влиять уже и на внутреннюю ситуацию в России, вмешиваясь в избирательный процесс и открыто оказывая не только моральную, но и финансовую поддержку деструктивным элементам, стремящимся дестабилизировать социально-политическую ситуацию в стране, разрушить её государственность и территориальную целостность.

Именно в этот период, по мнению авторов, к россиянам постепенно стало приходиться понимание того, что в отношении нашей страны проводится системная и целенаправленная неокOLONиальная политика, а «западные партнеры», объявившие себя победителями в завершившейся «холодной войне», никогда не видели и не хотят видеть в России равноправного им субъекта, уже открыто ущемляют российские национальные интересы и стремятся за её счет максимизировать для себя преференции связанные с последствием развала Советского Союза. При этом, «отнюдь не колоссальные природные ресурсы, а ограничения государственного суверенитета России были подлинной и главной целью» [4] проводимой ими неокOLONиальной политики, никогда не ставившей цели «поднять» российскую экономику до уровня экономически развитых стран. Ведь в соответствии с замыслами коллективного Запада, удел лишенной суверенной власти и находящейся под внешним управлением новой России, должен был состоять в сырьевом обеспечении дальнейшего экономического развития стран «золотого миллиарда» вне зависимости от интересов российского народа, отстаивать которые лишенное «суверенности» государство просто было бы не способно в принципе. Причем развитие событий по подобному, негативному для нашей страны сценарию имело в конце прошлого тысячелетия достаточно высокие шансы для практической реализации и только осознание большинством россиян всей реальности возникшей угрозы и достижение общественного консенсуса

¹ Россия. Новейшая история. URL: <https://smotrim.ru/brand/67232> (дата обращения: 03.03.2024 г).

о необходимости восстановления государственного суверенитета, подвигло политическое руководство страны скорректировать реализуемый курс социально-экономического развития и развернуть за него «битву», которая сегодня приобрела уже «национально-освободительный характер»¹.

Начатая с начала 2000-х гг. работа по восстановлению государственного суверенитета путем укрепления социально-экономического и военного-политических потенциалов и снижения зависимости страны от внешних факторов и воли иных субъектов международных отношений постепенно стала приносить положительные результаты. Прежде всего были обеспечены территориальная целостность российского государства и повсеместное верховенство федеральной власти, за счет проведения реформ существенно повышена эффективность и качество государственного управления, трансформирована избирательная система, значительно укреплена обороноспособность. Экономика, в свою очередь, не только стабилизировалась, но и стала демонстрировать тренд на устойчивый рост, а доходы, полученные благодаря благоприятной глобальной конъюнктуре цен на углеводороды, позволили не только обеспечить наполнение бюджета и его социальную ориентированность, но и сформировать значительные финансовые резервы, начать реализацию знаковых инфраструктурных проектов и запустить процесс неоиндустриализации.

Ответная реакция западных «партнеров» стала заключаться в создании искусственных барьеров на пути экономического развития, дестабилизации внутривнутриполитической обстановки внутри страны путем поддержки деструктивных сил, а также создании центров напряженности по периметру российских границ (Грузия, Южная Осетия, Украина и т.д.). Апофеозом антироссийской политики стал организованный Западом в рамках проекта «Анти-Россия» в 2014 г. госпереворот на Украине, приведший к возвращению Крыма в состав России и началу военного противостояния неонацистского украинского режима со своими гражданами проживающими на Донбассе и в Луганске, причем именно развязанный геноцид русскоязычных украинцев в конечном итоге и вынудил нашу страну в 2022 г. начать СВО.

Коллективный Запад жестко отреагировал на её начало и стремительно создал антироссийскую

коалицию из 54 стран², которая стала оказывать Украине финансовую и военно-техническую помощь, накачивая последнюю оружием и снабжая актуальной разведывательной информацией о России. В отношении нашей страны была развернута беспрецедентная экономическая война и на сегодняшний день введена 15 821 рестрикция, объединенная в 13 «санкционных пакетов», направленных на разрушение экономического потенциала и дестабилизацию внутренней социально-политической ситуации, «отмену» России как субъекта международного права и равноправного участника глобального рынка. И несмотря на то, что вопреки негативным прогнозам международных и отечественных экспертов российская экономика в 2023 г., продемонстрировав устойчивость к этим вызовам и свою высокую адаптивность, показала рост на 3,6 %³ и по паритету покупательной способности стала 5 экономикой мира [5], западные санкции стали и остаются главным ограничительным барьером на пути её дальнейшего развития [6].

Причем издержки продолжающегося уже два года противостояния с Россией также негативно отражаются и на экономике инициировавших его государств, и прежде всего ЕС, страны которого (в отличие от США) так и не смогли получить в качестве компенсации за уход с российского рынка и отказ от дешевых российских углеводородов доступ на новые рынки и найти альтернативные и недорогие источники энергоресурсов. В результате консолидированный ВВП Евросоюза в 2023 г. вырос только на символические 0,5 % [5], а когда-то считавшаяся «локомотивом» Европы экономика Германии и вовсе показала отрицательный рост в 0,3 % [5]. Эксперты агентства Reuter в марте 2024 г. оценили прямой ущерб ушедших из РФ в рамках санкций иностранных компаний в 107 млрд долл.,⁴ отмечая при этом, что подавляющее большинство их не имело американской юрисдикции и массовый отказ западных предпринимательских структур от продолжения

² Лавров: США объединили 54 страны в лагерь, накачивающий Украину оружием. URL: <https://ria.ru/20240130/ssha-1924310136.html> (дата обращения: 14.02.2024 г.).

³ Валовой внутренний продукт. Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 28.02.2024 г.).

⁴ Reuters оценил в \$100 млрд потери ушедших из России компаний. URL: <https://www.rbc.ru/business/28/03/2024/660507479a79476b0f1ffc63> (дата обращения: 28.03.2024 г.).

¹ Путин: «Прямая линия» — 2023. URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/putin-priyamaya-liniya-2023.html> (дата обращения: 14.12.2023 г.).

бизнеса в России в минимальной степени отразился на экономике США, которые в это же самое время сумели аннексировать европейский рынок газа, усилив свой контроль над Европой.

Суверенизация как ключевой тренд российской антисанкционной политики

Как уже было сказано выше, российская экономика в 2022–2024 гг., доказав свою устойчивость и адаптивность, смогла достаточно эффективно справиться с санкционным шоком, вызванным неожиданными, масштабными и противоречивыми экономической целесообразности политически мотивированными действиями стран антироссийской коалиции, а власти удалось сохранить полный контроль над социально-экономическими процессами и не допустить дестабилизации общественных отношений. Всесторонне поддержанные государством, российские экономические агенты, противодействуя ограничениям доступа на мировые рынки, умело воспользовались тем, что «мировая экономика не является единым полем» [7], за достаточно короткий срок нашли альтернативу западным рынкам и смогли сформировать новые цепочки поставок на Восток и дружественные страны Глобального Юга, тем самым в значительной мере сохранив экспортный потенциал страны, на первоначальном этапе фактически ставшим главной целью западных рестрикций. Параллельно была выстроена и относительно эффективная система встречного импорта комплектующих, товаров, технологий и оборудования, которая хотя и с дополнительными издержками, но все же смогла закрыть большую часть накопившегося внутреннего спроса и обеспечить стабильность и сбалансированность российского рынка. В это же время, несмотря на стремительную «заморозку» Западом значительной части золотовалютных резервов и спровоцированное этим одномоментное падение стоимости рубля, финансово-экономическому блоку Правительства РФ и ЦБ РФ удалось достаточно быстро стабилизировать курс национальной валюты и в дальнейшем проводить контролируемую денежно-кредитную политику, сохраняя полный контроль над внутренним финансовым рынком. Однако ЦБ РФ до настоящего времени так и не удалось найти полноценную альтернативу SWIFT и создать эффективный и стабильно функционирующий механизм взаиморасчётов с иностранными партнерами, что на сегодняшний день является одним из главных сдерживающих факторов во внешне-

экономической деятельности российских предпринимателей и физических лиц, вынужденных из-за этого нести дополнительные и существенные транзакционные издержки.

К сожалению, несмотря на достаточно результативные антисанкционные действия Правительства РФ, подобных проблемных зон в созданной за истекшие два года «системе внешней обороны» российской экономики пока еще остается значительное количество, и оно имеет тенденцию к возрастанию. В этой связи, как кажется авторам, можно только частично согласиться с мнением экспертов Института прикладных экономических исследований РАНХиГС о том, что на сегодняшний день «пик экономического давления уже пройден», а дальнейшее «усиление давления не способно оказать разрушительного эффекта на отечественную экономику и сместить её с траектории роста» [8], т. к. хотя последние санкционные пакеты на фоне «заморозки активов» и введения потолка на российскую нефть действительно выглядят менее масштабными и значимыми, необходимо учитывать факт того, что основной акцент в экономическом противостоянии сегодня сместился на наших потенциальных партнеров и союзников, не всегда отличающихся «стойкостью» и готовностью ради интересов России подвергать рискам свои отлаженные отношения с коллективным Западом. Контролирующий глобальные товарные и финансовые потоки Запад достаточно успешно находит наиболее уязвимые места российской социально-экономической системы и старается купировать любую внешнюю активность как Правительства РФ, так и отдельных экономических агентов. В частности, после проведения анализа экономических показателей РФ за 9 месяцев 2023 г. и выявления путей обхода санкций, был принят Указ Президента США Дж. Байдена от 22.12.2023 г. установивший вторичные санкции за помощь со сделками подсанкционных организаций РФ, что уже в марте 2024 г. привело к тому, что значительное число банков Китая, Турции, ОАЭ, Индии, Армении, Киргизии и т. д. прекратили работать с российскими структурами и физическими лицами, а сохранившие партнерские отношения финансовые организации этих стран не только существенно увеличили свою комиссию за «дополнительные риски», но и удлиннили сроки проведения транзакций до беспрецедентных 1,5 месяцев. Как следствие, за первые 2,5 месяца текущего года импорт в Россию сокра-

тился на 6–7 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.¹

Таким образом, сегодня можно утверждать, что санкционное давление на Россию в краткосрочной перспективе только усилится и что существует только один путь одержать победу в объявленной Западом санкционной войне — в рамках осуществления национально ориентируемой экономической политики создать конкурентоспособную и эффективную экономическую систему, опирающуюся на собственный потенциал, ориентируемую на внутренний рынок и имеющую высокий уровень иммунитета на любое негативное внешнего влияния, что позволит ей результативно функционировать в условиях масштабных и длительных внешних рестрикций и ограничений. При чем, для получения позитивного «иммунного ответа» основу рецептуры «антисанкционной вакцины» для России, по мнению авторов, должна составить суверенизация всей социально-экономической системы, т.е. преодоление критической и достижение состояния минимальной зависимости от любых, имеющих отрицательный импульс, внешних воздействий.

Технологический суверенитет как главное направление суверенизации

Прозвучавшие в декабре 2023 г. заявления Президента РФ о том, что «существование нашей страны без суверенитета невозможно» и «главное — это укрепление суверенитета»², на взгляд авторов, определили ключевой вектор развития социально-экономической системы на долгосрочную перспективу, т.к. только комплексная суверенизация всех её элементов способна уменьшить зависимость России от любых внешних негативных факторов, минимизировать издержки санкционной войны, обеспечить фундамент дальнейшего устойчивого развития и решить существующие системные проблемы национальной экономики. И хотя проект по импортозамещению на общегосударственном уровне начал реализовываться с 2014 г., до 2022 г. в значительной степени эта работа носила неупорядоченный и ситуационный характер, а в отдельных сферах вообще привела

¹ Названы риски, связанные с отказом китайских банков принимать платежи в юанях из России. URL: <https://www.mk.ru/economics/2024/03/21/nazvany-riski-svyazannye-s-otkazom-kitayskikh-bankov-prinimat-platezhi-v-yuanyakh-iz-rossii.html> (дата обращения: 21.03.2024 г.).

² Путин: «Прямая линия» — 2023. URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/putin-pryamaya-liniya-2023.html> (дата обращения: 14.12.2023 г.).

к отрицательному результату, показав рост зависимости от иностранных товаров, услуг и технологий (станкостроение — с 83 до 95 %, фармацевтика — с 76 до 88 %) [9; 10]. Отсутствие системности начатого процесса импортозамещения существенно снижало его эффективность и результативность, т.к. даже значительный прогресс на отдельных направлениях, не подкрепленный адекватной положительной реакцией всех иных взаимосвязанных элементов экономической системы, достаточно быстро утрачивал свой положительный импульс развития. Однако сегодня, когда политическое руководство России присвоило этому направлению статус «первостепенной задачи», суверенизация социально-экономической системы должна стать «стержнем» единой государственной политики и перманентным процессом, пронизывающим все взаимно обуславливающие друг друга подсистемы общественной жизни, включая экономику, политику, социальную и духовную сферы, а задачи принятых ранее долгосрочных стратегий и реализуемых тактических мер по достижению национальных целей развития должны быть скорректированы с учетом доминанты проблематики укрепления и поддержания государственного суверенитета.

Как уже было сказано выше, первые шаги в направлении снижения зависимости российской экономики от экспорта товаров и услуг начали предприниматься достаточно давно, что на сегодня позволило обеспечить продовольственную безопасность страны и непрерывность производственного процесса большинства промышленных предприятий (прежде всего ВПК), а форсирование государственной политики по импортозамещению в иных сферах позволила к началу 2024 г. добиться снижения этого показателя до рекордных 23,3%³. Однако, этот, безусловно позитивный результат совместных усилий отечественной науки, предпринимательского сообщества и Правительства РФ, показывает «среднюю температуру по больнице» и не в полной мере отражает реалии общего состояния устойчивости к внешним угрозам национальной экономической системы, т.к. именно в эту, пока незамещенную российскими аналогами долю экспорта, вошли ключевые для развития экономики сферы — телеком, микроэлектроника и ТЭК, до 40 % испытывающие потребности в импортных технологиях и не имеющих

³ Зависимость экономики России от экспорта стала минимальной с 1990-х. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/04/2024/66069b9a9a9a7947ce87588aff> (дата обращения: 01.04.2024 г.).

аналогов высокотехнологических приборах зарубежного производства [11]. А значит дальнейшее результативное продолжение процессов суверенизации и импортозамещения в силу повышенной научной и технологической сложности поставленных задач будет более проблемным, связанным со значительными издержками и потребует полной мобилизации научного, технологического и кадрового потенциалов.

Отмечая необходимость системного подхода и параллельного проведения суверенизации всех элементов социально-экономической системы, всегда существующее ограничение в ресурсах все же заставляет нас оценить угрозы и выделить наиболее значимые для будущего развития России сферы и отрасли, сконцентрировав на них максимальные усилия и направив существующие резервы. И первым из списка критически важных и ключевых направлений трансформации, по мнению авторов, сегодня является достижение технологического суверенитета и преодоление существующего производственно-технологического отставания от передовых стран, включая повышение производительности труда.

Необходимо признать, что в условиях активизации конкурентной борьбы за технологическое лидерство не только находящаяся под санкциями Россия, но США, Китай, Япония, страны ЕС и т. д. крайне озабочены сохранением высокого уровня собственного технологического суверенитета и с начала пандемии COVID-19 на фоне смены парадигмы глобального технологического и научного пространства реализуют национальные программы импортозамещения, что позволило отдельным экспертам зафиксировать факт того, что в настоящее время «процессы глобализации и международного разделения труда приостановлены» [9]. Причем, в отличие от других стран, при достижении намеченных результатов Россия может опираться только на собственный производственно-технический и научный потенциалы, а значит эффективность этого процесса напрямую зависит от общего состояния российской науки и системы образования, качества и величины задействованного социально-экономического и финансового потенциалов, наличия воли политического руководства страны и высокой степени общественной поддержки действий последнего [12]. При этом, оставаясь государством с рыночной экономикой, Россия в процессе её технологической суверенизации должна придерживаться политики «островизации», позволяющей ей сохранить оптимальную степень международной

кооперации и статус активного субъекта мировой экономической системы.

Авторы предлагают рассматривать технологический суверенитет как «наличие собственного научного, технического и технологического потенциалов, позволяющих субъектам национальной экономики самостоятельно и/или во взаимовыгодной международной кооперации разрабатывать, производить и использовать ключевые технологии и сервисы в объемах, позволяющих гарантировать стабильность внутреннего рынка и устойчивость экономической системы, а также эффективно купировать внешнее негативное воздействие на процессы выработки и реализации национально ориентированной социально-экономической политики» [13].

Официальная трактовка понятия «технологический суверенитет» представлена в «Концепции технологического развития на период до 2030 года», где он определяется как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы»¹. Этим же документом к «критическим» были отнесены 27 отраслевых технологий, применяемых для «производства важнейших видов высокотехнологичной продукции и создания высокотехнологичных сервисов, имеющие системное значение для функционирования экономики»², а к «сквозным» — «перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняющие существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков»³.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года» // СПС Гарант.

² Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант.

³ Пламенев И. В. России сформировали направления технологического развития до 2030 года. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/04/2023/643364819a794704aaeac394> (дата обращения: 10.12.2023 г).

Таким образом, перед субъектами, отвечающими за достижение технологического суверенитета стоит задача, с одной стороны стать обладателями передовых и эффективных технологий, а с другой сформировать производственный потенциал, способный производить на их основе конкурентоспособную на мировом рынке отечественную продукцию и оказывать услуги, отвечающие самым высоким и актуализированным мировым стандартам. При этом при определении промежуточных целей технологической суверенизации, необходимо исходить из того, что технологической автаркии в условиях глобализации мировой экономики достигнуть невозможно в принципе, а значит перед участниками этого процесса «должна ставиться задача снижения коэффициента внешней технологической зависимости, которая решается путем модернизации действующих и создания новых производственных мощностей, и внедрения в производственные процессы результатов исследований российских ученых и отечественных инновационных разработок» [14, с. 142]

В условиях санкционной войны наибольшую угрозу экономической безопасности России представляет технологическое отставание и импортозависимость от «недружественных» стран, которая по оценкам ЦБ РФ в автомобилестроении составляет 25 %, в производстве резиновых и пластмассовых изделий 18 %, в производстве прочих транспортных средств 16 %, машин и оборудования 15 %, а в фармацевтической промышленности — 15 % [15]. Для преодоления сложившейся критической зависимости, в апреле 2023 г. Постановлением Правительства РФ было определено 13 приоритетных направлений проектов, направленных на «обеспечение технологического суверенитета страны», в число которых были включены критически значимые технологии в отраслях и сферах экономики, где уровень локализации составлял менее 50 %. При этом, сами проекты были дифференцированы на «проекты технологического суверенитета» и «проекты структурной адаптации экономики», а для их реализации были вновь созданы или привлечены 34 индустриальных и 13 общесистемных центров компетенций¹.

¹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суве-

Более конкретно цели достижения технологического суверенитета были определены в Послании к Федеральному Собранию 29.02.2024 г., в котором Президент РФ сформулировал задачи:

— иметь все технологические ключи в таких чувствительных областях, как сбережение здоровья граждан, продовольственная безопасность;

— достичь технологического суверенитета в сквозных сферах, которые обеспечивают устойчивость всей экономики страны (средства производства и станки, робототехника, все виды транспорта, беспилотные авиационные, морские и другие системы, экономика данных, новые материалы и химия);

— создавать глобально конкурентные продукты, опираясь на уникальные отечественные разработки, в том числе в области космических, атомных и новых энергетических технологий².

Локомотивом процесса технологической суверенизации должны стать искусственный интеллект и квантовые технологии, определяющие на сегодня актуальную повестку мировой научной мысли и приоритеты развития. С учетом того, что государство намерено «настроить на решение этих задач все имеющиеся инструменты и механизмы развития» и «обеспечить их приоритетное бюджетное финансирование» заявленные проекты технологического суверенитета имеют высокие шансы «стать мотором обновления нашей промышленности», решить системные проблемы и «помочь всей экономике выйти на передовой уровень эффективности и конкурентоспособности»².

Выводы

1. Дальнейшее социально-экономическое развитие России возможно только в условиях наличия всеобъемлющего государственного суверенитета и полной независимости от внешнего воздействия процессов выработки и принятия решений, которые безусловно должны всегда соответствовать национальным интересам страны и запросам её граждан.

2. Комплексная суверенизация общественной жизни объявлена государственной стратегией ренитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам ...» (документ не вступил в силу) // СПС Гарант.

² Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://duma.gov.ru/news/58905/> (дата обращения: 29.02.2024 г.).

на долгосрочную перспективу и ключевым вектором трансформации российской социально-экономической системы.

3. Для «запуска» процесса суверенизации российское государство обладает необходимыми финансовым, кадровым, научно-производственным и техническим потенциалами, однако его результативность в значительной мере будет определяться адекватностью и рациональностью распределения задействованных для этого ресурсов, и активностью всех национальных экономических субъектов.

4. Существующие программы и планы регионального и отраслевого развития должны быть

скорректированы с учетом требования преодоления критической зависимости от внешних факторов, а новые обязательно предусматривать показатели суверенизации.

5. В 2024 г. страны антироссийской коалиции сместили акцент экономической войны с России на её потенциальных партнеров и союзников, стремясь через «вторичные» санкции максимально ограничить любые двухсторонние контакты и объемы товарооборота, сократить российский сырьевой экспорт и встречный импорт технологий и оборудования, что должно быть учтено при реализации антисанкционной политики.

Список источников

1. Афанасьев А. А. Основные направления формирования ограниченно открытой экономики суверенного типа // Вопросы инновационной экономики. — 2022. Том 12. № 3. С. 1869–1886.
2. Bodin, J. Les six livres de la République // de l'impr. de Jean de Tournesde l'impr. de Jean de Tournes. 1579. 762 p.
3. Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 130–141.
4. Шлычков В. В. Основные успехи экономики России в 2023 г. и ключевые вызовы её устойчивому росту в кратко- и долгосрочных перспективах // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 139–143.
5. Перспективы развития мировой экономики: неровное восстановление // Вашингтон: Международный валютный фонд. 2023. 192 с.
6. Адаптация российских промышленных компаний к санкциям: первые шаги и ожидания: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Ю. В. Симачев (рук. авт. кол.), А. А. Яковлев (рук. авт. кол.), В. В. Голикова и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2023. 38 с.
7. Шлычков В. В., Нестулаева Д. Р., Зарезнов Д. А. Российская экономика 2023: неизбежные изменения парадигм и прогнозы развития // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12, № 2. С. 144–151.
8. Ведев А. Л., Ерёмкин В. А., Тузов К. А. Высокие риски и слабые темпы роста экономики: макропрогноз для России на среднесрочную перспективу // Вопросы экономики. 2024. № (2). С. 5–22. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-5-22>
9. Кодзоев М. С. Оценка импортозависимости критических важных отраслей российской экономики (устный) // Экспертный семинар «Импортозависимость критически важных отраслей экономики России в условиях ограниченного доступа к внешним инвестициям и технологиям». М. : ИПЭИ РАНХиГС, Russia. 11 октября 2023.
10. Атлас экономической специализации регионов России / В. Л. Абашкин, Л. М. Гохберг, Я. Ю. Ефферин и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 2021. 264 с.
11. Нестулаева Д. Р., Авхадиева Э. А. Укрепление научно-производственного потенциала регионов как ключевой элемент обеспечения технологического суверенитета российской федерации (на примере республики татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 96–99.
12. Горячева Т. В., Мызрова О. А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 134–145.
13. Нестулаева Д. Р. Экономические санкции коллективного запада как катализатор процесса обеспечения технологического суверенитета российской экономики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12. № 4. С. 105–111.

14. Шлычков В. В. Основные успехи экономики России в 2023 г. и ключевые вызовы её устойчивому росту в кратко- и долгосрочных перспективах // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 139–143.

15. Карпов Д. Зависимость России от импорта промежуточной продукции и внешнеторговые шоки. Аналитическая записка // М.: Центральный банк Российской Федерации. 2023. 17 с.

References

1. Afanasyev AA. The main directions of the formation of a limited open economy of a sovereign type. *Vo-prosy innovacionnoj ekonomiki = Issues of innovative economics*. 2022;(3):1869-1886. (In Russ.).

2. Bodin J. Les six livres de la République. de l'impr. de Jean de Tournesde l'impr. de Jean de Tournes; 1579. 762 p.

3. Pastukhova NB. State sovereignty in the era of globalization. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2006;(5):130-141. (In Russ.).

4. Shlychikov VV. The main successes of the Russian economy in 2023 and the key challenges to its sustainable growth in short and long-term prospects. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2023;(4):139-143. (In Russ.).

5. Prospects for the development of the global economy: uneven recovery. Washington: International Monetary Fund; 2023. 192 p.

6. Adaptation of Russian industrial companies to sanctions: first steps and expectations: dokl. to the XXIV Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Problems of economic and social development, Moscow, 2023. Yu V. Simachev (author's col.), AA. Yakovlev (author's col.), VV. Golikova et al. Moscow; 2023. 38 p. (In Russ.).

7. Shlychikov VV, Nestulaeva DR, Zareznov DA. The Russian economy 2023: inevitable paradigm changes and development forecasts. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij = Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. 2023;12(2):144-151. (In Russ.).

8. Vedev AL, Eremkin VA, Tuzov KA. High risks and weak economic growth rates: macro forecast for Russia in the medium term. *Economic issues*. 2024;(2):5-22. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-5-22> (In Russ.).

9. Kodzoev MS. Assessment of import dependence of critical important sectors of the Russian economy (oral). Expert seminar "Import dependence of critically important sectors of the Russian economy in conditions of limited access to external investments and technologies." Moscow; 2023. (In Russ.).

10. Atlas of economic specialization of the regions of Russia. VL. Abashkin, LM. Gokhberg, Ya.u. Eferin et al.; edited by LM. Gokhberg, ES. Kutsenko; National research. Higher School of Economics, Moscow, Higher School of Economics; 2021. 264. (In Russ.).

11. Nestulaeva DR, Avkhadiyeva EA. Strengthening scientific and technologicalthe production potential of the regions as a key element of ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation (on the example of the Republic of Tatarstan). *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2023;(4):96-99. (In Russ.).

12. Goryacheva TV, Myzrova OA. The role and place of technological sovereignty in ensuring the sustainability of the Russian economy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. = Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right*. 2023;23(2):134-145. (In Russ.).

13. Nestulaeva DR. Economic sanctions of the collective West as a catalyst for the process of ensuring the technological sovereignty of the Russian economy. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij = Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. 2023;12(4):105-111. (In Russ.).

14. Shlychikov VV. The main successes of the Russian economy in 2023 and the key challenges to its sustainable growth in short and long-term prospects. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2023;(4):139-143. (In Russ.)

15. Karpov D. Russia's dependence on imports of intermediate products and foreign trade shocks. Analytical note. Moscow, Central Bank of the Russian Federation; 2023. 17. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Шлычков — доктор экономических наук, профессор, главный редактор.

П. А. Батайкин — доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор.

Д. Р. Нестулаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента.

Information about the authors

V. V. Shlychkov — Doctor of Economics, Professor, Editor-in-Chief.

P. A. Bataykin — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Professor.

D. R. Nestulaeva — Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Management.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-21-31

СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ольга Константиновна Тихонова^{1✉}, Артем Олегович Ужегов²

¹ Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, tikhonova.ok@uiec.ru, 0000-0002-7157-7451

² Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, uzhegov.ao@uiec.ru, 0000-0002-3244-2036

Аннотация. В исследовании был проведен анализ научных публикаций, посвященных цифровой экономике. Авторы рассмотрели исторические аспекты возникновения понятия «цифровая экономика» и выделили этапы его развития. Также были разграничены понятия цифровой экономики, цифровой трансформации и цифровизации. С учетом проведенного анализа научной литературы и нормативно-правовых документов представлено определение цифровой экономики, под которым авторы понимают широкий диапазон видов экономической активности, пронизывающие всю экономику в целом и трансформирующие аналоговые отношения между населением, государством и бизнесом в цифровой формат. При этом основным элементом цифровой экономики является применение цифровых технологий и данных для разработки новых продуктов, а также использование оцифрованной информации и знаний как важнейших ресурсов производства. Интернет выступает значимой платформой для коммуникации, а эффективное внедрение информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) играет ключевую роль в экономическом росте и оптимизации структуры экономики. В заключение статьи выявлено, что в законодательных и нормативно-правовых актах, регулирующих цифровую экономику, определение термина «цифровая экономика» базируется на различных подходах. Это создает проблемное поле, связанное с фрагментацией подхода к цифровой экономике. Для преодоления проблемы фрагментации необходимо разработать более согласованный и всесторонний подход к определению цифровой экономики. Предложенное в данной статье определение рассматривает цифровую экономику как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных компонентов и процессов. Такой подход признает, что цифровая экономика не является изолированной, а взаимодействует и влияет на другие сектора экономики и общество в целом.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровая трансформация, цифровизация, нормативно-правовые акты, стратегии развития

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Тихонова О. К., Ужегов А. О. Сущность и явление цифровой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 21–31. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-21-31.

Original article

THE ESSENCE AND PHENOMENON OF THE DIGITAL ECONOMY

Olga K. Tikhonova^{1✉}, Artem O. Uzhegov²

¹ Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, tikhonova.ok@uiec.ru, 0000-0002-7157-7451

² Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, uzhegov.ao@uiec.ru, 0000-0002-3244-2036

Abstract. The study analyzed scientific publications on the digital economy. The authors examined the historical aspects of the emergence of the concept of “digital economy” and identified the stages of its development. The concepts of digital economy, digital transformation and digitalization were also differentiated. Based on the analysis of scientific literature and regulatory documents, a definition of the digital economy is presented, by which the authors understand a wide range of types of economic activity permeating the entire economy as a whole, trans-

forming analogue relations between the population, government and business into a digital format. At the same time, the main element of the digital economy is the use of digital technologies and data to develop new products, as well as the use of digital information and knowledge as the most important production resources. The Internet is an important platform for communication, and the effective implementation of information and communication technologies (ICT) plays a key role in economic growth and optimization of the economic structure. In conclusion, the article reveals that in legislative and regulatory acts regulating the digital economy, the definition of the term «digital economy» is based on different approaches. This creates a problem area associated with the fragmentation of the approach to the digital economy. To overcome the problem of fragmentation, a more coherent and comprehensive approach to defining the digital economy needs to be developed. The definition proposed in this article considers the digital economy as a complex system consisting of interconnected components and processes. This approach recognizes that the digital economy is not isolated, but interacts and influences other sectors of the economy and society as a whole.

Keywords: digital economy, digital transformation, digitalization, regulations, development strategies

Funding. The article was prepared in accordance with the research plan for the Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024-2026.

For citation: Tikhonova OK, Uzhegov AO. The Essence and Phenomenon of the Digital Economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):21-31. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-21-31.

Сущность цифровой экономики

Цифровая экономика играет ключевую роль в современном мире, поскольку открывает новые возможности для инноваций, создания новых бизнес-моделей и улучшения качества жизни населения. Развитие цифровой экономики в Российской Федерации имеет стратегическое значение для устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности [1].

Первое использование термина «цифровизация» в более широком контексте, отражающем изменения в общепринятой парадигме, обусловленные растущим применением цифровых технологий, связывают с именем Р. Вакхалови. Он впервые использовал это определение цифрового общества в статье, опубликованной в 1971 году [2].

Понятие «цифровая экономика» было впервые сформулировано канадским ученым Д. Тапскоттом в его известной работе «Цифровая экономика: перспективы и опасности в эпоху сетевого интеллекта» [21], опубликованной в 1995 году. Он предложил это понятие как развитие концепции «электронной экономики», впервые представленной американским информатиком греческого происхождения Н. Негропonte в книге «Быть цифровым» в 1995 году [20]. Негропonte сформулировал «идеологию» цифровой экономики, описывая процесс преобразования информации из материальной формы в цифровую как «переход от движения атомов к движениям битов». Важно отметить, что авторы рассматривали цифровую экономику как сектор реальной экономики (digital economy), где основным ресурсом является информация в интернет-пространстве, а не как новое научное направление (digital economics), требующее сво-

его собственного теоретико-методологического обоснования [17].

При множестве подходов к определению цифровой экономики, в настоящее время существует некоторая неопределенность и размытость в терминологии, используемой в области цифровизации. В научной литературе часто используют такие понятия, как «цифровизация», «цифровая экономика» и «цифровая трансформация», при этом не всегда четко разграничивая их друг от друга. Это переплетение и пересечение понятий создает некоторую путаницу и затрудняет точное определение каждого из них. Для более ясного понимания и использования терминологии в области цифровизации необходимо провести дальнейшие исследования и представить четкие определения для каждого из этих понятий.

Компания Gartner в своем словаре Gartner Glossary выделяет три взаимосвязанных понятия с позиции изменения бизнес-моделей, относящихся к цифровизации¹

– digitization — оцифровка — «это процесс перехода от аналоговой формы к цифровой, также известный как цифровое внедрение. Другими словами, оцифровка берет аналоговый процесс и переводит его в цифровую форму без каких-либо существенных изменений в самом процессе»;

– digitalization — цифровизация — «использование цифровых технологий для изменения бизнес-модели и предоставления новых возможностей для получения доходов и создания ценности; это процесс перехода к цифровому бизнесу»;

¹ Глоссарий Gartner. URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/digitalization> (дата обращения 29.06.2024).

– digital transformation — цифровая трансформация — «может относиться ко всему, от IT модернизации до цифровой оптимизации и изобретения новых цифровых бизнес-моделей».

В своем исследовании М. А. Гобл устанавливает различие между терминами «digitization» и «digitalization». Digitization, или оцифровка, представляет собой процесс преобразования информации из аналогового формата в цифровой (двоичный). Этот этап важен во многих сферах, так как он упрощает операции и уменьшает вероятность ошибок. Автор отмечает, что оцифровка не включает изменения в бизнес-процессах компаний или внедрение новых моделей бизнеса — эти аспекты относятся к digitalization. Таким образом, digitization и digitalization являются разными понятиями: оцифровка связана с форматом записи, тогда как цифровизация охватывает системы взаимодействия и использование оцифрованных данных [19].

Т. Ф. Кузнецова рассматривает цифровизацию как преобразование отдельных организаций или целых секторов экономики в новые модели процессов, основанные на информационных технологиях [12].

По мнению Т. А. Герасимовой и Н. В. Москвиной, цифровизация — это процесс интеграции и применения современных технологий и принципов цифровой экономики в социальной и экономической жизни, который включает в себя полную автоматизацию, роботизацию и использование искусственного интеллекта [5].

Е. В. Катрин определяет цифровизацию как процесс, охватывающий разработку, внедрение и применение цифровых систем и технологий, а также изменение способов взаимодействия между государством, обществом и индивидуумом [10].

Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» дает уточнение, что цифровизация — процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов¹.

¹ Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федера-

Кроме анализа различных подходов к пониманию термина «цифровизация», важно выделить ключевые характеристики и критерии этого процесса. В. Г. Гадецкий, А. А. Корякина, В. В. Загребин и Е. А. Серова указывают на следующие основные особенности и критерии цифровизации:

- соответствие цифровизации информационного пространства определённым требованиям бизнеса, науки, социальной сферы и повседневной жизни граждан;
- создание условий для наиболее эффективного применения результатов цифровизации;
- доступность результатов цифровизации для пользователей, включая обычных людей без специализированных знаний в области цифровых технологий [4; 8].

Вопросы, посвященные цифровизации имеют широкий охват, представлены в разных сферах деятельности и исследуются в работах многих авторов:

Исследование В. В. Сорочан и Н. П. Гаврилюка относится к области «цифровой социологии». Авторы изучают происхождение данного термина и отмечают, что цифровая социология охватывает гораздо больший круг вопросов, чем просто изучение цифровых технологий. Они поднимают вопросы о практике социологии и социальных исследований, а также исследуют, как социологи используют социальные и другие цифровые медиа в своей работе. Авторы подчеркивают, что способность цифровых технологий собирать, хранить и анализировать данные представляется более эффективной, чем другие формы знаний, что открывает новые возможности для более глубокого изучения человеческого поведения [14].

В. Г. Халин и Г. В. Чернова исследуют риски, связанные с процессом цифровизации, отмечая, что они могут привести к негативным последствиям в случае возможной киберугрозы. Эта угроза обусловлена недостаточным соблюдением требований безопасности цифровой информации. Примерами киберрисков, порожденных самой цифровизацией, могут быть атаки на компьютеры, серверы, сети и другие цифровые системы, вирусы, шпионские программы и другие киберугрозы, которые становятся результатом цифровой трансформации. Кроме того, такие риски могут включать хакерские атаки и другие угрозы [16].

Е. О. Кравец проведен анализ исторических аспектов развития цифровизации. Автором проанализированы подходы к определению роли «цифровой экономики». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/ (дата обращения 29.06.2024).

и места цифровизации в мировом промышленном производстве [11].

В своем исследовании О. А. Французова изучает изменения, происходящие в современной системе образования под воздействием цифровизации. Она анализирует проблему уменьшения интереса молодежи к высшему образованию из-за распространения короткосрочных дополнительных и средних профессиональных образовательных программ, которые позволяют быстро приобрести востребованные навыки в цифровой сфере. Автор рассматривает значимость «долгих» навыков и широких компетенций, необходимых для занятия высоких должностей и повышения карьерного роста в творческих сферах, которые остаются востребованными [15].

В работе Т. В. Дмитриевой исследуются основные характеристики процесса цифровизации, рассматриваемые с точки зрения онтологии, гносеологии, этики, ценностей и социальных аспектов. К этим характеристикам относятся рост скорости получения новой информации и объема её потребления, готовность молодежи осваивать цифровые навыки, внедрение цифровых технологий в повседневность и создание единой цифровой идентичности, а также использование ценностей в цифровом контексте [7].

А. В. Дарда исследует применение права в условиях цифровой трансформации. Он отмечает, что в настоящее время особую важность приобретает обеспечение доступности граждан к правосудию и повышение прозрачности его деятельности. В последнее время судебные органы все чаще используют новые информационные технологии для внедрения электронного правосудия. В работе рассматривается концепция электронного правосудия, анализируются основные возможности, доступные участникам судебного процесса при использовании основных элементов электронного правосудия. Также рассматриваются преимущества и недостатки внедрения искусственного интеллекта и роботов в процесс правоприменения [6].

Несмотря на разнообразие подходов к исследованию цифровизации, большинство ученых в своих работах акцентируют свое внимание на цифровой экономике. Это отражает не только рост интереса к данной теме, но и ее значимость для дальнейшего развития общества. В этом контексте исследования цифровой экономики играют важную роль в формировании новых знаний и понимания современных вызовов и возможностей, связанных с цифровыми технологиями.

В статье Р. Бухта и Р. Хикса «Определение, концепция и измерение цифровой экономики» представлено множество различных определений понятия «цифровая экономика». Важно отметить, что лишь некоторые исследования предлагают четкие определения, тогда как другие рассматривают цифровую экономику как сложное явление или способ функционирования, а не как отдельную концепцию. Несмотря на наличие конкретных интерпретаций в некоторых работах, современные подходы в основном сводят определение цифровой экономики к «экономике, основанной на цифровых технологиях» [3].

М. В. Ищенко предлагает распределить определения «цифровой экономики» на три основные группы. В первую группу следует включить трактовку «цифровой экономики» как предмета научного изучения и учебной дисциплины в высших учебных заведениях. Во вторую группу объединить определения, рассматривающие цифровую экономику в узком смысле, акцентируя внимание на применении конкретных информационных технологий, таких как аналитика больших данных, интернет вещей, автоматизация и роботизация процессов, облачные технологии и т.д. Третья группа охватывает более широкое понимание «цифровой экономики», рассматривающей её как общественно-экономическую систему с характерными для неё производительными силами и отношениями [9].

С. Dahlman, S. Mealy, M. Wermelinger под цифровой экономикой понимают сочетание технологий общего применения и ряда видов экономической и общественной деятельности, осуществляемых пользователями Интернета при помощи соответствующих технологий. Таким образом, цифровая экономика охватывает физическую инфраструктуру, использующую цифровые технологии (например, широкополосные сети и маршрутизаторы), устройства для доступа (такие как компьютеры и смартфоны), информационные системы (например, Google, Яндекс) и функции, которые они предоставляют (включая искусственный интеллект, «Интернет вещей», анализ больших данных и облачные вычисления) [18].

На основе контент-анализа научной литературы, авторами выделены различные подходы к определению цифровой экономики (табл. 1).

Представленные подходы к определению цифровой экономики позволили идентифицировать общие черты и различия в определениях, а также разработать более всеобъемлющее определение, которое учитывает различные аспекты цифровой экономики.

Подходы к определению «Цифровой экономики»
Approaches to defining the «Digital Economy»

Подход	Характеристика
Отраслевой подход	Цифровая экономика предстает как отдельный сектор, состоящий из отраслей, которые в значительной степени полагаются на цифровые технологии, такие как ИТ, телекоммуникации и электронная коммерция
Трансформационный подход	Цифровая экономика пронизывает всю экономику, трансформируя существующие отрасли с помощью цифровых технологий
Технологический подход	Цифровая экономика определяется как экономическая деятельность, которая использует конкретные цифровые технологии, такие как Интернет, облачные вычисления и искусственный интеллект
Основанный на данных подход	Цифровая экономика рассматривается как экономическая деятельность, которая генерирует, обрабатывает и использует большие объемы данных
Гибридный подход	Объединяет элементы различных подходов, признавая, что цифровая экономика представляет собой как отдельный сектор, так и трансформирующий фактор во всех отраслях

Источник: составлено авторами.

Таким образом, основываясь на проведенном анализе научной литературы и нормативно-правовых документах посвященных цифровой экономике, авторы данного исследования под **цифровой экономикой** понимают широкий диапазон видов экономической активности пронизывающий всю экономику в целом, трансформирующие аналоговые отношения между населением, государством и бизнесом в цифровой формат. При этом, ключевым фактором цифровой экономики является использование цифровых технологий и данных для создания новых товаров, использование оцифрованной информации и знаний в качестве ключевого фактора производства, Интернета в качестве важной области коммуникации, а также эффективное использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в качестве важного фактора экономического роста и оптимизации экономической структуры.

Цифровая экономика как явление

Основополагающим нормативным документом, устанавливающим цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленных на формирование национальной цифровой экономики, является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 (далее — Стратегия). Именно в Стратегии впервые закрепляется понятие «цифровая экономика» на государственном уровне и определяется как хозяйственная деятель-

ность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг¹.

Стратегия была утверждена в следствии обозначения актуальности цифровой экономики для устойчивого развития Российской Федерации президентом РФ в послании Федеральному собранию в декабре 2016 г. В табл. 2 представлены этапы формирования нормативного обеспечения национальной программы «Цифровая экономика».

В рамках реализации Стратегии, а также в рамках реализации Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому разви-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения 29.06.2024).

**Этапы формирования нормативного обеспечения национальной программы
«Цифровая экономика»
Stages of formation of regulatory support for the national program «Digital Economy»**

Период	Мероприятие	Направления развития цифровой экономики
1 декабря 2016 г.	Послание Федеральному Собранию Президента РФ	Обозначена актуальность разработки программы развития экономики нового технологического уклада цифровой экономики
Июнь 2017 г.	Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ-17)	Обозначены приоритеты развития цифровой экономики в РФ.
Июль 2017 г.	Программа «Цифровая Экономика Российской Федерации»	Утверждена распоряжением правительства РФ от 28.07.2017г № 1632-р
Декабрь 2017 г.	Утверждены планы мероприятий по направлениям национальной программы «Цифровая экономика РФ»	Протокол заседания правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 18.12.2017 г. № 2
1 марта 2018 г.	Послание Президента РФ Федеральному Собранию	Обозначена стратегия цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления
7 мая 2018 г.	Указ Президента РФ № 204 «О Национальных целях и стратегических задачах развития России»	Развитие цифровой экономики в РФ обозначено через реализацию Национальной Программы
24 декабря 2018 г.	Утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика»	Обозначены приоритетные отрасли цифровой трансформации, определены технологии развития цифровизации.

Источник: составлено авторами.

тию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7¹, в которой уточнено понятие цифровой экономики, указаны составляющие цифровой среды, определены 5 базовых направлений развития цифровой экономики: нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и научно-технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность. В рамках программы цифровая экономика рассматривается как система отношений, основанная на использовании цифровых технологий для управления и взаимодействия между субъектами рынка, государством и гражданами. Программа заложила основу для создания нормативной базы, регулирующей использование информационно-коммуникационных технологий в различных секторах экономики и социальной жизни.

Реализация целей и задач, определенных в паспорте национальной программы «Цифровая экономика» осуществляется благодаря утвержденным федеральным проектам, которые разрабо-

таны с целью стимулирования развития цифровых технологий в экономике России, увеличения конкурентоспособности страны в мировом цифровом пространстве, повышения эффективности государственного управления и предоставления гражданам и бизнесу новых цифровых сервисов. Ключевые направления таких проектов включают в себя развитие цифровой инфраструктуры, кибербезопасности, цифрового образования, цифровизацию государственных услуг, поддержку цифровых инноваций и стартапов, а также создание условий для развития цифровой экономики в целом. В табл. 3 представлены Федеральные проекты, которые входят в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Для реализации целей национальной программы «Цифровая экономика» определен бюджет в размере 1052 млрд рублей. На рис. 1 представлена долевая структура распределения бюджетных средств на каждое направление развития цифровой экономики на период 2020–2024 г.

В рамках реализации целей национальной программы «Цифровая экономика» наибольшую долю бюджетных средств проекта правительство РФ направило на «информационную структуру» — 47,24 % от всего бюджета, разработанного на 2020–2024 гг. Наименьшее значение бюджет-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения 29.06.2024).

**Федеральные проекты национальной программы «Цифровая Экономика»
Federal projects of the national program «Digital Economy»**

№	Федеральный проект	Описание Федерального проекта
1	«Нормативное регулирование цифровой среды»	Предусматривает поэтапную разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, и созданию благоприятного правового поля для реализации в российской юрисдикции проектов цифровизации.
2	«Кадры для цифровой экономики»	Предусматривает работу Минцифры России совместно с Минобрнауки России по подготовке ИТ-специалистов в вузах.
3	«Информационная инфраструктура»	Основной задачей является создание конкурентоспособной, устойчивой и безопасной инфраструктуры высокоскоростной передачи данных, доступной для всех граждан, бизнеса и органов власти.
4	«Информационная безопасность»	Основной задачей является создание конкурентоспособной, устойчивой и безопасной инфраструктуры высокоскоростной передачи данных, доступной для всех граждан, бизнеса и органов власти.
5	«Цифровые технологии»	Основной задачей является создание конкурентоспособной, устойчивой и безопасной инфраструктуры высокоскоростной передачи данных, доступной для всех граждан, бизнеса и органов власти.
6	«Цифровое государственное управление»	Федеральный проект включает мероприятия цифровой трансформации системы государственного управления, которые обеспечивают новый уровень предоставления услуг, необходимых для повышения качества жизни граждан и развития бизнеса.
7	«Искусственный интеллект»	Задача — создать условия для того, чтобы предприятия и граждане использовали продукты и услуги, основанные на преимущественно отечественных технологиях искусственного интеллекта, обеспечивающих качественно новый уровень эффективности деятельности.
8	«Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли»	Федеральный проект способствует формированию у молодого поколения цифровых компетенций, начиная со старших классов, а в перспективе минимизирует разрыв между требованиями работодателей и уровнем кандидатов в области ИТ.
9	«Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи»	Обеспечит россиянам возможность воспользоваться современными телекоммуникационными сервисами, в том числе в удаленных и труднодоступных местностях, где строительство волоконно-оптических линий связи высокочрезмерно или невозможно.

Источник: составлено по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Описание национального проекта «Цифровая экономика». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/#:~:text=Система%20управления%20утверждена%20постановлением%20Правительства,«Цифровая%20экономика%20Российской%20Федерации»> (дата обращения 29.06.2024).

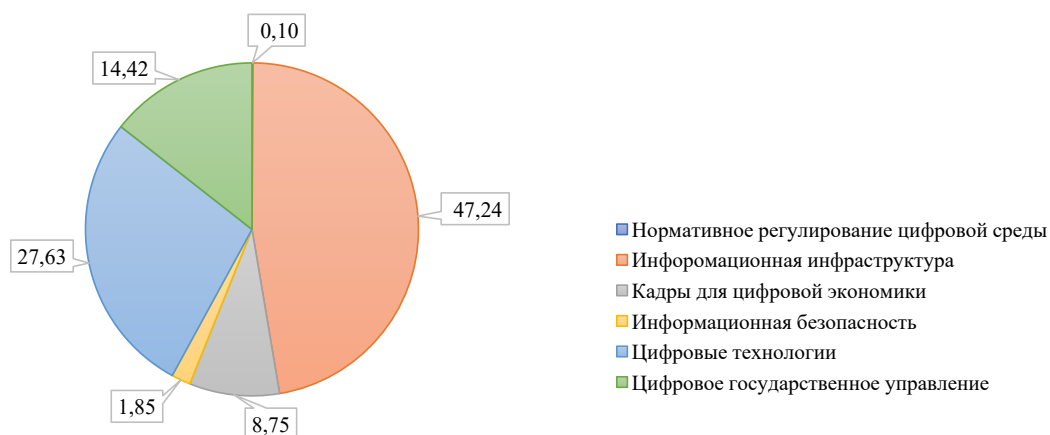

Рис. 1. Распределение бюджета национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»

Fig. 1. Distribution of the budget of the national program «Digital Economy of the Russian Federation»

Источник: составлено авторами.

ных средств (менее 1 %) распределено на направление «нормативное регулирование цифровой среды». Более 74 % бюджета приходится на два направления: «информационная инфраструктура» и «цифровые технологии». В этих областях активно реализуются проекты по внедрению цифровых решений, направленных на оптимизацию государственных услуг, повышение эффективности работы государственных учреждений и улучшение взаимодействия с гражданами. Также осуществляется развитие широкополосного интернета, внедрение современных технологий связи (таких как 5G) и создание цифровых платформ и сервисов.

Для понимания цифровой экономики важен сам процесс перехода и внедрения цифровых технологий в отрасли экономики, т. е. осуществление цифровой трансформации [13].

Термин «цифровая трансформация» закреплен в постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 (ПП 1646) «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами». В данном постановлении цифровая трансформация определена, как глубокие и всесторонние изменения в производственных и социальных процессах, связанные с заменой аналоговых технических систем цифровыми и широкомасштабным применением цифровых технологий¹.

На сегодняшний день в современной научной и нормативной литературе термины «цифровая экономика» и «цифровая трансформация» рассматриваются в контексте общего процесса цифровизации экономики. Следует отметить, что «цифровая экономика» обычно подразумевает экономику, основанную на цифровых технологиях и данных, тогда как «цифровая трансформация» охватывает процесс внедрения цифровых технологий для изменения бизнес-процессов и моделей. В свою очередь, «цифровизация» представляет собой более широкий процесс интеграции цифровых технологий в различные аспекты жизни.

Таким образом, отметим, что в законодательных и нормативно-правовых актах, регулирую-

щих цифровую экономику, определение термина «цифровая экономика» базируется на различных подходах. Некоторые нормативные документы определяют цифровую экономику как сектор, включающий информационные технологии и телекоммуникационные услуги, в то время как другие рассматривают её как деятельность, основанную на использовании Интернета и цифровых технологий. Это создаёт проблемное поле, связанное с фрагментацией подхода к цифровой экономике. Для преодоления проблемы фрагментации необходимо разработать более согласованный и всесторонний подход к определению цифровой экономики. Предложенное в данной статье определение рассматривает цифровую экономику как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных компонентов и процессов. Такой подход признаёт, что цифровая экономика не является изолированной, а взаимодействует и влияет на другие секторы экономики и общество в целом.

Заключение

Развитие цифровой экономики является одним из ключевых трендов в мире, который оказывает существенное влияние на различные сферы жизни. Во-первых, цифровая экономика предлагает огромный потенциал для роста и инноваций. Она способствует созданию новых рабочих мест, повышению производительности и улучшению качества жизни людей. Во-вторых, развитие цифровой экономики позволяет странам быть конкурентоспособными на международном рынке. Она стимулирует экономический рост, привлекает инвестиции и способствует развитию других отраслей. В-третьих, цифровая экономика способствует улучшению общественных услуг и доступности информации. Она может повысить эффективность государственного управления, образования, здравоохранения и других сфер. Наконец, развитие цифровой экономики имеет потенциал для решения глобальных проблем, таких как изменение климата, бедность и неравенство.

Предложенное в данной статье определение позволяет рассмотреть цифровую экономику как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных компонентов и процессов. Авторы под цифровой экономикой понимают широкий диапазон видов экономической активности пронизывающей всю экономику в целом, трансформирующие аналоговые отношения между населением, государством и бизнесом в цифровой формат. При этом, ключевым фактором цифровой экономики является использование цифровых технологий

¹ Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/ (дата обращения 29.06.2024).

и данных для создания новых товаров, использование оцифрованной информации и знаний в качестве ключевого фактора производства, Интернета в качестве важной области коммуникации, а также эффективное использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ)

в качестве важного фактора экономического роста и оптимизации экономической структуры. Такой подход признаёт, что цифровая экономика не является изолированной, а взаимодействует и влияет на другие секторы экономики и общество в целом.

Список источников

1. Артемова О. В., Ужегов А. О. Качество жизни населения в условиях цифровизации: институциональные и инфраструктурные аспекты // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11, № 4. С. 64–77. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.4.6.
2. Баранов Д. Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2018. № 2 (25). С. 15–16.
3. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 2. С. 143–172 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.
4. Гадецкий В. Г., Корякина А. А. Особенности цифровизации на муниципальном уровне // Вестник Гжельского государственного университета. 2020. № 5. С. 23.
5. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 310–315.
6. Дарда А. В. Правоприменение в условиях цифровизации // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 4–8.
7. Дмитриева Т. В. Сущностные признаки цифровизации // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 6. С. 222–227.
8. Загребин В. В., Серова Е. А. Процесс цифровизации в условиях глобальной неопределённости // Возможности и угрозы цифрового общества. Ярославль : Цифровая типография, 2020. С. 79.
9. Ищенко М. В. Цифровая экономика в теоретическом аспекте // Вестник СИБИТа. 2020. № 4 (36). С. 20–26.
10. Катрин Е. В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГУ. 2022. № 5. С. 49–54.
11. Кравец Е. О. Исторические аспекты цифровизации экономики // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2018. № 3. С. 140–146.
12. Кузнецова Т. Ф. Цифровизация как культурная ценность и цифровые технологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 3.
13. Меленькина С. А., Тихонова О. К., Ужегов А. О. Цифровая трансформация социальной сферы промышленного региона на примере Челябинской области // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 11(229). С. 42–57. DOI: 10.46554/1993-0453-2023-11-229-42-57.
14. Сорочан В. В., Гаврилюк Н. П. Цифровая социология: от цифровизации общества к цифровизации науки // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 175. С. 37–46.
15. Французова О. А. Влияние цифровизации на образование // Ценности и смыслы. 2022. № 3 (79). С. 60–75.
16. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и киберриски // Управленческое консультирование. 2023. № 7 (175). С. 28–41.
17. Шлычков В. В. Об отдельных аспектах процесса цифровизации и определении понятия «цифровая экономика» // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 95–99.
18. Dahlman C., Mealy S. and Wermelinger M. Harnessing the digital economy for developing countries // OECD Development Centre Working Papers. 2016. No. 334. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/4adffb24-en.
19. Gobble M. A. M. Digital strategy and digital transformation // Research-Technology Management. 2018. 61. No. 5. P. 66–71.
20. Negroponte N. Being Digital. New York: Vintage. 1996. 272 p.
21. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence, McGraw-Hill., 1995. 342 p.

References

1. Artemova OV, Uzhegov AO. Quality of life of the population in the conditions of digitalization: institutional and infrastructural aspects. *Regional'naya ekonomika. YUg Rossii = Regional Economics. South of Russia*. 2023;11(4):64-77. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.4.6. (In Russ.).
2. Baranov DN. Essence and content of the category «digital economy». *Moskovskogo universiteta imeni S. YU. Vitte. Seriya I. Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series I. Economics and management*. 2018;2(25):15-16. (In Russ.).
3. Bukht R., Hicks R. Definition, concept and measurement of the digital economy. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij = Bulletin of international organizations*. 2018;13(2):143-172 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07. (In Russ.).
4. Gadetsky VG, Koryakina AA. Features of digitalization at the municipal level. *Vestnik Gzhel'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Gzhel State University*. 2020;(5):23. (In Russ.).
5. Gerasimova TA, Moskvitina NV. Content of the concepts of «digital economy» and «digitalization in the field of public administration». *Social'naya real'nost' virtual'nogo prostranstva: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = Social reality of virtual space: materials of the I International. scientific-practical conf.* Irkutsk: IGU. 2019;310-315. (In Russ.).
6. Darda AV. Law enforcement in the conditions of digitalization. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*. 2021;(12):4-8. (In Russ.).
7. Dmitrieva TV. Essential signs of digitalization. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2021;(6):222–227. (In Russ.).
8. Zagrebin VV, Serova EA. The process of digitalization in conditions of global uncertainty. *Vozmozhnosti i ugrozy cifrovogo obshchestva = Opportunities and threats of digital society*. Yaroslavl: Digital Printing House; 2020. P. 79. (In Russ.).
9. Ishchenko MV. Digital economy in a theoretical aspect. *Vestnik SIBITa = Bulletin of SIBIT*. 2020;4(36):20-26. (In Russ.).
10. Katrin EV. «Digitalization»: scientific approaches to defining the term. *Vestnik ZabGU = Bulletin of ZabSU*. 2022;(5):49–54. (In Russ.).
11. Kravets EO. Historical aspects of digitalization of the economy. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya V. Ekonomika i pravo = Bulletin of the Donetsk National University. Series B. Economics and law*. 2018;(3):140-146. (In Russ.).
12. Kuznetsova TF. Digitalization as a cultural value and digital technologies. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = Horizons of humanitarian knowledge*. 2019;(5):3. (In Russ.).
13. Melenkina SA, Tikhonova OK, Uzhegov AO. Digital transformation of the social sphere of the industrial region on the example of the Chelyabinsk region. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara State Economic University*. 2023;11(229):42-57. DOI: 10.46554/1993-0453-2023-11-229-42-57. (In Russ.).
14. Sorochan VV, Gavriilyuk NP. Digital sociology: from the digitalization of society to the digitalization of science. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura = Ethnosocium and interethnic culture*. 2023;(175):37-46. (In Russ.).
15. Frantsuzova OA. The influence of digitalization on education. *Cennosti i smysly = Values and meanings*. 2022;3(79):60-75. (In Russ.).
16. Khalin VG, Chernova GV. Digitalization and cyber risks. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*. 2023;7(175):28-41. (In Russ.).
17. Shlychkov VV. On certain aspects of the digitalization process and the definition of the concept of «digital economy». *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2018;(4):95-99. (In Russ.).
18. Dahlman C., Mealy S. and Wermelinger M. Harnessing the digital economy for developing countries. OECD Development Center Working Papers. 2016;(334). OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/4adffb24-en.
19. Gobble M. A. M. Digital strategy and digital transformation. *Research-Technology Management*. 2018;61(5):66-71.
20. Negroponte N. *Being Digital*. New York: Vintage, 1996. 272 p.
21. Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*, McGraw-Hill, 1995. 342 p.

Информация об авторах

О. К. Тихонова — младший научный сотрудник.

А. О. Ужegov — младший научный сотрудник.

Information about the authors

O. K. Tikhonova — Junior Researcher.

A. O. Uzhegov — Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 15.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.01

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-32-43

МОДЕЛЬ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

Елизавета Валерьевна Василенко

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, elisabet.vasilenko@gmail.com, 0000-0001-5846-2185

Аннотация. В настоящий момент представления о жизненном цикле региональной инновационной экосистемы опираются в большей степени на смежные исследования, посвященные таким производным экосистемного подхода, как: бизнес-экосистема, цифровая экосистема, промышленная экосистема, предпринимательская экосистема, инновационная экосистема или экосистема стартапов. Однако целостное понимание жизненного цикла региональной инновационной экосистемы крайне важно, поскольку оно служит отправной точкой при разработке конкретных механизмов формирования и развития региональных инновационных экосистем. Методология исследования выстроена на основе синтеза экосистемного подхода и модели Stage-Gate. В результате проведенного исследования была предложена усовершенствованная модель жизненного цикла региональной инновационной экосистемы за счет впервые выделенного автором и описанного дополнительного этапа — «антенатального», а также обозначения особых кризисных точек принятия решения — «гейтов». Автором также были определены и описаны семь неотъемлемых условий, наличие которых необходимо для того, чтобы стало возможным начало антенатального периода в развитии региональной инновационной экосистемы. Исследование может представлять интерес для ученых, представителей бизнеса, а также для органов власти федерального и регионального уровней, занимающихся проблемами формирования и развития региональных инновационных экосистем на практике.

Ключевые слова: экосистема, экосистемный подход, инновационная экосистема, региональная инновационная экосистема, жизненный цикл экосистемы

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Для цитирования: Василенко Е. В. Модель жизненного цикла региональной инновационной экосистемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 32–43. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-32-43.

Original article

LIFE CYCLE MODEL OF A REGIONAL INNOVATION ECOSYSTEM

Elizaveta V. Vasilenko

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, elisabet.vasilenko@gmail.com, 0000-0001-5846-2185

Abstract. Currently, the ideas about the life cycle of a regional innovation ecosystem are based largely on related studies devoted to such derivatives of the ecosystem approach as: business ecosystem, digital ecosystem, industrial ecosystem or innovation ecosystem. However, a holistic understanding of the life cycle of a regional innovation ecosystem is extremely important, since it serves as a starting point in the development of specific mechanisms for the formation and development of regional innovation ecosystems. The research methodology is based on the synthesis of the ecosystem approach and the Stage-Gate model. As a result of the study, an improved model of the life cycle of a regional innovation ecosystem was proposed due to the additional stage, “antenatal”, identified and described by the author for the first time, as well as the designation of special crisis points for decision-making — “gates”. The author also identified and described seven essential conditions. The latest is necessary for the beginning of the

antenatal period in the development of a regional innovation ecosystem. The study may be of interest to scientists, business representatives, as well as to federal and regional authorities dealing with the problems of the formation and development of regional innovation ecosystems in practice.

Keywords: ecosystem, ecosystem approach, innovation ecosystem, regional innovation ecosystem, ecosystem life cycle

Funding. The article has been prepared within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vasilenko EV. Life Cycle Model of a Regional Innovation Ecosystem. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):32-43. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-32-43.

Введение

В настоящее время проводится все больше исследований, в которых региональные инновационные экосистемы рассматриваются как структуры, обладающие эвристическим потенциалом для решения актуальных социально-экономических проблем, трансформации промышленности, генерации различного рода инноваций и обеспечения устойчивого развития регионов. Экосистемы уже присутствуют в государственных программах, связанных с инновационным развитием регионов. Например, в программе «Экономическое развитие и инновационная экономика Челябинской области»¹ одна из основных задач связана с созданием экосистемы для инвестиций. В программе «Развитие экономического потенциала и формирование благоприятного предпринимательского климата в Белгородской области»² цифровая экосистема упоминается как инструмент для реализации мероприятий в рамках федерального проекта «Системные меры по повышению производительности труда».

В рамках данного исследования под региональной инновационной экосистемой мы понимаем динамическую структуру, участники которой в процессе коэволюции совместно создают инновации в регионе и дополнительные ценности для участ-

ников инновационного процесса. Региональная инновационная экосистема является производной от экосистемного подхода, который в свою очередь помимо прочего опирается на эволюционный подход. Отсюда для региональной инновационной экосистемы, как и для прочих экосистем в экономике, характерным является изучение с точки зрения жизненного цикла. Рассмотрение региональных инновационных экосистем сквозь призму жизненного цикла, безусловно, обладает эвристическим потенциалом, поскольку позволяет определить действия, необходимые на каждом этапе ее развития; корректировать действия при переходе от одного этапа к другому; учитывать изменяющиеся со временем роли участников региональной инновационной экосистемы и преследуемые ими ценности; а также нивелировать возможные конфликты между участниками; что в целом соответствует одной из фундаментальных отличительных черт региональной инновационной экосистемы — коэволюционному характеру развития.

Однако если мы обратимся к исследованиям экосистем в экономике, то увидим, что непосредственно изучению жизненного цикла региональных инновационных экосистем пока уделяется незначительно внимания. Это обусловило выбор цели исследования, а именно: сформировать целостное представление о жизненном цикле региональной инновационной экосистемы, визуализированное в виде модели. Для этого необходимо сперва систематизировать подходы предшественников, изучающих жизненные циклы других видов экосистем: бизнес-экосистема, цифровая экосистема, промышленная экосистема, предпринимательская экосистема, инновационной экосистемы и экосистема стартапов. Далее определить моменты, которые остаются упущенными в рассмотренных подходах. Затем, консолидировав полученное знание и перенеся его логику на региональные инновационные экосистемы, предложить

¹ Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика Челябинской области» на 2021–2025 годы (актуальная редакция). URL: https://mineconom.gov74.ru/mineconom/activity/Programmy/Gosprogrammy/programmy-realizuemie-ministerstvom/gosprogramma_Chel_obl/gosprogramma-economicheskoe-razvitiie-i-innovacionnaya-economika-Chelyabinskoi-oblasti/GP-2021–2025.htm?ysclid=ly38tn0gq1472529044 (дата обращения: 01.07.2024).

² Государственная программа Белгородской области «Развитие экономического потенциала и формирование благоприятного предпринимательского климата в Белгородской области». URL: <https://belgorodinvest.com/upload/iblock/974/3iowz9kx1ffzhpfq825cnnm9sfl00ll8.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

авторскую модель жизненного цикла региональной инновационной экосистемы. Наконец, обозначить ключевые моменты, отличающие предложенную модель от существующих ранее подходов.

Теоретические основания

Существуют различные подходы к определению фаз жизненного цикла экосистемы как экономической категории. Представим их ниже, выделяя особенности каждого.

Основоположник экосистемного подхода в экономике Дж. Мур выделил и описал четыре этапа эволюции бизнес-экосистемы, последний из которых является точкой бифуркации: для бизнес-экосистемы возможны два сценария — самообновление или смерть. Если бизнес-экосистеме удастся преодолеть все вызовы кооперации и конкуренции, а также найти новые инновационные идеи, которые могут быть реализованы в рамках функционирования бизнес-экосистемы, то начинается новый раунд: этапы эволюции бизнес-экосистемы повторяются друг за другом вновь, однако теперь бизнес-экосистема будет выстраиваться уже вокруг другой центральной инновации. Мур подчеркивает, что независимо от стадии жизненного цикла бизнес-экосистемы ее оркестратору, то есть инициатору создания, необходимо перманентно

искать ответы на два типа вызовов: вызовы кооперации и вызовы конкуренции. Мур определяет ключевые действия, которые должен осуществлять оркестратор, чтобы справиться с вызовами кооперации и конкуренции на каждом из этапов (табл. 1) [9].

Позже Мур внес ряд дополнений и изменений в свою логику: изменил название нескольких этапов и отдельно выделил ключевую проблему для оркестратора бизнес-экосистемы в рамках каждого этапа, при этом основной смысл подхода остался прежним (табл. 2).

Далее Э. Фабер изучает управленческие проблемы совместной разработки нового продукта. В своей работе он не использует понятие «экосистема» или родственные ему, однако мы примем во внимание его подход к определению этапов развития сотрудничества, поскольку продукт экосистемы также является результатом совместной разработки. Фабер утверждает, что развитие сотрудничества подразумевает под собой повторяющуюся последовательность трех этапов: выполнение (включая обучение), оценка и согласование (включая переговоры и принятие обязательств) [7].

К. Ронг и Й. Ши при разработке жизненного цикла бизнес-экосистемы (табл. 3) взяли за основу подход Мура. Отличие заключается в том,

Таблица 1
Table 1

Этапы жизненного цикла бизнес-экосистемы по Муру
Stages of the business ecosystem lifecycle according to Moore

Этап	Вызовы кооперации	Вызовы конкуренции
Рождение	Совместный с клиентами и поставщиками поиск инновационных ценностных предложений, которые могут быть созданы вокруг центральной инновации бизнес-экосистемы («зародышевой» инновации)	Защита инновационных идей от возможных конкурентов посредством объединения ключевых клиентов, ключевых поставщиков и ключевых каналов
Экспансия	Выпуск инновационного ценностного предложения на рынок, работа над расширением охвата рынка за счет активной работы с поставщиками и партнерами	Устранение возможных альтернативных производителей инновационного ценностного предложения достигается за счет того, что подход, реализуемый бизнес-экосистемой, становится рыночным стандартом
Лидерство	Формирование и поддержка привлекательного видения будущего, мотивирующего участников бизнес-экосистемы и клиентов продолжать совместную работу с целью улучшения ценностного предложения	Поддержка и развитие сильной переговорной позиции по отношению к другим участникам бизнес-экосистемы, включая значимых поставщиков и клиентов
Самообновление (Смерть)	Тесное взаимодействие с новаторами для поиска новых инновационных идей, которые будут реализовываться бизнес-экосистемой в следующем раунде совместной деятельности участников бизнес-экосистемы	Выстраивание и поддержка высоких барьеров для возникновения альтернативных бизнес-экосистем; поддержка высоких затрат на переключение для клиентов. Это предоставляет необходимое время для поиска новых инновационных идей и запуска нового раунда совместной деятельности участников бизнес-экосистемы

Источник: составлено автором по [9].

Стадии развития бизнес-экосистемы по Муру
Stages of development of the business ecosystem according to Moore

Стадия	Ключевая проблема для оркестратора	Вызовы кооперации	Вызовы конкуренции
Новаторство	Ценность	Работа с клиентами и поставщиками для совместного определения нового ценностного предложения и парадигмы его предоставления, которое будет значительно лучше существующего варианта	Защита инновационных идей от возможных конкурентов
Экспансия	Критическая масса	Выпуск инновационного ценностного предложения на рынок, работа над расширением охвата рынка и достижения критической массы за счет активной совместной деятельности участников экосистемы	Устранение возможных альтернативных производителей инновационного ценностного предложения бизнес-экосистемы за счет доведения его до рыночного стандарта и включения в структуру бизнес-экосистемы всех ключевых участников цепочки создания ценности и иных контрагентов
Власть	Обеспечение коэволюции	Формирование и поддержка привлекательного видения будущего, мотивирующего участников бизнес-экосистемы и клиентов продолжать совместную работу с целью улучшения совместно создаваемого ценностного предложения	Поддержка и развитие сильной переговорной позиции по отношению к другим участникам бизнес-экосистемы, включая значимых поставщиков и клиентов
Обновление (Смерть)	Непрерывное улучшение производительности	Тесное взаимодействие с новаторами для поиска новых инновационных идей, которые будут реализовываться бизнес-экосистемой в следующем раунде совместной деятельности участников бизнес-экосистемы	Выстраивание и поддержка высоких барьеров для возникновения альтернативных бизнес-экосистем; поддержка высоких затрат на переключение для клиентов. Это предоставляет необходимое время для поиска новых инновационных идей и запуска нового раунда совместной деятельности участников бизнес-экосистемы

Источник: составлено автором по [10].

Пятиэтапный жизненный цикл бизнес-экосистемы по Ронгу и Ши
The five-stage lifecycle of the Rong and Shi business ecosystem

Этап	Описание
Появление	Предложение нового решения для развивающегося рынка; простая цепочка поставок
Диверсификация	Разработка разнообразных решений как ответ на неопределенности рынка; партнерская сеть с высоким уровнем взаимодействия
Конвергенция	При выборе конкретного решения рынок специализируется и становится конвергентным для данного решения; партнерская сеть становится интегрированной и ориентированной на специализированный рынок
Объединение	Самая стабильная фаза, может длиться относительно долго до тех пор, пока партнерская сеть будет стремиться совместными усилиями приблизиться к доминирующему замыслу; сеть партнеров стабильна и находится в достаточно тесных отношениях для массового производства доминирующего решения
Возрождение	Новый/нишевый рынок; реорганизация партнерской сети или спад в отрасли

Источник: составлено автором по [13, p. 138].

что, по их словам, Мур разрабатывал свою модель жизненного цикла бизнес-экосистемы, принимая во внимания данные относительно стабильной индустрии персональных компьютеров; они же изучают индустрию мобильных вычислений, характеризующуюся большей степенью неопределенности и динамичности [13].

В. Серва Перейра с соавторами выделяют четыре этапа жизненного цикла экосистемы портала государственного программного обеспечения Бразилии (табл. 4).

Т. О. Толстых с соавторами также прибегают к концепции жизненного цикла, исходя из того, что данная концепция позволяет конструировать эффективные стратегии, учитывая специфику каждого этапа развития экосистемы. Они предлагают шесть фаз жизненного цикла промышленной экосистемы (табл. 5) [15].

Модель жизненного цикла инновационной экосистемы, предложенная Р. Рабело и П. Берну-

сом, предполагает наличие взаимосвязей между подэтапами различных этапов (табл. 6). Также при необходимости возможен и возврат к предыдущим этапам. Этап завершения предполагает два сценария: распад экосистемы, либо ее трансформация и запуск нового жизненного цикла уже новой экосистемы [11].

П. Ритала с соавторами, изучая механизмы создания и захвата ценности в инновационных экосистемах, выделяют две основные фазы: построение и управление. Согласно их точке зрения, каждой из этих фаз свойственны свои отличительные механизмы управления экосистемой. Обе фазы относятся к периоду непосредственного существования экосистемы. При этом между фазами построения и управления имеет место переходная фаза, границы которой могут быть размыты. Также подчеркивается, что до того, как произошло построение экосистемы, существуют фазы, которые уже предполагают наличие определенных

Таблица 4

Table 4

Этапы жизненного цикла экосистемы портала государственного программного обеспечения Бразилии, по Серве Перейре с соавторами
Stages of the ecosystem lifecycle of the Brazilian Government software portal, by Serva Pereira and co-authors

Этап	Описание
Инициация	Создание базового контента для платформы, способного привлечь внешних пользователей в существующую социальную сеть
Распространение	Присоединение новых акторов и создание нового программного обеспечения на базе платформы; появление предварительной сети акторов с общими интересами
Усиление	Создание структуры сообщества, способной к самоорганизации и поощряющей создание и обслуживание программного обеспечения на постоянной основе
Прекращение	Прекращение существования из-за насыщения, замены новым сервисом, появления новых ниш, рынков или социально-политических изменений

Источник: составлено автором по [14].

Таблица 5

Table 5

Шесть фаз жизненного цикла промышленной экосистемы, по Толстых с соавторами
Six phases of the life cycle of an industrial ecosystem, by Tolstykh and co-authors

Фаза	Описание
Предвосхищение	Осознание необходимости перемен, возникновение идеи, активная деятельность инициаторов создания экосистемы
Рождение	Описание идеи, ее концептуальная и методологическая проработка, сравнение данной идеи с подобными решениями
Детство	Команда для реализации экосистемного проекта сформирована, связи между ключевыми участниками экосистемы сформированы
Зрелость	Непосредственная реализация экосистемного проекта
Передача опыта и знаний	Распространение опыта и знаний
Новая жизнь	Трансформация в ответ на новые вызовы, преобразование накопленного опыта для реализации новых проектов в рамках экосистемного подхода

Источник: составлено автором по [15].

Таблица 6
Table 6

**Жизненный цикл инновационной экосистемы
по Рабело и Бернусу
The life cycle of the innovation ecosystem
according to Rabelo and Bernus**

Этап	Описание
Анализ	Стратегия, политика реализации
	Стратегический анализ экосистемы
Проект	Конструкция экосистемы
	Обеспечение готовности экосистемы
Разверты- вание	Привлечение акторов и маркетинг
	Привлечение акторов к участию
	Физическая конструкция экосистемы
	Учреждение экосистемы
Выполне- ние	Управление экосистемой
	Работа экосистемы
Завершение	Метаморфозы экосистемы
	Распад экосистемы

Источник: составлено автором по [11].

взаимоотношений между будущими участниками экосистемы. Имеют место и фазы после распада экосистемы, предполагающие продолжение неких взаимоотношений между бывшими участниками экосистемы. Однако данные фазы не были изучены авторами, поскольку выходили за рамки их исследования [12].

А. Н. Панченко и Д. В. Ланская обозначают пять этапов формирования инновационных экосистем:

- целевое накопление и концентрация различного рода ресурсов, соответствующих целям, которые преследует регион в рамках своего развития;
- трансформация экономики региона: формирование экономики знаний в масштабах региона и инновационной региональной экосистемы;
- научный и инновационно-технологический прорыв;
- зрелость региональной инновационной экосистемы и местных научных центров;
- освоение высших технологических укладов [3, с. 179].

Д. В. Лебедева с соавторами, описывая жизненный цикл цифровой экосистемы, подчеркивают, что смена его этапов определяется необходимостью изменения характера управленческих решений. Они выделяют семь этапов: рождение, рост, функциональная совместимость и интеграция, зрелость, адаптация, упадок, возрождение или исчезновение [2].

У. Кантнер с соавторами раскрывают содержание пяти выделенных ими фаз жизненного цикла предпринимательской экосистемы: рождение,

рост, зрелость, упадок, возрождение. Данные фазы отличаются характером участников и особенностью связей между ними [5].

С. Кёстер дает подробную характеристику четырех фаз жизненного цикла экосистемы стартапа, включающего фазы активации, глобализации, аттракции и интеграции. Перечисленные фазы определяются степенью экспансии стартапов. Отсюда следует, что фазы отличаются количеством стартапов в экосистеме, степенью их влияния в географическом пространстве, стоящими перед ними целями и решаемыми ими задачами [8].

Подход Н. С. Серова интересен тем, что бизнес-экосистема рассматривается как вариант развития «традиционной» организации: организация, переходя на экосистемную логику функционирования, проходит последовательно следующие фазы: рождение в виде бизнес-экосистемы, экспансия, лидерство и самообновление [4]. Таким образом, «традиционная» организация может рассматриваться как начальная фаза жизненного цикла бизнес-экосистемы.

Собрав информацию о различных подходах к определению этапов жизненного цикла экосистем в экономике (табл. 7), мы выявили схожие черты у определенных подходов, что позволило нам свести все рассмотренное многообразие точек зрения к двум основным подходам: «аналогия с жизненным циклом живого организма», когда выделяются этапы жизни экосистемы с акцентом на эволюцию экосистемы как живого организма от этапа к этапу; и «последовательность действий», когда также выделяются этапы, но фокус внимания сосредоточен на конкретных действиях, которые должны быть осуществлены в рамках каждого из этапов.

Представленные подходы, безусловно, внесли свой вклад в развитие теории экосистем в экономике благодаря изучению особенностей жизненных циклов различного вида экосистем. Одновременно данные подходы объединяют два обстоятельства, которые пока остаются не раскрытыми.

Во-первых, начальные этапы жизненных циклов в представленных подходах непосредственно связаны с началом функционирования экосистемы. Предполагается, что формированию экосистемы должны предшествовать некие события, однако они включены в начальные этапы и соседствуют с активными действиями по формированию экосистемы (например, в подходе Толстых с соавторами). На наш взгляд, поскольку региональная инновационная экосистема является сложной социально-экономической структурой,

Подходы к определению этапов жизненного цикла экосистемы в экономике
Approaches to determining the stages of the ecosystem life cycle in the economy

Подход	Автор	Этапы
Аналогия с жизненным циклом живого организма	Мур, 1993	Рождение, экспансия, лидерство, самообновление (смерть)
	Мур, 1996	Новаторство, экспансия, власть, обновление (смерть)
	Серва Перейра и др., 2019	Инициация, распространение, усиление, прекращение
	Толстых и др., 2020	Предвосхищение, рождение, детство, зрелость, передача опыта и знаний, новая жизнь
	Ритала и др., 2013	Предшествующие фазы, построение, переходная фаза, управление, завершающие фазы
	Лебедева и др., 2024	Рождение, рост, функциональная совместимость и интеграция, зрелость, адаптация, упадок, возрождение или исчезновение
	Кантнер и др., 2021	Рождение, рост, зрелость, упадок, возрождение
	Серов, 2021	«Традиционная» организация, рождение в виде бизнес-экосистемы, экспансия, лидерство, самообновление
Последовательность действий	Фабер, 2001	Выполнение, оценка, согласование
	Ронг и Ши, 2015	Появление, диверсификация, конвергенция, объединение
	Рабело и Бернус, 2015	Анализ, проект, развертывание, выполнение, завершение
	Панченко и Ланская, 2018	Накопление и концентрация ресурсов; формирование; научный и инновационно-технологический прорыв; зрелость; освоение высших технологических укладов
	Кестер, 2023	Активация, глобализация, аттракция, интеграция

Источник: составлено автором по [2–5; 7–15].

затрагивающей интересы многих участников и нацеленной на создание инновационного продукта, этапу ее активного формирования должен предшествовать специальный подготовительный этап, который мы представим в следующей части исследования.

Во-вторых, представленные подходы не уделяют внимания переходам от одной фазы жизненного цикла к другой. Поскольку данные переходы являются, на наш взгляд, критичными, важно их обозначить и выделить на модели жизненного цикла региональной инновационной экосистемы отдельно, что также будет сделано нами далее.

Результаты исследования и их обсуждение.

При разработке авторской модели жизненного цикла региональной инновационной экосистемы мы будем руководствоваться подходом «Последовательность действий» и подходом «Аналогия с жизненным циклом живого организма», поскольку одинаковой значимостью для разрабатываемой модели является и определение необходимых действий на каждом из этапов (обеспечивается первым подходом), и прослеживание эволюции отношений участников региональной инновационной экосистемы (обеспечивается вторым подходом).

Предлагаемая авторская модель жизненного цикла региональной инновационной экосистемы (рис. 1) основывается на подходах Мура и Риталы с соавторами. Подход Мура был выбран нами, поскольку он как основатель экосистемного подхода определил, на наш взгляд, с одной стороны, минимальные, с другой — предельные в концептуальном плане основные этапы жизненного цикла экосистемы в экономике, тогда как многие представления о жизненном цикле экосистем других авторов по сути своей являются вариациями логики, заложенной Муром. Их ценность заключается в практической адаптации данной логики под различные частные случаи. Мы также основываем свою модель на подходе, предложенном Риталой с соавторами, поскольку в своем исследовании они обозначили наличие неисследованных пока областей: фазы, предшествующей построению региональной инновационной экосистемы, и фазы, которая включает в себя взаимоотношения между участниками региональной инновационной экосистемы, официально уже прекратившей свое существование.

Развивая идею Риталы с соавторами, мы выделяем фазу, предшествующую фазе рождения (началу существования) региональной инновационной экосистемы, и сосредотачиваемся

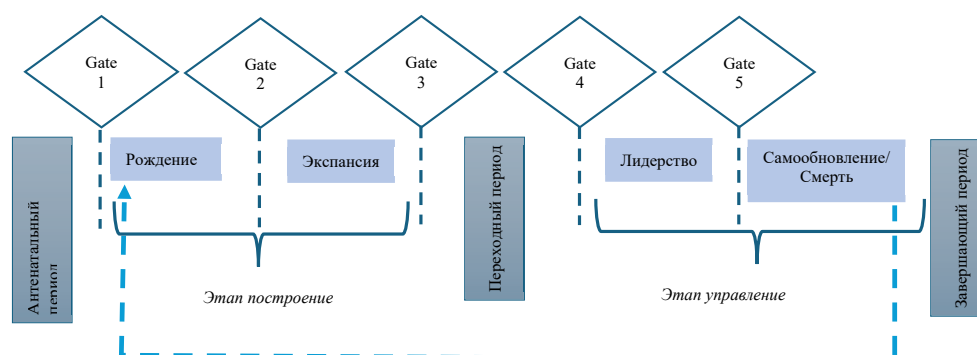

Рис. 1. Модель жизненного цикла региональной инновационной экосистемы

Fig. 1. The life cycle model of the regional innovation ecosystem

Источник: составлено автором

на ней. Прибегая к аналогии, мы заимствуем биологический термин «антенатальный период» для описания этой фазы: «от лат. ante — до, natalis — относящийся к рождению) — 1. относящийся к внутриутробному периоду развития организма; 2. относящийся к периоду до рождения, включая гаметогенез» [1]. Цель антенатального периода — подготовить необходимую базу для зарождения региональной инновационной экосистемы.

На наш взгляд, важным является определение неотъемлемых условий, которые должны быть реализованы в субъекте для того, чтобы могла появиться региональная инновационная экосистема одного из четырех типов в зависимости от оркестратора. Под оркестратором мы понимаем экономический субъект, инициирующий создание региональной инновационной экосистемы и осуществляющий организацию ее функционирования как минимум на начальном этапе ее жизненного цикла.

Таким образом, мы выделяем четыре типа региональных инновационных экосистем в зависимости от оркестратора: региональные инновационные экосистемы, инициируемые государством, бизнесом, университетом (научным институтом) или гражданским обществом (рис. 2).

Мы предлагаем семь неотъемлемых условий, наличие которых необходимо для того, чтобы стало возможным начало антенатального периода в развитии региональной инновационной экосистемы (рис. 3).

Социально-экономический контекст, способствующий формированию экосистемы: комплекс социально-экономических характеристик региона, определяющий его потенциал к появлению одного из четырех типов региональных инновационных экосистем в зависимости от оркестратора.

Рис. 2. Типы региональной инновационной экосистемы в зависимости от оркестратора

Fig. 2. Types of regional innovation ecosystem depending on the orchestrator

Источник: составлено автором.

Наличие в регионе актора, готового взять на себя роль оркестратора: это могут быть местные органы власти, крупные промышленные предприятия, ведущий университет и т. д.

Наличие у данного актора внешних и/или внутренних стимулов для трансформации: примерами таких стимулов может являться необходимость осуществления существенной технологической трансформации для промышленного предприятия, желание государства поддержать и развить определенную отрасль, стремление университета стать полноценным участником на рынке инновационных продуктов и пр.

Наличие у актора осознаваемой цели: данное условие отличает экосистемы в экономике от биологических. Мы исходим из того, что экосистемы в экономике, будучи социальными, являются результатом осознаваемых действий, направленных на достижение конкретной цели.

Наличие потенциальной возможности для актора достигнуть своей цели посредством

Социо-экономический контекст, способствующий формированию региональной инновационной экосистемы определенного типа	Аntenатальный период
Наличие в регионе актора, готового взять на себя роль оркестратора	
Наличие у данного актора внешних и/или внутренних стимулов для трансформации	
Наличие у данного актора осознаваемой цели	
Наличие потенциальной возможности для актора достигнуть его цели посредством создания региональной инновационной экосистемы	
Наличие потенциальной возможности для участников экосистемы реализовать актуальные для них ценности, функционируя в рамках региональной инновационной экосистемы	
Возможность консолидации участников и ресурсов в соответствии со стратегией региональной инновационной экосистемы	

Рис. 3. Семь неотъемлемых условий антенатального периода

Fig. 3. Seven essential conditions of the antenatal period

Источник: составлено автором.

создания региональной инновационной экосистемы: данное условие обосновывает для оркестратора необходимость создания экосистемы.

Наличие потенциальной возможности для участников экосистемы реализовать актуальные для них ценности, функционируя в рамках экосистемы: важной является предпосылка о том, что выгоды от функционирования в экосистемной логике получает не только оркестратор, но и все участники экосистемы.

Возможность консолидации участников и ресурсов в соответствии со стратегией экосистемы: оркестратор и прочие участники экосистемы должны обладать ресурсными, нормативными и прочими возможностями для совместного производства ценностей в логике экосистемы.

Из представленной на рисунке 1 модели видно, что жизненный цикл региональной инновационной экосистемы включает в себя два этапа — «построение» и «управление», — разделенные переходным периодом.

В свою очередь этап «построение» состоит из двух фаз: рождения и экспансии; в то время как этап «управление» — из лидерства и самообновления/смерти.

В фазе «самообновление/смерть» имеет место точка бифуркации: либо участники региональной инновационной экосистемы совместными усилиями перерождают экосистему для создания нового инновационного ценностного предложения

(возвращение к фазе рождения и повторение всех этапов), либо завершают проект, поскольку он достиг своей цели.

Завершающий период — это период, следующий за окончанием жизненного цикла региональной инновационной экосистемы. Его обозначение подчеркивает тот факт, что даже после завершения совместного проекта бывшие участники экосистемы могут сохранять неформальные отношения, продолжать получать некие выгоды и вести совместную деятельность.

В табл. 8 представлены пояснения по каждой составляющей жизненного цикла региональной инновационной экосистемы.

Важной особенностью предложенной модели жизненного цикла региональной инновационной экосистемы является наличие точек осмысления деятельности и принятия решений, называемых «гейтами» («gates»), при переходах от одной составляющей жизненного цикла к другой (рис. 1). Идея таких «гейтов» была заимствована нами из модели Р. Купера Stage-Gate [6], разработанной им для управления нестандартными проектами в современных реалиях, и адаптирована к экосистемной логике. Цель таких точек — удостовериться, что к моменту завершения очередной составляющей продолжают выполняться неотъемлемые условия функционирования экосистемы, а именно: наличие общей цели, возможность консолидации ресурсов участников экосистемы для

Составляющие жизненного цикла региональной инновационной экосистемы
Components of the life cycle of a regional innovation ecosystem

Составляющие жизненного цикла	Пояснение
Аntenатальный период	Осознание актором того, что он готов взять на себя роль оркестратора; выбор базовой стратегии поведения; консолидация участников и ресурсов в соответствии с выбранной стратегией
Этап «Построение»: фаза «Рождение»	Воплощение региональной инновационной экосистемы на практике, выпуск инновационного ценностного предложения экосистемы
Этап «Построение»: фаза «Экспансия»	Достижение устойчивого функционирования региональной инновационной экосистемы, включение в ее состав большего числа участников, корректировка ценностного предложения экосистемы в связи с ее масштабированием
Переходный период	Транзитное состояние между этапами построения и управления, границы которого могут быть размыты
Этап «Управление»: фаза «Лидерство»	Поддержка привлекательности продолжения участия в экосистеме, обеспечение коэволюции и адаптации ценностного предложения экосистемы под изменяющиеся условия
Этап «Управление»: фаза «Самообновление/ Смерть»	Перерождение экосистемы или окончательное завершение проекта
Завершающий период	Сохранение неформальных отношений между бывшими участниками экосистемы, возможно продолжение совместной деятельности

Источник: составлено автором.

достижения этой цели, получение всеми участниками выгод от функционирования в экосистемной логике. Начало следующей составляющей жизненного цикла возможно только при условии их полного удовлетворения. В противном случае необходимо обеспечить соответствие им. Также эти точки необходимы для соотношения текущего состояния развития экосистемы со стратегией и для возможности корректировки действий, состава участников, распределения ресурсов, изменения ролей и т. д. для наилучшего способа достижения общей цели.

Заключение

Таким образом, в рамках проведенного исследования были систематизированы подходы предшественников, изучающих жизненные циклы других видов экосистем. Это позволило установить, что существующие подходы можно свести к двум основным: «аналогия с жизненным циклом живого организма» и «последовательность действий». При этом было выявлено, что существующие подходы оставляют за рамками внимания этап, предшествующий активному формированию региональной инновационной экосистемы, и не рассматривают переходы от одной фазы жизненного цикла к другой. С учетом этого автором была предложена усовершенствованная модель жизненного цикла региональной инновационной экосистемы

на основе синтеза экосистемного подхода и модели Stage-Gate. Работа содержит визуальное представление предложенной модели и описание каждой ее составляющей. Особый акцент сделан на раскрытии специфики выделенного автором антенатального периода и содержания семи неотъемлемых условий этого периода; а также расшифровке обозначенных автором точек принятия решения — «гейтов».

Предлагаемая модель позволяет учитывать тот факт, что региональная инновационная экосистема является сложной социально-экономической структурой, затрагивающей интересы многих участников и нацеленной на создание инновационного продукта; следовательно, для ее возникновения необходима совокупность определенных условий. Учет данного факта осуществляется за счет выделенного автором специального подготовительного этапа, предшествующего началу активного формирования региональной инновационной экосистемы. Кроме того, обозначение особых кризисных точек принятия решения — «гейтов» — позволяет учитывать динамический характер структуры региональной инновационной экосистемы и коэволюционный характер взаимоотношений ее участников. Обозначение данных точек на модели жизненного цикла региональной инновационной экосистемы фиксирует внимание ее пользователей на том, что от перехода к одной

составляющей жизненного цикла к другой экосистема и ее производные (участники, их роли, связи, цели, ценности участников и т. д.) могут кардинально меняться; следовательно, все это необходимо учитывать на протяжении всего жизненного цикла региональной инновационной экосистемы.

Проведенное исследование дополняет экосистемный подход в экономике за счет попытки формирования целостного понимания жизненного цикла региональной инновационной экосистемы. Предложенная модель может быть использована как отправная точка при разработке механизмов

формирования и развития региональных инновационных экосистем. В частности, одно из обозначенных условий антенатального периода — «Социо-экономический контекст, способствующий формированию региональной инновационной экосистемы определенного типа» — может лечь в основу разработки системы социально-экономических показателей и соответствующего математического инструментария для разработки индексов, определяющих потенциал конкретного региона к возникновению региональной инновационной экосистемы определенного типа.

Список источников

1. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии. М. : Джангар, 2012. 864 с.
2. Лебедева Д. В., Бондарчук Н. В., Зироян М. А. Особенности управления цифровыми экосистемами на этапах их жизненного цикла // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. № 32(2). С. 324–336. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-324-336>.
3. Панченко А. Н., Ланская Д. В. Модель инновационной экосистемы в региональной экономике знаний // Вестник Академии знаний. 2018. № 24(1). С. 176–183.
4. Серов Н. С. Бизнес-экосистема как этап жизненного цикла организации и как элемент интеллектуального менеджмента // Экономика науки. 2021. № 7(2). С. 135–143. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-7-2-135-143>.
5. Cantner U., Cunningham J. A., Lehmann E. E., Menter M. Entrepreneurial ecosystems: a dynamic lifecycle model // Small Business Economics. 2021. Vol. 57. P. 407–423. <https://doi.org/10.1007/s11187-020-00316-0>
6. Cooper R. How to Transform Your New-Product Development with AI: From Vision to Deployment // Institute for the Study of Business Markets. 2024.
7. Faber E. C. C. Managing Collaborative New Product Development // Enschede: Twente University Press. 2001. 263 p.
8. Kuester S. Ecosystem Lifecycle Analysis. The Global Startup Ecosystem Report 2023.
9. Moore J. Predators and Prey: a New Ecology of Competition // Harvard Business Review. 1993. Vol. 7, no. 3. P. 75–86.
10. Moore J. The Death of Competition. Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. N. Y.: HarperBusiness. 1996. 297 p.
11. Rabelo R. J., Bernus P. A Holistic Model of Building Innovation Ecosystems // Preprints of the 15th IFAC Symposium on Information Control Problems in Manufacturing. Ottawa: International Federation of Automatic Control. 2015. P. 2318–2325.
12. Ritala P., Agouridas V., Assimakopoulos D., Gies O. Value creation and capture mechanisms in innovation ecosystems: a comparative case study // International Journal of Technology Management. 2013. Vol. 63. no. 3/4. P. 244–267. DOI: 10.1504/IJTM.2013.056900.
13. Rong K., Shi Y. The Business Ecosystem Life Cycle and Its Phase-Ending Status // Business Ecosystems. Constructs, Configurations, and the Nurturing Process. L.: Palgrave Macmillan. 2015. P. 137–143. DOI: 10.1057/9781137405920_8.
14. Serva Pereira V., Mendes de Araujo R., Pereira dos Santos R. A Study on the Brazilian Public Software Portal Ecosystem Life Cycle and Collaboration // Conference Paper of the XV Brazilian Symposium. 2019. <https://doi.org/10.1145/3330204.3330261>.
15. Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N. Approach to the Formation of an Innovation Portfolio in Industrial Ecosystems Based on the Life Cycle Concept // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2020. Vol. 6. no. 151. P. 1–21. doi:10.3390/joitmc6040151.

References

1. Zhmurov VA. Great encyclopedia of psychiatry. Moscow; 2012. 864 p. (In Russ.).
2. Lebedeva DV., Bondarchuk NV., Ziroyan MA. Features of managing digital ecosystems at the stages of their life cycle. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2024;32(2):324-336. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-324-336> (In Russ.).
3. Panchenko AN, Lanskaya DV. Model of an innovation ecosystem in the regional knowledge economy. *Vestnik Akademii znanij = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2018;24(1):176-183 (In Russ.).
4. Serov NS. Business ecosystem as a stage in the life cycle of an organization and as an element of intellectual management. *Ekonomika nauki = Economics of Science*. 2021;7(2):135-143. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-7-2-135-143> (In Russ.).
5. Cantner U, Cunningham JA, Lehmann EE, Menter M. Entrepreneurial ecosystems: a dynamic lifecycle model. *Small Business Economics*. 2021;57:407-423. <https://doi.org/10.1007/s11187-020-00316-0>
6. Cooper R. How to Transform Your New-Product Development with AI: From Vision to Deployment. Institute for the Study of Business Markets, 2024.
7. Faber ECC. Managing Collaborative New Product Development. Enschede, Twente University Press, 2001. 263 p.
8. Kuester S. Ecosystem Lifecycle Analysis. The Global Startup Ecosystem Report, 2023.
9. Moore J. Predators and Prey: a New Ecology of Competition. Harvard Business Review. 1993;71(3):75-86.
10. Moore J. The Death of Competition. Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. N. Y. : HarperBusiness, 1996. 297 p.
11. Rabelo RJ, Bernus P. A Holistic Model of Building Innovation Ecosystems. Preprints of the 15th IFAC Symposium on Information Control Problems in Manufacturing. Ottawa: International Federation of Automatic Control, 2015. 2318-2325.
12. Ritala P, Agouridas V, Assimakopoulos D, Gies O. Value creation and capture mechanisms in innovation ecosystems: a comparative case study. *International Journal of Technology Management*. 2013;63(3/4):244-267. DOI: 10.1504/IJTM.2013.056900.
13. Rong K, Shi Y. The Business Ecosystem Life Cycle and Its Phase-Ending Status. Business Ecosystems. Constructs, Configurations, and the Nurturing Process. L.: Palgrave Macmillan, 2015. 137-143. DOI: 10.1057/9781137405920_8.
14. Serva Pereira V, Mendes de Araujo R, Pereira dos Santos R. A Study on the Brazilian Public Software Portal Ecosystem Life Cycle and Collaboration. Conference Paper of the XV Brazilian Symposium, 2019. <https://doi.org/10.1145/3330204.3330261>.
15. Tolstykh T, Gamidullaeva L, Shmeleva N. Approach to the Formation of an Innovation Portfolio in Industrial Ecosystems Based on the Life Cycle Concept. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2020;6(151):1-21. doi:10.3390/joitmc6040151.

Информация об авторе

Е. В. Василенко — аспирант, младший научный сотрудник Центра структурной политики.

Information about the author

E. V. Vasilenko — Graduate Student, Junior Researcher of Centre for Structural Policy Research.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 05.07.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 44–53.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(10(492):44-53

Научная статья

УДК 338.23

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-44-53

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Ирина Петровна Ковалева¹✉, Олеся Владимировна Митрофанова²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия, IPKovaleva@fa.ru, 0000-0003-4192-9476

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия, olesamitrofanova2004@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития государственно-частного партнерства (ГЧП) в социальной сфере в современных условиях. Основной целью исследования, освещенного в статье, стало выявление отличительных особенностей развития процесса ГЧП с позиции практического опыта их реализации для повышения степени информированности при планировании мероприятий социально-экономической политики и прогнозировании результатов. Более точная информация позволит учесть многие риски, угрозы, возможности и преимущества как самих партнерских отношений, так и в целом улучшит социальную составляющую национальной экономики. В частности, анализируются основные цели, задачи, формы, преимущества сотрудничества государства и частного партнера в различных секторах экономики. Определяется роль «Национального Центра ГЧП» в развитии процесса взаимодействия. Обозначаются отличительные особенности развития партнерства в социальной сфере с определением основных направлений по реализации мероприятий в разрезе отраслей социальной инфраструктуры с исследованием показателей динамики. Отмечается стихийный и локальный характер реализации проектов с наличием негативных практик. Особое внимание уделяется муниципальному уровню на примере лидера рейтинга развития государственно-частного партнерства городов местного значения города-героя Новороссийск (Краснодарский край). По результатам проведенного исследования посредством использования общенаучных методов в сочетании с историческим и хронологическим подходами были определены трудности, сопровождающие рассматриваемый процесс, и определены перспективы с учетом многовариантности его развития.

Ключевые слова: государство, частный партнер, социальная сфера, партнерство, проект, инвестиции, регулирование

Для цитирования: Ковалева И. П., Митрофанова О. В. Актуальные аспекты развития государственно-частного партнёрства в социальной сфере // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 44–53. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-44-53.

Original article

CURRENT ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE SOCIAL SPHERE

Irina P. Kovaleva¹✉, Olesya V. Mitrofanova²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russia, IPKovaleva@fa.ru, 0000-0003-4192-9476

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russia, olesamitrofanova2004@gmail.com

Abstract. The article considers the trends in the development of public-private partnership (PPP) in the social sphere in modern conditions. The main objective of the study covered in the article is to identify the distinctive features of the development of the public-private partnership process from the standpoint of practical experience in their implementation in order to increase awareness when planning socio-economic policy activities and forecasting results. More accurate information will allow taking into account all the risks, threats, opportunities and benefits of the partnership itself, and will generally improve the social component of the national economy. In particular, the main goals, objectives, forms, advantages of cooperation between the state and a private partner in various sectors of the economy are analyzed. The role of the National PPP Center in the development of the interaction process is determined. The distinctive features of the development of partnership in the social sphere are designated with the definition of the main directions for the implementation of activities in the context of social infrastructure sectors with a study of dynamics indicators. The spontaneous and local nature of project implementation with the presence of negative practices is noted. Particular attention is paid to the municipal level using the example of the leader in the rating of public-private partnership development of local cities, the hero city of Novorossiysk (Krasnodar Territory). Based on the results of the study, using general scientific methods in combination with historical and chronological approaches, the difficulties accompanying the process under consideration were identified and prospects were defined, indicating the multivariance of its development.

Keywords: government, private partner, social sphere, partnership, project, investment, regulation

For citation: Kovaleva IP, Mitrofanova OV. Current Aspects of the Development of Public-Private Partnership in the Social Sphere. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):44-53. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-44-53.

Введение

Регулирование и финансирование социальной сферы государством являются важными инструментами для социальной защиты граждан и поддержки населения в различных аспектах жизни, прежде всего в таких как здравоохранение, образование, социальное обеспечение и др. Регулирование социальной сферы государством включает в себя установление норм, правил и стандартов, которым должны соответствовать социальные учреждения и организации, что позволяет обеспечить качество и доступность социальных услуг для всех граждан. Финансирование социальной сферы государством осуществляется преимущественно за счет налоговых доходов посредством бюджетных ассигнований, в некоторых случаях используются и другие источники финансирования. Эти средства направляются на развитие и поддержку социальных программ и проектов, которые имеют целью улучшение качества жизни населения [1].

Государственное регулирование и финансирование социальной сферы — это объективные функции любого государства в современных экономических условиях, но кроме стратегической важности этих процессов, можно обозначить и другие преимущества. В частности, гарантируется доступность и равенство в получении общественных благ, обеспечивается справедливость их распределения, защищаются наиболее уязвимые слои населения и предотвращается социальная и экономическая дезинтеграция. Однако следует отметить, что неконтролируемое и неэффективное

регулирование и финансирование могут привести наоборот к негативным последствиям, таким как коррупция, неэффективное использование ресурсов, недостаток финансирования на реализацию программ и т. д. Поэтому разработка и реализация эффективной системы управления и контроля за социальными программами и проектами — это важная задача законодательной и исполнительности власти страны в современных условиях с высоким уровнем неопределенности [2].

Поэтому более подробно следует рассмотреть вопросы государственного регулирования экономики в рассматриваемой сфере. Именно система мер государственного регулирования экономики необходима для компенсации рыночных «неудач» структурного порядка. Правительственные органы должны ориентироваться на стратегические цели социальной политики и систематизировать их таким образом, чтоб осуществлялась максимизация общественного благосостояния. Государство в этом плане является саморегулирующей структурой, в которой всякое отклонение от заданных параметров устойчивости служит толчком к немедленной мобилизации соответствующих (действенных) механизмов, восстанавливающих равновесие системы.

Материалы и методы

Цель проводимого исследования: определить актуальные тенденции развития государственно-частного партнёрства в социальной сфере (на примере города-героя Новоросийск Краснодарского края). К задачам исследования можно отнести:

1) анализ российской региональной практики реализации государственно-частного партнерства с определением основных целей, задач, форм, направлений и преимуществ;

2) определение роли «Национального Центра ГЧП» в развитии процесса взаимодействия;

3) обозначение особенностей реализации ГЧП-проектов в социальной сфере с анализом показателей, характеризующих процесс;

4) выявление текущих проблем и обозначение приоритетов развития на муниципальном уровне (на примере города-героя Новороссийск).

В качестве методов исследования были использованы: аналитический метод (например, при проведении сравнительного анализа развития государственно-частного партнерства в России в разрезе различных отраслей), моделирования (например, анализ реализации государственно-частного партнерства, как системы, которая подвержена изменениям в социальной сфере) и статистический метод (использовалась выборка материалов для проведения сравнительного анализа по результатам реализации государственно-частного партнерства в социальной сфере с 2020 г. по 2023 г.).

В качестве основных материалов при проведении исследования была использована нормативно-правовая база Министерства экономического развития, «Центра ГЧП» и статистические данные платформы для подготовки проектов и привлечения инвестиций в инфраструктуру «Росинфра».

Результаты

Механизм государственно-частного партнерства включает в себя установление партнерских отношений между государством и частным сектором на основе соглашений и договоренностей. При этом, государство может предоставлять финансирование, регулировать деятельность и выдавать разрешения, а частные компании внедрять инновации, предоставлять услуги и привлекать дополнительные ресурсы. К настоящему моменту времени в России уже сформировалась особая нормативно-правовая база, определились индивидуальные инвестиционные механизмы финансирования, накопился некоторый опыт реализации различных проектов, как со стороны государства, так и со стороны бизнеса. В регионах России рынок инвестиционных проектов стал новым полноценным рынком, который предполагает под собой применение денежных ресурсов и экспертного анализа частного сектора в сферах, исключительная монополия на модернизацию которых ранее сохранялась за государством [3].

Согласно общей практике на мировом рынке, по данным Всемирного банка, к формам государственно-частного партнерства относят как стандартные управленческие соглашения, так и арендные договора, концессии, проекты, подразумевающие возведение новых инфраструктурных объектов или частичный транзит прав на государственные активы в пользу субъектов частной предпринимательской деятельности [4]. Конкретно в отечественных теоретических изысканиях и практической деятельности распространение получили следующие формы государственно-частного партнерства: госконтракты с обязательствами привлечения частных инвестиций; договоры аренды госимущества; соглашение о разделе продукции; участие в концессии; комплексные контракты, в которых сочетаются разнообразные виды предоставляемых работ и отношений собственности; стандартные контракты, регулирующие взаимоотношения, права и обязанности публичного и частного партнёров [5].

Основные показатели, характеризующие реализацию государственно-частного партнерства в регионах России на конец 2023 г. приведены в табл. 1.

Наибольшее количество проектов реализуется в сфере ЖКХ и городской среде (2777 проектов), а наименьшее в промышленности (9 проектов). 50% от общего объема финансирования направляется на развитие магистрального и городского транспорта, менее или около 1% в такие инфраструктурные сферы как: культура, досуг и туризм; социальная защита; благоустройство общественных процессов. Удельный вес частных инвестиций достаточно высок и колеблется от 56,3% до 99,7% от общего объема инвестиций, самый высокий уровень приходится на промышленность¹.

Выбор формы реализации партнерства во многом определяется поставленными целями и задачами, применительно к социальной сфере можно обозначить следующие достаточно актуально отражают процессы, происходящие в стране:

1. Повышение эффективности предоставления социальных услуг. Государственно-частное партнерство позволяет объединить экспертизу, опыт и ресурсы государства и частного сектора для оптимизации процесса предоставления социальных услуг, обеспечивая их доступность и повышая качество [6].

¹ Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года. Аналитический дайджест. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/b0f/b0fcbdbe6927a5b75f7526d86642cf47.pdf> (Дата обращения 20.02.2024).

**Основные показатели реализации ГЧП-проектов в России
(проекты в стадии реализации на декабрь 2023 г.)**
**Key indicators of the implementation of PPP projects in Russia
(projects under implementation as of December 2023)**

Инфраструктурная сфера	Количество соглашений	Общий объем инвестиций		Объем частных инвестиций	
		млрд руб.	% от ито-го	млрд руб.	% от общего объ-ема инвестиций
Здравоохранение	56	199,6	3,7	149,6	75,0
ЖКХ и городская среда	2 777	1 092,6	20,4	940,7	86,1
Культура, досуг и туризм	49	55,8	1,0	43,9	78,7
Промышленность	9	203,3	3,8	202,7	99,7
Образование и наука	220	606,4	11,3	341,6	56,3
Спорт	93	129,6	2,4	87,9	67,8
Транспорт (магистральный и город-ской)	108	2 676,8	50,0	1 668,3	62,3
Цифровая инфраструктура и связь	37	276,1	5,2	270,8	98,1
Социальная защита	17	3,7	0,1	2,7	73,0
Благоустройство общественных про-странств	59	30,1	0,6	27	89,7
Иное (индустрия гостеприимства, торговля, офисы, логистика, сель-ское хозяйство и др.)	85	81,4	1,5	78,7	96,7
Итого	3510	5 355,4	100,0	–	–

Источники: Составлено авторами.

2. Улучшение инфраструктуры и развитие локальных сообществ. Путем вовлечения частного сектора в социальную сферу можно развить инфраструктуру и создать условия для роста экономики, что в свою очередь приведет к повышению качества жизни населения.

3. Оптимизация бюджетных расходов. Государственно-частное партнерство позволяет государственному сектору оптимизировать расходы на предоставление социальных услуг, разделяя их с частным, сосредотачивая финансовые ресурсы на ключевых задачах и снижая бюджетный дефицит [7].

Одним из значимых преимуществ государственно-частного партнерства в социальной сфере является тот факт, что оно способствует обеспечению более эффективного и качественного предоставления социальных услуг, улучшению инфраструктуры и социально-экономическому развитию страны. Это помогает повысить благосостояние граждан, обеспечить их социальную поддержку и развитие, а также снижает нагрузку на бюджетные ресурсы государства. Вопрос государственно-частного партнерства в социальной сфере представляет собой сложный баланс интересов, который требует особого подхода, ос-

нованного на внимательном детализированном анализе ключевых индикаторов, регулировании и мониторинге в динамике результирующих показателей, гарантируя, что общественные интересы остаются на первом месте.

Уже сегодня в России государственно-частное партнерство стало популярным в социальной сфере, в основном это выражается через сотрудничество между частными компаниями или некоммерческими организациями и государством или общественными институтами для реализации социальных программ, предоставления социальных услуг или улучшения общественного благосостояния [8]. Например:

- участие частных компаний в области образования через создание спонсорских программ или партнерств с образовательными учреждениями;
- партнерство между некоммерческими организациями и правительством для предоставления социальных услуг, таких как медицинское или социальное обслуживание;
- инвестиции частного сектора в проекты по обустройству районов или развитию инфраструктуры;
- частная компания может взять на себя роль инвестора и осуществить проект инфраструктур-

ного развития (например, строительство дороги), а государство может обеспечить необходимые разрешения, регулирование и мониторинг выполнения проекта и др.

Если рассматривать динамику количественных показателей реализации проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере регионов России, то в период с 2020 г. по 2022 г. можно охарактеризовать ситуацию как «рост»:

- общего количества проектов с 419 до 653 ед.;
- общего объема инвестиций на 63 % (с 363,9 до 592,9 млрд руб.);
- частных инвестиций на 106 % (с 211,3 до 434,2 млрд руб.).

Также следует отметить тот факт, что постепенно заинтересованность частного партнера возрастает, если в 2020 г. доля частных инвестиций составляла — 58,1 % от общего объема, то в 2022 г. уже — 73,2 % [9]. Частный сектор обычно более гибок и ориентирован на результаты. Однако, важно тщательно контролировать и регулировать такие партнерства, чтобы обеспечить доступность услуг для всех слоев населения и предотвратить возможные конфликты интересов.

Жизненный цикл проекта — это величина, которая определяется большим количеством факторов, какие-то проекты только прошли «старт», какие-то длительную реализацию и вышли на «финиш». И достаточно сложно определить показатели, которые могут позволить сравнить как количественные характеристики, так и финансовые. Многообразная информация о реализуемых проектах не всегда учитывает стадию реализации и фактические инвестиции, усложняя аналитические процедуры. В 2023 г. в социальной инфраструктуре было реализовано (завершенные проекты) всего — 62 проекта (53 % от общего количества), объем финансирования составил 358,6 млрд руб. (или 46,8 % от общего объема инвестиций), а частные инвестиции — 191,6 млрд руб. (или 25 %) ¹.

«Национальный Центр ГЧП» принимает активное участие в продвижении наиболее перспективных проектов государственно-частного партнерства, так в 2023 г. 46 % проектов реализовано в социальной сфере, а 33 % в коммунально-энергетической, в совокупности около 80 % (табл. 2). В транспортной сфере ре-

ализовано всего 13% проектов от общего количества ².

Несмотря на реализацию большого количества проектов в социальной и коммунально-энергетической сфере, объем инвестиций распределен другим образом — 12 и 8% соответственно от общего объема финансирования, в совокупности — 20 % (табл. 2). А на реализацию проектов государственно-частного партнерства в транспортной сфере наоборот было направлено — 78,4% ². Таким образом, на социальную сферу приходится 46 % проектов от общего количества, с объемом финансирования — 12 % от общего объема инвестиций, т.е. реализуется большое количество «недорогостоящих» проектов с участием «Национального Центра ГЧП».

Важной составляющей реализации государственно-частного партнерства в социальной сфере, как уже отмечалось ранее, может стать снижение бюджетной нагрузки за счет разделения финансовых обязательств между государством и частными партнерами, а также за счет более эффективного и «прозрачного» использования ресурсов. В рамках партнерства, государство может предоставлять финансирование (субсидии) частным компаниям (некоммерческим организациям) для реализации определенных социальных услуг или выполнения поставленных общественно значимых задач. Взамен, частные партнеры могут привносить свои ресурсы, опыт и инновационные подходы для улучшения эффективности и качества предоставляемых услуг [10].

В социальной сфере полная приватизация «нереальна», так как организации предоставляют преимущественно бесплатные услуги и блага населению России согласно Конституции. Именно в этой сфере инвесторов должна привлекать прежде всего иная цель, отличная от получения прибыли. Поэтому использование механизма государственно-частного партнерства позволит решить эту дилемму с расстановкой приоритетов.

Несмотря на развитие государственно-частного партнерства в регионах России, в том числе и в социальной сфере, а также на все названные преимущества, потенциал этого сотрудничества используется не в полной мере. В большинстве случаев эти процессы носят стихийный и локальный характер. Много определяется региональной принадлежностью, есть регионы, у которых бо-

¹ Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года. Аналитический дайджест. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/b0f/b0fcbdb6927a5b75f7526d86642cf47.pdf> (Дата обращения 20.02.2024).

² Национальный Центр ГЧП: официальный сайт. URL: <https://pppcenter.ru/> (Дата обращения 08.03.2024).

Количество проектов и объем инвестиций государственно-частного партнерства, реализованных с участием «Национального Центра ГЧП» в 2023 г. по сферам экономики, %
The number of public-private partnership projects and investments implemented with the participation of the National PPP Center in 2023 by economic sectors, in %

Сфера экономики	Количество проектов	Объем инвестиций
Социальная сфера	46,0	12,0
Коммунально-энергетическая сфера	33,0	8,0
Транспортная сфера	13,0	78,4
Городская среда и благоустройство	6,0	1,3
Сельское хозяйство	2,0	0,3

Источники: Составлено авторами.

лее высокий уровень социально-экономического развития, следовательно более благополучные условия будут способствовать положительному развитию событий в случае использования механизмов государственно-частного партнерства и наоборот [11].

Достаточно популярным направлением среди региональных практик государственно-частного партнерства стала сфера образования. Большая часть реализуемых проектов связана с возведением или реновацией зданий учебных заведений, но не с оказанием образовательных услуг. В условиях нестабильности и нехватки бюджетных средств в значительной степени решается часть проблем и повышается эффективность расходования государственных средств [12]. Увеличивается и объем участия частных клиник в реализации программы ОМС, несмотря на невысокую рентабельность и большую капиталоемкость медицинских организаций. Другие отрасли социальной сферы участвуют в меньшей степени в партнерских соглашениях, из-за незаинтересованности частного партнера и отсутствия гибких механизмов со стороны государства (муниципалитетов) [13].

Значительное количество соглашений заключается на муниципальном уровне [14]. В частности, в 2023 г. на федеральном уровне в России было подписано 27 соглашений, на региональном уровне — 501, а на муниципальном — 2982. Поэтому более актуально исследовать именно муниципальный уровень¹.

Рассмотрим более подробно Краснодарский край на примере города-героя Новороссийск.

¹ Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года. Аналитический дайджест. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/b0f/b0fcbdbe6927a5b75f7526d86642cf47.pdf> (Дата обращения 20.02.2024).

Краснодарский край в 2022 г. занимал 7-е место в рейтинге по оценке динамики реализации проектов государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации (33,2 бал.)². Город-герой Новороссийск занимает 11 место в общероссийском рейтинге, с интегральным показателем развития государственно-частного партнерства — 54 бал., и соответственно 1-е место в кластере «Города местного значения» (2023 г.). В кластер входят 72 малых и средних города со средним уровнем бюджетной обеспеченности, из них 50 уже реализуют проекты государственно-частного партнерства. Если у городов местного значения потребность в улучшении услуг ЖКХ и транспорта — средняя, то в социальных — выше среднего³.

В городе-герое Новороссийск развивается государственно-частное партнерство как важный инструмент реализации стратегии социально-экономического развития муниципалитета. Примером успешного сотрудничества стал Водный центр «Посейдон», который был построен по многочисленным просьбам жителей города совместными усилиями администрации и частной инвесткомпания «СпортСтройСервис». Этот многофункциональный центр был возведен всего за 2 года в рамках концессионного соглашения. Плавательный центр «Посейдон» стал положительным примером того, как муниципальная власть и бизнес могут успешно сотрудничать

² Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2022 год. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a8ccd7ef26dbd590c0f5e2faaf0efbf1/reiting_gchp_2022.pdf (Дата обращения 22.02.2024).

³ Рейтинг городов по уровню развития ГЧП. URL: <https://rosinfra.ru/rating/city/b965fe6a-24bb-46e1-a68c-882c1a9a0831?filters=%7B%22subjects%22%3A%5B%22Новороссийск%22%5D%7D> (Дата обращения 22.02.2024).

в создании объектов общественной инфраструктуры¹.

Одним из ярких примеров сотрудничества также стало предложение властей города подписать концессионное соглашение по реконструкции и эксплуатации «Банно-прачечного комбината». Срок действия соглашения — 35 лет, минимальный объем инвестиций — 35,9 миллиона рублей. Потенциальные концессионеры могли подать заявки с 20 ноября 2021 года по 25 января 2022 года, при этом необходимо было внести задаток в размере 1,7 миллиона рублей. Работы по реконструкции бани должны быть завершены за 6 лет, то есть до января 2028 года. Этот пример является ярким показателем того, как городская администрация активно привлекает инвесторов для совместной работы над важными проектами для развития инфраструктуры и благоустройства города. Такие инициативы способствуют улучшению сервиса и удобств для жителей, а также способствуют привлечению новых инвестиций в экономику города и региона в целом².

Развитие государственно-частного партнерства в городе-герое Новороссийск позволяет эффективно использовать ресурсы обеих сторон для реализации проектов, способствуя улучшению жизни горожан и общественного благосостояния в целом. С 2023 г. в Новороссийске реализуют пять проектов общей стоимостью 4 млрд рублей. Среди крупных концессионных соглашений — проекты возведения двух школ на 2,6 тыс. мест, также прорабатывают строительство спортивного центра с бассейном и приюта для животных.

В здравоохранении города есть положительные примеры использования механизма государственно-частного партнерства за счет участия частных клиник в реализации программы ОМС (ООО «Новомед» и ООО «Медици-Эксперт»). Для жителей региона теперь доступны

¹ Инвестиции в действии: в Новороссийске открылся плавательный центр «Посейдон», построенный по концессионному соглашению. URL: <https://investnovoros.ru/ru/news/investitsii-v-deystvii-v-novorossiyske-otkrylsya-plavatelnyy-tsentr-poseydon-postroenny-po-kontsess/> (Дата обращения 10.02.2024).

² Результаты вскрытия конвертов с единственной заявкой на участие в открытом конкурсе на право заключения концессионного соглашения в отношении реконструкции и эксплуатации здания «Банно-прачечного комбината». URL: <https://investnovoros.ru/ru/v-pom-investoru/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo/konkursy/rezultaty-vskrytiya-konvertov.php> (Дата обращения 15.02.2024).

отдельные виды медицинской помощи по полисам ОМС в частных медицинских организациях. Население города интенсивно возрастает в динамике, и несмотря на большое количество реализуемых подпрограмм в рамках реализации государственной программы «Развитие здравоохранения» этих мер недостаточно и привлекаются частные клиники к выполнению муниципального заказа [15].

Город-герой Новороссийск участвует в эксперименте по внедрению принципов клиентоцентричности и лучших инструментов проектного управления. До конца 2024 г. должны быть автоматизированы процессы подготовки ГЧП-проектов, с подбором мер государственной поддержки, привлечением экспертов и партнеров, сокращением сроков их разработки и возможностью доступа к лучшим российским практикам³.

Заключение

Государственно-частное партнерство в регионах России имеет тенденцию устойчивого развития. Не во всех случаях процесс проходит успешно, есть регионы, где можно наблюдать локальные и стихийные заключаемые соглашения, но с каждым годом таких субъектов становится меньше. Постепенно формируется нормативно-правовая база, нарастает позитивный опыт реализации проектов, да и накопленные негативные события позволяют учесть неопределенности и риски при планировании и прогнозировании социально-экономического развития с использованием механизма государственно-частного партнерства. Следует отметить тот факт, что количество реализуемых проектов не всегда в той или иной сфере пропорционально финансируется, нет условной величины инвестиций на один проект. Объемы финансирования связаны с капиталоемкостью проектов и сферой их реализации, если необходимо существенно модернизировать старые или формировать новые основные фонды, то и расходы будут соответствующими.

Совместное участие государственного сектора и частного бизнеса позволяет наиболее эффективным образом решить сложившиеся проблемы социальной сферы и соответственно улучшить качество жизни граждан России. В последние годы количество проектов, затрагивающих развитие социальной инфраструктуры — возрастает, увели-

³ Рейтинг городов по уровню развития ГЧП. URL: <https://rosinfra.ru/rating/city/b965fe6a-24bb-46e1-a68c-882c1a9a0831?filters=%7B%22subjects%22%3A%5B%22Новороссийск%22%5D%7D> (Дата обращения 22.02.2024).

чиваются и объёмы финансирования, повышается заинтересованность частного сектора. С каждым годом объёмы частных инвестиций растут, меняется отношение к низкорентабельной социальной сфере, за счет использования более гибких механизмов и инструментов со стороны государства.

Большое количество противоречивой информации усложняет аналитические процедуры, но не влияет на определение тенденций развития государственно-частного партнерства в регионах России. Особое место занимает «Национальный Центр ГЧП», поскольку способствует развитию различных перспективных и приоритетных партнерств с участием государства или муниципалитетов, в том числе и в социальной сфере, формирует аналитические отчеты, повышает информированность участников и пр.

Объём общих и частных инвестиций в реализацию ГЧП-проектов социальной сферы остаётся средним по сравнению с другими секторами экономики, например транспортной. Это определяется рядом факторов: неоднородностью спроса в социальном секторе, сложностью прогнозирования потока населения и оценки социального эффекта, невысокими гарантиями со стороны государства (по мнению частного партнера). Наибольшее развитие партнерских отношений можно наблюдать в образовании и здравоохранении.

Проведенный анализ по городу-герою Новороссийску Краснодарского края наглядно продемонстрировал возможности и эффективность государственно-частного партнерства в развитии социальной инфраструктуры городов местного значения. Однако следует отметить незаинтересованность частных партнеров в реализации ГЧП-проектов по социальной защите населения (особенно пожилых людей, инвалидов).

В заключение более детально следует отметить проблемы и риски, связанные с реализацией рассматриваемого процесса, поскольку именно негативная практика позволяет оптимизировать и повысить эффективность реализуемых проектов, особенно в социальной сфере. Прежде всего речь идет о более сильной позиции регионов в сравнении с федеральным уровнем в разрезе законодательного регулирования, а следовательно, сопутствующих полномочиях и ответственности, которые зависят от множества факторов местного значения и заинтересованных лиц. И не всегда учитываются актуальные потребности местных жителей в полном объеме, обеспечивая конституционные права граждан равномерно в территориальном аспекте. Актуализируется потребность в повышении качества реализуемых инвестиционных проектов, поскольку некоторые из них ориентируются только на региональные или муниципальные цели и не прорабатываются профессиональными проектными менеджерами, а следовательно, допускаются неточности в определении инвестиций, усиливая неопределенность при оценке их эффективности. Частный партнер должен быть уверен в гарантиях и страховании по проектам со стороны государственного сектора для проявления большей заинтересованности, но на практике ситуация часто складывается иначе. Много вопросов возникает при методическом сопровождении, проведении конкурсов у участников партнерства с обеих сторон, нормативно-правовая и методическая база еще формируются. И одной из основных проблем в современных условиях становится сложность с получением долгосрочных инвестиций, а большинство проектов реализуются именно в этом временном периоде.

Список источников

1. Воробьева Е. И. Государственное финансовое регулирование социальных процессов // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2014. № 4. С. 16–23.
2. Ершова Н. А., Сергеева Н. В. Государственное регулирование социальной сферы Российской Федерации. Проблемы и перспективы // Научный журнал «Управленческий учет». 2021. № 2. С. 276–283.
3. Медведева О. С., Левкина В. Н. Государственно-частное партнерство как инструмент развития инфраструктуры в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 8–2. С. 270–276.
4. Иванов В. В., Жабина М. М. Международная практика государственно-частного партнерства (ГЧП) // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 6. С. 20–23.
5. Меджидов З. У. Формы государственно-частного партнерства в России: сравнительный анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 3. С. 73–95. DOI: 10.52/80/2073-6487_2022_3_73_95
6. Kazbekov T. B., Romanko E. B., Mussabekova A. O., Doskaliyeva B. B. Public — private partnership in the social sphere // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2017. T, 85. № 1. С. 139–147.

7. Щукина Т. В. Государственно-частное партнерство на современном этапе правового регулирования как форма оптимизации публичных расходов // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 6. С. 342–345. DOI: 10.12737/24264
8. Климов Д. В. Государственно-частное партнерство в социальной сфере // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2019. № 4–1. С. 70–74.
9. Соболев Т. С., Ключева А. В. Актуальные аспекты развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации при реализации социально значимых инфраструктурных проектов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. Т. 33, № 1. С. 81–99. DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-1-90
10. Балихина Н. В. Государственно-частное партнерство в социальной сфере: проблемы и пути совершенствования // Финансовая жизнь. 2019. № 4. С. 80–84.
11. Трачук С. С. Роль проектов государственно-частного партнерства в развитии экономики России // Роль проектов государственно-частного партнерства в развитии экономики России. 2007. № 14. С. 76–82.
12. Чистова М. В., Еремина О. С., Демина Н. В. Применение государственно-частного партнерства в дошкольном образовании: опыт регионов Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2016. № 4 (190). С. 185–194.
13. Ковалева И. П., Баженова С. А., Амбарян А. Х. Государственно-частное партнерство в российском здравоохранении: региональный аспект // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 3. С. 360–367.
14. Асбахов В. Р. Государственно-частное партнерство в социальной сфере России // В сборнике: Российская экономика в условиях структурной трансформации : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. М., 2024. С. 14–19.
15. Ковалева И. П., Стрижак М. С., Заярная И. А. Совершенствование механизма участия частных клиник в системе обязательного медицинского страхования // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, № 2. С. 281–287. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-2-281-287

References

1. Vorobyova EI. State financial regulation of social processes. *Nauchnyy vestnik: Finansy. banki. Investitsii = Scientific Bulletin: Finance, banks, investments*. 2014;(4):16–23. (In Russ.).
2. Ershova NA, Sergeeva NV. State regulation of the social sphere of the Russian Federation. Problems and prospects. *Nauchnyy zhurnal «Upravlencheskiy uchet» = Scientific journal “Managerial Accounting”*. 2021;(2):276-283. (In Russ.).
3. Medvedeva OS, Levkina VN. Public-private partnership as an instrument for infrastructure development in Russia. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;8(2):270-276. (In Russ.).
4. Ivanov VV, Zhabina MM. International practice of public-private partnership (PPP). *Rossiyskiy vneshne-ekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2015;(6):20-23. (In Russ.).
5. Medzhidov ZU. Forms of public-private partnership in Russia: comparative analysis. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022;(3):73-95. https://doi.org/10.52/80/2073-6487_2022_3_73_95 (In Russ.).
6. Kazbekov TB, Romanko EB, Mussabekova AO, Doskaliyeva BB. Public — private partnership in the social sphere. *Bulletin of Karaganda University. Economy Series*. 2017;85(1):139-147. (In Russ.).
7. Shchukina TV. Public-private partnership at the present stage of legal regulation as a form of optimization of public expenditures. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2016;11(6):342-345. <https://doi.org/10.12737/24264>. (In Russ.).
8. Klimov DV. Public-private partnership in the social sphere. Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsiy = ASOU Conference: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences. 2019;4(1):70-74. (In Russ.).
9. Sobol TS, Klyueva AV. Actual aspects of the development of public-private partnership in the Russian Federation in the implementation of socially significant infrastructure projects. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» = Bulletin of the Udmurt University. The series “Economics and Law”*. 2023;33(1):81-99. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2023-33-1-90>. (In Russ.).

10. Balikhina NV. Public-private partnership in the social sphere: problems and ways of improvement. *Finansovaya zhizn = Financial life*. 2019;(4):80–84. (In Russ.).

11. Trachuk SS. The role of public-private partnership projects in the development of the Russian economy. *Rol projektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v razvitii ekonomiki Rossii = The role of public-private partnership projects in the development of the Russian economy*. 2007;(14):76–82. (In Russ.).

12. Chistova MV, Eremina OS, Demina NV. The use of public-private partnership in preschool education: the experience of the regions of the Russian Federation. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika = Bulletin of the Adygea State University. Episode 5: Economics*. 2016;190(4):185-194. (In Russ.).

13. Kovaleva IP, Bazhenova SA, Ambaryan AH. Public-private partnership in Russian healthcare: a regional aspect. *Problemy sotsialnoy gigiyeny. zdavookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*. 2020;(28-3):360-367. (In Russ.).

14. Asbakhov VR. Public-private partnership in the social sphere of Russia. *Sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva = In the collection: The Russian economy in the context of structural transformation. Collection of materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Moscow*. 2024; 14-19. (In Russ.).

15. Kovaleva IP, Strizhak MS, Zayarnaya IA. Improving the mechanism of participation of private clinics in the compulsory health insurance system. *Problemy sotsialnoy gigiyeny. zdavookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*. 2022;30(2):281-287. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-2-281-287>. (In Russ.).

Информация об авторах

И. П. Ковалева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика, финансы и менеджмент».

О. В. Митрофанова — студентка бакалавриата направления подготовки «Экономика».

Information about the authors

I. P. Kovaleva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Economics, Finance and Management Department.

O. V. Mitrofanova — Bachelor's degree student in the field of Economics.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.24

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-54-67

МИРОВОЙ ОПЫТ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Дмитрий Александрович Плетнёв¹, Юлия Анатольевна Меньшикова²,
Анастасия Александровна Токарева³

¹Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, menshikowajulia74@mail.ru

³Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, anastasiatok21yk@xmail.ru

Аннотация. Проектное управление активно используется в стратегическом государственном управлении в России. В настоящее время разрабатываются новые национальные проекты, которые во многом определяют траекторию достижения национальных целей развития. Насколько методология проектного управления эффективна и универсальна именно в государственном управлении? Какие сферы и типы деятельности наилучшим образом подходят для реализации проектного управления? Есть ли зарубежные успешные практики, которые могут быть использованы при разработке национальных российских проектов. В статье представлены результаты обобщения зарубежного опыта проектного управления в государственном секторе. Методологически исследование представлено систематическим анализом академических публикаций как обладающих большей достоверностью и непредвзятостью, чем официальные отчеты. Проанализировано более 30 проектов из Франции, США, Пакистана, Ганы, Австралии, Египета, Чили, Великобритании, относящихся к таким сферам, как энергетическая и водная промышленность, военная промышленность, транспорт и строительство, экология и охрана природы, информационные технологии, социально-культурные проекты и космическая промышленность. В результате исследования установлено, что факторами успеха проектов были: стабильная и сильная финансовая и организационная поддержка со стороны государства; эффективное управление и привлечение ведущих специалистов; участие широкого круга заинтересованных сторон. Наиболее успешными сферами применения проектного подхода можно считать информационные технологии и энергетику. К факторам, негативно отражающимся на успехе реализации проектов, следует отнести излишнюю обобщенность или размытость целей, неопределенность круга заинтересованных лиц.

Ключевые слова: проектное управление, государственное стратегическое управление, национальные проекты

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Меньшикова Ю. А., Токарева А. А. Мировой опыт проектного управления в государственном секторе через призму академических публикаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 54–67. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-54-67.

Original article

THE GLOBAL EXPERIENCE OF PROJECT MANAGEMENT IN THE PUBLIC SECTOR THROUGH THE PRISM OF ACADEMIC PUBLICATIONS

Dmitri A. Pletnev¹, Yulia A. Menshikova², Anastasia A. Tokareva³

¹Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, menshikowajulia74@mail.ru

³Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, anastasiatok21yk@xmail.ru

Abstract. Project management is actively used in strategic public administration in Russia. New national projects are currently being developed, which will largely determine the trajectory of achieving national development goals. To what extent is the methodology of project management effective and universal in public administration? What

areas and types of activities are best suited for the implementation of project management? Are there any successful foreign practices that can be used in the development of national Russian projects? The article presents the results of generalization of foreign experience of project management in the public sector. Methodologically, the study is presented by a systematic analysis of academic publications as having greater reliability and impartiality than official reports. More than 30 projects from countries such as France, the United States, Pakistan, Ghana, Australia, Egypt, Chile, and the United Kingdom related to such areas as the energy and water industries, military industry, transport and construction, ecology and nature conservation, information technology, socio-cultural projects and the space industry were analyzed. As a result of the study, it was found that the success factors of the projects were: stable and strong financial and organizational support from the state; effective management and involvement of leading specialists; participation of a wide range of stakeholders. The most successful areas of application of the project approach can be considered information technology and energy. Among the factors that negatively affect the success of project implementation, it is necessary to include excessive generalization or blurring of goals, uncertainty of the circle of stakeholders.

Keywords: project management, state strategic management, national projects

Funding. The article was prepared in accordance with the research plan for the Federal State Budgetary Institution “Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” for 2024-2026.

For citation: Pletnev DA, Menshikova YuA, Tokareva AA. The Global Experience of Project Management in the Public Sector Through the Prism of Academic Publications. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):54-67. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-54-67.

Введение

Проектное управление стало важной частью решения вопросов национального развития в России, а проектный «язык» прочно вошел в профессиональный лексикон чиновников разных уровней. Вместе с тем, приложение детально разработанной для коммерческих организаций методологии проектного управления в решении государственных задач, с иным целеполаганием, мерой ответственности и структурой стейкхолдеров не может быть сродни механическому переносу. Это чревато недостижением или искажением заявленных целей, срывом сроков и перерасходом ресурсов. Более того, проектное управление — это мощный инструмент, но не панацея, и не любая государственная задача может и должна решаться именно таким методом. Мировая практика знает достаточно много случаев использования проектного менеджмента и проектной идеологии в государственном управлении, однако комплексного межстранового анализа, который позволил бы выделить закономерности успеха или неудач проектного управления в государственном секторе, до настоящего момента сделано не было. В настоящей статье авторы поставили перед собой именно такую цель — обобщить международный опыт проектного управления в государственном управлении разных стран, используя в качестве информационной основы — академические публикации как обладающие свойством достоверности.

Методология

В статье был проведён систематический анализ научных публикаций, касающихся оценки

результатов государственного проектного управления. Было проанализировано более ста научных публикаций, а также информация из различных баз данных. В ходе исследования проекты были разделены на следующие категории: энергетика и водная промышленность, военная промышленность, строительство, экология и охрана природы, информационные технологии, социально-культурные проекты и космическая отрасль.

Методология анализа состояла из нескольких этапов:

1. Определение целей и задач проекта, включающее установление конкретных целей и задач, которые должны быть достигнуты в ходе реализации государственных проектов в указанных категориях.
2. Сбор информации о текущих проектах, их результатах и эффективности, а также об их спонсорах, руководителях и стейкхолдерах.
3. Сравнение достигнутых результатов с запланированными целями и задачами, выявление успешных практик и возможных проблем.
4. Обобщение полученных результатов, формулирование выводов и оценки успешности проектов.

Результаты исследования

В настоящем исследовании рассмотрены проекты, выполнявшиеся при деятельном участии различных государств, в различные временные периоды и разной направленности. Основанием для отбора проектов был научный «след» в виде публикации в рецензируемом научном издании с описанием проекта. Изученные проекты сгруппированы по их целевой направленности.

Проекты в сфере развития информационных технологий

Исторически первым освещённым в научных публикациях проектом был известный национальный проект «Киберсин», который был реализован в Чили в период с 1970 по 1973 год под руководством британского теоретика исследования операций Стаффорда Бира [7]. Формально его можно считать проектом в сфере информационных технологий, но его масштаб и влияние на экономику были существенно больше. Он был инициирован президентом Сальвадором Альенде. Один из «отцов» кибернетики Стаффорд Бир согласился разработать и курировать проект по просьбе президента. Проект был направлен на создание информационной системы для управления плановой экономикой страны. Стейкхолдерами проекта были президент, чилийские учёные и инженеры, а также представители различных министерств и ведомств Чили. Результатом «Киберсин» стало создание информационной системы для централизованного компьютерного управления экономикой страны. Система объединила 500 предприятий в сеть Cybernet и обеспечивала передачу информации в реальном времени в комнату управления в Президентском дворце в Сантьяго. Однако система столкнулась с проблемами вывода данных на экраны и задержки сообщений о необходимости вмешательства. Проект был отменен после переворота 1973 года, когда новые власти стали ориентироваться на построение либеральной экономики.

В период с 1996 по 1999 год в Великобритании был реализован проект Benefits Payment Card (BPC). Он возглавлялся компаниями Post Office Counters Ltd и Benefits Agency [5]. Британское правительство через агентство Benefits Agency выступало спонсором проекта. В проекте участвовали следующие заинтересованные стороны: клиенты и пользователи, партнёры по бизнесу, государственные органы и регуляторы, общественность и неправительственные организации. Ожидаемыми результатами были предотвращение мошеннического использования бумажных чеков при выплатах социальных пособий, а также экономия более 100 миллионов фунтов стерлингов в год на их печати, путем перехода к пластиковым картам. Однако проект Benefits Payment Card был сложным и масштабным, его стоимость оценивалась в 1 миллиард фунтов стерлингов, что равнозначно 1,3 млрд долларов. Он затянулся дольше, чем ожидалось, а затем и вовсе был отменен. Та, в мае 1999 года правительство приняло решение убрать пластиковую платёжную карту из проекта, что

должно было упростить его, снизить риски и ускорить автоматизацию почтовых отделений. Однако в 2000 году проект отменили по причине невозможности достижения заявленных целей.

Проект CrimTrac был запущен в Австралии в 2000 году и успешно функционировал до 2016 года [5]. Его руководителями были Дуг Смит (до 2011 года) и Николь Роуз. Проект был профинансирован Федеральным правительством Австралии на сумму 50 миллионов долларов, после чего финансирование осуществлялось за счёт доходов от услуги National Criminal Record Checking (NCHRC) и подписок от юрисдикций. Стейкхолдерами являлись: полицейские службы Австралии, федеральные министерства и агентства, государственные и местные органы власти, законодательные органы, судебная система, а также общественность.

Основные результаты проекта:

1. Улучшение обмена информацией между полицейскими службами Австралии, что позволяет эффективнее предотвращать и расследовать преступления.

2. Внедрение биометрических систем идентификации, таких как NAFIS и NCIDD, для повышения безопасности и раскрытия преступлений.

Сотрудничество с правоохранительными органами других стран, что способствует международной борьбе с преступностью.

Повышение уровня доверия и сотрудничества между полицейскими службами разных уровней и юрисдикций.

Создание новых информационных систем и совершенствование существующих, что улучшает совместную работу полиции.

Australian Broadband Guarantee (ABG) — проект, реализованный в Австралии в период с 2007 по 2011 год под руководством правительства страны и спонсируемый Департаментом инфраструктуры, транспорта, регионального развития и коммуникаций [5]. В проекте участвовали различные стейкхолдеры: правительство Австралии и штат Новый Южный Уэльс, абоненты широкополосной связи, поставщики услуг широкополосной связи, операторы фиксированной и мобильной связи, производители оборудования и программного обеспечения для широкополосных сетей, исследовательские институты и университеты, некоммерческие организации и общественные объединения, а также международные организации и агентства по развитию. В результате ABG доступ к широкополосному интернету получили более 1 миллиона австралийских домохозяйств, улучшилось каче-

ство и скорость интернет-соединения в труднодоступных регионах страны, а также была обеспечена комплементарность с программой Broadband Connect, предоставляющей инфраструктуру для устойчивого развития высокоскоростных сетей в сельских и отдалённых районах Австралии. Субсидии были предоставлены зарегистрированным поставщикам услуг для подключения новых клиентов и компенсации части затрат на установку новой инфраструктуры. Объём финансирования проекта составил 162,5 миллиона долларов, а с 1 июля 2008 года на продолжение ABG выделялись средства из доходов правительственного фонда Communications Fund в размере 2 миллиардов долларов.

Проект NADRA в Пакистане (2008-н.в.) под руководством Тарика Малика и при спонсорской поддержке Министерства внутренних дел стал важным этапом в развитии национальной идентификации граждан [8]. NADRA включает создание крупнейшей в мире мульти-биометрической базы данных, состоящей из отпечатков 10 пальцев и цифровых фотографий, интеграцию с государственными информационными системами и выдачу национальных идентификационных документов (ID) гражданам, ранее не имевшим доступа к государственным услугам. Проект позволил улучшить качество и скорость предоставления государственных услуг, таких как регистрация брака, рождение и смерть, оформление пособий, подключение к электро- и газоснабжению, оплата коммунальных услуг. Внедрена референсная архитектура Teradata для обработки и хранения данных. Система развивалась самостоятельно, привлекая платные сервисы от заинтересованных коммерческих структур, например банков, которые платили за возможность верификации личности 35 рупий (0,4215 долларов). Сегодня NADRA является полностью самостоятельной организацией, доходы которой увеличились на 300 % за последние 5 лет, а зарплаты сотрудников выросли на 121 %.

Исходя из вышеупомянутого, ключевыми условиями успешной реализации ИТ-проектов выступали стабильное финансирование со стороны государства, эффективное взаимодействие между заинтересованными сторонами, использование современных технологий, а также интеграция с существующими государственными информационными системами. Так, проекты CrimTrac, ABG и NADRA, получавшие поддержку правительств и объединявшие усилия различных ведомств и организаций, продемонстрировали высокую результативность в достижении поставленных целей.

В то же время причинами неудач ряда проектов стали технические сложности, чрезмерная масштабность, затягивание сроков реализации и, в ряде случаев, изменение политической ситуации. Примером может неудачный опыт внедрения системы ВРС в Великобритании, столкнувшейся с существенными бюджетными перерасходами и невозможностью достижения заявленных целей.

Таким образом, успешность государственных ИТ-проектов зависит от комплекса организационных, технологических, финансовых и политических факторов. Обеспечение стабильного финансирования, вовлечение всех заинтересованных сторон, использование передовых технологий являются ключевыми условиями для эффективной реализации подобных инициатив. В то же время, технические сложности, неоправданные масштабы и изменения политической конъюнктуры могут стать причинами их неудачи.

Энергетика

Проект Mambilla Hydroelectric Power (1982–2030) в Нигерии был инициирован Федеральным исполнительным советом (FEC) и спонсируется федеральным правительством Нигерии [13]. Стейкхолдерами НЕР являются: федеральное правительство Нигерии, правительство штата Кано, местные сообщества, международные организации и агентства по развитию, а также частные инвесторы и компании. Проект направлен на создание 50 000 рабочих мест, производство электроэнергии и строительство новой системы передачи высокого напряжения протяжённостью более 700 километров. Общая стоимость проекта составляет 5,8 миллиарда долларов США, из которых 85 % финансируется за счёт кредита от Экспортно-импортного банка Китая (4,93 млрд долл. США) и 15 % — обязательства федерального правительства Нигерии (870 млн долл. США).

Проект орошения реки Кано (KRIP) в Нигерии был запущен в 1999 г. и продолжает свою реализацию в настоящее время под руководством Федерального правительства Нигерии при спонсорской поддержке компании Eni [14]. В проекте участвуют федеральные и местные органы власти, компании-операторы, инвесторы, экологические организации и местное население. В результате реализации KRIP мощность нигерийских ГЭС увеличилась на треть, было создано водохранилище водоизмещением 10,4 млрд м³, инвестиции достигли 10 млрд долл., из которых 75 % составили инвестиции китайской национальной корпорации электроинжиниринга и 25 % — средства федерального правительства Нигерии. В рамках проекта были

введены в эксплуатацию четыре агрегата гидроэлектростанции «Зунгеру» общей мощностью 700 МВт, а доля ГЭС в структуре выработки электроэнергии в Нигерии увеличилась до 27 % в 2022 г.

Анализ рассмотренных проектов указывает на ключевую роль следующих факторов в обеспечении их успешной реализации: сильное лидерство и поддержка со стороны федерального правительства Нигерии; привлечение широкого круга заинтересованных сторон, включая местные власти, частный сектор и международные организации; наличие значительного объема финансирования, в том числе за счет зарубежных кредитов. А также эффективная координация между участниками проектов и своевременное решение возникающих проблем.

Однако из-за отсутствия данных о возможных неудачах в реализации проектов, трудно установить конкретные причины, которые могли бы помешать их успешному завершению. Вероятными факторами риска могли быть сложности с управлением проектами, технические и экологические проблемы, а также социальные конфликты с местными сообществами.

Космическая промышленность

Проект «Аполлон» — это американская программа полётов человека в космос, которая осуществлялась Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA) с 1961 по 1975 г. [9]. Руководителем проекта был Вернер фон Браун. Спонсором выступило NASA, а стейкхолдерами стали: NASA, Военно-воздушные силы США (ВВС США), Министерство обороны США, Конгресс США, американская общественность, международные партнёры и организации. В результате проекта «Аполлон» было совершено шесть успешных высадок астронавтов на Луну, первая пилотируемая высадка на другой астрономический объект, сбор образцов лунного грунта и их доставка на Землю. Проект внёс значительный вклад в историю пилотируемой космонавтики, мобилизовал научные, промышленные и финансовые ресурсы, а также обеспечил общественный контроль за ведением работ. Общая стоимость «Аполлон» с 1960 по 1973 г. составила около 25,4 млрд долл., что в сегодняшних ценах равно примерно 152 млрд долл.

Проект «Арьябхата» был реализован в Индии в период с 1965 по 1977 г. под руководством Викрама Сарабхайи [10]. Спонсором проекта выступало Астронавтическое общество Индии (ASI), член Международной астронавтической федерации с 1958 года. В число стейкхолдеров проекта

входили известные учёные и инженеры. Результатом стало создание и успешный запуск ракеты-носителя «Арьябхата», которая вывела на орбиту спутник «Бхаскара-1». Точный объём финансирования проекта «Арьябхата» неизвестен. Это был первый индийский спутник, который был полностью разработан и изготовлен в Индии. Он был запущен 19 апреля 1975 г. с помощью советской ракеты «Космос-3М» с полигона «Капустин Яр». С 1976 по 1997 год изображение спутника было нанесено на индийскую банкноту в 2 рупии.

Проект ACTS (Advanced Communications Technology Satellite) был реализован в США с 1993 по 2004 г. под руководством Фрэнка Л. Калбертсона-младшего при поддержке NASA и ARPA [11]. В число стейкхолдеров проекта входили: NASA, ARPA, BBN Technologies и Motorola. В результате ACTS успешно развёрнут и обеспечен функционированием спутник, налажена связь между наземными станциями и спутником, осуществлена передача данных между наземными станциями и спутником, а также получение и обработка данных от спутника. Кроме того, были предоставлены услуги связи и передачи данных пользователям. Объём финансирования проекта ACTS (Advanced Communications Technology Satellite) неизвестен. ACTS — это высокоскоростная спутниковая сеть связи, созданная в качестве прототипа системы для исследования цифровых конечных точек. Она была внедрена BBN Technologies и Motorola. Система работала и использовалась для экспериментов в течение 127 месяцев, вместо первоначально запланированных 24–48 месяцев. 31 мая 2000 г. программа экспериментов ACTS официально подошла к завершению, но система продолжала поддерживать эксперименты, пока не была деактивирована 28 апреля 2004 г.

Таким образом, все три проекта из категории космической деятельности можно считать успешными. Проект «Аполлон» был успешным. Ключевыми факторами успеха стали мощная финансовая и организационная поддержка, эффективное руководство, мобилизация ресурсов. Проект «Арьябхата» также был успешным. Он привел к созданию и запуску первого индийского спутника. Успех обеспечили поддержка Астронавтического общества Индии и участие ведущих специалистов. Проект ACTS стал успешным. Он обеспечил развертывание и функционирование спутниковой системы связи. Ключевую роль сыграли поддержка NASA и ARPA, а также участие BBN Technologies и Motorola.

В целом, все рассмотренные проекты можно оценить как успешные, поскольку они достигли

своих основных целей. Ключевыми факторами успешности выступили сильная финансовая и организационная поддержка, эффективное управление, участие ведущих специалистов и организаций, а также общественная поддержка.

Строительство и транспорт

Проект Dallas Area Rapid Transit (DART) в США был запущен в 1983 г. под руководством Надин Ли, и осуществляется в настоящее время [5]. Спонсорами проекта являются NorthPark Center и Texas Instruments. Стейкхолдерами DART являются жители Далласа и его пригородов, а также различные организации и предприятия, пользующиеся общественным транспортом.

Результаты реализации проекта включают:

- улучшение транспортной доступности;
- снижение загрязнения воздуха;
- повышение безопасности пассажиров;
- улучшение качества обслуживания населения.

По данным на 2016 г., общий объём финансирования DART составлял 5,5 млрд долл. (без учёта инфляции). В 2023 г. бюджет проекта на следующий финансовый год был утверждён в размере 1,8 млрд долл.

В период с 1986 по 1994 г. в Великобритании был реализован проект The Channel Tunnel, который возглавили премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер и президент Франции Франсуа Миттеран [5]. Спонсором выступила компания Channel Tunnel Rail Link. В проекте участвовали правительства Великобритании и Франции, компании, рабочие и инженеры, пассажиры и авиакомпании, а также экологические организации и местные сообщества. Результатом стало создание самого длинного подводного тоннеля в мире, который соединяет Великобританию и Францию. Время в пути между Лондоном и Парижем сократилось с трёх часов на поезде до двух часов пятнадцати минут на скоростном поезде Eurostar, проходящем через тоннель. Это привело к увеличению объёмов торговли и экономического сотрудничества между двумя странами. Улучшилась экологическая ситуация, снизились выбросы углекислого газа и шум от движения поездов. Оценочная стоимость проекта в 1985 году составляла 2,6 млрд фунтов стерлингов, но фактические расходы превысили расчётные на 80 % и достигли 4,65 млрд фунтов стерлингов к моменту открытия тоннеля в 1994 г. Его стоимость на тот момент составила 9 млрд фунтов стерлингов.

Delhi Metro Rail Corporation (DMRC) был основан 3 мая 1995 г. и находится под управлени-

ем Манмохана Сингха [5]. Спонсорами проекта являются, правительство Национальной столичной территории Дели и правительство Индии, а также другие международные организации и финансовые институты, такие как Всемирный банк, Азиатский банк развития и Японский банк международного сотрудничества. За время своего существования DMRC успешно реализовал ряд крупных инфраструктурных проектов, включая строительство первой в мире полностью «зелёной» метросистемы и улучшение транспортного обслуживания в Национальном столичном регионе и по всей стране. По состоянию на март 2016 г. общий долг DMRC составлял ₹291,5 млрд. (3,7 млрд долл. США), а собственный капитал — ₹239,9 млрд. (3,0 млрд долл. США). Большая часть финансирования поступала в виде займов от японского правительства, например, в 2021 году DMRC получил \$1,15 млрд (INR83,9 млрд) от Japan International Cooperation Agency (JICA) для расширения метрополитена.

Терминал 5 аэропорта Хитроу, расположенный в Великобритании в период с 2002 по 2008 год, был спроектирован бюро Richard Rogers Partnership (RSP) и построен при спонсорской поддержке компании Ferrovial [5]. Стейкхолдерами проекта были авиакомпании Холдинги аэропорта Хитроу; архитектурная фирма Richard Rogers Partnership; авиационные архитекторы Pascall + Watson; инженеры по обслуживанию Hathaway Roofing Ltd. В результате строительства терминала 5 удалось увеличить пропускную способность аэропорта на 20 миллионов пассажиров в год, улучшить качество обслуживания пассажиров и авиакомпаний, создать новые рабочие места и развить экономику региона. Кроме того, были внедрены современные технологии и системы безопасности, а также повышена экологическая устойчивость аэропорта. Общая стоимость строительства терминала 5 составила 4,3 млрд фунтов стерлингов (5,4 млрд долл.).

В период с 2008 по 2009 г. в Австралии был реализован проект по углублению каналов в порту Мельбурна под названием The Channel Deepening Project [15]. Руководителем проекта был Стивен Брэдфорд, бывший генеральный директор Port of Melbourne Corporation (PoMC). Спонсором выступила именно эта корпорация. В проекте участвовали стейкхолдеры: голландская компания Royal Boskalis Westminster и объединённая общественная группа Blue Wedges, проводившая общественные акции и пикеты против проекта (участие «против»). Результаты The Channel Deepening Project

включают углубление канала в порту Мельбурна, что позволило судам с большей осадкой заходить в порт и увеличило грузооборот. Также были созданы новые рабочие места, и развивалась экономика региона. Кроме того, улучшилась экологическая ситуация благодаря снижению выбросов парниковых газов и использованию экологически чистых технологий. Объём финансирования проекта по углублению каналов в Мельбурне в 2008–2009 гог. составил 969 млн австралийских долларов (около 803,75 млн долл. США).

Новая административная столица Египта (NAC) будет осуществляться в период с 2015 по 2027 г. под руководством Абделя Фаттаха ас-Сиси при поддержке Министерства обороны и Нового управления городских сообществ Министерства жилищного строительства [16]. Столица расположена в провинции Каир, в 45 км к востоку от Каира и сразу за Второй Большой Каирской кольцевой дорогой. Население города составит около 6,5 млн человек, но ожидается рост до 7 млн. Город станет новой административной и финансовой столицей Египта, где разместятся основные правительственные ведомства и министерства, а также иностранные посольства. В NAC будут построены правительственный административный округ, дипломатический квартал, культурный район, центральный деловой район, парки и 21 жилой район. Стоимость проекта оценивается в более чем 100 млн долл. США, но полная стоимость и сроки реализации пока не разглашаются. Финансирование столицы осуществляется в основном за счёт китайского капитала, облигаций с высокой процентной ставкой и инвестиций ближневосточных стран, таких как Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ.

Проект LAMATA в Нигерии будет осуществляться в период с 2019 по 2025 г. под руководством Абимболы Акинаджо и при спонсорской поддержке компании «Оандо» [17]. Он включает следующих стейкхолдеров: руководство и сотрудники компании, владельцы и акционеры, клиенты и пользователи, партнёры по бизнесу, государственные органы и регуляторы, общественность и неправительственные организации. В результате уже были реализованы две линии метро: Blue и Red, а также запланировано строительство семи дополнительных линий: Blue, Red, Green, Yellow, Purple, Orange и Brown. Это улучшило транспортную инфраструктуру в Лагосе и снизило загруженность дорог.

Таким образом, большинство рассмотренных проектов (Dallas DART, The Channel Tunnel,

DMRC в Индии, Терминал 5 аэропорта Хитроу, The Channel Deepening Project в Австралии, проект NAC в Египте, LAMATA в Нигерии) демонстрируют высокую степень успешности в достижении поставленных целей. Проекты привели к значительным улучшениям в транспортной инфраструктуре, увеличению пропускной способности, сокращению времени в пути, снижению нагрузки на дороги, созданию новых рабочих мест и развитию региональной экономики. Успешность проектов подтверждается их долгосрочной реализацией, наличием надёжного финансирования от государственных, международных и частных источников. Факторы, способствующие успеху проектов: эффективное руководство и координация со стороны ответственных органов и лидеров проектов; вовлечение широкого круга заинтересованных сторон (органы власти, компании, сообщества, пассажиры/клиенты); наличие стабильного и достаточного финансирования из различных источников. А также применение современных технологий, систем безопасности и экологически устойчивых решений, и четкое понимание и удовлетворение потребностей конечных пользователей. Факторы, препятствующие успеху: превышение фактической стоимости над первоначальными оценками (проект The Channel Tunnel); сложности в управлении финансами и высокая задолженность (проект DMRC).

В целом большинство рассмотренных инфраструктурных проектов были успешно реализованы, продемонстрировав свою социальную и экономическую эффективность. Ключевыми факторами достижения успеха являлись эффективное управление, надёжное финансирование и вовлечение заинтересованных сторон.

Проекты военной промышленности

Проект модернизации боевых бригад (Brigade Combat Team Modernization) был инициирован корпорацией Boeing в период с 2009 по 2010 г. при поддержке Министерства обороны США. Целью проекта было улучшение характеристик американских боевых бригад для повышения их мобильности, защиты, сбора информации и точности огня.

В результате реализации проекта были разработаны и внедрены инновационные технологии и системы, а также расширены возможности солдат в области разведки, наблюдения и рекогносцировки [15]. Компания Boeing получила контракт от Министерства обороны США на поддержку и модернизацию летательных аппаратов, нахо-

дящихся в эксплуатации в армии и флоте страны. Сумма контракта составляет 223 млн долл. Boeing также заключил контракт на модернизацию стратегических бомбардировщиков B-1 Lancer и B-52 Stratofortress, что повысит их поражающую способность и живучесть¹.

Проект Future Combat System (FCS) проходил в США с 2003 по 2009 г. Его реализовывала группа ведущих системных интеграторов, состоящая из крупных оборонных подрядчиков Boeing и Science Applications International Corporation (SAIC). Спонсором проекта выступило Министерство обороны США, а другими участниками стали Министерство обороны, Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов (DARPA) и частные компании, такие как Boeing, Lockheed Martin, Northrop Grumman и Raytheon. В результате проекта были получены следующие результаты: дистанционно управляемый робот-разведчик SUGV. Новый танк XM1202, вооружённый 120-мм пушкой. Это был очень маленький, но чрезвычайно «проворный» танк, управляемый двумя членами экипажа. Разработанные в рамках FCS образцы вооружений не имели серьёзных преимуществ перед «Абрамсами» и «Брэдли», которые эксплуатируются много десятилетий [15]. Полная стоимость технической разработки и производства техники по программе FCS превышала 300 млрд долл. США, из которых 125 млрд планировалось потратить на НИОКР. По данным независимого института CSBA на момент заморозки проекта FCS он обошёлся американским налогоплательщикам в 18,1 млрд.

Проекты по модернизации боевых бригад и созданию системы Future Combat System оказали значительное влияние на развитие американской армии, позволив усовершенствовать характеристики боевых бригад, повысить их мобильность и защищённость, улучшить сбор информации и повысить точность огня. Эти проекты способствовали разработке и внедрению инновационных технологий, а также расширению возможностей солдат в области разведки и рекогносцировки. Тем не менее, проект Future Combat System столкнулся с техническими проблемами и перерасходом бюджета, что привело к его приостановке. Но несмотря на это, полученный опыт имеет большую ценность для дальнейшего развития военной техники и технологий.

Оба проекта стали важными этапами в разви-

¹ Береснев И. Участие компании Boeing в модернизации военной авиации США / Береснев И. // avia.pro. — URL: <https://avia.pro/blog/uchastie-kompanii-boeing-v-modernizacii-voennoy-aviacii-ssha>.

тии военной промышленности и повышении боеготовности армии США.

Экология и природа

В период с 1944 по конец 1970 г. в Мексике был реализован проект «Зелёная революция», инициаторами которого выступили правительство Мексики и Фонд Рокфеллера, осуществлявший финансирование. В проекте приняли участие различные заинтересованные стороны, включая Нормана Борлауга, известного как «отец зелёной революции», учёных-аграриев, Международный научно-исследовательский институт риса (IRRI), Фонд Форда, Организацию Объединённых Наций и Продовольственную и сельскохозяйственную организацию (ФАО).

Одним из ключевых достижений стало создание новых сортов зерновых культур, таких как пшеница и кукуруза, что существенно повысило урожайность и качество жизни населения. С 1951 г. Мексика начала обеспечивать себя зерном и экспортировать его, что стало возможным благодаря внедрению новых сортов и технологий в сельское хозяйство. Программа «Зелёной революции» также оказала положительное влияние на условия жизни населения в других странах, где она была реализована.

За 15 лет урожайность зерновых в Мексике увеличилась в три раза, что позволило стране полностью обеспечить себя зерном и начать его экспорт. Разработки, полученные в ходе проекта, были успешно применены в селекционной работе в Колумбии, Индии, на Филиппинах и в Пакистане. Однако, были и негативные последствия «Зелёной революции», такие как экологические проблемы, связанные с использованием химических препаратов для удобрения почвы и борьбы с вредителями, а также нарушение водного баланса из-за обширной ирригации

В 1970 г. Норман Борлоуг, один из ключевых участников проекта, был удостоен Нобелевской премии мира. Награду он получил за «вклад в решение продовольственной проблемы, и особенно за осуществление зелёной революции»². Это признание было заслуженным: Борлоуг внёс значительный вклад в развитие сельского хозяйства и улучшение качества жизни людей [18].

Одноименный проект «Зелёная революция» в Индии начался в начале 1960-х гг., когда правительство страны совместно с международными донорскими агентствами начало реализацию программы по преобразованию сельского хозяйства. Спонсорами проекта выступили частные

² <https://ria.ru/20090913/184811326.html>

американские фонды. Основными результатами проекта стали внедрение высокоурожайных продовольственных культур, таких как гибридные сорта пшеницы, привезённые из Мексики, механизация сельскохозяйственных работ с использованием механизированных орудий и применение удобрений, пестицидов и ирригационных систем для повышения урожайности и борьбы с вредителями и болезнями растений.

Благодаря этим изменениям Индия смогла значительно улучшить снабжение городов продовольствием и повысить уровень жизни фермеров и крестьян. Однако реализация проекта также привела к усилению имущественного неравенства в сельских районах и зависимости Индии от внешних поставок продовольствия. «Зелёная революция» в Индии способствовала преобразованию сельского хозяйства в современную промышленную систему [19].

Последствия «зелёной революции» неоднозначны. Она позволила увеличить количество продуктов питания, повысить производительность сельского хозяйства, решить проблему голода и улучшить жизнь людей в разных регионах планеты. Также были выведены новые сорта сельскохозяйственных культур и изобретена новая техника. Но появились и негативные последствия: загрязнение окружающей среды химическими препаратами.

Оба проекта значительно увеличили производство продовольствия, но при этом привели к серьёзным экологическим проблемам, требующим поиска более сбалансированных и устойчивых подходов в аграрном секторе.

В 1973 г. в Индии был запущен национальный проект «Тигр», направленный на сохранение популяции тигров и их мест обитания. Проект реализовывался под руководством Национального управления по охране тигров, которое координировало работу с различными организациями и группами, включая Северо-восточную природоохранную группу, подразделение по сохранению Сандербанов, группу по сохранению Западных Гат, Восточных Гат, группу охраны природы Центральной Индии, подразделение по сохранению Сариски и подразделение по сохранению Казиранги.

Благодаря совместным усилиям удалось достичь значительного увеличения численности тигров: с 2 603–3 346 особей в 2018 г. до 3 500–4 000 особей в 2023 г. В рамках проекта было создано 55 тигровых заповедников, включая заповедник Шивалик-Тераи, заповедник Северо-Восточной Природоохранной группы, заповедник Сандербанов, заповедник Западных Гат, заповедник Вос-

точных Гат, заповедник Центральной Индии, заповедник Сариски и заповедник Казиранги.

Кроме того, было усилено патрулирование мест обитания тигров с помощью системы мониторинга M-STrIPES, что позволило улучшить управление популяциями тигров и повысить осведомлённость местного населения и общественности о важности сохранения этих животных и их мест обитания.

Проект «Тигр» стал примером одного из самых успешных предприятий по охране исчезающих видов животных [20].

В период с 2018 по 2024 г. в Мексике был реализован проект Parque Ecológico Lago de Texcoco. Архитектурная фирма «Foster +» Partners совместно с мексиканской студией Fernando Romero Enterprise занимались разработкой дизайна. Правительство Мексики и Национальная комиссия водных ресурсов (CONAGUA) выступили спонсорами проекта. Участниками проекта стали: архитектор Иньяки Эчеверриа, британская архитектурная фирма «Foster +» Partners, мексиканская студия Fernando Romero Enterprise, правительство Мексики и частные инвесторы. В результате реализации проекта была восстановлена территория для создания зелёной инфраструктуры в долине Мехико, создан баланс между инфраструктурой и природой, восстановлено местное биоразнообразие, а также сохранены 678 видов местной флоры и фауны, включая 5 видов земноводных, 14 видов рептилий, 276 видов птиц и 29 видов млекопитающих. Проект экологического парка Parque Ecológico Lago de Texcoco в Мексике получил международную оценку как крупный проект по восстановлению окружающей среды [21].

Проект FiReControl, реализовывавшийся в Великобритании в период с 2004 по 2010 г., был спонсирован Департаментом транспорта Великобритании и включал участие различных сторон: руководства и сотрудников компаний, владельцев и акционеров, клиентов и пользователей продуктов или услуг, партнёров по бизнесу, государственных органов и регуляторов, а также общественности и неправительственных организаций. Следствием проекта были достигнуты следующие результаты: снижение выбросов CO₂ на 30 %, сокращение потребления воды на 25 %, экономия электроэнергии на 15 %, повышение энергоэффективности зданий на 20 %, улучшение качества воздуха в городах и создание новых рабочих мест с повышением квалификации сотрудников [15]. Проект, оказался неудачным, поскольку столкнулся с множеством проблем, таких как задержки и перерасход средств, и в итоге

был закрыт в декабре 2010 г. За это время было построено восемь центров, но только один из них использовался — в Лондоне. Шесть остальных были сданы в аренду или проданы, чтобы вернуть часть потраченных средств.

Провал проекта продемонстрировал сложности реализации масштабных технологических преобразований в государственном секторе, а также заставил правительство дополнительно инвестировать 81 млн фунтов в улучшение работоспособности местных IT-систем пожарного контроля. Однако профсоюз пожарных команд выразил недовольство тем, что эти системы по-прежнему часто выходят из строя и создают опасность для жизни [25].

Проект «Грин-Ривер-Парк» в Египте стал значительной инициативой, реализованной в период с 2019 по 2021 г. Этот масштабный проект был инициирован премьер-министром Мостафой Мадбули и спонсировался компанией *Dar Al Handasah*. В нем приняли участие правительство Египта, Министерство жилищного строительства и городского развития, консорциум городского развития, проектные и строительные компании, инвесторы, а также жители Новой административной столицы и Каира.

Основной целью проекта было создание крупнейшего в мире городского парка протяженностью более 35 км и общей площадью 6200 акров (2 500 га). Парк должен был не только разгрузить старый Каир, но и стимулировать экономический рост Египта, обеспечивая 300 тыс. новых рабочих мест.

Строительство «Грин-Ривера» проходило в три этапа. Первая фаза включала создание столичного парка «Капитоль» площадью 1038 акров (420 га) с мечетью, ботаническим садом, бедуинским лагерем и другими объектами.

Проект «Грин-Ривер-Парк» был успешно завершен в 2021 г. и стал одним из самых ожидаемых и популярных мест в Египте. Помимо разгрузки старой столицы, проект также привлек внимание международных инвесторов и новых туристов, что свидетельствует о его успешной реализации [16].

После Второй мировой войны экологические и природные проекты сыграли значимую роль в развитии многих стран. Они помогли модернизировать промышленность, повысить квалификацию рабочей силы, снизить уровень безработицы и улучшить инфраструктуру.

Однако несмотря на то, что эти проекты принесли немало пользы, не все поставленные цели были достигнуты. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования системы управления проектами в данной сфере.

Важно продолжать работу над улучшением экологических и природных проектов, чтобы они могли эффективно решать существующие проблемы и способствовать устойчивому развитию общества.

Социально-культурные проекты

В 2005 г. в Пакистане был реализован проект по автоматизации ханж-отделения (отдела по делам хаджа) Министерства по делам религии. Этот важный проект был инициирован Директоратом электронного правительства (EGD) при финансовой поддержке Фонда Аль-Хидмат. В нем также приняли участие представители государственных органов и религиозных организаций.

В результате реализации проекта были автоматизированы ключевые процессы, связанные с хаджем — сбор и распределение средств закята (обязательной исламской милостыни) и ушра (10 % налога с сельхозпродукции), а также подготовка и проведение самого паломничества. Использование информационных технологий позволило сделать эти процессы более прозрачными, быстрыми и менее трудоёмкими.

Данные улучшения повысили доверие граждан к правительству и способствовали общему социальному и экономическому благополучию населения. Проект продемонстрировал, как цифровизация государственных услуг может повысить эффективность и подотчетность в религиозной сфере, имеющей большое значение для населения Пакистана.

Успешная реализация данного проекта автоматизации стала важным шагом в развитии электронного правительства и повышении качества государственных услуг в Пакистане [3].

Проект GeGov в Гане с 2011 по 2012 год стал ярким примером успешного публично-частного партнерства в сфере развития электронного правительства. Он был реализован компанией GCNet совместно с правительством Ганы при поддержке Всемирного банка.

Основной целью проекта GeGov было определение и реализация эффективной стратегии финансирования для продвижения инициатив электронного правительства. В проекте участвовали различные стороны: правительство Ганы, Министерство образования, Всемирный банк, местное население, поставщики услуг и товаров, а также международные организации и агентства развития.

Реализация проекта GeGov привела к впечатляющим результатам:

1. Улучшение доступа к образованию для детей и молодежи.

2. Повышение качества образования за счет применения современных методов обучения и оборудования.

3. Создание новых рабочих мест для местных жителей в сфере образования и смежных областях.

4. Развитие инфраструктуры и услуг в регионах, охваченных проектом.

Успех проекта GeGov продемонстрировал, как эффективное государственно-частное партнерство и целевое финансирование могут способствовать значительному прогрессу в области электронного правительства и социально-экономического развития в развивающихся странах, таких как Гана.

Проект «Цифровая образовательная революция» (Digital Education Revolution: National Secondary Schools Computer Fund project) в Австралии в период с 2011 по 2014 г. был реализован Майклом Куттсом-Троттером при спонсорской поддержке Национального фонда компьютеров для средних школ Нового Южного Уэльса. В проекте участвовали правительство штата Новый Южный Уэльс, департамент образования, школы и образовательные учреждения, учащиеся и их семьи, преподаватели и учителя, а также региональные команды поддержки DER.

Результаты проекта включают улучшение доступа к качественному образованию для учащихся средних школ, повышение уровня компьютерной грамотности и навыков использования технологий среди молодёжи, создание возможностей для дистанционного обучения и повышения квалификации учителей, развитие инновационных образовательных программ и методик, а также поддержку местных сообществ и экономики через создание рабочих мест и развитие малого бизнеса.

Проект был успешным и улучшил доступ к качественному образованию, компьютерной грамотности и навыкам использования технологий. Он создал возможности для дистанционного обучения и повышения квалификации учителей, а также поддержал местные сообщества и экономику [4].

Проект развития местного самоуправления Египта (ELGDP) был запущен в 2016 году и реализуется до сих пор. Инициатором проекта выступил Халед Абдель Азиз, а спонсором выступило правительство Египта. В проекте также участвуют местные органы власти, гражданское общество, международные организации и агентства развития, а также бизнес-сообщество [24].

Основные результаты проекта ELGDP включают:

– улучшение доступа к государственным услугам и инфраструктуре на местном уровне;

– повышение качества и эффективности предоставления государственных услуг;

– развитие гражданского общества и активное участие граждан в управлении местными делами;

– укрепление партнёрства между правительством, местными органами власти и гражданским обществом;

– содействие устойчивому развитию местных сообществ и повышению благосостояния населения.

Исследование показывает, что успех проекта ELGDP согласуется с существующими наработками в области развития электронного правительства, при этом особо подчеркивается значимость получаемой чистой выгоды как ключевого фактора, учитывающего организационные и управленческие аспекты.

Согласно данным на март 2024 г., Европейский союз выделил Египту €7,4 млрд в рамках поддержки этого важного проекта, направленного на укрепление местного самоуправления и повышение качества государственных услуг.

Реализация социально-культурных проектов оказала положительное влияние на различные аспекты жизни общества. Например, в Пакистане автоматизация процессов повысила прозрачность и эффективность управления финансами, а в Гане проект GeGov помог разработать стратегию финансирования для развития электронного правительства.

В Австралии и Египте оба проекта достигли значительных успехов благодаря сотрудничеству между различными заинтересованными сторонами и поддержке со стороны государства и международных организаций. Они позволили расширить доступ к образованию, повысить уровень компьютерной грамотности и разработать инновационные образовательные программы.

Кроме того, эти проекты способствовали созданию новых рабочих мест и развитию малого бизнеса, а также повышению качества и эффективности предоставления государственных услуг. Граждане получили возможность активнее участвовать в управлении местными делами.

Таким образом, реализация социально-культурных проектов приносит ощутимую пользу обществу, способствуя его развитию и процветанию.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что реализация различных крупномасштабных проектов,

включая инфраструктурные, ИТ-инициативы, а также социально-культурные и экологические программы, характеризуется высокой степенью успешности.

Достижение поставленных целей обеспечивается рядом ключевых факторов, среди которых: сильная финансовая и организационная поддержка; эффективное управление; привлечение ведущих специалистов; участие широкого круга заинтересованных сторон. Многие амбициозные проекты были успешно реализованы благодаря мощной государственной поддержке и использованию передовых технологий.

Успех государственных проектов в различных областях зависит от способности обеспечить стабильное финансирование, применять инновационные решения и эффективно координировать взаимодействие между всеми участниками. Эти условия являются ключевыми для успешной реализации масштабных проектов развития, которые открывают новые возможности для граждан и способствуют модернизации стран. Вместе с тем, мешать успешной реализации могут слишком глобальные или размытые цели, существенно повышающие сложность проекта и неопределенность для его участников. Кроме того, следует отметить, что для всех успешных проектов харак-

терно наличие конкретной, осязаемой и важной для населения цели.

Международный опыт проектного управления в государственном управлении, безусловно, гораздо шире представленного в рассмотренных выше академических публикациях, однако аналитическая (особенно — критическая) информация «постфактум» редко представлена в открытом доступе, что затрудняет объективный анализ. Ответ на вопрос, насколько универсально проектное управление как подход к государственному стратегическому управлению, остается дискуссионным. Для продолжения исследования представляется важным три направления: во-первых, анализ всего опыта российского проектного управления, начиная с «приоритетных национальных проектов» 2006 г., в том числе — способности достигать поставленных целей. Во-вторых, детальный анализ тех сфер, в которые опыт государственного проектного управления оказался менее успешным, для поиска причин и возможного преодоления проблем. В-третьих, расширения поиска на зарубежный муниципальный уровень, где также есть достаточное количество кейсов как успешных, так и не успешных проектов.

Список источников

1. Kelly M. War and culture: The lessons of post-war France // *Synergies Royaume-Uni et Irlande*. 2008. № 1.
2. Gülseven Y. The Marshall Plan: Rebuilding Europe to Build a US-Led Hegemonic World Order // *Nevşehir Hacı Bektaş Veli Üniversitesi SBE Dergisi*. 2021. 11(3). Pp. 1566–1581. DOI:10.30783/nevsosbilen.950228
3. Arfeen M., Khan N. Public Sector Innovation: Case Study of e-government Projects in Pakistan // *The Pakistan Development Review*. 2009. № 48. Pp. 439–457. DOI:10.30541/v48i4Ipp.439-457.
4. Owusu N. Y. Funding E-Government Projects in Ghana A Case Study of the Ghana Electronic Government (Gegov) Project. 2015. 121 P. DOI:10.13140/RG.2.2.11569.76641.
5. Patanakul P., Kwak Yo., Zwikael O., Liu M. What impacts the performance of large-scale government projects? // *International Journal of Project Management*. 2016. № 34. Pp. 452–466. DOI:10.1016/j.ijproman.2015.12.001
6. Abdelsalam H., Reddick G. Success and Failure of Local E- Government Projects: Lessons Learned from Egypt // *Managing E-Government Projects: Concepts, Issues, and Best Practices*. 2012. Pp. 1–21. DOI:10.4018/978-1-4666-0086-7.ch010.
7. Eden M. Designing Freedom, Regulating a Nation: Social-ist Cybernetics in Allende's Chile // *Journal of Latin American Studies*. 2006. № 38 (03). Pp. 571–606. DOI:10.1017/S0022216X06001179.
8. Hassan S., Ali P., Das N., Akhtar S., Jahan N. Important Dimensions of Digital Divide: A case study of NADRA Portal Pakistan. 2019. № 9. Pp. 148–163. DOI:10.5296/ber.v9i1.14290.
9. Roger D. Launius. Project Apollo: A Retrospective Analysis. 1994. Pp. 1–34.
10. Rao U. R. An overview of the «Aryabhata» project // *Proc. Indian Acad. Sci. (Engg. Sci.)*. 1978. Pp. 117–133. DOI:10.1007/BF02843538
11. Acosta R. et al. Advanced Communications Technology Satellite (ACTS): Four-Year System Performance // *Selected Areas in Communications, IEEE Journal on*. 1999. № 17. Pp. 193–203. DOI:10.1109/49.748783.
12. Stine, Deborah. The Manhattan project, the Apollo program, and federal energy technology R&D programs: A comparative analysis. 2011. Pp. 1–10.

13. Oruonye E. D. Politics of Hydroelectric Power Development in Nigeria: A Case Study of the Mambilla Hydroelectric Power Project. 2015. № 4. Pp. 19–25.
14. Ahmad M et al. Sefficiency of a Water Use System: The Case of Kano River Irrigation Project, Nigeria // *International Journal of Civil Engineering*. 2018. № 16. Pp. 929–939. DOI:10.1007/s40999-017-0235-2.
15. Ofer & Liu, Min. What impacts the performance of large-scale government projects? // *International Journal of Project Management*. 2016. № 34. Pp. 452–466. DOI:10.1016/j.ijproman.2015.12.001.
16. Elkadi H. Success and failure factors for e-government projects: A case from Egypt // *Egyptian Informatics Journal*. 2013. № 14. Pp. 165–173. DOI:10.1016/j.eij.2013.06.002.
17. Gil N., Msulwa R. LAMATA (Nigeria): A Beacon of Light for Lagos Transport System // Affiliation: Centre for Infrastructure Development (CID), Manchester Business School, The University of Manchester. 2015. Pp. 1–42. DOI:10.13140/RG.2.1.2273.4243.
18. Ameen A., Raza S. Green Revolution: A Review // *International Journal of Advances in Scientific Research*. 2018. № 3(12). Pp. 129. DOI:10.7439/ijasr.v3i12.4410
19. Norman B. Feeding a Hungry World. *Science* 318. 2007. 359–359. DOI:10.1126/science.1151062
20. Bibhu P. N., Pradyot R. J., Saswata Ch. Public Expenditure Effectiveness for Biodiversity Conservation: Understanding the Trends for Project Tiger in India // *Journal of Forest Economics*. 2020. Vol. 35. No. 2–3. Pp. 229–265. DOI:10.1561/112.00000512
21. Bezaury-Creel JE. Privately protected areas in Mexico, a 2012–2023 update // *Front. Conserv. Sci*. 2024. № 4. Pp. 1–12. DOI:10.3389/fcosc.2023.1304771
22. Kirsch A. 4 Deutsche Demokratische Republik // *Handbuch Religionskunde in Deutschland*, edited by Wanda Alberts, Horst Junginger, Katharina Neef and Christina Wöstemeyer, Berlin, Boston: De Gruyter. 2023. Pp. 97–108. DOI:10.1515/9783110694536-007.
23. Landau D, Dixon R. Utopian constitutionalism in Chile // *Global Constitutionalism*. 2024. № 13(1). Pp. 228–238. DOI:10.1017/S2045381723000266
24. Abdelsalam H. M., Reddick C. G., El Kadi H. A. Success and failure of local e-government projects: lessons learned from Egypt Managing e-government projects: Concepts, issues, and best practices. 2012. 242–261 p. DOI:10.4018/978-1-4666-0086-7.ch010.
25. Charette R. N. Three enduring government IT failures: Costly consequences continue for years — [Spectral Lines] in *IEEE Spectrum*. 2019. vol. 56, no. 8, pp. 4–4. DOI: 10.1109/MSPEC.2019.8784108.

References

1. Kelly M. War and culture: The lessons of post-war France. *Synergies Royaume-Uni et Irlande*. 2008;(1).
2. Gülseven Y. The Marshall Plan: Rebuilding Europe to Build a US-Led Hegemonic World Order. *Nevsëhir Hact Bektas Veli Üniversitesi SBE Dergisi*. 2021;11(3):1566-1581. DOI:10.30783/nevsosbilen.950228
3. Arfeen M, Khan N. Public Sector Innovation: Case Study of e-government Projects in Pakistan. *The Pakistan Development Review*. 2009; (48):439-457. DOI:10.30541/v48i4Ipp.439-457.
4. Owusu NY. Funding E-Government Projects in Ghana A Case Study of the Ghana Electronic Government (Gegov) Project. 2015;121. DOI:10.13140/RG.2.2.11569.76641.
5. Patanakul P, Kwak Y, Zwikael O, Liu M. What impacts the performance of large-scale government projects? *International Journal of Project Management*. 2016;(34):452-466. DOI:10.1016/j.ijproman.2015.12.001
6. Abdelsalam H, Reddick G. Success and Failure of Local E- Government Projects: Lessons Learned from Egypt. *Managing E-Government Projects: Concepts, Issues, and Best Practices*. 2012; 1-21. DOI:10.4018/978-1-4666-0086-7.ch010.
7. Eden M. Designing Free-dom, Regulating a Nation: Social-ist Cybernetics in Allende’s Chile. *Journal of Latin American Studies*. 2006;38(03):571-606. DOI:10.1017/S0022216X06001179.
8. Hassan Sh et al. Important Dimensions of Digital Divide: A case study of NADRA Portal Pakistan. 2019; (9):148-163. DOI:10.5296/ber.v9i1.14290.
9. Roger D. Launius. Project Apollo: A Retrospective Analysis, 1994. 1–34.
10. Rao UR. An overview of the «Aryabhata» project. *Proc. Indian Acad. Sci. (Engg. Sci.)*. 1978;117-133. DOI: 10.1007/BF02843538
11. Acosta R et al. Advanced Communications Technology Satellite (ACTS): Four-Year System Performance. *Selected Areas in Communications, IEEE Journal on*. 1999;(17):193-203. DOI: 10.1109/49.748783.
12. Stine D. The Manhattan project, the Apollo program, and federal energy technology R&D programs: A comparative analysis. 2011; 1-10.

13. Oruonye ED. Politics of Hydroelectric Power Development in Nigeria: A Case Study of the Mambilla Hydroelectric Power Project. 2015;(4):19-25.
14. Ahmad M et al. Sefficiency of a Water Use System: The Case of Kano River Irrigation Project, Nigeria. *International Journal of Civil Engineering*. 2018;(16):929-939. DOI:10.1007/s40999-017-0235-2.
15. Ofer, Liu M. What impacts the performance of large-scale government projects? *International Journal of Project Management*. 2016;(34):452-466. DOI:10.1016/j.ijproman.2015.12.001.
16. Elkadi H. Success and failure factors for e-government projects: A case from Egypt. *Egyptian Informatics Journal*. 2013;(14):165-173. DOI:10.1016/j.eij.2013.06.002.
17. Gil N, Msulwa R. LAMATA (Nigeria): A Beacon of Light for Lagos Transport System. Affiliation: Centre for Infrastructure Development (CID), Manchester Business School, The University of Manchester. 2015; 1-42. DOI:10.13140/RG.2.1.2273.4243.
18. Ameen A, Raza S. Green Revolution: A Review. *International Journal of Advances in Scientific Research*. 2018;3(12):129. DOI: 10.7439/ijasr.v3i12.4410
19. Norman B. Feeding a Hungry World. *Science*.2007;318:359-359. DOI:10.1126/science.1151062
20. Bibhu PN, Pradyot RJ, Saswata Ch. Public Expenditure Effectiveness for Biodiversity Conservation: Understanding the Trends for Project Tiger in India. *Journal of Forest Economics*. 2020;35(2-3):229-265.DOI: 10.1561/112.00000512
21. Bezaury-Creel JE. Privately protected areas in Mexico, a 2012–2023 update. *Front. Conserv. Sci*. 2024; (4):1-12. DOI:10.3389/fcosc.2023.1304771
22. Kirsch A. 4 Deutsche Demokratische Republik. Handbuch Religionskunde in Deutschland, edited by Wanda Alberts, Horst Junginger, Katharina Neef and Christina Wöstemeyer, Berlin, Boston: De Gruyter. 2023; 97-108. DOI:10.1515/9783110694536-007
23. Landau D, Dixon R. Utopian constitutionalism in Chile. *Global Constitutionalism*. 2024;13(1):228-238. DOI:10.1017/S2045381723000266
24. Abdelsalam HM, Reddick CG, El Kadi HA. Success and failure of local e-government projects: lessons learned from Egypt Managing e-government projects: Concepts, issues, and best practices. 2012;242-261. DOI:10.4018/978-1-4666-0086-7.ch010.
25. Charette RN. Three enduring government IT failures: Costly consequences continue for years — [Spectral Lines] in *IEEE Spectrum*. 2019;56(8):4-4. DOI: 10.1109/MSPEC.2019.8784108.

Информация об авторах

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук; директор Челябинского филиала ИЭ УрО РАН.

Ю. А. Меньшикова — студент.

А. А. Токарева — студент.

Information about the authors

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences; Director of the Chelyabinsk branch of IE UrO RAS.

Yu. A. Menshikova — Student.

A. A. Tokareva — Student.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 333.02

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-68-77

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ДОСТУПНОСТИ ИМПОРТА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ И НАЛОГОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ БЮДЖЕТЫ

Алексей Юрьевич Даванков¹, Геннадий Николаевич Пряхин²,
Константин Евгеньевич Нестеров³✉

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, iserp@csu.ru, 0000-0002-0209-5301

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pgn248@csu.ru, 0000-0003-1998-046X

³Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, fl-174@mail.ru, 0009-0002-4365-770X

Аннотация. В рамках проводимого исследования были выделены два основных фактора, определяющих степень доступности импортных комплектующих для предприятий промышленного сектора экономики. Произведен отдельный анализ последовательности влияния данных факторов на результаты основной деятельности организаций и бюджетные поступления от различных видов налогов. Целью исследования является разработка экономико-математической модели прогнозирования результатов основной деятельности предприятий под влиянием фактора удорожания импорта и перебоев с его поставками, напрямую влияющего на объемы производства, а также модели прогнозирования динамики поступлений в бюджеты регионов по налогу на добавленную стоимость и налогу на прибыль. В результате предложенная модель содержит четыре формулы, описывающие влияние каждого из двух факторов доступности импорта на динамику прибыли до налогообложения и добавленной стоимости реализуемой продукции. Дополнительно предложена модель прогноза влияния динамики удорожания импорта сырья на общий уровень инфляции в отрасли. Выведены рекомендации по учету определенных характеристик деятельности предприятий для осуществления представленного анализа.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, импорт, прибыль до налогообложения, налоговые поступления, инфляция

Для цитирования: Даванков А. Ю., Пряхин Г. Н., Нестеров К. Е. Влияние факторов доступности импорта на результаты деятельности предприятий и налоговые поступления в региональные бюджеты // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 68–77. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-68-77.

Original article

THE IMPACT OF IMPORT AVAILABILITY FACTORS ON THE ENTERPRISES PERFORMANCE RESULTS AND TAX REVENUES TO REGIONAL BUDGETS

Alexey Yu. Davankov¹, Gennady N. Pryakhin², Konstantin E. Nesterov³✉

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, iserp@csu.ru, 0000-0002-0209-5301

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pgn248@csu.ru, 0000-0003-1998-046X

³Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, fl-174@mail.ru, 0009-0002-4365-770X

Abstract. Within the framework of the research, two main factors determining the degree of availability of imported components for the enterprises of the industrial sector of the economy were put forward. A separate analysis of the sequence of influence of these factors on the results of the main activity of organizations and budget revenues from various types of taxes was made. The purpose of the study is to develop an economic and mathematical model of forecasting the results of the main activity of enterprises under the influence of the factor of import price rise and disruptions in its supply, which directly affects the production volumes, as well as the model of forecasting changes in regional budget revenues from value added tax and profit tax. As a result, the proposed model contains four for-

mulas describing the impact of each of the two factors of import availability on the dynamics of pre-tax profit and value added of the products sold. In addition, the model of forecasting the impact of the dynamics of raw materials import appreciation on the general level of inflation in the industry is proposed. Recommendations on considering certain characteristics of the enterprises' activity to carry out the presented analysis are given.

Keywords: foreign economic activity, imports, profit before taxation, tax revenues, inflation

For citation: Davankov AYu, Pryakhin GN, Nesterov KE. The Impact of Import Availability Factors on the Enterprises Performance Results and Tax Revenues to Regional Budgets. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):68-77. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-68-77.

Введение

Сложившаяся специфика ведения основной деятельности большинства отраслей экономики Российской Федерации предусматривает активные внешнеэкономические операции, в том числе закупку импортных комплектующих, сырья и материалов, необходимых для обеспечения собственного производства. Данная специфика приводит к возникновению рисков ухудшения показателей основной деятельности. В этой связи возникает потребность в прогнозировании негативных последствий для финансовых результатов подобных организаций и отраслей в целом, а также изменения объёмов налоговых поступлений для бюджетов различных уровней. Для решения поставленной задачи необходимо рассмотреть два основных риска с негативным последствием для отраслей:

- 1) удорожание импорта;
- 2) дефицит поставок импортируемых комплектующих, без возможности кратковременной замены на внутреннем рынке.

Имеющиеся исследования в области внешнеэкономической деятельности отраслей преимущественно рассматривали влияние инвестиционной активности на динамику развития предприятий [1–3]. Многие авторы также уделяли большое внимание фактору конкурентной борьбы за продажу продукции на мировом рынке, как основополагающему в вопросе достижения стабильных показателей развития [4; 5].

В данном исследовании предпринята попытка определить прямую факторную зависимость результатов деятельности отраслей и налоговых поступлений в региональные бюджеты от динамики удорожания импортных закупок комплектующих (с прямым влиянием на себестоимость), а также перебоев с их поставками в количественном выражении.

Существующие подходы к рассмотрению представленной проблемы

Рассматриваемая проблема оценки влияния факторов доступности импортируемых комплектующих на экономическое положение в производ-

ственных отраслях и динамику налоговых поступлений в региональные бюджеты предусматривает необходимость ознакомления с существующими взглядами на данную ситуацию со стороны специалистов в области изучения внешнеэкономической деятельности и финансового менеджмента предприятий.

Среди специалистов в области внешнеэкономической деятельности отмечается высокая роль проблемы монополизации мировых рынков в усложнении финансового положения основных потребителей (в частности, отечественных импортёров), что делает положение собственных производителей незащищённым по сравнению с представителями отраслей более успешных с экономической точки зрения стран, что подразумевает критику излишней либерализации экономических взаимоотношений. К данным специалистам можно отнести доцентов В. А. Дерен, О. Н. Маргалитадзе, В. С. Горбунова и профессора В. В. Гребеник [6–8].

Многими специалистами из данной области выделяется возрастающая роль всестороннего сотрудничества участников единых торгово-экономических ассоциаций и союзов, а также высокая роль регулятивной функции государства при использовании таможенных инструментов ограничения конкуренции со стороны внешних игроков. Такие авторы, как профессор Е. Ф. Прокушев, доценты А. А. Костин, А. П. Джабиев и Б. П. Пичков, также отмечают и негативный фактор развития взаимных препятствий различными государствами в случае возникновения политических предпосылок. Ими отмечается уязвимое положение экономики РФ во внешнеэкономических отношениях в силу значительной специализации на сырьевой торговле, которая напрямую связана со структурой мирового промышленного производства, имеющего тенденцию к неравномерному развитию и повторяющимся спадам производства [9–11].

Другими специалистами рассматривается возможность развития, а также совершенствования систем экономического анализа и бухгалтерского учёта внешнеэкономической деятельности в условиях всё более возрастающей роли

внешнеторговых операций в обеспечении стабильности основной деятельности большинством крупных предприятий страны. Ими изучается вопрос прямого влияния нормативно-правового регулирования внешнеторговых отношений между странами участниками Евразийского экономического союза. Так же подробно анализируется влияние валютного и таможенного регулирования на показатели экономического положения предприятий. Подробно данный аспект исследования вопросов внешнеэкономической деятельности рассматривается профессорами Г. Ф. Сысоевой, В. Б. Мантусовым и В. Л. Сельцовским [12–14].

Большинство выше представленных подходов подразумевает учёт влияния внешнеэкономических факторов на состояние отраслей экономики РФ с позиции воздействия торговых ограничений, фактора конкуренции и политических препятствий на торговый баланс, что в свою очередь приводит к соответствующим последствиям для возможностей долгосрочного развития предприятий промышленного и производственного секторов. Но проблема представленных подходов заключается в отсутствии учёта внутренних показателей деятельности данных отраслей, чтобы существовала возможность наиболее точного факторного анализа взаимосвязи стоимостных изменений импортируемого сырья и результатов деятельности, а также динамики налоговых поступлений. В этой связи с целью дальнейшего анализа представленной проблемы необходимо использование инструментов финансового менеджмента по отношению к предприятиям, занимающимся активным импортом компонентов входящей стоимости своей продукции.

Результаты исследования

Для достижения поставленных результатов исследования считаем необходимо оперировать общепринятыми показателями деятельности организаций, но для оценки динамики изменения добавленной стоимости реализуемой продукции их следует дополнять новыми коэффициентами, которые будут представлены в дальнейшем.

На начальном этапе рассмотрим каким образом изменение стоимости импортируемого сырья и полуфабрикатов повлияет на конечный размер основных показателей деятельности организаций. Для этого обозначим расчёт первого базового вида прибыли (1):

$$TCM = TR - TVC, \quad (1)$$

где TCM (Total Contribution margin) — маржинальная прибыль в д. е.; TR (Total Revenue) — вы-

ручка, в д. е.; TVC (Total Variable Cost) — переменные издержки в д. е.

Так как в первоначальной постановке задачи объёмы реализации предприятия не меняются (рассматривается влияние фактора удорожания импорта), то значение TR будет оставаться прежним. В свою очередь переменные издержки будут подразделяться на: TVC_{start} — до изменения, и TVC_{new} — после изменения.

Расчет маржинальной прибыли до изменения издержек выглядит следующим образом (2):

$$TCM_{start} = TR - TVC_{start}, \quad (2)$$

где TCM_{start} — маржинальная прибыль до изменения переменных издержек, в д. е.

Расчет маржинальной прибыли после изменения издержек будет осуществляться в данном виде (3):

$$TCM_{new} = TR - TVC_{new} = TR - (TVC_{start} + \Delta TVC) = TR - (TVC_{start} + TVC_{start} \cdot \Delta\%TVC), \quad (3)$$

где ΔTVC — изменение переменных издержек в д. е.; $\Delta\%TVC$ — изменение переменных издержек в % от изначального, в отн. вып.; TCM_{new} — маржинальная прибыль после изменения переменных издержек, в д. е.

Изменение маржинальной прибыли в денежных единицах (ΔTCM) представим в виде разницы между новым значением и начальным (4):

$$\Delta TCM = TCM_{new} - TCM_{start}, \quad (4)$$

где соответственно начальное значение маржинальной прибыли рассчитывается как разница прежней выручки и прежних переменных издержек (5):

$$TCM_{start} = TR - TVC_{start}. \quad (5)$$

И вычитая из выведенной формулы новой маржинальной прибыли (3) расчёт начальной (2), получим следующее:

$$\begin{aligned} \Delta TCM &= TR - (TVC_{start} + TVC_{start} \cdot \Delta\%TVC) - \\ &- (TR - TVC_{start}) = TR - TVC_{start} - TVC_{start} \cdot \Delta\%TVC - \\ &- TR + TVC_{start} = -TVC_{start} \cdot \Delta\%TVC. \end{aligned}$$

Таким образом, изменение значения маржинальной прибыли в денежных единицах можно представить в виде отрицательного произведения изначальных переменных издержек на их процентное изменение (6):

$$\Delta TCM = -TVC_{start} \cdot \Delta\%TVC. \quad (6)$$

Так как для большинства расчётов требуется понимание относительного изменения анализируемых показателей, считаем необходимым ввести расчёт относительного изменения маржинальной

прибыли ($\Delta\%TCM$ как отношение абсолютного изменения к первоначальному значению (7):

$$\begin{aligned}\Delta\%TCM &= \frac{-TVC_{start} \cdot \Delta\%TVC}{TCM_{start}} = \\ &= \frac{-TVC_{start} \cdot \Delta\%TVC}{TR - TVC_{start}}.\end{aligned}\quad (7)$$

В дальнейшем для унификации существующего расчёта к прочим условиям иных предприятий введём в текущий анализ показатель CMR (Contribution Margin Ratio), который в русскоязычной литературе принято называть «Коэффициентом маржинальной прибыли». Он показывает долю маржинальной прибыли в выручке организации (8):

$$CMR = \frac{TCM}{TR}.\quad (8)$$

Стоит отметить, что высокие значения данного показателя присущи прежде всего капиталоемким отраслям, низкие же значения - трудоёмким. Его расчёт является стандартной практикой для большинства аналитиков, занимающихся прогнозированием изменения итоговых результатов деятельности большого спектра предприятий различных отраслей [15, с. 131].

Соответственно разница между единицей и значением данного показателя будет показывать долю переменных издержек в выручке (9):

$$\omega TVC = 1 - CMR,\quad (9)$$

где ωTVC — доля переменных издержек в выручке, в отн. вып.

Таким образом, взаимозависимость между переменными издержками и выручкой можно представить в следующей зависимости (10):

$$TVC = TR \cdot \omega TVC = TR \cdot (1 - CMR).\quad (10)$$

Итоговое выражение переменных издержек можно заменить в (7) для процентного изменения маржинальной прибыли из (10):

$$\begin{aligned}\Delta\%TCM &= \frac{-TVC_{start} \cdot \Delta\%TVC}{TR - TVC_{start}} = \\ &= \frac{-TR \cdot (1 - CMR) \cdot \Delta\%TVC}{TR - TR \cdot (1 - CMR)}.\end{aligned}$$

После того, как показатель выручки будет выражен, как общий множитель в знаменателе и сокращён с ним же в числителе, получим следующее:

$$\begin{aligned}\Delta\%TCM &= \frac{-TR \cdot (1 - CMR) \cdot \Delta\%TVC}{TR \cdot (1 - (1 - CMR))} = \\ &= \frac{-(1 - CMR) \cdot \Delta\%TVC}{(1 - (1 - CMR))}\end{aligned}$$

$$= \frac{(CMR - 1) \cdot \Delta\%TVC}{(1 - 1 + CMR)} = \frac{(CMR - 1) \cdot \Delta\%TVC}{CMR}.$$

Для прогнозирования процентного изменения маржинальной прибыли организации ($\Delta\%TCM$) требуется учёт относительного изменения переменных издержек ($\Delta\%TVC$ и значения Коэффициента маржинальной прибыли (CMR)). Окончательный вид выведенной зависимости представим в (11):

$$\Delta\%TCM = \frac{(CMR - 1) \cdot \Delta\%TVC}{CMR}.\quad (11)$$

Отметим, что в данном расчёте коэффициент маржинальной прибыли учитывает значения выручки и переменных издержек до того изменения, которое произойдёт в результате описанной ситуации, и в дальнейшем аналитики будут находить его новое значение для будущих прогнозов. Применение (11) позволяет прогнозировать изменение финансовых результатов организаций, чья основная деятельность не предусматривает наличия большого объёма постоянных издержек и затрат на погашения процентов по заёмному капиталу, что делает её актуальной для торговых сетей или оптовых поставщиков. В случае деятельности крупных промышленных предприятий определим динамику изменения прибыли до налогообложения как главного показателя финансового результата. Для этого внедрим в анализ несколько дополнительных показателей.

С этой целью определим характер изменения так называемой «Операционной прибыли», то есть прибыли за вычетом постоянных издержек (12):

$$OI = TCM - TFC,\quad (12)$$

где OI (Operating income) — операционная прибыль в д. е.; TFC (Total fixed cost) — общие постоянные издержки, в д. е.

Для прогнозирования изменения данного показателя принято использовать инструмент под названием «Операционный рычаг», изначально предполагающий демонстрацию отношения относительного изменения операционной прибыли к относительному изменению выручки (13):

$$DOL = \frac{\Delta\%OI}{\Delta\%TR},\quad (13)$$

где DOL (Degree operating leverage) — операционный рычаг, в ед.; $\Delta\%OI$ — изменение операционной прибыли, в отн. вып.; $\Delta\%TR$ — изменение выручки, в отн. вып.

Но в рамках рассматриваемой ситуации, связанной с удорожанием импорта, непосредствен-

ного изменения выручки нет. Уточним, что коэффициент «Операционный рычаг» позволяет отслеживать изменения операционной прибыли, связанные с динамикой объёма продаж без какого-либо удорожания себестоимости единицы, что предполагает равенство относительного изменения выручки и относительного изменения маржинальной прибыли. По этой причине примем небольшое уточнение математического смысла данного коэффициента в рассматриваемой ситуации и заменим знаменатель (13) на относительное изменение маржинальной прибыли (14):

$$DOL = \frac{\Delta\%OI}{\Delta\%TCM}. \quad (14)$$

Выразив из числителя (14) относительное изменение операционной прибыли как произведение коэффициента (DOL) и относительного изменения маржинальной прибыли ($\Delta\%TCM$), а также заменив второй на правую часть выведенной (11), мы получим формулу зависимости относительного изменения операционной прибыли от относительного изменения переменных издержек (15):

$$\begin{aligned} \Delta\%OI &= DOL \cdot \Delta\%TCM = \\ &= \frac{DOL \cdot (CMR - 1) \cdot \Delta\%TVC}{CMR}. \end{aligned} \quad (15)$$

Если бы основная масса предприятий не нуждалась в заёмном финансировании деятельности, то операционная прибыль выступала в качестве базы для начисления налога на прибыль. Но существование расходов на погашение начисленных процентов по кредитам и займам приводит к появлению следующего показателя «Прибыль до налогообложения». Его базовый расчёт можно представить следующим образом (16):

$$EBT = OI - I, \quad (16)$$

где EBT (Earnings before tax) — прибыль до налогообложения, в д. е.; I (Interest) — расходы на погашение процентов по кредитам, в д. е.

При учёте специфики расчёта данного показателя примем во внимание, что при изменении расходов или доходов по основной деятельности предполагается, что изменения в процентных издержках на погашение кредитов не произойдёт в краткосрочной перспективе. Эта особенность так же приводит к ситуации, когда динамика изменения прибыли до налогообложения не совпадает с относительным изменением операционной прибыли, а чаще всего превышает её. Данное явление происходит вследствие действия так называемого «Финансового рычага». В этой ситуации для прогнозирования динамики изменения прибыли

до налогообложения введём в анализ коэффициент «Сила финансового рычага», экономический смысл которого можно выразить следующим соотношением (17):

$$DFL = \frac{\Delta\%EBT}{\Delta\%OI}, \quad (17)$$

где DFL (Degree financial leverage) — сила финансового рычага, в ед.; $\Delta\%EBT$ — изменение прибыли до налогообложения, в отн. вып.

Предварительный расчёт данного коэффициента производится на основе значения расходов на погашение процентов по кредитам и прибыли до налогообложения в прошедшем отчётном периоде (начальном периоде) следующим образом (18):

$$DFL = 1 + \frac{I}{EBT}. \quad (18)$$

Для выведения формулы изменения прибыли до налогообложения выразим её из числителя (17) и затем произведём замену относительного изменения операционной прибыли из правой части, выведенной ранее (15). Таким образом зависимость будет представлена в следующем виде (19):

$$\begin{aligned} \Delta\%EBT &= DFL \cdot \Delta\%OI = \\ &= \frac{DFL \cdot DOL \cdot (CMR - 1) \cdot \Delta\%TVC}{CMR}. \end{aligned} \quad (19)$$

Чтобы понять, какой вклад в изменение прибыли до налогообложения вносит удорожание импорта, сделаем корректировку относительного изменения переменных издержек на долю стоимости импортируемых комплектующих в их общем объёме (20):

$$\omega TVC_{imp} = \frac{TVC_{imp}}{TVC}, \quad (20)$$

где TVC_{imp} — стоимость импортируемых компонентов переменных издержек предприятия в производстве, в д. е.

Таким образом окончательный расчёт динамики изменения прибыли до налогообложения вследствие изменения стоимости закупки импортируемых комплектующих можно представить следующим образом (21):

$$\begin{aligned} \Delta\%EBT_{\Delta P_{imp}} &= \\ &= \frac{DFL \cdot DOL \cdot (CMR - 1) \cdot \omega TVC_{imp} \cdot \Delta\%TVC_{imp}}{CMR}, \end{aligned} \quad (21)$$

где $\Delta\%EBT_{\Delta P_{imp}}$ — изменение прибыли до налогообложения вследствие изменения цен на импортируемые комплектующие, в отн. вып.; $\Delta\%TVC_{imp}$ — изменение стоимости импортируемых комплектующих, в отн. вып.

В итоге, для прогнозирования изменения прибыли до налогообложения необходимо располагать первоначальным значением объёмов реализаций и основных переменных издержек (для коэффициента CMR), значением постоянных издержек (для коэффициента DOL), значением издержек на погашение процентов по кредитам (для коэффициента DFL), долей стоимости импортируемых комплектующих в общем объёме переменных издержек и задавать предполагаемые значения удорожания данного импорта. В случае анализа деятельности торговых организаций это можно определить как прямое удорожание импортируемых товаров. Если же предполагается анализ деятельности предприятия, занимающегося импортом необходимых комплектующих, но они не являются единственной статьёй его переменных издержек, то далее необходимо оперировать понятием «Входящая стоимость» (CfP, cost of purchase, то есть затраты на закупку участвующих в производстве конечного продукта сырья, полуфабрикатов, материалов или же комплектующих). В прогнозах итогов деятельности на первоначальном этапе потребуется произвести анализ изменения добавленной стоимости (VA, Value added). Для разграничения понятия маржинальная прибыль и добавленная стоимость, примем тот факт, что внутри второй, в отличие от первой, заложены затраты на «Фонд оплаты труда» и «Амортизацию» оборудования [16].

В результате абсолютно схожих действий при замене показателя Маржинальной прибыли на Добавленную стоимость (VA) и переменных издержек на Входящую стоимость (CfP) мы можем получить абсолютно схожий вывод конечной формулы зависимости изменения величины добавленной стоимости от изменения входящей стоимости при неизменном значении выручки (22):

$$\Delta\%VA = \frac{(VAR - 1) \cdot \Delta\%CfP}{VAR}, \quad (22)$$

где VAR (Value added ratio) — коэффициент добавленной стоимости, в отн. выр.; $\Delta\%VA$ — изменение добавленной стоимости, в отн. выр.; $\Delta\%CfP$ — изменение входящей стоимости, в отн. выр.

Значение коэффициента добавленной стоимости по аналогии с ранее используемым коэффициентом маржинальной прибыли отображает долю добавленной стоимости в общей выручке организации (23):

$$VAR = \frac{VA}{TR}. \quad (23)$$

При этом в анализируемой ситуации можно принять тот факт, что не все закупки, осуществляемые предприятием, являются импортными. Тогда относительное изменение общего значения входящей стоимости можно определить следующим образом (24):

$$\Delta\%CfP = \omega CfP_{import} \cdot \Delta\%CfP_{import}, \quad (24)$$

где ωCfP_{import} — доля издержек на импортируемые комплектующие в общем значении расходов на закупки, в отн. выр.; $\Delta\%CfP_{import}$ — изменение стоимости импортируемых комплектующих, в отн. выр.

Конечная формула прогнозирования изменения величины добавленной стоимости в результате изменения цен на импортируемые комплектующие примет следующий вид (25):

$$\Delta\%VA_{\Delta P, imp} = \frac{(VAR - 1) \cdot \omega CfP_{import} \cdot \Delta\%CfP_{import}}{VAR}, \quad (25)$$

где $\Delta\%VA_{\Delta P, imp}$ — изменение добавленной стоимости в результате изменения цен на импортируемые комплектующие, в отн. выр.

Стоит отметить, что изменение стоимости импортируемых комплектующих может выражаться в изменении курса национальной валюты по отношению к иностранной, изменении стоимости данных комплектующих или же сырья на мировом рынке, а также в виде произведения относительного изменения стоимости доставки на её долю в изначальной себестоимости [17].

Прогнозируя изменение добавленной стоимости производителей конкретной отрасли, активно импортирующих увеличивающееся в цене сырьё или комплектующие, государство способно определить соответствующее снижение поступлений налога на добавленную стоимость. Но необходимо отметить, что абсолютное большинство предприятий, оказавшихся в данной ситуации, особенно если идёт речь о целой отрасли, существующей за счёт импортируемых комплектующих, будут принимать меры по изменению ценовой политики, что приведёт к восстановлению прежних объёмов добавленной стоимости в среднесрочной перспективе [18].

В этой ситуации для сохранения прежнего уровня добавленной стоимости (её доли в выручке) предприятию необходимо парировать рост входящей стоимости соответствующим увеличением цен на реализуемую продукцию. Данное увеличение следует производить с учётом доли стоимости сырья и комплектующих в общей выручке, доли импорта в общих расходах на закупку и относительного изменения стоимости импорта (26):

$\Delta\%P_{CfP} = \omega CfP \cdot \omega CfP_{import} \cdot \Delta\%CfP_{import}$ (26)
 где $\Delta\%P_{CfP}$ — изменение цены из-за удорожания импорта, в отн. выр.; ωCfP — доля входящей стоимости в выручке, в отн. выр.

Заменив долю входящей стоимости в выручке на разность между единицей и долей добавленной стоимости, получим конечный вид формулы вынужденного изменения цен в отрасли (27):

$$\Delta\%P_{CfP} = (1 - VAR) \cdot \omega CfP_{import} \cdot \Delta\%CfP_{import} \quad (27)$$

На основе представленной модели воздействия фактора удорожания импорта на ценовую политику предприятий аналитические органы Минэкономразвития способны выдвигать соответствующие прогнозы уровня инфляции в отрасли.

В условиях приобретенного опыта воздействия санкционного давления на машиностроительные отрасли экономики возникает необходимость в проведении анализа последствий для результатов основной деятельности отраслей и налоговых поступлений в региональные бюджеты из-за перебоев поставок импортируемых комплектующих, что неминуемо приведёт к снижению объёмов производства, в случае если предприятия не в состоянии найти замену им на внутреннем или альтернативных внешних рынках [19; 20].

Когда результат деятельности организации напрямую связан с изменением объёмов производства и, как следствие, объёмов продаж, классический инструмент в виде коэффициента «Операционный рычаг» сможет дать ответ на вопрос о том, каково изменение показателя операционной прибыли, относительно динамики объёма продаж. Выразив его из равенства (13), мы получим следующее выражение (28):

$$\Delta\%OI = DOL \cdot \Delta\%TR. \quad (28)$$

В отличие от ранее рассматриваемой ситуации удорожания импорта, когда отсутствовало процентное изменение выручки, то его связь с изменением стоимости объёмов закупки (переменных издержек) также отсутствовала. В нынешней ситуации, когда ценовая политика в отрасли в основном не меняется, а лишь происходит вынужденное снижение объёмов продаж вслед за снижением поставок комплектующих, что говорит о прямой зависимости относительного изменения выручки и динамики переменных издержек.

Таким образом, в ранее выведенном равенстве (28) мы можем заменить относительное изменение выручки на относительное изменение переменных издержек и на втором этапе учесть, что оно напрямую зависит от динамики изменения поставок импортируемых комплектующих

($\Delta\%TVC_{imp}$) и их доли в общем объёме переменных затрат (ωTVC_{imp}), что можно представить в виде следующей зависимости (29):

$$\begin{aligned} \Delta\%OI &= DOL \cdot \Delta\%TVC = \\ &= DOL \cdot \omega TVC_{imp} \cdot \Delta\%TVC_{imp}. \end{aligned} \quad (29)$$

В данной формуле присутствует допущение о том, что доля стоимости импортируемых комплектующих напрямую связана с долей продукции, использующей данные компоненты, в общем объёме всего производства. В рассматриваемой ситуации снижения объёмов производства из-за перебоев поставок необходимых компонентов, как и в случае с первоначальной (удорожание поставок), необходимо учитывать фактор наличия заёмного финансирования деятельности предприятия, что требует использования коэффициента «Сила финансового рычага», который даст ответ на вопрос о том, какова прогнозируемая динамика изменения прибыли до налогообложения. Выведем данное изменение из (17) следующим образом (30):

$$\Delta\%EBT = DFL \cdot \Delta\%OI. \quad (30)$$

На втором этапе заменим динамику изменения операционной прибыли на правую часть равенства из (29). Таким образом, мы получим окончательный вид зависимости динамики прибыли до налогообложения от изменения объёмов поставок импортируемого сырья (31):

$$\begin{aligned} \Delta\%EBT_{\Delta Q_{imp}} &= DFL \cdot DOL \cdot \omega TVC_{imp} \times \\ &\times \Delta\%TVC_{imp}, \end{aligned} \quad (31)$$

где $\Delta\%EBT_{\Delta Q_{imp}}$ — изменение прибыли до налогообложения вследствие изменения объёма импортируемых поставок, в отн. выр.

В результате для прогнозирования последствий перебоев с поставкой импортируемых комплектующих на показатель прибыли до налогообложения необходимо учитывать влияние фактора постоянных издержек (при помощи коэффициента DOL), фактора издержек по финансовой деятельности (при помощи коэффициента DFL), долю импортных издержек в общем объёме переменных и относительное изменение поставок импортируемых комплектующих. На основе представленной модели аналитические органы регионального уровня могут прогнозировать изменения поступлений налога на прибыль.

Как и в случае с ранее рассмотренной гипотезой об удорожании импорта, нами проанализированы последствия для добавленной стоимости продукции предприятия и отрасли в результате снижения объёмов производства, вызванных дефицитом импортируемых комплектующих. В те-

кущем процессе имеет место простая прямая зависимость между динамикой добавленной стоимости и динамикой входящей стоимости (32):

$$\Delta\%VA = \Delta\%CfP. \quad (32)$$

Исходя из равенства формулы (24), произведём замену правой части чтобы получить окончательный вид динамики добавленной стоимости вследствие изменения объёмов импортируемых комплектующих (33):

$$\Delta\%VA_{\Delta Q_{imp}} = \omega CfP_{import} \cdot \Delta\%CfP_{import}. \quad (33)$$

где $\Delta\%VA_{\Delta Q_{imp}}$ — изменение добавленной стоимости под влиянием динамики поставок импортируемых комплектующих, в отн. выр.

Выведенный инструмент прогнозирования изменения добавленной стоимости продукции предприятий и отрасли предполагает учёт двух показателей: доли импорта в общем объёме закупок компонентов входящей стоимости и динамики поставок импортируемого сырья. При помощи данной модели специалисты министерства экономического развития смогут прогнозировать изменения в поступлениях налога на добавленную стоимость при возникновении фактора перебоев в поставках импортируемого сырья и комплектующих для производственных предприятий.

Выводы

По итогам проведенного анализа влияния внешнеэкономических факторов основной деятельности предприятий, а именно дефицита поставок и роста стоимости импортируемого сырья, можно сделать вывод о том, что они могут оказывать непосредственное влияние как на финансовые результаты организаций, так и на поступления в бюджеты различных уровней от большин-

ства основных видов налогов. Данные изменения являются прогнозируемыми при внедрении стандарта учёта классических видов издержек и долей импорта в их составе. Представленная в настоящем исследовании экономико-математическая модель при помощи выведенных равенств позволяет оценить влияние фактора удорожания импортных поставок в определённых значениях на темпы изменения прибыли до налогообложения и добавленной стоимости реализуемой продукции ((21) и (25)), помимо этого возможно проведение оценки влияния данного фактора на общий уровень инфляции в отрасли (26). А также предложенная модель позволяет оценить влияние фактора перебоев импортных поставок с прямым последствием для объёмов производства на динамику данных показателей ((31) и (33)). Процесс создания предложенных инструментов для прогноза изменения добавленной стоимости потребовал внедрения ранее не выдвигаемого в рамках теории финансового менеджмента показателя её доли в общей выручке (23). Предложенные авторами инструментарии дают возможность определять динамику изменения поступлений в региональные бюджеты по тем видам налогов, которые напрямую связаны с анализируемыми показателями (налог на прибыль и добавленную стоимость продукции).

На основе разработанного в настоящем исследовании инструментария и руководители организаций и региональные власти могут проводить анализ рисков с относительно точной оценкой последствий для своих целевых показателей в результате возникновения негативных внешнеэкономических факторов, связанных с активным импортом многих предприятий производственной отрасли.

Список источников

1. Проблемы устойчивого развития социально-экономических систем / под ред. акад. РАН А. И. Таркина и д. э. н., проф. В. В. Криворотова. М. : Экономика, 2012. 596 с.
2. Тебекин А. В. Закономерности и современные тенденции развития мирового хозяйства: факторы, определяющие динамику и направление инновационного развития // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: «Экономика и управление». 2012. № 1 (1). С. 34–38.
3. Региональное развитие и региональная политика России в переходный период: монография / под общ. ред. С. С. Артоболевского, О. Б. Глезер. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. 316 с.
4. Глаголев С. Н. Адаптация, экономическая устойчивость и конкурентоспособность промышленного предприятия // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2009. № 1. С. 68–73.
5. Баев И. А., Шмидт А. В. Управление экономической устойчивостью предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности // Вестник Ур-Ф У. Серия: «Экономика и управление». 2012. № 3. С. 50–63.
6. Дерен В. И., Дерен А. В. Экономика и международный бизнес: монография. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 302 с.

7. Маргалитадзе О. Н., Горбунов В. С. Особенности развития мировой экономики и внешнеэкономической деятельности в условиях глобализации и регионализации: монография / Маргалитадзе О. Н. Москва : Научный консультант, 2019. 170 с.
8. Проблемы экономической безопасности России в условиях геополитического кризиса и санкционного давления западных стран: коллективная монография / под редакцией В. В. Гребеник. Москва : Научный консультант, 2017. 166 с.
9. Прокушев Е. Ф., Костин А. А. Внешнеэкономическая деятельность: учебник и практикум для вузов; под редакцией Е. Ф. Прокушева. 11-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 471 с.
10. Джабиев А. П. Таможенное регулирование внешнеэкономической деятельности России: возможности и перспективы качественных изменений: монография. М. : Креативная экономика, 2019. 472 с.
11. Российская экономика: пути повышения конкурентоспособности: коллективная монография / Б. П. Пичков [и др.]; под общ ред. А. В. Холопова ; Московский гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России. М. : Журналист, 2009. 689 с.
12. Сыроева Г. Ф., Малецкая И. П., Абдалова Е. Б. Бухгалтерский учет, налогообложение и анализ внешнеэкономической деятельности: учебник для вузов / под редакцией Г. Ф. Сыроевой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 309 с.
13. Мантусов В. Б., Жуков Д. Б. Совершенствование таможенных операций при осуществлении внешнеторговой деятельности в Евразийском экономическом союзе // Вестник Российской таможенной академии. 2017. № 4. С. 24–31.
14. Сельцовский В. Л. Статистика и анализ внешней торговли : учебное пособие. М. : ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2014. 251 с.
15. Смагин Б. И. Экономико-математические методы : учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 272 с.
16. Марамыгин М. С., Юзвович Л. И., Князева Е. Г. [и др.] Денежное хозяйство предприятий: учебник; под общ. ред. Марамыгина М. С. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. 359 с.
17. Семенихин В. В. Внешнеэкономическая деятельность. М. : ГроссМедиа; Росбух, 2015.
18. Ресурсная обеспеченность как фактор повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности регионов России : монография / под ред. Е. Л. Плисецкого, Ю. А. Симагина. М. : Финансовый университет, 2011. 139 с.
19. Пространственная дифференциация и приоритеты социально-экономического развития регионов России: монография / под ред. Е. Л. Плисецкого. М. : РуСайнс, 2018. 234 с.
20. Спицына Т. В. Усиление контроля за валютными операциями // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2018. № 7. С. 67–72.

References

1. Problems of sustainable development of socio-economic systems. ed. by Acad. RAS A. I. Tatarkin and Dr. E.N., Prof. V. V. Krivorotov. Publishing House «Economy», 2012. 596 p. (In Russ.).
2. Tebekin AV. Regularities and modern trends in the development of the world economy: factors determining the dynamics and direction of innovation development. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya I: "E`konomika i upravlenie" = Vestnik of the Moscow University named after S. Y. Witte. Series I: "Economics and Management"*. 2012;1(1):34-38. (In Russ.).
3. Regional development and regional policy of Russia in the transition period: a monograph. edited by S. S. Artobolevsky, O. B. Glezer. S. Artobolevsky, O. B. Glezer. Bauman Moscow State Technical University, 2011. 316 p. (In Russ.).
4. Glagolev SN. Adaptation, economic sustainability, and competitiveness of industrial enterprise. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, e`konomiki i prava = Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2009;(1):68-73. (In Russ.).
5. Baeв IA ea al. Managing the economic stability of the enterprise in the context of increasing its competitiveness. *Vestnik Ur-F U. Seriya: "E`konomika i upravlenie" = Vestnik Ur-F U. Series: "Economics and Management"*. 2012;(3):50-63. (In Russ.).
6. Deren VI. Economics and international business: a monograph. 3rd ed., revised. and supplement. Yurait Publishing House, 2024. 302 p. (In Russ.).
7. Margalitzadze ON. Features of the development of the world economy and foreign economic activity in the conditions of globalization and regionalization: a monograph. Margalitzadze O. N., Gorbunov V. S. Scientific Consultant, 2019. 170 p.

8. Problems of economic security of Russia in the conditions of geopolitical crisis and sanctions pressure of Western countries: a collective monograph. edited by V. V. Grebenik. FGOBUVO "Financial University under the Government of the Russian Federation". Scientific Advisor, 2017. 166 p. (In Russ.).

9. Prokushev EF. Foreign economic activity: textbook and workshop for universities. 11th ed., rev., and supplement. Yurait Publishing House, 2023. 471 p. (In Russ.).

10. Dzhabiev AP. Customs regulation of foreign economic activity of Russia: opportunities and prospects for qualitative changes: a monograph. Creative Economy, 2019. 472 p. (In Russ.).

11. Russian economy: ways to improve competitiveness: a collective monograph. B. P. Pichkov [et al.]; edited by A. V. Kholopov; Moscow State Institute of International Relations (Univ.) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Publishing House «Journalist», 2009. 689 p. (In Russ.).

12. Sysoeva GF et al. Accounting, taxation, and analysis of foreign economic activity: a textbook for universities. 3rd ed., rev. and add. Yurait Publishers, 2024. 309 p. (In Russ.).

13. Mantusov VB et al. Improvement of customs operations in the implementation of foreign trade activities in the Eurasian Economic Union. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii = Bulletin of the Russian Customs Academy*. 2017;(4):24-31. (In Russ.).

14. Seltsovsky V. L. Statistics and analysis of foreign trade: Study guide. Seltsovsky V. L. IC RIOR, NIC INFRA-M, 2014. L. Moscow: IC RIOR, SIC INFRA-M, 2014. 251 p. (In Russ.).

15. Smagin B. I. Economic and mathematical methods: textbook for universities. 2nd ed., revised. and ext. Yurait Publishers, 2023. 272 p. (In Russ.).

16. Maramygin MS, Yuzvovich LI, Knyazeva EG. [et al.]. Money management of enterprises: textbook. edited by Maramygin M. S. Ural State University of Economics Publishing House, 2018. 359 p. (In Russ.).

17. Semenikhin VB. Foreign economic activity. V. V. Semenikhin. GrossMedia; Rosbukh, 2015. (In Russ.).

18. Plisetsky E L, Simagin YA. Resource endowment as a factor in improving the investment attractiveness and competitiveness of Russian regions: monograph. edited by Plisetsky E. L., Simagin Y. A. Financial University, 2011. 139 p. (In Russ.).

19. Spatial differentiation and priorities of socio-economic development of Russian regions: a monograph. edited by E. L. Plisetsky. RuSains, 2018. 234 p. (In Russ.).

20. Spitsyna TV. Strengthening control over currency transactions. *Actual issues of accounting and taxation*. 2018;(7):67-72. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Даванков — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и регионального развития.

Г. Н. Пряхин — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития.

К. Е. Нестеров — аспирант, преподаватель кафедры экономической теории и регионального развития.

Information about the authors

A. Yu. Davankov — Doctor of Economics, Professor, Professor.

G. N. Pryakhin — Doctor of Economics, Docent, Professor.

K. E. Nesterov — Postgraduate Student, Lecturer.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 11.08.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 11.08.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.35; 332.12

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-78-91

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Дарья Сергеевна Бенц¹, Юнер Шамильевич Капкаев²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zam@csu.ru, 0000-0003-2816-1992

Аннотация. Статья посвящена оценке социально-экономического иммунитета Челябинской области в части состояния человеческого потенциала, которая и представляет собой цель исследования. Под социально-экономическим иммунитетом территории понимаем совокупность накопленных потенциалов, обеспечивающих выживаемость территории, формируемую за счет длительного накопления резервов и являющуюся результатом целенаправленных действий агентов территории (предприятий, населения, власти) и стихийного накопления ресурсов. В статье авторы концентрируют внимание только на человеческом капитале, отнеся к таковому состояние демографических и трудовых ресурсов. Интеллектуальная и инновационная составляющие человеческого капитала вынесены за рамки исследования. Задачи исследования: проанализировать долгосрочный тренд реального валового регионального продукта как результативного признака; проанализировать долгосрочные тренды темпов роста численности населения, рабочей силы, занятого населения, безработных, коэффициентов рождаемости, смертности, естественного прироста населения, миграционного прироста, уровня занятости и безработицы; провести сравнительный анализ долгосрочных динамик указанных трендов показателей Челябинской области и страновых значений. В поставленных задачах фигурируют конкретные оценочные показатели, динамика которых представлена в статье с использованием следующих методов: сравнительного анализа результативного и факторного признаков; сравнительного анализа результативного признака исследуемого региона и аналогичного странового значения; сравнительного анализа факторных признаков исследуемого региона и аналогичного странового значения; методом корреляционного анализа и факторного, и результативного признаков региона и страны. По результатам проведенной оценки авторы установили истощение социально-экономического иммунитета региона по преобладающему большинству исследуемых показателей.

Ключевые слова: человеческий потенциал, демографический потенциал, трудовой потенциал, социально-экономический иммунитет, Челябинская область

Для цитирования: Бенц Д. С., Капкаев Ю. Ш. Оценка социально-экономического иммунитета Челябинской области через призму человеческого потенциала // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 78–91. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-78-91.

Original article

ASSESSMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC IMMUNITY CHELYABINSK REGION USING THE HUMAN POTENTIAL

Daria S. Benz¹, Yuner Sh. Kapkaev²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zam@csu.ru, 0000-0003-2816-1992

Abstract. The article is about assessment of the socio-economic immunity of the Chelyabinsk region in terms of the human potential. This assessment is the purpose of the study. The socio-economic immunity of the territory means the totality of accumulated potentials that ensure the survival of the territory, formed due to the long-term accumulation of reserves, which is the result of targeted actions of agents of the territory (enterprises, population, authorities) and the spontaneous accumulation of resources. In the article, the authors focus only on human capital, referring

to the state of demographic and labor resources. The intellectual and innovative components of human capital are beyond the scope of research. The objectives of the study are following: to analyze the long-term trend of the real gross regional product as a productive feature; analyze long-term trends in population growth rates, labor force, employed population, unemployed, fertility rates, mortality rates, natural population growth, migration growth, employment and unemployment; conduct a comparative analysis of long-term dynamics of the indicated trends in the indicators of the Chelyabinsk region and country values. The set tasks include specific assessment indicators. We presented its dynamics. We use following methods: comparative analysis of productive and factor characteristics; comparative analysis of the result characteristic of the study region and a similar country value; comparative analysis of factor features of the study region and a similar country value; by correlation analysis of both factor and performance characteristics of the region and country. According to the results of the assessment, we received depletion of the regional socio-economic immunity according to the predominant majority of the studied indicators.

Keywords: human potential, demographic potential, labor potential, socio-economic immunity, Chelyabinsk region

For citation: Benz DS, Kapkaev YuSh. Assessment of the Socio-Economic Immunity Chelyabinsk Region Using the Human Potential. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):78-91. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-78-91.

Введение

Иммунитет — категория, которую мы нечасто слышим в контексте экономической науки. Однако, сравнение территории и ее экономики с биологическим организмом имеет право на существование. Считается, что еще Ф. Кенэ, будучи врачом, сравнивал экономику с живым организмом. Согласно его концепции экономика функционирует, подчиняясь «естественному порядку».

В современной экономической литературе звучат такие термины, как «жизнестойкость территории» [1], «конкурентный иммунитет территории» [1; 2], «иммунитет периферийных территорий» [2–4], «ударопрочность территории» [5; 6], «устойчивость территории», в том числе к экономическим шокам [7].

М. Ю. Казаков выделил две формы иммунитета территории: конкурентный иммунитет и иммунитет периферийной территории [2]. Автор классифицирует их по предназначению. Первый позволяет вести борьбу за обладание ресурсами, необходимыми для будущего развития территории, второй — обеспечивает выживаемость территории, не дает ей исчезнуть. Концепция иммунитета территории данного автора заключается в сочетании «врожденных» и «приобретенных факторов» [4].

Ударопрочность — это свойство, присущее как территории [5], так и конкретной отрасли определенной территории [6]. Под «ударопрочностью» экономики региона представители челябинской науки понимают «способность к восстановлению, сохранению долгосрочного тренда развития, потенциала к адаптации и структурным изменениям» [5]. Авторы протестировали гипотезу о зависимости ударопрочности монопрофильного региона от активности внешнеторгового канала. Согласно концепции челябинских ученых уда-

ропрочность региона определяется «сложившейся товарной структурой внешней торговли, синхронностью и интенсивностью изменения объемов экспорта и импорта отдельных видов продукции в условиях внешних шоков» [5].

Н. Н. Михеева выделила четыре категории регионов в зависимости от реакции на внешний шок: «R1 — устойчивые регионы, не восприимчивые к внешнему шоку, в которых не происходит падения ВВП; R2 — устойчивые регионы, в которых докризисный пиковый уровень восстанавливается в течение периода, определенного как завершение кризиса; NR1 — неустойчивые регионы, в которых зарегистрирован рост, однако докризисный пиковый уровень до конца кризисного периода не восстановлен; NR2 — неустойчивые регионы, в которых докризисные пиковые уровни показателя не восстановлены и снижение показателей продолжается» [7]. Челябинская область по итогам кризиса 2015 г. попала в категорию R2, по итогам кризиса 2009 г. — в категорию NR1. Автор показала, для кризиса 2009 г. основной вклад в экономический рост был обеспечен за счет региональных факторов, а в кризис 2015 г. — за счет национального фактора.

Термином «иммунитет территории» оперируют Е. А. Шамова и Ю. Г. Мыслякова. «Иммунитет региональной системы — это результат пространственной социально-экономической эволюции, источник выявления эндогенных ресурсов для поддержки деятельности ее элементов под воздействием внешних факторов» [8]. Концентрируя внимание на внешнеэкономическом комплексе региона, авторы выделили три типа экономического иммунитета: экстрактивный, смешанный, инклюзивный. К инклюзивному (самому эффективному, по мнению авторов) типу отнесли регионы с высокой долей обрабатывающей промышленности.

Оценив состояние социально-экономического иммунитета Челябинской области по ряду оценочных показателей, мы указали на риск исчерпания источников роста дохода и ослабление социально-экономического иммунитета в отношении потенциала благополучия населения [9].

В текущем исследовании объектом выступают лишь один из потенциалов, легших в основу социально-экономического иммунитета региона, это человеческий потенциал. Актуальность вопроса обостряется ухудшением демографической ситуации в регионе — как в долгосрочной перспективе, так и за последние три коронавирусных года.

Целью исследования ставим оценку социально-экономического иммунитета Челябинской области в части состояния человеческого потенциала.

Методы и материалы

Продолжаем придерживаться принципов оценки социально-экономического иммунитета региона, сформулированных ранее [9]. Во-первых, это принцип двухкомпонентности. Выживаемость территории формируется не только за счет сегодняшнего социально-экономического состояния этой территории, но главным образом, за счет длительного накопления необходимых для этой выживаемости резервов, в том числе резервов ресурсов. Второй принцип логическим образом следует из первого: принцип долгосрочности. Так как устойчивость территории к различного рода шокам определяется долгим накоплением необходимых потенциалов, то исследовать вопрос иммунитета необходимо с опорой на длительный период. И наконец, в-третьих, это принцип временного лага. Экономический рост, как правило, является следствием определенного объема и качества любых ресурсов, в том числе и человеческих. Но мы говорим не об экономическом росте, а об устойчивости и выживаемости территории. Оба результата — будь то экономический рост или же социально-экономический иммунитет — являются итогом определенной комбинации ресурсов. Иммунитет же может способствовать сохранению устойчивости территории даже в условиях отсутствия или же отрицательного экономического роста. В этом плане временной лаг может быть более длительным, нежели в оценке экономического роста.

Ранее Д. С. Бенц было выделено несколько потенциалов, формирующих социально-экономический иммунитет территории — природный, демографический, трудовой, производственный, инвестиционный, инновационный, ин-

теллектуальный, инфраструктурный и потенциал благополучия [9]. В данном исследовании фокус внимания сосредоточен на, так называемом, человеческом потенциале, к которому отнесем демографический и трудовой. Интеллектуальный же потенциал также, безусловно, относится к категории «человеческий», но пока оставим его за скобками нашего исследования. На формирование трудового потенциала оказывают влияние социальные, технологические, экономические и политико-правовые факторы [10], но в данном исследовании мы не изучаем воздействие этих факторов.

В исследованиях экономического роста и социально-экономического иммунитета есть некая общность: обе категории предполагают соотнесение факторных и результативных признаков. Для оценки факторных признаков будем использовать показатели, приведенные в табл. 1 и относящиеся к демографическому и трудовому потенциалу территории. За результативный признак примем величину реального валового регионального продукта (ВРП).

Учитывая доступность статистических данных, публикуемых Росстатом, за диапазон исследования примем 1997–2022 гг. Реальный ВРП в нашем исследовании — это ВРП в ценах стартового года, то есть 1997 г.

Исходя из данных, используемых для оценки, а также с учетом принципов, перечисленных выше, оценивать социально-экономический иммунитет через призму человеческого потенциала будем следующими методами:

1. Методом сравнительного анализа результативного и факторного признака. Так как часть показателей, относящихся к категории «факторных признаков», исчисляется в абсолютных единицах, то здесь речь пойдет о темпах роста, причем не цепных, а по отношению к базисному 1997 г., накопительным пятилетним итогом.

2. Методом сравнительного анализа результативного признака исследуемого региона и аналогичного значения, характерного для среднестатистического региона, приводимого Росстатом как значение «Российская Федерация».

3. Методом сравнительного анализа факторных признаков исследуемого региона и аналогичного значения «Российская Федерация».

Второй и третий блоки анализа применимы как в отношении сравнения базисных пятилетних темпов роста, так и для сравнения годовых цепных темпов роста.

4. Методом корреляционного анализа. Объектом корреляционного анализа станет расчет ко-

Таблица 1
Table 1

**Оценка человеческого потенциала региона
Assessment of the human potential of the region**

Факторные признаки	Результативный признак
<i>Показатели демографического потенциала</i>	ВРП _{реал} — ВРП в ценах 1997 г.
численность населения; коэффициент рождаемости; коэффициент смертности; коэффициент естественного прироста населения; коэффициент миграционного прироста	$\text{ВРП}_{\text{реал}}^t = \text{ВРП}_{\text{ном}}^{t_0} \cdot i_{\text{баз}}^t$
<i>Показатели трудового потенциала</i>	ВРП _{ном} ^{t₀} — значение ВРП в текущих ценах для стартового 1997 г. (t ₀ – 1997 г.);
численность рабочей силы; численность потенциальной рабочей силы; среднегодовая численность занятых; безработные; уровень занятости; уровень безработицы; коэффициент демографической нагрузки	i _{баз} — индекс физического объема ВРП, базисный к 1997 г.; $i_{\text{баз}}^t = i_{\text{баз}}^{t-1} \cdot i_{\text{цепн}}^t$

Примечание: составлено авторами.

эффицентом корреляции между аналогичными показателями региона и российскими (среднероссийскими) значениями. Если исходные показатели измеряются в абсолютных величинах (млн руб., кол-во человек и проч.), корреляция будет рассчитана по цепным темпам роста. Если же данные представляют собой относительные величины (коэффициенты рождаемости и смертности, уровень занятости и безработицы), то корреляция будет оценена по исходным данным — без их изменения.

Результаты исследования

Оценим пятилетние темпы роста результативного и факторного признаков. Соотнесем значения результативных и факторных признаков между

значениями, характерными для Челябинской области, и среднероссийскими значениями. Результаты расчета показаны в табл. 2.

Примечателен тот факт, что динамика численности населения является отрицательной как в Челябинской области, так и в целом по стране. Не смотря на это, реальный экономический рост не является отрицательным. Вполне понятно, что экономический рост обусловлен не только фактором человеческого капитала, но и капитальными (инвестиционными, инновационными и проч.) ресурсами. Этот вопрос авторы поднимали в своих исследованиях. Тем не менее, динамика результативного фактора существенно разнится. Если Челябинская область за 25 лет

Таблица 2
Table 2

**Темпы роста исследуемых показателей
The growth rate of the studied indicators**

Показатель	Регион	2002/1997	2007/1997	2012/1997	2017/1997	2022/1997
ВРП в ценах 1997 г.	Чел. обл.	1,037	1,0604	1,598	1,637	1,768
	Россия	1,221	1,781	1,977	2,082	2,288
Численность населения	Чел. обл.	0,979	0,955	0,948	0,95	0,927
	Россия	0,985	0,965	0,974	0,998	0,995
Численность рабочей силы	Чел. обл.	0,986	1,008	1,083	1,0722	1,029
	Россия	1,057	1,104	1,112	1,118	1,101
Численность безработных	Чел. обл.	0,667	0,267	0,727	0,745	0,338
	Россия	0,707	0,569	0,513	0,492	0,366
Численность потенциальной рабочей силы	Чел. обл.	—	—	—	—	1,350 (2022/2017)
	Россия	—	—	—	—	0,906 (2022/2017)
Среднегодовая численность занятых	Чел. обл.	1,028	1,102	1,141	1,133	1,125
	Россия	1,014	1,051	1,051	1,111	1,101

Примечание: составлено авторами.

продемонстрировала рост, равный 76,8 %, то среднестатистический российский регион прибавил в росте 2,29 раза, что существенно выше роста челябинской экономики. Падение численности населения в регионе составило 7,3 % — против 0,5 % по стране. Оба этих показателя уже говорят о существенном ослаблении социально-экономического иммунитета нашей области.

Такой фактор, как численность рабочей силы, показал свой рост. Но опять же в сравнительном смысле регион здесь несколько проигрывает страновому значению (2,9 % vs. 10,1 %). За исследуемые 25 лет численность безработных сократилась — причем длинный тренд демонстрирует существенно большее сокращение, нежели каждый из пятилетних отрезков. За 25 лет безработных в Челябинской области стало в 2,96 раза меньше. В России число безработных сократилось в 2,73 раза.

Динамика численности безработных предопределила динамику численности занятого населения. Здесь регион выглядит в лучшем свете в сравнении со страновыми значениями. За 25 лет численность занятого населения выросла на 12,5 % — против 10,1 % по стране. Но если проанализировать отдельные отрезки времени, то начиная с 2012 года, когда рост этого показателя был на уровне 14,4 %, иммунитет региона показывает ослабляющийся тренд в последующие 10 лет.

В то время как по России можно наблюдать обратный тренд (15-летний рост численности занятых составил лишь 5,1 %).

Далее соотнесем цепные темпы роста и темпы роста накопительным итогом в отношении как результативного, так и факторных признаков. Если посмотреть на динамику темпов роста реального ВРП — региональную и страновую — то можно с одной стороны, отметить некоторую синхронизацию значений (в цепном варианте — верхние графики рис. 1), но с другой стороны, динамика темпов роста накопительным итогом (нижние графики рис. 1) не столь однозначна. Несмотря на синхронизацию накопительных динамик (что видно по геометрии нижних графиков), с течением времени область начинает отставать от среднероссийского региона. Это видно, если сопоставлять расстояние между графиками — оно нарастает. Это и есть ключевой признак ослабляющегося иммунитета региона. Если экономика среднероссийского региона за 25 лет выросла в 2,29 раза, то экономика нашей области лишь в 1,77 раз (табл. 2).

Далее проанализируем динамику факторных признаков — а именно показатели демографического потенциала. Устойчиво растущего или же снижающегося тренда, глядя на верхний график рис. 2, мы наблюдать не можем. Более того, нет никакой синхронизации цепных динамик, что видно по результатам корреляционного анализа.

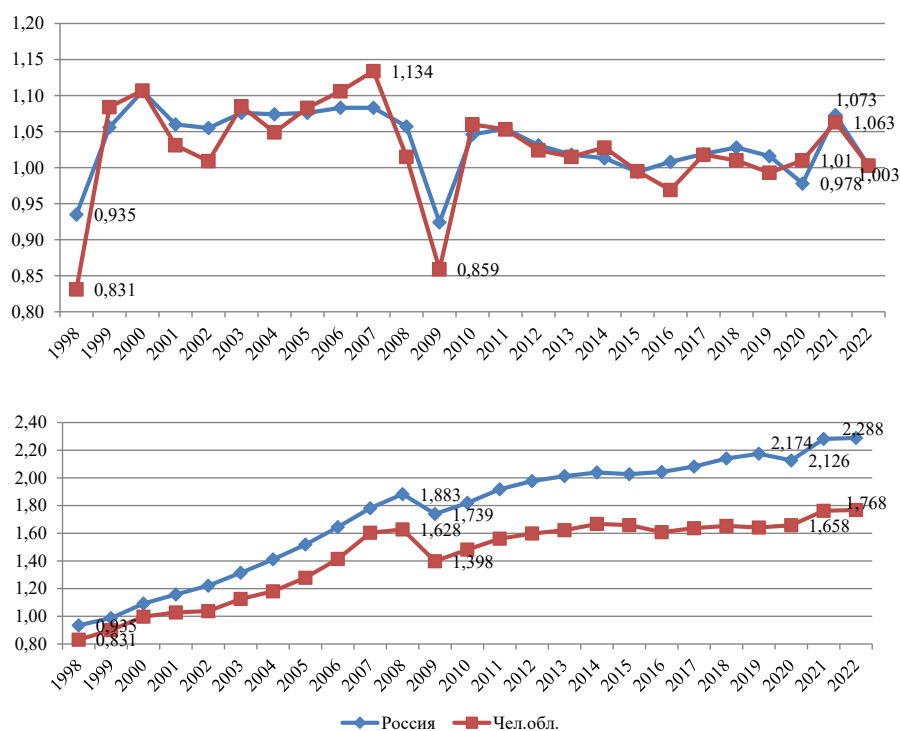

Рис. 1. Темпы роста реального ВРП: цепные (верхний рисунок), накопительным итогом (нижний рисунок)
 Fig. 1. Real GRP growth rates: chain (upper figure), cumulative total (lower figure)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Коэффициент корреляции составил 0,3 (табл. 3). Если же мы обратимся к динамике накопительным итогом (нижний график рис. 2), то в долгосрочном смысле мы можем отметить ослабление социально-экономического иммунитета в части

демографических ресурсов — как в отношении странового показателя, так и в отношении регионального. Но Челябинская область в этом смысле показывает более сильное ослабление, особенно начиная с 2016 г.

Таблица 3
Table 3

Анализ синхронизации динамики исследуемых показателей
Analysis of synchronization of dynamics of the studied indicators

Коэффициенты корреляции между аналогичными показателями региона и российскими (среднероссийскими) значениями		
Показатели		
Цепные темпы роста	Темпы роста накопительным итогом	Общий коэффициент рождаемости
Валовой региональный продукт в ценах 1997 года		
0,91	0,985	0,992
Численность населения		Общий коэффициент смертности
0,329	0,04	0,924
Численность рабочей силы		Коэффициент естественного прироста населения
0,436	0,739	0,977
Среднегодовая численность занятых		Уровень занятости
0,338	0,822	0,582
Численность безработных		Уровень безработицы
0,471	0,717	0,795
Коэффициент демографической нагрузки		
0,994		
Коэффициент миграционного прироста		
0,367		

Примечание: составлено авторами.

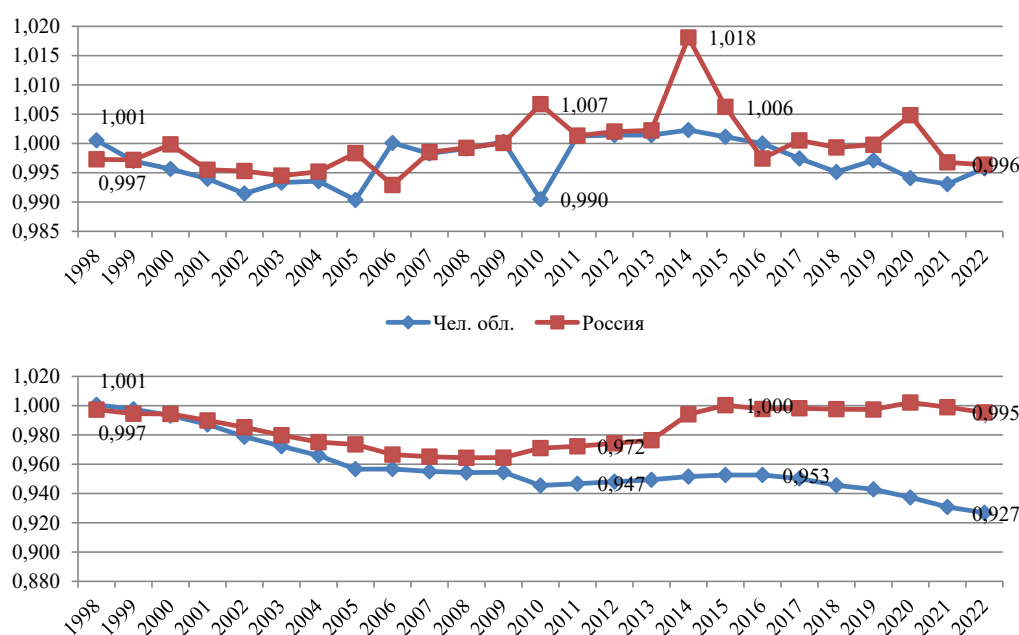

Рис. 2. Темпы роста численности населения: цепные (верхний рисунок), накопительным итогом (нижний рисунок)

Fig. 2. Population growth rates: chain (upper figure), cumulative total (lower figure)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

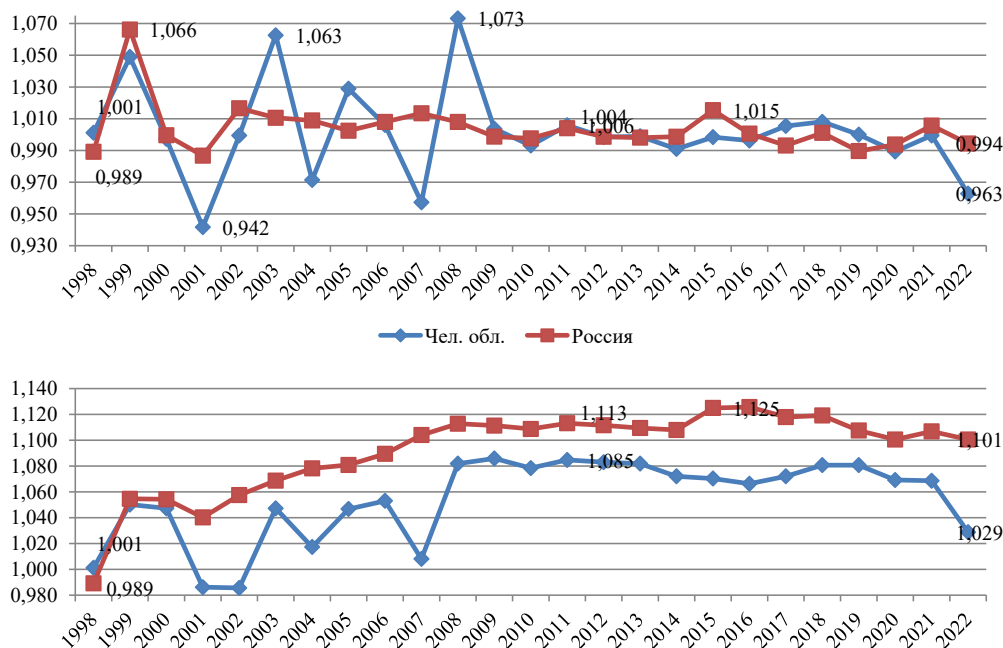

Рис. 3. Темпы роста численности рабочей силы: цепные (верхний рисунок), накопительным итогом (нижний рисунок)
 Fig. 3. Labor force growth rates: chain (upper figure), cumulative total (lower figure)
 Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Демографические показатели, хотя и являются потенциальной основой трудовых, не всегда репрезентативно отражают состояние экономического потенциала территории. Обратимся к рис. 3, где показаны динамики (опять же цепные и накопительным итогом) темпов роста численности рабочей силы. Тесной синхронизации регионального и национального трендов мы опять же не наблюдаем — в особенности в первые десять лет исследуемого периода, для которого характерны постоянные скачки регионального показателя. Начиная с 2009 г. налицо тесная связь значений цепных показателей. В долгосрочном периоде можно констатировать усиление социально-экономического иммунитета в части трудового потенциала, однако, усиление это не является существенным: прирост странового показателя составил 10,1 %, в Челябинской же области — лишь 2,9 % (нижний график рис. 3). Более того, можно было бы данные значения трактовать как положительные, если бы не наличие явно снижающегося тренда (причем как по стране, так и в регионе) за последние пять лет.

В части сопоставления динамик, проиллюстрированных на рис. 2 и 3, было бы интересным оценить коэффициент корреляции между темпами роста численности населения и темпами роста численности рабочей силы. Это позволит оценить, на сколько демографический потенциал реализуется и стабильно трансформируется в трудовые

ресурсы. Для Челябинской области такой коэффициент составляет 0,03, для России он отрицателен и равен $-0,17$. Оба полученных значения коэффициента корреляции говорят о том, что состояние трудовых ресурсов не является полным отражением демографического потенциала.

Для создания более полной картины обратимся к динамике численности занятого населения. Как и в случае с численностью рабочей силы, синхронизации цепных темпов роста не наблюдается. Визуально это видно на верхнем графике рис. 4, количественно — в табл. 3. Однако в долгосрочном смысле накопительным итогом связь темпов роста численности занятых можно назвать тесной, о чем свидетельствует коэффициент корреляции 0,82. В отношении долгосрочной динамики численности занятых Челябинская область показывает усиление социально-экономического иммунитета — не смотря на негативную демографическую динамику. По данному показателю регион выигрывает в сравнении с национальным значением аналогичного показателя (нижний график рис. 4).

Пожалуй, первый из исследуемых графиков, который показывает устойчиво снижающийся тренд — падение численности безработных. Особенно четко тренд прослеживается накопительным итогом (нижний график рис. 5). В отношении такого показателя, как «темпы роста численности безработных» опять же характерной оказалась синхронизация по базисным темпам роста. В табл.

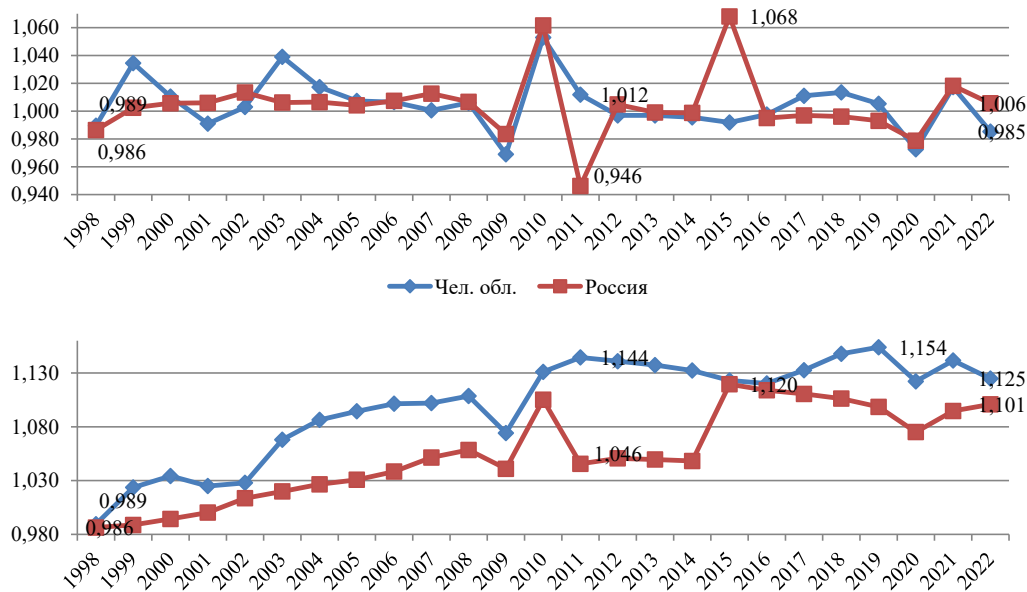

Рис. 4. Темпы роста среднегодовой численности занятых: цепные (верхний рисунок), накопительным итогом (нижний рисунок)

Fig. 4. The growth rate of the average annual number of employees: chain (upper figure), cumulative total (lower figure)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

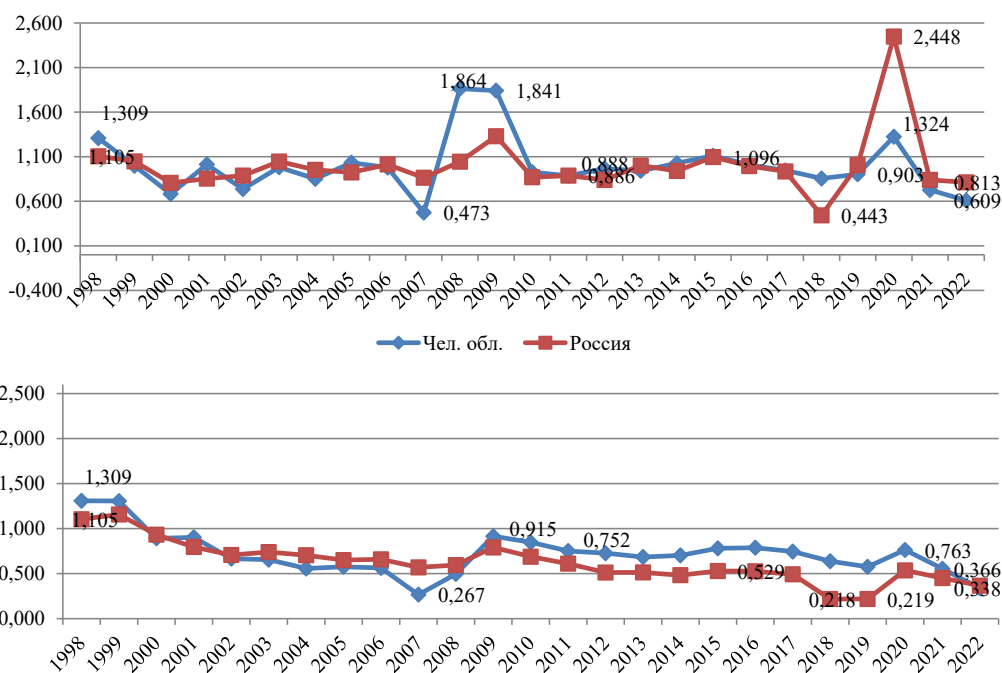

Рис. 5. Темпы роста численности безработных: цепные (верхний рисунок), накопительным итогом (нижний рисунок)

Fig. 5. The growth rate of the number of unemployed: chain (upper figure), cumulative total (lower figure)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

З мы можем увидеть значение соответствующего коэффициента корреляции, равное 0,72.

Интерпретация трендов, представленных на рис. 5, может быть не столь однозначной. С одной стороны, динамика является, безусловно, положительной. Темп роста безработных в 2022 г. в регионе составил 0,61, против 1,31 в 1998 г.

В 1998 г. число безработных было в 3,9 раза выше, чем в 2022 г. С другой стороны, низкий уровень безработицы может отражать и фактор дефицита кадров. В 2022 г. регион демонстрирует уровень безработицы даже ниже среднего по стране: 3,1 % против 3,9 % (рис. 11). При отсутствии положительной динамики численности населения

(рис. 2) такая низкая безработица указывает на практически полную исчерпанность трудовых ресурсов и сокращение трудового потенциала, как такового, а значит, сложившуюся ситуацию можно трактовать как ослабление социально-экономического иммунитета.

Ниже представлены тренды в отношении относительных показателей. Параболический тренд мы видим на рис. 6. Регион опережал среднестрановой уровень вплоть до 2016 г. В 2022 г. область вновь вышла на более высокие значения в сравнении с национальным показателем: 9,1 против 8,9. Но это опережение нельзя назвать существенным. Более того, сегодня и страна, и регион вернулись к значениям, характерным для 1998 года. И здесь можно смело говорить о большой потере иммунитета экономик исследуемых территорий.

Коэффициент смертности в 2022 г. упал существенно — по сравнению с 2021 постковидным годом (рис. 7). Устойчиво снижающаяся динамика, начавшаяся с 2009 г. и продолжающаяся до 2019 г., была нарушена в 2020 г. Очевидно, главным фактором здесь стала пандемия коронавируса [11].

О слабости иммунитета региональной экономики говорит коэффициент естественного при-

роста населения, который за 25 лет положительным был лишь в 2012–2014 гг. Но значение это лишь формально можно назвать положительным с точки зрения математики. По факту оно практически равно нулю, что означает равенство рождаемости и смертности. И здесь национальный и региональный тренды максимально синхронизированы, что говорит об универсальности демографических факторов, характерных для любой территории. На рис. 8 практически за весь исследуемый период мы видим убыль населения. Фактически проблема, обозначаемая авторами как «демографический кризис», обострилась намного раньше исследуемого нами периода — с начала 1990-х гг. [12].

Трудовые ресурсы могут быть восполнены не только за счет рождаемости, но и за счет положительного миграционного прироста. Но и здесь на сегодня регион не может похвастаться высокими значениями: в 2022 г. коэффициент миграционного прироста в Челябинской области составил лишь 0,1. Для такого большого региона, как Челябинская область, тысяча новых мигрантов вряд ли решил вопрос дефицита трудовых ресурсов (рис. 9).

Синхронизации динамик коэффициентов миграционного прироста между национальной и ре-

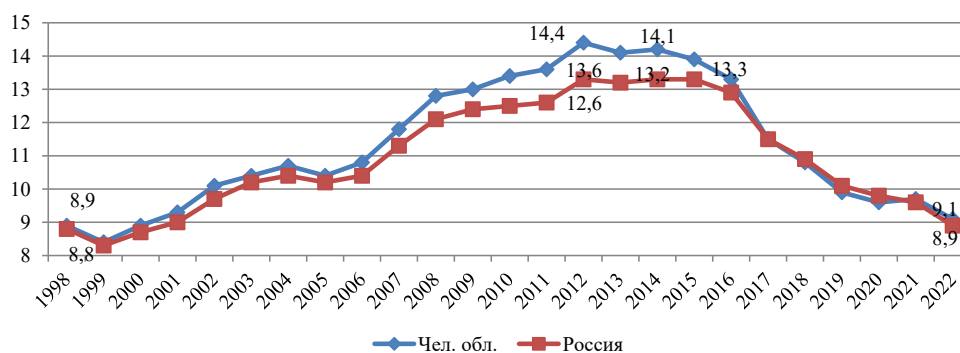

Рис. 6. Общий коэффициент рождаемости, число родившихся на 1000 человек населения

Fig. 6. Total fertility rate, the number of births per 1000 people of the population

Источник: по данным Росстата.

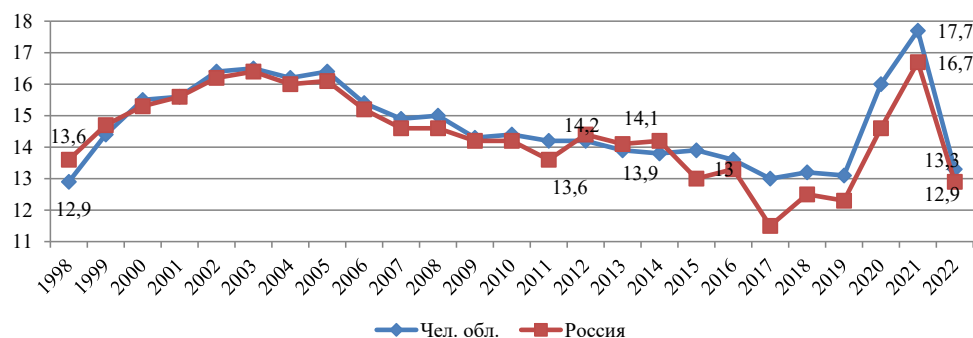

Рис. 7. Общий коэффициент смертности, число умерших на 1000 человек населения

Fig. 7. The total mortality rate, the number of deaths per 1000 people of the population

Источник: по данным Росстата.

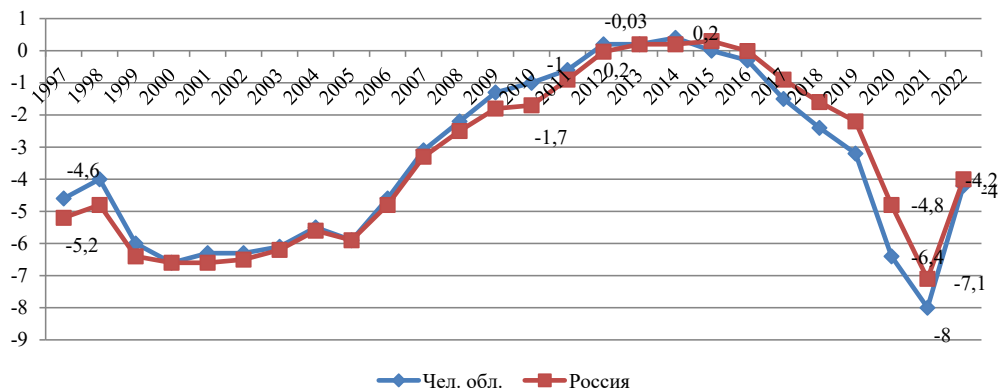

Рис. 8. Коэффициент естественного прироста населения на 1000 человек
 Fig. 8. Natural population growth rate per 1000 people

Источник: по данным Росстата.

гиональной экономика практически нет. Значение коэффициента корреляции составило 0,37 (табл. 3). Миграционный прирост в Челябинской области мал в сравнении со страновым показателем на протяжении практически всего исследуемого периода (начиная с 2001 г., рис. 9).

Уровень занятости показывает менее тесную синхронизацию (рис. 10), нежели уровень безработицы (рис. 11). Не смотря на устойчиво

снижающийся уровень безработицы в регионе, во всяком разе начиная с 2009 г., уровень занятости также не растет. Уровень занятости в регионе сегодня в области ниже уровня 1998 г., но выше среднего по стране.

И наконец, последний из исследуемых показателей — коэффициент демографической нагрузки. Для него характерен самый высокий уровень синхронизации — корреляция на уровне 0,99

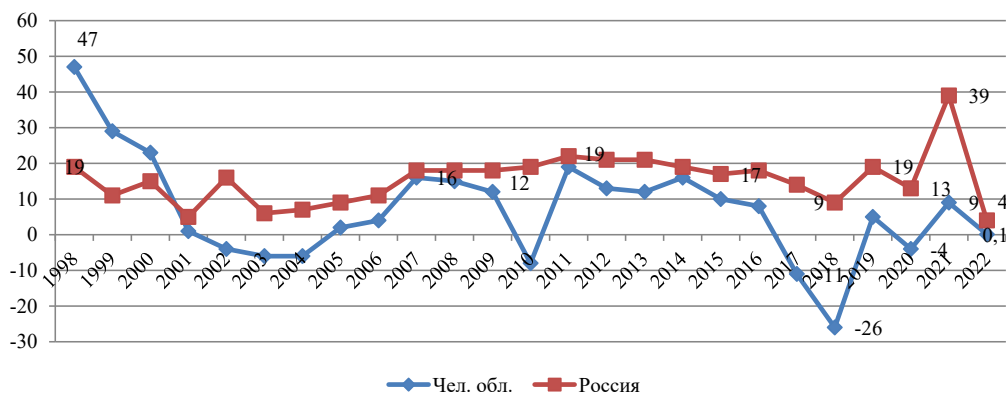

Рис. 9. Коэффициент миграционного прироста, на 10000 человек населения
 Fig. 9. Migration growth rate, per 10,000 people of the population

Источник: по данным Росстата.

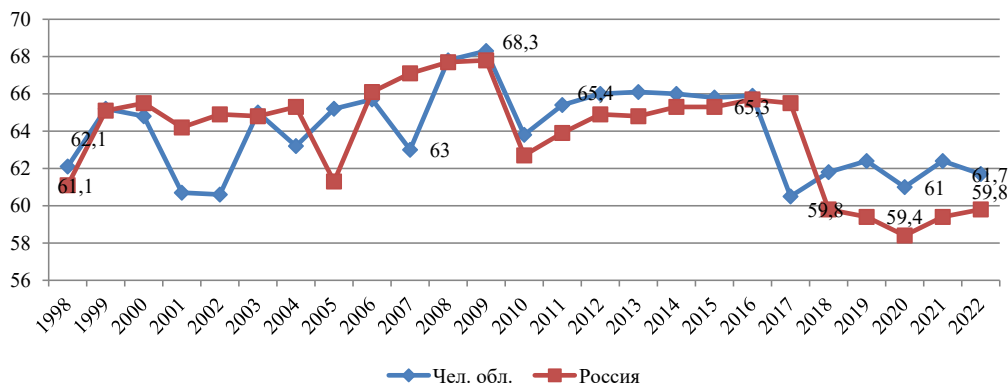

Рис. 10. Уровень занятости
 Fig. 10. Employment rate

Источник: по данным Росстата.

(табл. 3). Начиная с 2006 г. уровень демографической нагрузки, как в регионе, так и во всей стране, растет. Хотя в период 2018–2021 гг. наблюдается падение (рис. 12). С точки зрения экономического иммунитета, факт роста демографической нагрузки является негативным, так как это означает торможение процессов накопления трудовых ресурсов на территории. Очевидно, такой тренд обусловлен ростом продолжительности жизни, что в социальном смысле нельзя назвать негативным фактором. Даже несмотря на такой рост демографической нагрузки, в России уровень таковой существенно ниже целого ряда других стран — Японии, Германии, Франции [13]. С другой стороны, продолжительность трудовой жизни в России авторы оценивают как непродолжительную в сравнении с другими странами [14].

По мере описания выше приведенных рисунков мы обращались к корреляционному анализу, результаты которого приведены в табл. 3.

Общие выводы проведенного исследования

приведены в табл. 4. В таблице знак «+» означает усиление социально-экономического иммунитета; знак «-» — ослабление. Если речь идет о сравнении региона со страновыми значениями, то знак «+» говорит о более выгодном положении региона в сравнении с национальными значениями, знак «-» — наоборот, о том, что регион уступает среднестрановым значениям. Динамика оценена не с точки зрения классического (математического) понимания тренда, а путем соотнесения крайних значений показателей. Здесь мы не даем оценку того, как вели себя значения внутри исследуемого диапазона.

Заключение

Итак, что касается ослабления или же усиления социально-экономического иммунитета по каждому из исследуемых показателей — с одной стороны, в сопоставлении с национальными динамиками, с другой стороны — с точки зрения улучшающегося или ухудшающегося трендов. Из оценки

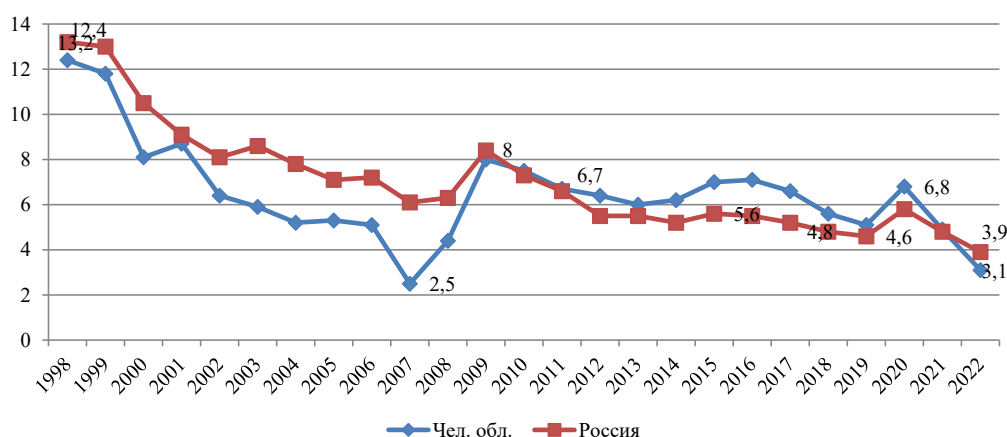

Рис. 11. Уровень безработицы
Fig. 11. The unemployment rate
Источник: по данным Росстата.

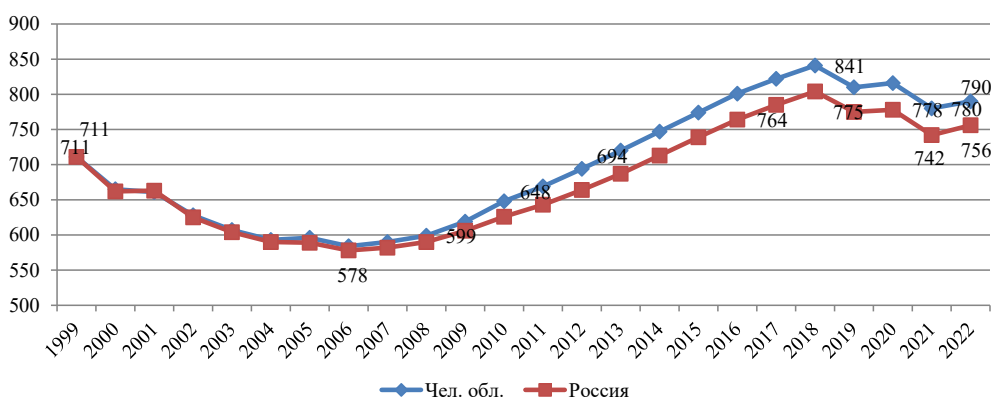

Рис. 12. Коэффициент демографической нагрузки (на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов)
Fig. 12. Demographic load factor (for 1000 people of working age, there are people of working age)
Источник: по данным Росстата.

**Состояние социально-экономического иммунитета в отношении факторов
человеческого потенциала**
The state of socio-economic immunity in relation to human potential factors

№	Показатель	Состояние Чел. обл. в сравнении с РФ		Динамика	
		в статике на 2022 год	в динамике за 25 лет	за 5 лет (2022/2017)	за весь исследуе- мый период
1	валовой региональный продукт в ценах 1997 года	= *	- *	+	+
2	численность населения	= *	- *	-	-
3	коэффициент рождаемости	+	+	-	+
4	коэффициент смертности	-	-	-	-
5	коэффициент естественного прироста на- селения	-	+	+	+
6	коэффициент миграционного прироста	-	-	+	-
7	численность рабочей силы	-*	-*	-	+
8	численность потенциальной рабочей силы	+ *	н. д.	+	н. д.
9	среднегодовая численность занятых	-*	+ *	-	+
10	безработные	+ *	-*	+	+
11	уровень занятости	+	+	+	-
12	уровень безработицы	+	-	+	+
13	коэффициент демографической нагрузки	-	-***	+	-
Общее число положительных позиций **		7	4	8	7

Примечания: составлено авторами.

* Выводы, сделаны не по исходным показателям, а по темпам роста ввиду несопоставимости абсолютных величин.

** В расчет попали и равные результаты, отмеченные «=».

*** Оценка дана по соотношению 2022/1996 ввиду отсутствия данных за 1997 г.

общего количества положительных позиций можно заключить следующее.

Долгосрочная позиция Челябинской области в сравнении со среднестрановыми значениями не удовлетворительна; лишь четыре показателя из двенадцати характеризуют регион положительно — это более высокие темпы роста уровня рождаемости (коэффициент рождаемости в регионе вырос на 7,1 %, в среднем по стране лишь на 3,5 %), среднегодовой численности занятых (12,48 % против 10,08 %), уровень занятости упал в меньшей степени, нежели в среднем по стране (1,9 % против 4 %), аналогичная ситуация с коэффициентом естественного прироста населения (падение в регионе ниже среднестранового падения — 8,7 % против 23,1 %).

В статике по состоянию на 2022 г. область выглядит лучше, нежели в долгосрочной динамике. За последние пять лет регион по ряду показателей демонстрирует усиление социально-экономического иммунитета — а именно, в отношении реального роста ВРП, естественного прироста населения, миграционного прироста, роста числен-

ности потенциальной рабочей силы, падения числа безработных, роста уровня занятости, падения уровня занятости и демографической нагрузки.

Двадцатипятилетняя динамика не тождественна пятилетней — в долгосрочной перспективе ослабление иммунитета наблюдается по целому ряду показателей, где в пятилетнем периоде, регион, наоборот, показал улучшающиеся тенденции — а именно, снижение миграционного прироста, падение уровня занятости, рост демографической нагрузки.

Именно наследная часть социально-экономического иммунитета позволяет региону сохранять пусть и незначительные, но все же положительные темпы экономического роста. Однако, проведенный анализ заставляет задуматься над приближением к некой «точке исчерпаемости» факторов экономического роста в части человеческого потенциала. Инерционная составляющая, которая ранее позволяла региону добиваться положительных темпов экономического роста, наверняка, имеет предел, по достижении которого без существенного накопления человеческого потенциала

дальнейший экономический рост станет невозможным. Оценить такую «точку исчерпаемости» нам еще предстоит.

Наряду с текущими негативными экономическими факторами, а также коронавирусной реаль-

ностью, которая лишь усиливает действие внешних экономических ограничений, замедление темпов экономического роста становится объективным следствием длительных процессов, называемых «демографическим тормозом экономики» [15].

Список источников

1. Важенина И. С., Важенин С. Г. Социально-экономическое проектирование конкурентного иммунитета территории // Инновации в управлении региональным и отраслевым развитием: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Тюмень, 2014. С. 69–73.
2. Казаков М. Ю. Разграничение понятий конкурентного иммунитета и общего иммунитета территорий периферии // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Абакан, 2018. С. 22–24.
3. Казаков М. Ю. Институт иммунитета периферийных территорий в концепции социально-экономического развития региона // Управление региональным развитием: проблемы, возможности, перспективы развития : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2018. С. 57–63.
4. Казаков М. Ю. Феномен иммунитета периферийных территорий // Московский экономический журнал. 2018. № 3. С. 171–179.
5. Данилова И. В., Антонюк В. С., Богданова О. А. «Ударопрочность» монопрофильных регионов в условиях внешних шоков: оценка и управленческие решения // Управленец. 2023. Т. 14, № 6. С. 33–49.
6. Резепин А. В., Данилова И. В., Карпушкина А. В., Правдина Н. В. Оценка «ударопрочности» экономики спорта регионов России в условиях международных ограничений // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24, № S1. С. 97–107.
7. Михеева Н. Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1 (184). С. 106–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118
8. Шамова Е. А., Мыслякова Ю. Г. Оценка влияния внешнеэкономического комплекса на экономический иммунитет региональной системы // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 11 (181). С. 1190–1199.
9. Бенц Д. С. Оценка социально-экономического иммунитета Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 6 (452). С. 122–131. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10614
10. Потуданская В. Ф., Боровских Н. В., Кипервар Е. А. Кадровый потенциал региона: сущность, факторы, проблемы формирования // Экономика труда. 2018. Т. 5, № 3. С. 735–744. DOI: 10.18334/et.5.3.39252
11. Хасанова Р. Р., Зубаревич Н. В. Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 1. С. 77–87.
12. Ионцев В. А., Магомедова А. Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 89–102.
13. Карпова О. Б., Проклова Т. Н. Демографическая нагрузка в России в 2000-е годы // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2020. № 1. С. 52–57. DOI: 10.25742/NRIPH.2020.01.009
14. Денисенко М. Б., Варшавская Е. Я. Продолжительность трудовой жизни в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21, № 4. С. 592–622.
15. Вишневский А. Г., Щербакова Е. М. Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–70.

References

1. Vazhenina IS, Vazhenin SG. Socio-economic design of competitive immunity of the territory. *Innovacii v upravlenii regional'nyh i otraslevym razvitiem: materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoj konferencii* = *Innovations in the management of regional and sectoral development: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. 2014:69-73 (In Russ.).
2. Kazakov MYu. Delineation of the concepts of competitive immunity and general immunity of peripheral territories. *Konkurentnyj potencial regiona: oценка i effektivnost' ispol'zovaniya. Sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* = *Competitive potential of the region: evaluation and efficiency of use. Collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference*. 2018:22-24 (In Russ.).
3. Kazakov MYu. Institution of immunity of peripheral territories in the concept of socio-economic development of the region. *Upravlenie regional'nyh razvitiem: problemy, vozmozhnosti, perspektivy razvitiya. Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarod-*

nym uchastiem = Management of regional development: problems, opportunities, development prospects. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference with international participation. 2018:57-63 (In Russ.).

4. Kazakov MYu. The phenomenon of immunity of peripheral territories. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal. 2018;(3):171-179.*

5. Danilova IV, Antonyuk VS, Bogdanova OA (2023). Shock robustness of single-industry regions: Assessment and governance. *Upravlenets = The Manager. 2023;14(6):33-49. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-6-3 (In Russ.).*

6. Rezepin AV, Danilova IV, Karpushkina AV, Pravdina NV. Assessment of the “impact resistance” of the sports economy in Russian regions confronting international constraints. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine. 2024;24(S1):97-107. DOI: 10.14529/hsm24s113 (In Russ.).*

7. Mikheeva NN. Resilience of Russian Regions to Economic Shocks. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting. 2021;32(1):68-77. DOI: 10.1134/S107570072101010X (In Russ.).*

8. Shamova E. A., Myslyakova Yu. G. Assessing the Impact of the Foreign Economic Complex on the Economic Immunity of a Regional System. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management. 2020;26(11):1190-1199 <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1190-1199> (In Russ.).*

9. Benz D. S. Assessment of socio-economic immunity of the Chelyabinsk region. *Vestnik Spelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021;6(452):122-131. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10614 (In Russ.).*

10. Potudanskaya VF, Borovskikh NV, Kipervar EA. Personnel potential of the region: essence, factors, problems of formation. *Ekonomika truda = Russian Journal of labor Economics. 2018;5(3):735-744. DOI: 10.18334/et.5.3.39252 (In Russ.).*

11. Khasanova RR, Zubarevich NV. Birth Rate, Mortality and Situation of Regions at the Onset of the Second Wave of Pandemic. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian economic development. 2021;28(1):77-78 (In Russ.).*

12. Iontsev VA, Magomedova AG. Demographic Aspects of Human Capital Development in Russia and Its Regions. *Ekonomika Regiona = Economy of Region. 2015;(3):89-102 (In Russ.).*

13. Karpova OB, Proklova TN. Demographic load in Russia in the 2000s. *Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko = Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health. 2020;(1):52-57. DOI: 10.25742/NRIPH.2020.01.009 (In Russ.).*

14. Denisenko MB, Varshavskaya EYa. Working Life Expectancy in Russia. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomik = Higher School of Economics. Economic Journal. 2017;21(4):592-622 (In Russ.).*

15. Vishnevsky AG, Scherbakova EM. Demographic brakes of the economy. *Voprosy Ekonomiki. 2018;(6):48-70. (In Russ.).*

Информация об авторах

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков я.

Ю. Ш. Капкаев — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the authors

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Yu. Sh. Kapkaev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 15.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 92–103.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(10(492):92-103

Научная статья

УДК 331

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-92-103

ОСНОВАНИЯ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРСОНАЛА СФЕРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ольга Михайловна Абросимова

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, omabrosimova@fa.ru, 0000-0002-8889-0989

Аннотация. Актуальность темы обосновывается активным внедрением цифровых технологий в экономику, когда промышленные предприятия вынуждены пересматривать и адаптировать модели компетенций своих сотрудников. Целью статьи является анализ и систематизация оснований для модели развития цифровых компетенций сферы промышленности. Задачи: сравнить современные подходы к определению компетенций, компетентности, цифровых компетенций и др.; проанализировать нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы цифровых компетенций; проанализировать возможности получения и развития цифровых компетенций; систематизировать полученные результаты. В ходе исследования были использованы следующие методы: контент-анализ научной литературы, общенаучные методы (анализ, синтез, сравнительный, индукция, дедукция), статистический метод, анализ нормативно-правовых актов. Проведены анализ и сравнение различных определений понятий «компетенция», «компетентность», «цифровая компетентность» и др. Приведены разные подходы к классификации компетенций вообще и цифровых компетенций в частности. Систематизированы подходы к формированию модели развития цифровых компетенций. Дальнейшая разработка модели с учетом этих оснований позволит предприятиям формировать высококвалифицированный кадровый состав, подготавливать кадровый резерв и развивать технологическую безопасность предприятия.

Ключевые слова: промышленность, технологическая безопасность, компетенции, цифровые компетенции, модель компетенций, промышленная политика

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: Абросимова О. М. Основания модели развития цифровых компетенций персонала сферы промышленности в условиях формирования технологической безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 92–103. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-92-103.

Original article

BASIS OF THE MODEL OF INDUSTRIAL PERSONNEL'S DIGITAL COMPETENCES DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGY SECURITY BUILDING

Olga M. Abrosimova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, omabrosimova@fa.ru, 0000-0002-8889-0989

Abstract. The relevance of the topic is justified by the active implementation of digital technologies in the economy, when industrial enterprises are forced to revise and adapt the competence models of their employees. The purpose of the article is to analyze and systematize the basis for the model of development of digital competencies of the

industrial sphere. Objectives: to compare modern approaches to the definition of competencies, competence, digital competencies, etc.; to analyze the legal acts regulating the issues of digital competences; to analyze the possibilities of obtaining and developing digital competencies; to systematize the obtained results. The following methods were used during the research: content analysis of scientific literature, general scientific methods (analysis, synthesis, comparative, induction, deduction), statistical method, analysis of legal acts. Different definitions of the concepts "competence", "competencie", "digital competencie", etc. are analyzed and compared. Different approaches to the classification of competencies in general and digital competencies in particular are given. Approaches to the formation of a model for the development of digital competencies are systematized. Further development of the model taking into account these bases will allow enterprises to form highly qualified personnel, prepare a personnel reserve and develop technological security of the enterprise.

Keywords: manufacturing, technological security, competences, digital competences, competence model, industrial policy

Funding. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Financial University.

For citation: Abrosimova OM. Basis of the Model of Industrial Personnel's Digital Competences Development in the Context of Technology Security Building. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):92-103. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-92-103.

Введение

Промышленные предприятия все чаще считают недостаточную цифровую компетентность своих сотрудников основным барьером на пути к современным производственным парадигмам, таким как Индустрия 4.0. Исследование 2020 г. показало, что 16 % занятых на тот момент работников обрабатывающей промышленности США не имеют навыков работы с цифровыми технологиями, а еще 19 % имеют очень ограниченные навыки в этой области. При этом примерно одна треть (36 %) имеет базовый уровень знаний, и только 29 % обладают продвинутыми навыками, необходимыми для максимальной адаптации к современным технологиям¹. Ликвидация пробелов в цифровых навыках может ускорить рост мировой экономики на 11,5 трлн долл., при этом потребуется перекалфикация как минимум половины современных работников [1]. Исследование Высшей школы экономики показало, что в 2021 г. в российской обрабатывающей промышленности активно использовались программы для проектирования, моделирования, автоматизации, промышленные роботы, однако уровень цифровых навыков работников оставался невысоким².

Актуальность цифровых компетенций для работников российской промышленности также обуславливается потребностями рынка труда, тре-

бованиями профессиональных и образовательных стандартов, реализацией национального проекта «Цифровая экономика», федерального проекта «Кадры для цифровой экономики».

Действительно, ключевым условием трансформации социально-экономической системы к опережающему развитию является достаточный уровень человеческого капитала [2]. В условиях становления Индустрии 4.0 концепция опережающего развития реализуема только с соблюдением принципов технологической и информационной безопасности, что подчеркивает актуальность темы работы применительно к промышленным предприятиям.

Материалы и методы

В ходе исследования были использованы открытые данные, отечественные и зарубежные научные публикации, нормативно-правовые акты. Методы исследования включали в себя: анализ научной литературы, общенаучные методы (анализ, синтез, сравнительный, индукция, дедукция), статистический метод, анализ нормативно-правовых актов. Первым этапом являлся сбор данных, изучение имеющихся научных публикаций по этой теме. Далее было произведено сравнение различных точек зрения ученых относительно терминов, излагаемых в данной работе. Рассмотрены публикации в открытых источниках о возможностях формирования и развития цифровых компетенций в настоящее время. Наконец, было произведено обобщение полученных результатов и подготовлены основания для дальнейшей разработки модели развития цифровых компетенций работников сферы промышленности.

¹ One-Third of Manufacturing Workers Have Limited Digital Skills. URL: <https://www.industryweek.com/talent/article/21130173/onethird-of-manufacturing-workers-have-limited-digital-skills> (дата обращения: 31.01.2024)

² Индекс цифровизации отраслей экономики и социальной сферы. URL: <https://issek.hse.ru/news/783750202.html> (дата обращения: 31.01.2024)

Компетенции и компетентность

В процессе оценки деятельности профессионала часто используются такие термины как компетенция и компетентность. Однако в современной науке эти понятия не имеют единой трактовки. Были проанализированы современные научные работы экономистов, психологов, социологов, в которых рассматривается понятие «компетенция». Сравнение разных определений представлено в Табл. 1.

Анализируя эти определения, можно сказать, что ключевым словом в них является «способность». Три определения из четырех обозначают необходимым наличие знаний, умений, навыков или опыта для выполнения определенной задачи. Так, в данной статье под компетенцией будет пониматься способность использовать знания, умения, навыки, личностные качества для эффективного решения профессиональных задач.

Термин «компетентность» включает в себя «качество, характеризующееся наличием у работников знаний, навыков, моделей поведения, необходимых для эффективного выполнения работы в компании» [5]. Манаенкова М. П. считает, что компетенция означает «результат образовательного процесса на основе компетентностного подхода» [6].

Таким образом, обычно подразумевается, что компетенция — знания, умения, опыт и личностные качества, необходимые для решения теорети-

ческих и практических задач, а компетентность — это качество личности, отражающее способность реализовывать компетенции с целью решения определенных задач, принимая на себя ответственность и испытывая мотивацию к действию.

В научной литературе существуют разные подходы к классификации компетенций. Авторский коллектив под руководством М. А. Эскиндарова выделяет следующие типы «компетенций, востребованных в развитии человеческого капитала: базовые, информационные, цифровые, предпринимательские и личностные» [7]. А. В. Овчинников предлагает пять групп компетенций: личностные, социальные, технические, организационные и административные. Преимуществом данного подхода является то, что он отражает «динамическое развитие компетенций» работника, начиная от личностных, которые начинают свою эволюцию с рождения человека, и заканчивая административными — компетенциями, зарождающимися с опытом лидерства в команде или получения управленческой позиции [8]. Н. С. Нежевляк разделяет компетенции на корпоративные, управленческие и профессиональные [9]. Другой подход выделяет два вида компетенций: профессиональные (технические) и поведенческие, которые в свою очередь подразделяются на общекорпоративные, менеджерские и функциональные. Компания отмечает, что область применения техни-

Таблица 1
Table 1

Comparison of definitions of the concept of «competence»
Сравнение определений понятия «компетенция»

Автор	Определение
Караваева Е. В.	«готовность индивида применять полученные знания, умения, опыт для решения профессиональных задач в соответствии с актуальными ожиданиями общества, постоянного обновления знаний и технологий» ¹⁾
Кондаков А. М.	«доказанная способность использовать знания, умения, навыки, личностные качества, ценности и установки для эффективного решения определенного круга задач» ²⁾
Базаров Т. Ю., Ерофеев А. К., Шмелев А. Г.	«комбинация знаний, умений, навыков, мотивационных факторов, личностных качеств и ситуационных намерений, которая обеспечивает эффективное решение исполнителем задач определенного класса в определенной организации, на определенном рабочем месте, в определенном производственном коллективе» [3]
Roeger С.	«специфическая способность субъекта уверенно выполнять предметно-ориентированные требования при стандартных обстоятельствах» [4] ³⁾

Источник: составлено автором.

¹⁾ Караваева Е. В. Модель компетенций в научной сфере как основа профессионального роста исследователей и организаторов науки. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2021/03/19/1_saratov_karavaeva.pdf (дата обращения: 11.01.2024)

²⁾ Кондаков А. М. Разработка базовой модели компетенций цифровой экономики. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/upload/medialibrary/908/O%20разработке%20базовой%20модели.pdf> (дата обращения: 11.01.2024)

³⁾ Schneider, K. What Does Competence Mean? Psychology, 10, 1938–1958. 2019. URL: <https://doi.org/10.4236/psych.2019.1014125> (accessed 11.01.2024)

ческих компетенций может быть довольно узкой, например, навыки работы с определенным типом оборудования, а область применения поведенческих компетенций — широкая, они связаны с эффективностью работников в разных подразделениях компании¹. К. С. Тенилова и др. выделяют три группы компетенций: компетенции, связанные с деятельностью (познавательные, социально-трудовые и др.); компетенции, связанные с коммуникацией (информационные, эмпатические и др.); компетенции, связанные со становлением внутреннего самосознания (аналитические, ценностно-смысловые и др.) [10].

Среди зарубежных подходов к классификации компетенций можно выделить следующие. Организация экономического сотрудничества и развития выделяет технические и ключевые компетенции. Последние подразделяются на межличностные, стратегические и компетенции, направленные на достижение результата². Существует также подход, предлагающий разделять компетенции на 3 вида: ключевые, кросс-функциональные и функциональные³.

Цифровые компетенции

В условиях Четвертой промышленной революции технологический прорыв в различных отраслях промышленности может быть достигнут за счет формирования экосистемы с гибкой операционной моделью управления с широкой матрицей компетенций для интеграции цифровых инструментов в производственные процессы [11]. В наши дни особое внимание уделяется развитию у работников цифровых компетенций. Говоря об этих компетенциях, ученые обычно упоминают также цифровую грамотность, способность анализировать данные, владение компьютерными программами, базовые навыки программирования. Подобные требования часто обозначаются в вакансиях современных компаний, что обуславливает актуальность наличия развитых цифровых компетенций у специалистов.

В научной и бизнес-литературе, а также в нормативно-правовых актах используются разные понятия, так или иначе связанные с цифровы-

¹ Компетенции — для начинающих / HeadHunter. URL: <https://hh.ru/article/305211> (дата обращения: 11.01.2024)

² Competency Framework. OECD. URL: https://www.oecd.org/callsfortenders/competency_framework_en.pdf (дата обращения: 31.01.2024)

³ Shepard S. Hire For the Full Spectrum of Competencies. URL: <https://www.reworked.co/talent-management/hire-for-the-full-spectrum-of-competencies/> (дата обращения: 11.01.2024)

ми компетенциями. Сравним использование этих понятий в разных источниках.

«Ключевые компетенции цифровой экономики» фиксируются в документах национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Это «компетенции, которые необходимы для решения человеком поставленной задачи или достижения заданного результата деятельности в условиях глобальной цифровизации общественных и бизнес-процессов»⁴. Другой документ объединяет цифровую грамотность и ключевые компетенции цифровой экономики в одно понятие и дает такое определение: «наличие у населения навыков использования информационных технологий, которые заключаются в определенных знаниях и умениях, необходимых для использования персонального компьютера, Интернет-ресурсов для работы, учебы, для взаимодействия с другими людьми, организациями и государством»⁵.

Исследование, проведенное на основе анализа моделей компетенций различных компаний, выделяет понятие «цифровые навыки», в которое входят «базовая цифровая грамотность, аналитика данных, машинное обучение, искусственный интеллект, программирование, архитектура ИТ-систем, кибербезопасность»⁶.

В табл. 2 проведен анализ определений понятия «цифровые компетенции». Ключевыми характеристиками в них являются владение информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), навыки работы в цифровой среде, способность применять эти навыки в профессиональном и личностном развитии.

⁴ Приказ Минэкономразвития России от 24 января 2020 г. № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf (дата обращения: 09.01.2024)

⁵ Приказ Росстата от 13.02.2020 N 64 «Об утверждении методики расчета показателя федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Методикой расчета показателя «Доля населения, обладающего цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями цифровой экономики»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345517/ (дата обращения: 01.03.2024)

⁶ Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики/ СберУниверситет. URL: https://sberuniversity.ru/upload/iblock/2f8/Analytical_report_digital_skills_web_demo.pdf (дата обращения: 11.01.2024)

Сравнение определения понятия «цифровые компетенции» в разных источниках
Comparison of the definition of “digital competencies” in different sources

Источник	Определение
Симарова И. С., Алексеевичева Ю. В., Жигин Д. В., 2022	«знания и навыки, позволяющие в условиях цифровизации экономики и социальной сферы применять для решения задач или достижения требуемого результата информационно-коммуникационные технологии» [12]
Terminology of European education and training policy, 2014	«способность использовать знания, умения, личные, социальные и (или) методологические способности в работе или учебе, а также в профессиональном и личностном развитии» ¹⁾
Концепция развития цифровых компетенций студентов НИУ ВШЭ, 2020	«комплекс компетенций по работе в цифровой среде и с цифровыми продуктами, включая активность по созданию и сбору данных, их обработке и анализу, а также по автоматизации процессов с помощью компьютерных технологий» ²⁾
Сысоева Л. А., 2019	«навыки эффективного решения разнообразных задач (профессионального, социального, личностного характера) с использованием различных видов ИКТ» [13]
Гилева Т. А., 2019	«общий термин, используемый для характеристики способностей человека использовать ИКТ в определенном контексте» [14]
Анищенко А. Н., Левина Е. В., 2020	«общий термин, используемый для описания или объяснения способности использовать информационные технологии в конкретном контексте» [15]
Пилипенко С. А., 2021	«способность решать разнообразные задачи в цифровой среде и с использованием цифровых продуктов» ³⁾

Источник: составлено автором на основе [12–15].

¹⁾ Terminology of European education and training policy. European Centre for the Development of Vocational Training (CEDEFOP). 2014. 338 p. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/4117_en.pdf. (дата обращения: 21.01.2024)

²⁾ Концепция развития цифровых компетенций студентов НИУ ВШЭ. URL: [https://www.hse.ru/data/2020/07/07/1595396188/Прил%207-Концепция%20развития%20ЦК_22.06%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2020/07/07/1595396188/Прил%207-Концепция%20развития%20ЦК_22.06%20(1).pdf) (дата обращения: 21.12.2023)

³⁾ Пилипенко С. А. Формирование цифровых компетенций профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования / Российский университет дружбы народов. URL: <http://conf.rudn.ru/conf/vice-rector-2021/confer/pilipenko.pdf> (дата обращения: 21.01.2024)

По уровню сложности и типу решаемых задач цифровые компетенции делятся на базовые, универсальные, общетехнические и специальные (отраслевые)¹⁾. Зарубежные ученые выделяют три вида цифровых компетенций по уровню владения: базовые навыки, практическое использование цифровых технологий в педагогической практике, передача знаний и обучение применению цифровых технологий²⁾. Стандарты высшего образования МГИМО МИД РФ выделяют 4 уровня владения цифровыми компетенциями: базовые, универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции³⁾.

¹⁾ Спиридонов О. В. Учет цифровых технологий в профессиональных стандартах. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/upload/medialibrary/ff9/12.11.2020.pdf> (дата обращения: 21.01.2024)

²⁾ Eichhorn M. Development of a Digital Competence Framework for Higher Education Teachers. URL: https://www.studiumdigitale.uni-frankfurt.de/70697484/IFL2018_Digital-Competence-framework_full-paper.pdf (дата обращения: 11.01.2024)

³⁾ Уровни освоения цифровых компетенций / МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/upload/2021/10/mgimo->

Действительно, в условиях цифровизации важны не только технические навыки, но и так называемые «мягкие навыки». Исследователи подчеркивают важность социально-психологических компетенций и личностных качеств: организационно-коммуникативных, нравственных и др. [16]

Как упоминалось ранее, существует понятие «компетентность», тесно связанное с понятием «компетенция» и иногда отождествляемое с ним. Сравнение определений понятия «цифровая компетентность» представлено в табл. 3.

Таким образом, под цифровой компетентностью понимают уверенную способность индивидуума использовать цифровые технологии в личных и профессиональных целях.

Определение подходов к формированию модели развития цифровых компетенций работников сферы промышленности

Хотя не все должности в сфере промышленности требуют обширной подготовки в области разработки программного обеспечения или информации-priority-2030_7.pdf (дата обращения: 11.01.2024)

**Сравнение определения понятия «цифровая компетентность» в разных источниках
Comparison of the definition of “digital competence” in different sources**

Источник	Определение
Анищенко А. Н., Левина Е. В., 2020	«способность не только понимать и использовать цифровые технологии и системы, но и обладать уверенностью, чтобы использовать их творчески, критически и без посторонней помощи» [15]
Ячина Н. П., Фернандез О. Г. Г., 2018	«компетентность, основанная на логическом мышлении, высоком уровне владения управлением информацией и высокоразвитом мастерстве владения цифровой техникой» [17].
Конева Д. А., Лысенко Е. В., Хохолева Е. А., 2022	«набор разноплановых способностей человека в сфере цифровых технологий» и «уровень готовности использовать их в личных и профессиональных целях», включает в себя такие навыки, как управление данными в цифровой среде, обеспечение безопасности данных, взаимодействие с помощью цифровых инструментов» [18].

Источник: составлено автором на основе [15; 17; 18].

ционных технологий, опыт работы с цифровыми технологиями и системами необходим для многих профессий. Кроме того, цифровые технологии имеют большой потенциал в качестве средства развития компетенций персонала как зоны создания ценности продукции [19]. Ученые исследовали актуальные компетенции для разных отраслей промышленности: добывающей [20] (в том числе: нефтегазовой [21], горнометаллургической [22]), обрабатывающей (судостроительной [23], лесной [24], легкой [25], в том числе текстильной [26]). В целом, исследования приводят к выводу о необходимости развития цифровой компетентности работников для реализации цифровой трансформации промышленного предприятия и внедрения различных технологий Индустрии 4.0 («цифровой двойник» производства, автоматизация, Интернет вещей и т.д.).

Основные цифровые компетенции, необходимые в обрабатывающей промышленности, включают в себя свободное владение цифровыми технологиями, умение писать и понимать код, навыки программирования производственных машин и устройств, аналитики больших данных и робототехники¹. Группа ученых разделила цифровые компетенции на 7 категорий: автоматизация; программирование; проектирование и конструирование; сбор и интеграция цифровых данных; цифровая грамотность; оцифровка и внедрение виртуальных технологий; моделирование и имитация; планирование и оценка [27].

Другие исследования также указывают на растущее значение цифровых навыков в обрабатыва-

ющей промышленности. Например, подчеркивают важность нетехнических и технических цифровых навыков в различных областях производства [28]. Кроме того, группа ученых создала базу данных навыков, предназначенную для производственного сектора и включающую в себя предполагаемые требования к навыкам для конкретных рабочих мест в будущем [29].

Также исследователи определили основные технические навыки и знания в конкретной области, необходимые для работы в области науки о данных и интеллектуального производства. Так, ученые выявили дефицит цифровых навыков при разработке, внедрении и использовании решений для автоматизации и роботизации бизнес-процессов, а также сформировали ориентированную на будущее систему компетенций в области цифрового проектирования, чтобы устранить эти пробелы [30]. Для решения проблемы оценки цифровых компетенций работников промышленных предприятий была предложена и апробирована модель, включающая 49 параметров измерения цифровых компетенций по 4 уровням зрелости [31].

Выделяют разные инструменты формирования и развития компетенций. Проанализировав эти инструменты, можно выделить среди них группу формальных (классических), которые сопровождаются сдачей определенного экзамена и последующим получением официального диплома или удостоверения, и неформальных, освоение которых не подтверждается документами государственного образца. Обобщение проанализированных авторами подходов и их приложение к развитию компетенций работников промышленности представлено в табл. 4.

Существуют и иные способы формирования и развития компетенций. Например, для форми-

¹ Klaess J. Manufacturing Skills: What Skills Do Manufacturers Need Most in 2020? Tulip. 2019. Available online: <https://tulip.co/blog/what-skills-do-manufacturers-need-most-in-2020/> (дата обращения: 20.01.2024)

рования цифровых компетенций исследователи предлагают внедрять «сетевое взаимодействие с разработчиками программного обеспечения» в вузах и использовать «краудсорсинговые технологии, которые представляют собой методы коллективного взаимодействия организации с заинтересованными субъектами, позволяющие мобилизовать интеллектуальные ресурсы людей» [34] для решения определенных задач.

Среди описанных инструментов формирования компетенций ключевое место, по-видимому, занимает получение высшего образования. Исследователи признают значимость обучения цифровым компетенциям в высшей школе, что позволяет выпускникам соответствовать требованиям к профессиональным компетенциям в промышленном секторе [35; 36].

Заключение

В настоящее время в мире наблюдается недостаточно высокий уровень владения цифровыми компетенциями у работников сферы промышленности. Такая нехватка компетенций означает, что компании не в полной мере используют возможности автоматизации, что стоит им временных и материальных ресурсов. В конечном итоге это приводит к снижению темпов экономического роста и снижению эффективности экономики. Напротив, поддержка развития цифровых компетенций работников сферы промышленности способствует формированию условий для обеспечения технологической безопасности страны.

В ходе исследования были проанализированы подходы к определению ряда терминов «компетенция», «компетентность», а также «цифровые компетенции» и «цифровая компетентность». Вы-

Таблица 4
Table 4

Подходы к формированию и развитию цифровых компетенций работников сферы промышленности Approaches to the formation and development of digital competencies of industrial workers

Группа инструментов	Инструмент	Описание
Формальные инструменты	Среднее профессиональное образование	Обучение на программах среднего профессионального образования (СПО), компетенции регламентируются ФГОС СПО.
	Высшее образование	Обучение на программах бакалавриата, магистратуры, специалитета, компетенции регламентируются ФГОС ВО. Обучение на программах аспирантуры регулируется Федеральными государственными требованиями (ФГТ).
	Дополнительное профессиональное образование	Обучение на программах повышения квалификации и профессиональной переподготовки.
Неформальные инструменты	Образовательные курсы	Обучение с использованием открытых образовательных ресурсов: – образовательные платформы, где вузы представляют свои курсы в открытом доступе (Национальная платформа открытого образования и др.); – платформы с доступом к научной литературе, статьям (eLibrary.ru и др.)
	Участие в научных исследованиях	Участие в научно-исследовательских работах и экспертно-аналитических работах.
	Участие в научных и образовательных мероприятиях	Участие в научных, научно-практических, образовательных конференциях, форумах, конгрессах, включая участие в качестве спикера, слушателя, обмен опытом в рамках дискуссионных площадок
	Научная кооперация	Совместная разработка курсов, образовательных программ, учебных пособий, методических рекомендаций и т. д. с университетскими коллективами
	Наставничество	Работа под руководством опытного профессионала, ученого. Особенно актуально для молодых специалистов.

Источник: составлено авторами на основе [32; 33]¹⁾.

¹⁾ Караваяева Е. В. Модель компетенций в научной сфере как основа профессионального роста исследователей и организаторов науки. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2021/03/19/1._sarator_karavaeva.pdf (дата обращения: 11.01.2024)

делены виды компетенций по различным классификационным признакам. Были рассмотрены основные нормативно-правовые документы, регламентирующие цифровые компетенции, а также обобщены подходы к формированию и развитию компетенций персонала промышленных

предприятий. Были систематизировать подходы к формированию и развитию цифровых компетенций с учетом особенностей компетентностного профиля работников сферы промышленности, что составляет основу для дальнейшего формирования полноценной модели компетенций.

Список источников

1. Myers M., Brace C., et al. Intelligent Automation: Bridging the Gap between Business and Academia // Chapman and Hall/CRC eBooks. Informa. 2022. 280 p. DOI: 10.1201/9781003276128.
2. Ладунин А. И., Бесхмельнов А. И. Концептуальные аспекты обеспечения научно-технологической безопасности в условиях цифровизации экономики // Инновации и инвестиции. 2022. № 6. с. 20–23. EDN CJXWCH.
3. Базаров Т. Ю., Ерофеев А. К. и др. Коллективное определение понятия «компетенции»: попытка извлечения смысловых тенденций из размытого экспертного знания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 1. С. 87–102.
4. Roeger C. Philosophieunterricht zwischen Kompetenzorientierung und philosophischer Bildung // Reihe: Wissenschaftliche Beiträge zur Philosophiedidaktik und Bildungsphilosophie Vol. 2. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich. 2016. DOI: 10.2307/j.ctvddzfrz.
5. Резникова О. С. и др. Компетентностный подход в управлении персоналом: теория, методология, практика: монография / под редакцией О. С. Резниковой. Севастополь : Ариал, 2018. 296 с.
6. Манаенкова, М. П. Компетентностный подход: от теории к практике // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы : материалы XI Всероссийской научно-практической Интернет-конференции (с международным участием), Тамбов, 26 октября 2020 года / отв. редактор Л. Н. Макарова. Тамбов : Державинский, 2020. С. 127–131.
7. Эскиндаров М. А. и др. Компетенции человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 13(6). С. 199–214.
8. Овчинников А. В. О классификации компетенций // Организационная психология. 2014. № 4 (4). С. 145–153.
9. Нежевляк Н. С. Современные подходы к формированию модели компетенций // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2018. № 3 (4). С. 409–411.
10. Тенитилова К. С. и др. Понятие, классификация и общая характеристика ключевых образовательных компетенций // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4. С. 122–124.
11. Великая О. А. Цифровые технологии и инструменты как основа эффективности развития промышленности // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2022. № 2. С. 5–15. DOI: 10.21685/2227-8486-2022-2-1.
12. Симарова И. С. и др. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. № 12(2). С. 935–948. DOI: 10.18334/vines.12.2.114823.
13. Сысоева Л. А. Использование модели цифровых компетенций при разработке программ повышения квалификации педагогических работников вузов // Электронное обучение в непрерывном образовании 2019: сборник научных трудов 6-й Международной научно-практической конференции, посвященной памяти А. Н. Афанасьева. Ульяновск : Изд-во Ульян. гос. техн. ун-та, 2019. С. 276–283.
14. Гилева Т. А. Компетенции и навыки цифровой экономики: разработка программы развития персонала // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 2. С. 22–35.
15. Анищенко А. Н., Левина Е. В. Цифровая компетентность как основа конкурентоспособности работника на рынке труда агропромышленного комплекса в условиях киберэкономики // Экономика и социум: современные модели развития. 2020. № 10 (3). С. 233–246.
16. Пряжников Е. Ю. Ключевые компетенции лидера в ведущих научно-технических секторах в условиях цифровизации экономики // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65(3). С. 304–308.
17. Ячина Н. П., Фернандез О. Г. Развитие цифровой компетентности будущего педагога в образовательном пространстве вуза // Вестник ВГУ. Серия «Проблемы высшего образования». 2018. № 1. С. 134–138.

18. Конева Д. А. и др. Оценка цифровых компетенций студентов университета: кейс Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. № 11 (2). С. 57–65. DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-2-57-65.
19. Морева Е. Л. и др. К вопросу о выборе организационной формы цифрового пространства для безопасного развития российского бизнеса // Национальная безопасность / Nota Bene. 2022. № 5. С. 117–134. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.5.39048.
20. Barnewold L., Lottermoser B. G. Identification of digital technologies and digitalisation trends in the mining industry // International Journal of Mining Science and Technology. 2020. Vol. 30 (6). P. 747–757. DOI: 10.1016/j.ijmst.2020.07.003.
21. Филимонова О. А. и др. Модель цифровой обучающей среды для повышения квалификации специалистов на предприятиях нефтегазовой отрасли // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. № 33 (6). С. 1005–1012. DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-1005-1012
22. Саркисов С. С. и др. Интеграция цифровых технологий в горно-металлургической промышленности // Цветные металлы. 2020. № 3. С. 7–14. DOI: 10.17580/tsm.2020.03.01.
23. Липис Е. А. и др. Актуальные компетенции в условиях цифровой трансформации судостроительной и смежных отраслей промышленности // Актуальные проблемы экономики и управления. 2023. № 1. С. 257–264. DOI: 10.52899/978-5-88303-660-5_257..
24. Кравченко П. П., Бурцев Д. С. Исследование опыта организации корпоративного обучения и анализ компетенций сотрудников предприятий лесной промышленности для внедрения цифровых технологий // Лидерство и менеджмент. 2022. № 9(4). С. 1159–1172. DOI: 10.18334/lim.9.4.116967.
25. Ноздрачева Т. М., Щеглова Т. М. Цифровые технологии в формировании информационно-профессиональной компетентности специалиста легкой промышленности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. № 42 (3). С. 459–473. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-459-473.
26. Морозов М. А., Морозов М. М. Цифровые компетенции персонала как инструмент повышения инновационности предприятия // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2022. № 2. С. 292–298. DOI 10.47367/0021-3497_2022_2_292. EDN RTVXTS.
27. Siddiqui F. H. et al. Review of the Digital Skills Needed in the Construction Industry: Towards a Taxonomy of Skills. Buildings. 2023. № 13 (11). 2711. DOI: 10.3390/buildings13112711.
28. Leitão P. et al. Analysis of the workforce skills for the factories of the future. In Proceedings of the 2020 IEEE Conference on Industrial Cyberphysical Systems (ICPS), Tampere, Finland, 9–12 June. 2020. 1. 353–358.
29. Akyazi T., del Val P., Goti A. et al. Identifying Future Skill Requirements of the Job Profiles for a Sustainable European Manufacturing Industry 4.0. Recycling. 2022. № 7. P. 32. DOI: 10.3390/recycling7030032.
30. Jurczuk A., Florea A. Future-Oriented Digital Skills for Process Design and Automation. Hum. Technol. 2022. № 18. 122–142. DOI: 10.14254/1795-6889.2022.18-2.3.
31. Steinlechner M., Schumacher A. et al. A maturity model to assess digital employee competencies in industrial enterprises // Procedia CIRP. 2021. 104. 1185–90.
32. Резник С. Д., Вдовина О. А. Профессиональные компетенции преподавателя современного университета: механизмы управления формированием и развитием // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2017. № 1. С. 67–83.
33. Камнева Е. В. Методы обучения и развития персонала: теоретический аспект // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика : сборник научных статей. М. : СВИБТ. Т. 1 № 7. 2019. С. 170–188.
34. Долженкова Ю. В., Долженков С. А. Формирование цифровых компетенций менеджеров по персоналу // Управление персоналом в программах подготовки менеджеров сборник материалов международного научно-практического семинара. 2017. С. 16–17.
35. Betaubun M. The Need of Digital Competencies for the Industrial Internet of Things Manufacturing Era: A Case of Higher Students in Papua. E3S Web Conf. 2021. 328. 04001. DOI: 10.1051/e3sconf/202132804001
36. Савка О. Г., Гусарова М. Н. и др. Модель формирования цифровых компетенций при реализации программ высшего образования // Russian Technological Journal. 2022. № 10(6). С. 78–90. DOI: 10.32362/2500-316X-2022-10-6-78-90.

References

1. Myers M, Brace C et al. Intelligent Automation: Bridging the Gap between Business and Academia. Chapman and Hall/CRC eBooks. Informa, 2022. 280 p. DOI: 10.1201/9781003276128.
2. Ladynin AI, Beskhemelnov AI. Conceptual aspects of ensuring scientific and technological security in the conditions of digitalisation of the economy. *Innovacii i investicii = Innovations and Investments*. 2022;(6):20-23. EDN CJXWCH. (In Russ.).
3. Bazarov TY, Erofeev AK et al. Collective definition of the notion “competence”: an attempt to acquire semantic regularities from fuzzy expert knowledge. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psixologiya = Lomonosov Psychology Journal*. 2014;(1):87-102. (In Russ.).
4. Roeger C. Philosophieunterricht zwischen Kompetenzorientierung und philosophischer Bildung. Reihe: Wissenschaftliche Beiträge zur Philosophiedidaktik und Bildungsphilosophie Vol. 2. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich. 2016. DOI: 10.2307/j.ctvddzfrz.
5. Reznikova OS et al. Competence approach in personnel management: theory, methodology, practice: monograph; Edited by O. S. Reznikova. Sevastopol, Arial; 2018. 296 p. (In Russ.).
6. Manaenkova MP. Competence-based approach: from theory to practice. Higher schoolteacher: traditions, problems, prospects. Materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation). Ed. by L. N. Makarova. Tambov; 2020. P. 127–131. (In Russ.).
7. Eskindarov MA, Gruzina YuM et al. Human capital competencies in high-tech and knowledge-intensive sectors of the economy. *E`konomicheskie i social`ny'e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(6):199-214. (In Russ.).
8. Ovchinnikov AV. About classification of competences. *Organizacionnaya psixologiya = Organisational psychology*. 2014;4(4):145-153. (In Russ.).
9. Nezhevlyak NS. Modern approaches to the formation of competence model. Aktual`ny'e problemy` aviacii i kosmonavtiki = *Actual problems of aviation and cosmonautics*. 2018;3(4):409-411. (In Russ.).
10. Tenitilova KS, Belyaeva VG et al. Notion, classification and general characteristics of key educational competences. *Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal = International research journal*. 2021; 4:122-124. (In Russ.).
11. Velikaya OA. Digital technologies and tools as a basis for the efficiency of industrial development. *Modeli, sistemy`, seti v e`konomike, texnike, prirode i obshhestve = Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2022;2:5-15. DOI: 10.21685/2227-8486-2022-2-1. (In Russ.).
12. Simarova IS, Alekseevicheva YV et al. Digital competencies: concept, types, assessment and development. *Voprosy` innovacionnoj e`konomiki = Russian Journal of Innovation Economics*. 2022.12(2):935-948. DOI: 10.18334/vinec.12.2.114823 (In Russ.).
13. Sysoeva LA. Using the model of digital competencies in the development of professional development programmes for university pedagogical staff. *E`lektronnoe obuchenie v nepreryvnom obrazovanii 2019: sbornik nauchny`x trudov 6-ï Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati A. N. Afanas`eva. = E-Learning in Continuing Education 2019: Collection of scientific papers of the 6th International Scientific and Practical Conference in memory of A. N. Afanasyev. Ulyanovsk; 2019. Pp. 276–283. (In Russ.).*
14. Gileva TA. Digital economy competencies and skills: staff development programme design. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, e`konomika. Seriya: E`konomika = Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series Economy*. 2019;2:22-35. (In Russ.).
15. Anishchenko AN, Levina EV. Digital competence as the basis of competitiveness of the employee in the labour market of agroindustrial complex in the conditions of cyber economy. *E`konomika i socium: sovremennyye modeli razvitiya = Economics and society: contemporary models of development*. 2020;10(3):233-246. (In Russ.).
16. Pryazhnikova EYu. Key competences of the leader in leading scientific and technical sectors in the conditions of digitalisation of the economy. *Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2019;65(3):304-308 (In Russ.).
17. Yachina NP, Fernandez OGG. Development of digital competence of the future teacher in the educational space of higher education institution. *Vestnik VGU. Seriya «Problemy` vy`shego obrazovaniya» = Bulletin of VSU. Series “Problems of higher education”*. 2018;(1):134-138. (In Russ.).
18. Koneva DA, Lysenko EV et al. Estimation of digital competences of university students: a case study of

the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. *Upravlenie personalom i intellektual'ny'mi resursami v Rossii = Personnel and intellectual resources management in Russia*. 2022;11(2):57-65. DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-2-57-65. (In Russ.).

19. Moreva EL, Obolenskaya LV et al. To the question of the choice of the organisational form of digital space for the safe development of Russian business. *Nacional'naya bezopasnost' = National Security / Nota Bene*. 2022; (5):117-134. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.5.39048. (In Russ.).

20. Barnewold L, Lottermoser BG. Identification of digital technologies and digitalisation trends in the mining industry. *International Journal of Mining Science and Technology*. 2020;30(6):747-757. DOI: 10.1016/j.ijmst.2020.07.003.

21. Filimonova OA, Berkutova TA et al. A model of digital learning environment for professional development of specialists at oil and gas industry enterprises. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2023;33(6)1005-1012. DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-1005-1012 (In Russ.).

22. Sarkisov SS, Lomonosova NV et al. Integration of digital technologies in mining and metallurgical industry. *Czvetny'e metally' = Non-ferrous Metals*. 2020;(3):7-14. DOI: 10.17580/tsm.2020.03.01. (In Russ.).

23. Lipis EA, Kulieva AM et al. Relevant competences in the context of digital transformation of shipbuilding and related industries. *Aktual'ny'e problemy' e`konomiki i upravleniya = Actual problems of economics and management*. 2023;(1):257-264. DOI: 10.52899/978-5-88303-660-5_257. (In Russ.).

24. Kravchenko PP, Burtsev DS. Investigation of the experience of corporate training organisation and analysis of competences of employees of forest industry enterprises for the introduction of digital technologies. *Liderstvo i menedzhment = Leadership and Management*. 2022;9(4):1159-1172. DOI: 10.18334/lim.9.4.116967. (In Russ.).

25. Nozdracheva TM, Scheglova TM. Digital technologies in the formation of information and professional competence of a specialist of light industry. *Voprosy` zhurnalistiki, pedagogiki, yazy'koznaniya = Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2023;42(3):459-473. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-459-473. (In Russ.).

26. Morozov MA, Morozov MM. Digital competences of personnel as a tool for increasing the innovativeness of the enterprise. *Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Texnologiya tekstil'noj promy'shlennosti = Textile Industry Technology (Series: "Proceedings of Higher Educational Institutions)*. 2022;(2):292-298. DOI 10.47367/0021-3497_2022_2_292. (In Russ.).

27. Siddiqui FH, Thaheem MJ et al. A Review of the Digital Skills Needed in the Construction Industry: Towards a Taxonomy of Skills. *Buildings*. 2023;13(11):2711. DOI: 10.3390/buildings13112711.

28. Leitão P, Geraldes CA et al. Analysis of the workforce skills for the factories of the future. In Proceedings of the 2020 IEEE Conference on Industrial Cyberphysical Systems (ICPS), Tampere, Finland, 9–12 June. 2020;1:353–358.

29. Akyazi T, del Val P, Goti A et al. Identifying Future Skill Requirements of the Job Profiles for a Sustainable European Manufacturing Industry 4.0. *Recycling* 2022;(7): 32. DOI: 10.3390/recycling7030032.

30. Jurczuk A, Florea A. Future-Oriented Digital Skills for Process Design and Automation. *Hum. Technol*. 2022;(18):122-142. DOI: 10.14254/1795-6889.2022.18-2.3.

31. Steinlechner M, Schumacher A. et al. A maturity model to assess digital employee competencies in industrial enterprises. *Procedia CIRP*. 2021;(104):1185–90.

32. Reznik SD, Vdovina OA. Professional competences of a teacher of a modern university: mechanisms of management of formation and development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical education*. 2017;(1):67-83. (In Russ.).

33. Kamneva EV. Methods of personnel training and development: theoretical aspect. *Aktual'ny'e problemy' social'noj i e`konomicheskoy psixologii: metodologiya, teoriya, praktika = Actual problems of social and economic psychology: methodology, theory, practice*. Collection of scientific articles. Moscow; 2019;1(7):170–188. (In Russ.).

34. Dolzhenkova YV, Dolzhenkov SA. Formation of digital competences of HR managers. *Upravlenie personalom v programmax podgotovki menedzherov sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara = Personnel management in manager training programmes collection of materials of the international scientific and practical seminar*. 2017. Pp. 16–17. (In Russ.).

35. Betaubun M. The Need of Digital Competencies for the Industrial Internet of Things Manufacturing Era: A Case of Higher Students in Papua. *E3S Web Conf*. 2021;(328):04001. DOI: 10.1051/e3sconf/202132804001

36. Savka OG, Gusarova MN et al. Model of formation of digital competences in implementing higher education programs. *Russian Technological Journal*. 2022;10(6):78-90. DOI: 10.32362/2500-316X-2022-10-6-78-90. (In Russ.).

Информация об авторе

О. М. Абросимова — младший научный сотрудник.

Information about the author

O. M. Abrosimova — Junior Research Associate.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024; одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 09.04.2024; approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 334.7.012.6:[323.1:351.712.2.025]-048.23

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-104-115

МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ НАЦПРОЕКТА

Николай Зотикович Зотиков

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия, zotikovcontrol@yandex.ru,
0000-0001-5631-9123

Аннотация. В современных условиях экономической нестабильности, вызванной усилением санкционного давления со стороны Запада, возрастают значение и роль малого бизнеса в экономике. В Стратегии развития МСП в России на период до 2030 г. предусматривается увеличение доли МСП в ВВП до 40 %, рост оборота предприятий в 2,5 раза, повышение доли занятых в секторе МСП в общей численности занятых до 35 %. Национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» ставится задача по увеличению к 2024 г. численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая ИП, до 25 млн чел., самозанятых до 2,4 млн чел. Цель исследования — выявление проблемных моментов в развитии малого бизнеса. Задачи исследования — проанализировать состояние малого бизнеса, изменения в ходе выполнения нацпроекта. Информационной базой исследования явились официальные данные Росстата, ФНС, Единого реестра субъектов МСП, статсборник «Малое и среднее предпринимательство в России», применялись методы: анализ и синтез, группировка, сравнение, индексный, табличный и др. Исследование с целью обеспечения объективности проведено сплошным методом на основании изучения данных развития малого бизнеса во всех округах. Исследованием установлены такие проблемы, как дисбаланс структуры МСП (преобладание торговли, сферы услуг), низкая эффективность нацпроекта, отсутствие мотивации у местных органов власти к развитию бизнеса (из-за незначительности налоговых отчислений в их бюджетах), несоответствие критериев отнесения предпринимателей к субъектам малого и среднего предпринимательства и значений доходов, при соблюдении которых возможно применение специальных налоговых режимов, фактически складывающимся их значениям. Показатели нацпроекта занижены, формальны, в существующем виде не обеспечат развитие малого и среднего предпринимательства. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов и предложений в принятии решений по развитию бизнеса.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, микропредприятия, оборот, консолидированный бюджет субъектов, местный бюджет, упрощенная система налогообложения, самозанятые

Для цитирования: Зотиков Н. З. Малое и среднее предпринимательство в ходе выполнения нацпроекта // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 104–115. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-104-115.

Original article

SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES DURING THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT

Nikolay Z. Zotikov

Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russia, zotikovcontrol@yandex.ru, 0000-0001-5631-9123

Abstract. In the current conditions of economic instability caused by increased sanctions pressure from the West, the importance and role of small businesses in the economy is increasing. The Strategy for the Development of SMEs in Russia for the period until 2030 provides for an increase in the share of SMEs in GDP to 40%, an increase in the turnover of enterprises by 2.5 times, and an increase in the share of employees in the SME sector in the total number of employees to 35%. The national project “Small and Medium Enterprises and Support for Individual Entrepreneurial Initiatives” sets the goal of increasing the number of people employed in small and medium-sized businesses,

including individual entrepreneurs, to 25 million people, and self-employed people to 2.4 million people by 2024. The purpose of the study is to identify problematic issues in the development of small businesses. The objectives of the study are to analyze the state of small businesses and changes during the implementation of the national project. The information base for the study was official data from Rosstat, the Federal Tax Service, the Unified Register of SMEs, the statistical collection “Small and Medium-Sized Businesses in Russia”, the following methods were used: analysis and synthesis, grouping, comparison, index, tabular, etc. The study was carried out using a continuous method to ensure objectivity based on a study of small business development data in all districts. The study identified such problems as an imbalance in the structure of SMEs (the predominance of trade, the service sector), the low efficiency of the national project, the lack of motivation among local authorities to develop business (due to the insignificance of tax deductions in their budgets), the inconsistency of the criteria for classifying entrepreneurs as small and average entrepreneurship and income values, subject to which it is possible to apply special tax regimes, and their actual values. The indicators of the national project are underestimated, formal, and in their current form will not ensure the development of small and medium-sized businesses. The practical significance of the study lies in the possibility of using conclusions and proposals in making decisions on the development of small businesses.

Keywords: small and medium-sized businesses, micro-enterprises, turnover, consolidated budget of the subjects, local budget, simplified taxation system, self-employed

For citation: Zotikov NZ. Small and Medium-Sized Businesses During the Implementation of the National Project. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):104-115. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-104-115.

Введение

По показателям развития малого и среднего предпринимательства, его доли в ВВП страны Россия отстает от развитых стран мира. Из зарегистрированных субъектов МСП основная часть осуществляет деятельность в сфере оптовой, розничной торговли. Обрабатывающие производства в структуре МСП занимают не более 5 %, дают не более 10 % оборота, что не соответствует структуре МСП в развитых странах (в ФРГ не менее 20 % добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности обеспечивает малый бизнес, в Китае более 40 %, в Японии — 50 %)¹. Масштабные непредвиденные экономические санкции, введенные в отношении российской экономики недружественными странами Запада, вынудили принять ответные меры по обеспечению национальной безопасности страны. В нынешних внешнеэкономических условиях российский бизнес оказался перед лицом новых проблем, связанных с резким сокращением каналов сбыта продукции, разрывом цепочек поставок, спадом спроса, падением выручки, дефицитом оборотных и финансовых ресурсов. В условиях отказа Запада от российских углеводородов, приводящего к финансовым проблемам российского бюджета, вопрос создания малых производств становится важным для России с точки зрения перехода к несырьевой структуре экономики.

В решении этого вопроса определенная роль отводится национальному проекту «МСП и под-

¹ Доклад уполномоченного при Президенте РФ по правам предпринимателей «Реестр системных проблем российского бизнеса — 2023». URL: pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2022/11/3-22.pdf

держка индивидуальной предпринимательской инициативы», основной целью которого является повышение роли малого бизнеса в экономике, снижение доли теневого сектора за счет расширения категории самозанятых. Нацпроектом, действие которого заканчивается 2024 г., предусматривается увеличение численности занятых в сфере МСП, включая ИП, до 25 млн чел., увеличению доли МСП в ВВП до 32,5 %, доведение численности самозанятых граждан, применяющих спецрежим «Налог на профессиональный доход» (НПД) до 2 400 тыс. чел.² (в 2020 г. из обновленного паспорта нацпроекта исключен показатель по доле МСА в ВВП).

Цель исследования — рассмотрение проблемных моментов в развитии малого бизнеса. Задачи исследования — проанализировать состояние малого бизнеса, изменения в ходе выполнения нацпроекта. Информационной базой исследования явились официальные данные Росстата, ФНС, Единого реестра субъектов МСП, статсборник «Малое и среднее предпринимательство в России», применялись методы: анализ и синтез, группировка, сравнение, индексный, табличный и др.

Рассматриваемая в статье тема не является новой, она постоянно дискутируется в печати. Проведем краткий обзор печати по данному вопросу.

² Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). URL: <https://base.garant.ru/72185938/> (дата обращения: 01.02.2024).

«...малый бизнес быстрее реагирует на изменение потребительского спроса на рынке и его насыщение товарами широкого ассортимента. Кроме того, малый бизнес — это стабильная налогооблагаемая база» [2, с. 58].

Е. В. Симонова указывает, что «Увеличение числа ИП напрямую связано с увеличением их доли выручки. Снижение инвестиций в основной капитал, сокращение численности субъектов МСП, снижение объемов производства и ухудшение финансовых показателей могут привести и к снижению доли производимой МСП продукции в ВВП» [2, с. 27].

«Создание дополнительных рабочих мест обязательно должно привести к росту ВВП и налоговых поступлений в бюджеты различных уровней» [3, с. 236].

Ю. Г. Кириллов [4] выделяет следующие проблемы в реализации нацпроекта: высокая административная нагрузка; сокращение числа субъектов МСП и численности занятых в субъектах МСП; высокий процент теневого сектора ИП-самозанятых.

Н. П. Хижак отмечает, что с учетом санкций Запада необходимо изменить технологический уклад России, «важно переориентировать экономику с сырьевой на инновационную» [5, с. 93].

По мнению Е. А. Гончаровой, «Для местных администраций субъектов РФ в направлении эффективного государственного регулирования вопрос социально — экономической безопасности заключается в том числе в активизации малого промышленного производства, осуществляющего технологические инновации» [6, с. 231].

Н. В. Гордеева и др., помимо сильных сторон малых и средних предприятий, отмечают «социальную значимость данного сектора экономики» [7, с. 324].

Д. С. Тихомиров отмечает, что малый и средний бизнес «оказывают влияние на социальную среду, которая обеспечивает занятость части населения, создание новых рабочих мест» [8, с. 47].

М. А. Журавлева, О. В. Улезько указывают, что с сохранением проблемы взаимоотношений спецрежимников с контрагентами — плательщиками НДС «для малых и средних предприятий возникает угроза поиска новых рынков сбыта» [9, с. 65].

А. В. Шульгина считает, что с учетом глубокой дифференциации уровня развития российских регионов важным является использование мирового опыта в части «установления льготных условий налогообложения в проблемных регионах с целью

создания благоприятных условий для их развития и привлечения налогоплательщиков из других регионов» [10, с. 32].

П. Ф. Парамонов и др. отмечают, что «для эффективного функционирования экономики любой страны необходимо оптимальное сочетание между крупным, средним и малым бизнесом» [11, с. 359].

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования явились официальные данные Росстата, ФНС России, Единого реестра субъектов МСП, применялись методы: анализ и синтез, группировка, сравнение, индексный, табличный и др. Исследование с целью обеспечения объективности проведено сплошным методом на основании изучения данных развития малого бизнеса во всех федеральных округах.

На основании данных ЕГРЮЛ, Росстата, ЕГРИП в статье проанализировано изменение структуры субъектов МСП, в т.ч. ИП, на 10.12.2023 по сравнению с 10.12.2020 (в разрезе малых, средних предприятий, микропредприятий, число работников на 1 предприятии) по федеральным округам и РФ в целом, а также показатели деятельности субъектов МСП (численность работников, обороты, выработка на 1 чел.), в т.ч. ИП в разрезе федеральных округов за ряд лет. Проанализирована доля субъектов МСП в показателях в целом по экономике (численность занятых, среднемесячная заработная плата, оборот организаций, число предприятий, сальдированный финансовый результат. В статье приведены данные поступления налоговых доходов в КБС РФ, в т.ч. по видам специальных налоговых режимов, из них в связи с применением УСН при объекте «доходы» и «доходы, уменьшенные на расходы», налога на профессиональный доход, уплачиваемого самозанятыми.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование начнем с изучения состояния субъектов МСП на основании данных реестра субъектов МСП по состоянию на 10.12.2020 и на 10.12.2023 (табл. 1, 2).

Согласно данным таблицы 1, на 10.12.2023 по сравнению с на 10.12.2020:

- количество субъектов МСП — ЮЛ уменьшилось по РФ на 4,1 %, в том числе в СЗФО на 9 %, увеличилось лишь в ЦФО на 1,9 %, СКФО на 8,9 %;

- доля ЮЛ в общем количестве МСП уменьшилась по РФ с 41,4 до 35,9 %, уменьшение имеет место во всех округах;

- доля ЦФО в РФ по количеству МСП-ЮЛ увеличилась с 34,1 до 36,2 %, незначительна доля

Таблица 1

Table 1

Сведения по субъектам МСП — юридическим лицам
Information on SMEs — legal entities

РФ, округ	На	ЮЛ		В составе ЮЛ предприятия			Число работников в ЮЛ	
		Всего	% от МСП	микро	малые	средние	всего, чел.	на 1 предпр.
РФ	10.12.20	2 362 558	41,4	2 154 781	190 392	17 385	12 921 677	5,5
	10.12.23	2 267 103	35,9	2 063 450	185 333	18 320	12 376 788	5,5
ЦФО	10.12.20	806 423	45,7	732 066	67 638	6 719	4 437 739	5,5
	10.12.23	821 598	40,8	746 327	68 077	7 194	4 329 892	5,3
СЗФО	10.12.20	315 277	47,6	288 212	24 895	2 170	1 667 754	5,3
	10.12.23	286 926	40,9	260 499	24 181	2 246	1 594 061	5,5
ЮФО	10.12.20	185 850	27,7	169 449	15 019	1 382	1 083 274	5,8
	10.12.23	172 310	24,0	156 396	14 497	1 417	1 013 645	5,9
СКФО	10.12.20	48 389	24,8	44 100	3 834	455	293 026	6,0
	10.12.23	52 706	23,1	48 495	3 811	400	270 750	5,1
ПФО	10.12.20	421 494	41,6	383 045	35 186	3 063	2 449 344	5,8
	10.12.23	384 280	35,4	348 200	32 872	3 208	2 325 661	6,0
УФО	10.12.20	206 427	42,2	189 485	15 570	1 372	1 070 179	5,2
	10.12.23	194 173	37,2	177 538	15 126	1 509	1 032 351	5,3
СФО	10.12.20	257 959	42,8	236 920	19 441	1 598	1 342 981	5,2
	10.12.23	234 342	37,0	214 265	18 423	1 654	1 266 717	5,4
ДФО	10.12.20	120 939	39,8	111 504	8 809	626	577 380	4,8
	10.12.23	113 268	35,9	104 235	8 344	689	543 179	4,8

Источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства ofd.nalog.ru

Таблица 2

Table 2

Сведения по субъектам МСП — ИП
Information on SMEs — individual entrepreneurs

РФ, округ	На	Всего МСП	Из них ИП		Из них			Численность работников у ИП, чел.
			чел.	% от МСП	микро	малые	средние	
РФ	10.12.20	5 702 150	3 339 592	58,6	3 312 653	26 629	310	2 569 467
	10.12.23	6 310 279	4 043 176	64,1	4 013 333	29 439	404	2 731 789
ЦФО	10.12.20	1 764 485	958 062	54,3	951 795	6 177	90	620 138
	10.12.23	2 010 844	1 189 246	59,1	1 181 771	7 354	121	671 801
СЗФО	10.12.20	662 001	346 724	52,4	344 293	2 405	26	228 022
	10.12.23	702 097	415 171	59,1	412 248	2 891	32	246 925
ЮФО	10.12.20	671 247	485 397	72,3	481 826	3 542	29	393 157
	10.12.23	717 435	545 125	76,0	540 947	4 133	45	421 861
СКФО	10.12.20	194 690	146 301	75,1	145 481	810	10	87 753
	10.12.23	227 627	174 921	76,8	173 844	1 060	17	98 642
ПФО	10.12.20	1 013 772	592 478	58,4	586 404	6 015	59	541 412
	10.12.23	1 085 485	701 205	64,6	695 232	5 902	71	560 667
УФО	10.12.20	489 396	282 969	57,8	280 342	2 594	33	236 966
	10.12.23	521 968	327 795	62,8	324 898	2 867	30	246 228
СФО	10.12.20	602 671	344 712	57,2	341 521	3 151	40	293 844
	10.12.23	633 214	398 872	63,0	395 555	3 269	48	312 588
ДФО	10.12.20	303 888	182 949	60,2	180 991	1 935	23	168 175
	10.12.23	315 651	202 383	64,1	200 381	1 962	40	172 953

Источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства ofd.nalog.ru

СКФО (2–2,3 %); доля остальных округов уменьшилась;

– доля микропредприятий в составе МСП-ЮЛ в РФ и во всех округах составляет более 90 %;

– численность работников в МСП-ЮЛ уменьшилась по РФ на 4,2 % и всем федеральным округам;

– доля ЦФО в численности работников МСП-ЮЛ увеличилась с 34,3 до 35 %, осталась неизменной доля СЗФО, СКФО, УФО, снизилась доля ЮФО, СФО, ДФО;

– численность работников на одном предприятии по РФ и округам не превышает 5–6 чел.

Согласно данным табл. 2, на 10.12.2023 по сравнению с на 10.12.2020:

– количество субъектов МСП увеличилось по РФ на 10,7 %, рост имеет место во всех округах;

– рост субъектов МСП обусловлен значительным ростом численности ИП, доля ИП в общем количестве МСП увеличилась по РФ с 58,6 до 64,1 %;

– в составе ИП доля микро составляет более 99,0% по РФ и всем округам;

– численность работников у ИП увеличилась по всем округам, по РФ на 6,3 %; при этом в ЦФО осуществляют деятельность более 24,0%, ПФО более 20 % численности всех работников у ИП в целом по РФ, незначительна их доля в СКФО (3,4–3,6 %), ДФО (6 %); во всех округах и по РФ в целом численность работников у ИП в расчете на ИП меньше 1-го чел.

Согласно данным табл. 3, в 2022 г. в сравнении с 2020 г.:

– численность работников малых предприятий (без учета микропредприятий) увеличилась по РФ на 1,8%, в том числе в ЦФО на 6,7%, снизилась по СКФО на 5,8%, ПФО на 1,2%; доля ЦФО в РФ увеличилась с 32,5 до 34,0%; незначительной остается доля СКФО, ДФО, ЮФО;

– оборот малых предприятий увеличился по РФ на 26,4%, в том числе более чем на 30% в ПФО, УФО, в остальных округах более 20%;

– выручка в расчете на 1-го работника увеличилась по РФ на 24,1%, в том числе более чем на 30% в СКФО, УФО, ПФО; показатель в ЦФО, СЗФО и ДФО в 2022 г. выше среднероссийско-

Таблица 3

Table 3

**Показатели деятельности малых предприятий (МП) (без учета микропредприятий)
и микропредприятий (микро)**
Performance indicators of small enterprises (SE) (excluding microenterprises) and microenterprises (micro)

РФ, округ	Предприятие	Численность работников, тыс. чел.		Оборот, млрд руб.		Выручка на 1-го работника, тыс. руб.	
		2020	2022	2020	2022	2020	2022
РФ	МП	5 211,4	5 308,1	24 353,9	30 786,0	4 673,2	5 799,9
	микро	5 862,9	5 279,0	31 739,6	30 160,7	5 413,6	5 713,3
ЦФО	МП	1 694,7	1 807,7	9 514,0	11 725,9	5 614,0	6 486,6
	микро	2 021,1	1 711,1	12 789,9	11 307,4	6 328,2	6 608,3
СЗФО	МП	670,6	676,0	3 294,0	4 169,2	4 912,0	6 167,4
	микро	799,4	748,5	4 505,5	3 890,4	5 636,1	5 197,6
ЮФО	МП	437,5	430,6	1 856,9	2 333,3	4 244,3	5 418,7
	микро	493,5	431,6	2 157,7	2 047,5	4 372,2	4 744,0
СКФО	МП	110,1	103,7	436,6	537,8	3 965,5	5 186,1
	микро	126,5	120,0	577,7	632,3	4 566,8	5 269,2
ПФО	МП	1 031,1	1 019,2	3 848,8	5 058,6	3 732,7	4 963,3
	микро	1 041,2	976,6	4 779,6	5 136,2	4 590,5	5 259,3
УФО	МП	448,3	454,0	1 924,6	2 565,2	4 293,1	5 650,2
	микро	481,8	459,5	2 432,1	2 517,2	5 047,9	5 478,1
СФО	МП	561,8	566,2	2 288,0	2 922,9	4 072,6	5 162,3
	микро	610,8	574,6	2 962,8	3 173,4	4 850,7	5 522,8
ДФО	МП	257,1	250,7	1 190,9	1 462,9	4 632,0	5 835,3
	микро	288,7	257,2	1 534,3	1 466,4	5 314,5	5 701,4

Источники: Российский статистический ежегодник. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 691 с.; Российский статистический ежегодник. 2023 : стат. сб. / Росстат. М., 2023. 701 с.

го значения (5 799,9 тыс. руб.); в 2022 г. в ЦФО, СКФО, ПФО и СФО выручка на 1-го работника на малых предприятиях меньше аналогичного показателя на микропредприятиях.

– численность работников микропредприятий уменьшилась по РФ на 10,0%, снижение имеет место во всех округах;

– оборот микропредприятий уменьшился по РФ на 5, %, в том числе по ЦФО на 11,6 %, СЗФО на 13,7 %, увеличился по ПФО на 7,5 %, СФО на 7,1 %; доля ЦФО в РФ уменьшилась с 40 до 37,5 %;

– выручка на 1-го работника увеличилась по РФ на 5,5 %, в том числе по СКФО на 15,4 %, ПФО на 14,6 %, уменьшилась лишь по СЗФО на 7,8 %; по итогам 2022 г. выручка на 1-го работника выше среднероссийского уровня (5 713,3 тыс. руб.) имеет ЦФО (6 608,3 тыс. руб.).

Согласно данным табл. 4, в 2021 г. осуществляли деятельность около половины ИП, зарегистрировавших свою деятельность в качестве ИП в 2020 г. При этом выручка в 2021 г. увеличилась по сравнению с 2020 г. по РФ на 34,9 %. С увеличением выручки в 2022 г. по РФ и всем округам увеличилась выработка на 1 работающего, по РФ в 2022 г. показатель составил 8 426,4 тыс. руб. Выше данного значения выработка в ЦФО, СКФО, ДФО.

Из числа фактически действующих в целом по РФ в 2021 г. ИП 37,3 % осуществляли деятельность в оптовой, розничной торговле и ремонте транспортных средств, из выручки (20 845,9 млн руб.) в 2021 г. 11 603,2 млн руб. (55,7 %) получено в данном виде деятельности.

Далее анализируем сферы деятельности субъектов МСП (табл. 5).

Таблица 4
Table 4

Показатели деятельности ИП
Individual entrepreneur performance indicators

РФ, округа	Численность, тыс. чел.	Выручка, млрд руб.	Фактически осуществляют деятельность, тыс. чел.		Выручка, млрд руб.		Выработка на 1 чел., тыс. руб.	
			2020	2021	2022	2021	2022	2021
РФ	5 362,9	15 455,2	2 792,3	2 864,3	20 845,9	24 135,8	7 465,5	8 426,4
ЦФО	1 347,4	4 695,3	857,6	845,3	6 232,9	7 626,1	7 267,8	9 021,8
СЗФО	495,2	1 600,2	296,6	316,3	1 772,7	1 992,9	5 976,7	6 300,7
ЮФО	817,3	2 010,5	367,9	383,1	2 578,6	3 145,6	7 009,0	8 210,9
СКФО	241,3	538,7	112,7	121,0	1 292,8	1 528,8	11 471,1	12 634,7
ПФО	1 054,2	2 530,7	480,5	495,4	3 467,7	3 603,9	7 216,8	7 274,7
УФО	465,1	1 269,4	231,4	254,8	1 857,2	2 111,1	8 025,9	8 285,3
СФО	607,6	1 617,6	301,2	302,6	2 078,4	2 411,2	6 900,4	7 968,3
ДФО	334,8	1 192,7	144,3	145,8	1 565,6	1 716,3	10 849,6	11 771,6

Источники: Российский статистический ежегодник. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 691 с.; Российский статистический ежегодник. 2023 : стат. сб. / Росстат. М., 2023. 701 с.

Таблица 5
Table 5

Оборот оптовой, розничной торговли и общепита, выполняемого субъектами МСП, в общем обороте по РФ

Turnover of wholesale, retail trade and catering carried out by SMEs in the total turnover in the Russian Federation

Показатель		Малые			Средние		
		2019	2020	2021	2019	2020	2021
Оптовая торговля	млрд руб.	26 475,3	25 913,3	30 536,3	2 544,5	3 692,0	4 842,4
	доля, %	31,5	30,5	27,7	3,0	4,4	4,4
Розничная торговля	млрд руб.	7 617,8	7 093,4	7 670,1	593,8	729,7	1 067,5
	доля, %	22,7	20,9	19,4	1,8	2,1	2,7
Общественное питание	млрд руб.	701,6	542,3	715,2	23,0	19,3	37,4
	доля, %	38,4	37,5	37,1	1,3	1,3	1,0

Источник: Малое и среднее предпринимательство в России. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 101 с.

Данные табл. 5 показывают, что доля малых предприятий в оптовой торговле составляет около 30 %, розничной торговле — 19–22 %, общественном питании около 40 %.

Такое положение сложилось в условиях действия ЕНВД, отмененного с 2021 г. Данный режим применяли большинство субъектов МСП, при этом налоговом режиме налоговая нагрузка намного была ниже. С отменой ЕНВД в главу 26.5 НК РФ внесено изменение, в соответствии с которым ИП при применении ПСН получили право уменьшить величину патента на страховые взносы в полном объеме, если ИП не имеет наемных ра-

ботников. Все это привело к снижению налоговой нагрузки на ИП, особенно в случае, когда у ИП нет наемных работников.

Доля субъектов МСП в основных экономических показателях по всей экономике приведена в табл. 6.

Согласно данным табл. 6, в 2021 г. в сравнении с 2019 г.:

- среднегодовая численность занятых в организациях уменьшилась на 2 %;
- среднемесячная заработная плата работников по экономике в 2021 г. составила 57 244 руб., в том числе на малых предприятиях 37 743 руб.;

Таблица 6
Table 6

Основные показатели субъектов предпринимательства, в том числе МСП
Key indicators of business entities, including SMEs

Показатель	2019	2020	2021	2021/2019, %	2022
Среднегодовая численность занятых в организациях, тыс. чел.					
Всего	43 888,0	43 317,0	42 996,0	98,0	42 923,0
в т.ч. МСП	12 729,1	12 742,9	12 252,1	96,2	н/д
% от итога	29,0	29,4	28,5	98,3	–
– малые	11 340,5	11 074,3	10 652,4	93,9	10 587,1
– средние	1 388,6	1 668,6	1 599,7	115,2	н/д
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, руб.					
по экономике	47 867	51 344	57 244	119,6	65 338
в т.ч. в МСП					
– малые	30 922	н/д	37 743	122,0	н/д
– микро	26 303	н/д	30 246	115,0	н/д
– средние	42 573	н/д	54 627	128,3	н/д
Оборот организаций, млрд руб.					
Всего	167 104,5	207 561,7	270 702,1	162,0	291 216,6
в т.ч. МСП	60 850,5	65 907,0	69 291,8	113,9	н/д
% от итога	36,4	31,7	25,6	70,3	–
– малые	52 963,9	56 093,5	57 197,2	108,0	60 946,7
– средние	7 886,6	9 813,5	12 094,6	153,3	н/д
Число предприятий, тыс. ед.					
Всего	3 826,9	3 517,4	3 345,1	87,4	3 285,1
в т.ч. МСП	1 856,6	1 919,6	1 898,7	102,3	н/д
% от итога	48,5	54,6	56,8	117,1	–
– малые	1 841,9	1 903,3	1 882,0	102,2	н/д
– средние	14,7	16,3	16,7	113,6	н/д
Сальдированный финансовый результат, млрд руб.					
Всего	16 632,5	13 418,8	33 915,8	203,9	22 313,6
в т.ч. МСП	3 409,2	4 537,5	6 129,2	179,8	н/д
% от итога	20,5	33,8	18,1	88,3	–
– малые	3 117,0	3 943,0	5 242,4	168,2	н/д
– средние	292,2	594,5	886,8	303,5	н/д
Расчетно: оборот на 1 предприятие, тыс. руб.					
Всего	43 665,7	59 010,0	80 925,0	183,9	88 647,7
в т.ч. МСП	32 775,2	34 333,7	36 494,3	111,3	н/д
– малые	28 755,0	29 471,7	30 391,7	105,7	н/д

Показатель	2019	2020	2021	2021/2019, %	2022
– средние	536 503,4	602 055,2	724 227,5	135,0	н/д
Расчетно: выработка на 1-го занятого, тыс. руб.					
Всего	3 807,5	4 791,7	6 296,0	165,4	6 784,6
в т.ч. МСП	4 780,4	5 172,0	5 655,5	118,3	–
– малые	4 670,3	5 065,2	5 369,4	115,0	5 756,7
– средние	5 679,5	5 881,3	7 560,5	133,1	–

Источники: Российский статистический ежегодник. 2023 : стат. сб. / Росстат. М., 2023. 701 с.; Малое и среднее предпринимательство в России. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 101 с. (Сборник «Малое и среднее предпринимательство в России» выпускается 1 раз в 2 года (следующий выпуск будет в 2024 г.), в связи с чем сравнение данных за 2019 г. проведено с данными за 2021 г. из-за отсутствия данных за 2022 год.)

– оборот организаций увеличился на 62 %;
– число предприятий уменьшилось на 12,4 %;
– сальдированный финансовый результат увеличился в 2 раза;
– оборот на одно предприятие увеличился на 83,9 %, в т.ч. МСП на 11,3 %.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что критерии отнесения предпринимателей к субъектам МСП устарели, предельные значения дохода не менялись с 2016 года, не корректировались на уровень инфляции¹. Как указывают С.Теребова и др., «дискуссионным вопросом остается объем максимальной суммы дохода, позволяющей налогоплательщикам применять УСН» [12, с. 98].

Выработка на 1-го занятого в целом по экономике при росте на 65,4 % составила в 2021 г. 6 296 тыс. руб., в том числе субъектов МСП 5655,5 тыс. руб., на малых 5369,4 тыс. руб., на средних 7560,5 тыс. руб., т.е. меньше, чем предусмотрено в указанном постановлении Правительства РФ № 265 (8 млн руб.).

По данным Росстата, в 2021 г. доля малых, микропредприятий и средних предприятий соответственно составила (%):

– в величине прибыли предприятий — 79,5; 79,2 и 83,2 %;
– в средней численности работников — 24; 11,9 и 3,6 %;
– в обороте предприятий — 20,8; 9,9 и 4,4 %;
– в величине внеоборотных активов — 28,8; 26,4 и 1,3 %;
– в величине оборотных активов — 27,8; 19,5 и 3,6 %.

¹ Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства.

Далее рассмотрим роль субъектов МСП в формировании доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ (КБС РФ) (табл. 7).

Согласно данным табл. 7, за 11 месяцев 2023 года в сравнении с 2019 г.:

– налоговые доходы КБС РФ увеличились на 46,3 %;

– с увеличением налога на совокупный доход в доходах КБС РФ на 73,7 % его доля в величине налоговых доходов КБС РФ увеличилась с 5,8 до 6,9 %, или на 19 %;

– поступления УСН в КБС РФ увеличились на 92,7 %, в том числе в местный бюджет в 2,4 раза;

– доля УСН в величине налога на совокупный доход в части КБС РФ увеличилась с 83,8 до 92,9 %, в части, зачисляемой в МБ, с 52,5 до 87,6 %; доля объекта «доходы» в общей сумме УСН составляет около 70 %;

– величина ЕНВД в 2019 г. (65 млрд руб.) составляла 11 % от величины налога на совокупный доход, зачисляемого в КБС РФ и 3,9 % налога, зачисляемого в МБ;

– увеличением поступлений в связи с применением ПСН в КБС РФ на 59 %, МБ в 2,05 раза их доля в налоге на совокупный доход в части КБС РФ уменьшилась с 4,4 до 2,2 %, в доходах МБ — увеличилась с 4,2 до 6 %.

Согласно данным табл. 8, в 2022 г. в сравнении с 2019 г. значительна доля «нулевых» деклараций, из за чего «региональные и местные бюджеты теряют налоговые поступления от субъектов предпринимательства» [13, с. 142].

По итогам 2022 г. у 11,7 тыс. налогоплательщиков, в том числе у 8,2 тыс. юрлиц, доходы и средняя численность работников превысили предельные размеры.

Согласно данным табл. 9, на 31.12.2023 в сравнении с на 31.12.2020: численность самозанятых уве-

Таблица 7

Table 7

**Поступление налоговых доходов в КБС РФ, млрд руб.
Receipt of tax revenues to the RF CBS, billion rubles**

Бюджет	Годы	Налоговые доходы			Специальные налоговые режимы							
		всего	в т.ч. на совокупный доход		УСН				ЕНВД	ЕСХН	ПСН	Проф-доход
			млрд руб.	%	Всего	в т.ч. объект						
					Доходы	доходы-расходы						
КБС	2019	10 123,0	588,2	5,8	492,9	343,9	149,0	65,0	15,7	13,9	0,7	
	2022	14152,1	972,2	6,9	885,0	606,8	278,2	–	19,8	43,8	23,6	
	11 мес. 2023	14815,4	1022	6,9	949,7	659,1	290,6	–	17,3	22,1	33,1	
	%	146,3	173,7	119	192,7	191,6	195,0	–	110	159	47	
в т.ч. МБ	2019	1296,2	186,0	14,3	97,6	66,1	31,5	64,9	15,7	7,8	–	
	2022	1725,6	270,5	15,7	218,9	144,9	74,0	–	19,7	31,9	–	
	11 мес. 2023	1655,2	267,6	16,2	234,5	156,8	77,7	–	17,1	16,0	–	
	%	127,7	143,9	113,0	240,3	237,2	246,7	–	109	205	–	
Доля МБ в КБС, %	2019	12,8	31,6	–	19,8	19,2	21,1	99,8	100	56,1	–	
	2022	12,2	27,8	–	24,7	23,9	26,6	–	100	72,8	–	
	11 мес. 2023	11,2	26,2	–	24,7	23,8	26,7	–	100	72,4	–	
	%	87,3	82,8	–	124,7	123,8	136,5	–	100	129	–	

Источник: Начисление и поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации ф. № 1-НМ.

Таблица 8

Table 8

**Начисления единого налога при УСН
Single tax accruals under the simplified tax system**

Показатель	2019			2022			2022/2019, %		
	Всего	в том числе		Всего	в том числе		всего	в том числе	
		ЮЛ	ИП		ЮЛ	ИП		ЮЛ	ИП
Объект «доходы»									
Исчислен налог, млрд руб.	501,7	222,2	279,5	854,5	303,0	551,5	170,3	136,4	197,3
Страховые взносы	155,9	81,1	74,8	236,3	101,3	134,9	151,6	124,9	180,3
Налог к уплате	345,8	140,7	205,1	617,5	201,4	416,1	178,6	143,1	202,9
Декларации, тыс. ед.	2 356,3	740,1	1 616,2	3 136,8	712,5	2 424,3	133,1	96,3	150,0
– из них нулевые	681,6	304,2	377,4	879,7	279,3	600,4	129,1	91,8	159,1
– ставка 0 %	10,2	–	10,2	11,0	–	11,0	107,8	–	107,8
– пониженные ставки	56,6	12,5	44,1	216,5	38,8	177,7	382,5	310,4	402,9
Начислено на 1 декларацию к уплате, тыс. руб.	207,7	322,8	166,9	274,9	464,9	229,5	132,3	144,0	137,5
Количество налогоплательщиков, у которых доходы и средняя численность работников превысили предельные размеры									
Тыс. ед.	–	–	–	6,5	3,1	3,4	–	–	–
Объект «доходы, уменьшенные на расходы»									
Налог к уплате	111,1	78,0	33,1	220,0	134,7	85,3	198,0	172,7	257,7
Минимальный налог	38,0	31,9	6,12	60,7	47,9	12,8	159,7	150,1	209,1
Не поступил налог:									
– в связи с убытками	2,3	1,8	0,5	3,2	2,3	0,9	139,1	127,8	180,0
– с пониженной ставкой регионов	46,1	25,7	20,4	174,7	69,7	105,0	378,9	271,2	514,7

Показатель	2019			2022			2022/2019, %		
	Всего	в том числе		Всего	в том числе		всего	в том числе	
		ЮЛ	ИП		ЮЛ	ИП		ЮЛ	ИП
– со ставкой 0 %	3,0	–	3,0	5,5	–	5,5	183,3	–	183,3
Декларации, тыс. ед.	1030,6	722,5	308,1	1131,3	720,2	411,1	109,8	99,7	133,4
– из них нулевые	292,1	207,5	84,6	284,3	175,3	109,0	97,3	84,5	128,8
– ставка 0 %	2,6	–	2,6	2,2	–	2,2	84,6	–	84,6
– пониженные ставки	225,9	146,1	79,8	296,6	173,9	122,7	131,3	119,0	153,7
Начислено на 1 декларацию к уплате, тыс. руб.	202,6	212,2	177,5	332,2	335,1	327,1	164,0	157,9	184,3
Количество налогоплательщиков, у которых доходы и средняя численность работников превысили предельные размеры									
Тыс. ед.	–	–	–	11,7	8,2	3,5	–	–	–

Источник: Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения ф. № 5-УСН.

Таблица 9
Table 9

Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих СНР «НПД»
Information on the number of self-employed citizens who have registered their status and apply the SNR “NPD”

РФ, округ	На 31.12.2020			На 31.12.2023		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		Физлица	ИП		Физлица	ИП
РФ	1 603 638	1 458 792	144 846	9 278 730	8 819 305	459 425
ЦФО	752 806	685 057	67 749	3 022 583	2 851 274	171 309
СЗФО	160 601	146 399	14 202	998 519	944 250	54 269
ЮФО	123 877	110 379	13 498	1 089 989	1 034 227	55 762
СКФО	21 418	18 868	2 550	665 346	648 981	16 365
ПФО	280 872	260 278	20 594	1 540 024	1 469 957	70 067
УФО	114 142	103 707	10 435	692 211	659 842	32 369
СФО	114 953	104 020	10 933	908 543	868 766	39 777
ДФО	34 969	30 084	4 885	342 823	323 709	19 114

Источник: Единый реестр субъектов МСП. Статистика для нацпроекта «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

личивается. Е. Н. Моисеева и И. П. Чиронина отсутствие обязанности самозанятых по оплате взносов на социальное и пенсионное страхование считают недостатком, «так как таким образом они не формируют свою социальную защищенность» [14, с. 93].

Отмечая важность проведения эксперимента по привлечению. «Самозанятость с предпринимательской деятельностью сближает тот факт, что человек ведет эту деятельность самостоятельно» [15, с. 51].

Заключение

Исследованием установлено следующее.

Малый бизнес не укрупняется, не расширяется, о чем свидетельствуют снижение количества,

доли ЮЛ в составе МСП, снижение численности работников на одном предприятии, преобладание микропредприятий.

Субъекты МСП размещены на территории страны крайне неравномерно. Во всех округах и в целом по РФ в структуре МСП преобладает доля ИП. Уровень среднемесячной заработной платы в секторе МСП значительно уступает показателю в целом по экономике.

Сферой деятельности субъектов МСП в течение длительного времени продолжает оставаться сфера торговли, общественное питание, сфера услуг, незначительна доля производства.

Предельные значения выручки, при которых

возможно применение УСН, несмотря на увеличение с 2025 г. до 450 млн руб.

Критерии отнесения предприятий к субъектам МСП и пороги величины дохода в целях применения УСН, несмотря на увеличение с 2025 года до 450 млн руб., остаются ниже критериев для отнесения предприятий к малым. С отменой ЕНВД финансовое положение местных бюджетов ухудшилось. Существующие механизмы налогового стимулирования несовершенны, необоснованно уменьшают налоговую нагрузку (минимальный

налог в размере 1 % от доходов при объекте «доходы, уменьшенные на расходы», право регионов, уменьшение суммы единого налога на сумму страховых взносов и т.п.).

По нашему мнению, действующая система налогообложения МСП, особенно ИП, не стимулирует расширение бизнеса, существующие ограничения выручки и численности работников при применении УСН и патентной системы налогообложения направлены на дробление бизнеса, уход в тень части оплаты труда.

Список источников

1. Дзобелова В. Б., Мирзабеклов А. Ф., Маргиев А. И. Развитие малого и среднего бизнеса в России на современном этапе // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. Т. 17, № 3. С. 57–61.
2. Симонова Е. В. Динамика развития не крупного предпринимательства в России // Вестник Орел-ГИЭБ. 2021. № 34 (58). С. 20–27.
3. Наливкина В. В., Куцегреева Л. В. Оценка преимуществ и недостатков применения налога на профессиональный доход самозанятыми налогоплательщиками // Экономика устойчивого развития. 2020. № 2 (42). С. 233–237.
4. Кириллов Ю. Г. Анализ реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» на региональном уровне // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 9–1 (79). С. 112–116.
5. Хижак Н. П. Оценка современного состояния малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Экономика устойчивого развития региона: инновации, финансовые аспекты : материалы X Международной науч.-практ. конф. г. Симферополь. 2023. С. 92–96.
6. Гончарова Е. А. Тенденции развития высокотехнологичного малого бизнеса в системе социально — экономической безопасности в регионах России // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3, № 2. С. 219–232.
7. Гордеева Н. В., Чуб М. В., Чмилев Т. А. Налоговые методы стимулирования развития малого бизнеса // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 10–1. С. 323–334.
8. Тихомиров Д. С. Анализ проблем налогового стимулирования малого и среднего бизнеса в РФ // Вестник науки. 2022. Т. 4, № 10(55). С. 46–52.
9. Журавлева М. А., Улезько О. В. Налоговое стимулирование малого и среднего бизнеса: особенности и перспективы // Финансовый вестник. 2019. № 4 (47). С. 63–68.
10. Шульгина А. В. Специальные налоговые режимы как инструмент стимулирования развития малого бизнеса на территории региона // Национальная Ассоциация Ученых. 2022. № 85-1. С. 29–33.
11. Парамонов П. Ф., Стукова Е. Ю., Иваницкий Д. К. Тенденции развития малого и среднего предпринимательства // Вестник Академии знаний. 2020. № 40 (5). С. 359–367.
12. Теребова С. В. Налоговое стимулирование малого бизнеса в условиях экономической нестабильности // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 1. С. 92–112.
13. Колесник В. В. «Налоговые каникулы» как способ стимулирования малого бизнеса // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2022. № 1. С. 138–144.
14. Моисеева Е. Н., Чиранова И. П. Самозанятые как псевдосубъекты трудовых отношений // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 6. С. 89–94.
15. Бадонов А. М., Бадараев О. Д. К вопросу о понятиях «самозанятость» и «самозанятый» в современной России // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 2. С. 48–53.

References

1. Dzobelova VB, Mirzabeklov AF, Margiev AI. Development of small and medium-sized businesses in Russia at the present stage. *Ekonomika i upravlenie: problemy i reshenija = Economics and management: problems and solutions*. 2019;17(3):57-61. (In Russ.).

2. Simonova EV. Dynamics of development of small businesses in Russia. *Vestnik OrelGIJeB = OrelGIEB Bulletin*. 2021;58(34):20-27. (In Russ.).

3. Nalivkina VV, Kutsegreeva LV. Assessing the advantages and disadvantages of applying professional income tax by self-employed taxpayers. *Jekonomika ustojchivogo razvitija = Economics of Sustainable Development*. 2020;42(2):233-237. (In Russ.).

4. Kirillov Yu G. Analysis of the implementation of the national project “Small and Medium Enterprises and Support for Individual Entrepreneurial Initiatives” at the regional level. *Ekonomika i biznes: teorija i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2021;9(79):112-116. (In Russ.).

5. Khizhak NP. Assessment of the current state of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. In: *Jekonomika ustojchivogo razvitija regiona: innovacii, finansovye aspekty. Materialy H Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. g. Simferopol’ = In the collection: Economics of sustainable development of the region: innovations, financial aspects. Materials of the X International Scientific and Practical. conf. Simferopol*. 2023. Pp. 92–96. (In Russ.).

6. Goncharova EA. Trends in the development of high-tech small businesses in the system of social and economic security in the regions of Russia. *Jekonomicheskaja bezopasnost’ = Economic security*. 2020;3(2):219-232. (In Russ.).

7. Gordeeva NV, Chub MV, Chmil TA. Tax methods of stimulating the development of small businesses. *Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra = Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2022;12(10-1):323-334. (In Russ.).

8. Tikhomirov DS. Analysis of problems of tax incentives for small and medium-sized businesses in the Russian Federation. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2022;4(10):46-52. (In Russ.).

9. Zhuravleva MA, Ulezko OV. Tax incentives for small and medium-sized businesses: features and prospects. *Finansovyy vestnik = Financial Bulletin*. 2019;(4):63-68. (In Russ.).

10. Shulgina AV. Special tax regimes as a tool for stimulating the development of small businesses in the region. *Nacional’naja Associacija Uchenyh = National Association of Scientists*. 2022;(85-1):29-33. (In Russ.).

11. Paramonov PF, Stukova EYu, Ivanitsky DK. Trends in the development of small and medium-sized businesses. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;(40):359-367. (In Russ.).

12. Terebova SV. Tax incentives for small businesses in conditions of economic instability. *Problemy razvitija territorii = Problems of territory development*. 2023;27(1):92-112. (In Russ.).

13. Kolesnik VV. “Tax holidays” as a way to stimulate small businesses. *Vestnik Doneckogo nacional’nogo universiteta. Serija V. Jekonomika i pravo = Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and law*. 2022;(1):138-144. (In Russ.).

14. Moiseeva EN, Chiranova IP. Self-employed as pseudo-subjects of labor relations. *Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki = Problems of economics and legal practice*. 2022;18(6):89-94. (In Russ.).

15. Badonov AM, Badaraev OD. On the issue of the concepts of “self-employment” and “self-employed” in modern Russia. *Vostochnyj vektor: istorija, obshhestvo, gosudarstvo = Eastern vector: history, society, state*. 2023;(2):48-53. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. З. Зотиков — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности.

Information about the author

N. Z. Zotikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance, Credit and Economic Security.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.24

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-116-127

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СЕКТОРА НА ОСНОВЕ РЫНОЧНЫХ И ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Николай Дмитриевич Дмитриев^{1✉}, Анастасия Викторовна Тюлькова²,
Василий Васильевич Сорокожердьев³

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, dmitriev_nd@spbstu.ru, 0000-0003-0282-1163

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, tulkova991@gmail.com

³ Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Краснодар, Россия, sorich@mail.ru, 0000-0001-9906-7712

Аннотация. Исследование посвящено кластеризации российских компаний технологического сектора на основе их финансовых показателей и средней стоимости акций за 2021–2023 гг. Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа инвестиционной привлекательности и устойчивости компаний в условиях высокой волатильности и значимости технологического прогресса для экономики и достижения технологического суверенитета. Целью настоящего исследования является выявление сходств и различий между компаниями технологического сектора путем их группировки на кластеры и анализ изменений в их распределении в динамике. Для этого в работе проведены сбор и систематизация данных о финансовых показателях и средней стоимости акций российских компаний технологического сектора, применены методы кластеризации для выявления групп компаний с аналогичными характеристиками, проведен анализ динамических изменений в распределении компаний по кластерам. Объектом исследования выступают компании технологического сектора, функционирующие на рынке ценных бумаг РФ. Предметом исследования является процесс кластеризации компаний на основе финансовых показателей и средней стоимости акций для выявления структурных и динамических характеристик их экономической деятельности. В качестве методической основы использованы методы многомерного статистического анализа, включая иерархическую кластеризацию, метод k -средних, DBSCAN и спектральную кластеризацию. Результаты исследования показали, что применение различных методов кластеризации является эффективным инструментом для группировки компаний технологического сектора. Были выявлены кластеры, демонстрирующие сходства компаний по ключевым финансовым параметрам. Анализ показал значительные изменения в распределении компаний по кластерам за 2021–2023 гг. Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне дифференциации компаний по финансовым показателям и средней стоимости акций. Выявленные кластеры позволяют оценить конкурентные преимущества и потенциальные риски в технологическом секторе, предоставляя возможность для формирования инвестиционных стратегий. Применение многомерного статистического анализа способствует определению факторов, влияющих на деятельность компаний, что позволяет инвесторам принимать обоснованные решения.

Ключевые слова: кластеризация, технологический сектор, IT, стоимость акций, финансовые показатели, кластерный анализ, инвестиционная привлекательность, многомерный статистический анализ, динамическая оценка, экономическая устойчивость

Финансирование. Работы выполнены в рамках реализации проекта «Разработка методологии формирования инструментальной базы анализа и моделирования пространственного социально-экономического развития систем в условиях цифровизации с опорой на внутренние резервы» (FSEG-2023-0008).

Для цитирования: Дмитриев Н. Д., Тюлькова А. В., Сорокожердьев В. В. Кластеризация российских компаний технологического сектора на основе рыночных и финансовых показателей // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 116–127. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-116-127.

Original article

CLUSTERING OF RUSSIAN COMPANIES IN THE TECHNOLOGY SECTOR BASED ON MARKET AND FINANCIAL INDICATORS

Nikolay D. Dmitriev¹✉, Anastasia V. Tyulkova², Vasily V. Sorokozherdiev³

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, dmitriev_nd@spbstu.ru, 0000-0003-0282-1163

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, tulkova991@gmail.com

³Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, sorich@mail.ru, 0000-0001-9906-7712

Abstract. The study is devoted to the clustering of Russian companies in the technology sector based on their financial performance and average share price for 2021–2023. The relevance of the work is due to the need to analyze the investment attractiveness and sustainability of companies in conditions of high volatility and the importance of technological progress for the economy and the achievement of technological sovereignty. The purpose of this study is to identify similarities and differences between companies in the technology sector by grouping them into clusters and analyzing changes in their distribution over time. To do this, the work collects and systematizes data on financial indicators and the average share price of Russian companies in the technology sector, uses clustering methods to identify groups of companies with similar characteristics, analyzes dynamic changes in the distribution of companies by clusters. The object of the study is companies in the technology sector operating in the securities market of the Russian Federation. The subject of the study is the process of clustering companies based on financial indicators and the average value of shares to identify the structural and dynamic characteristics of their economic activities. The methods of multidimensional statistical analysis, including hierarchical clustering, the k-means method, DBSCAN and spectral clustering, are used as a methodological basis. The results of the study showed that the use of various clustering methods is an effective tool for grouping companies in the technology sector. Clusters have been identified that demonstrate the similarities of companies in key financial parameters. The analysis showed significant changes in the distribution of companies by cluster in 2021–2023. The data obtained indicate a high level of differentiation of companies in terms of financial performance and average share price. The identified clusters make it possible to assess competitive advantages and potential risks in the technology sector, providing an opportunity for the formation of investment strategies. The use of multidimensional statistical analysis helps to identify factors affecting the activities of companies, which allows investors to make informed decisions.

Keywords: clustering, technology sector, IT, share price, financial indicators, cluster analysis, investment attractiveness, multidimensional statistical analysis, dynamic assessment, economic sustainability

Funding. The work was carried out as part of the project “Development of a methodology for the formation of an instrumental base for the analysis and modeling of spatial socio-economic development of systems in the context of digitalization based on internal reserves” (FSEG-2023-0008).

For citation: Dmitriev ND, Tyulkova AV, Sorokozherdyev VV. Clustering of Russian Companies in the Technology Sector Based on Market and Financial Indicators. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):116-127. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-116-127.

Введение

Геополитическая нестабильность и ориентация на поляризацию мирохозяйственных отношений приводит к усилению конкуренции на международных рынках инноваций и технологий. Технологический сектор является локомотивом устойчивого экономического развития, актуализируя вопросы исследования процессов образования его финансовой, экономической, стоимостной и иной эффективности. В таком контексте рассмотрение инвестиционной привлекательности и устойчивости компаний технологического сектора становится значимым направлением исследований в связи с высокой волатильностью финансовых рынков и весомым вкладом НТП в достижение техноло-

гического суверенитета страны, осуществление которого является стратегическим ориентиром российской экономики в условиях санкционных факторов и реформирования глобальных отношений. Неблагоприятная конъюнктура определяет трансформацию отраслевой и региональной экономики, адаптируя модель развития России для сохранения экономической автономии в условиях ограничений [1; 2].

XXI век — век высоких технологий, быстроменяющихся тенденций и инноваций — характеризуется стремительным развитием всех отраслей экономики, особенно технологического сектора. Наибольшие изменения ощущают инвесторы, поскольку технологические компании

демонстрируют значительный потенциал роста благодаря внедрению новейших технологий. Однако высокая динамичность технологического сектора сопряжена с рисками: не каждая компания способна адаптироваться к изменениям, и оценка компаний осложняется наличием интеллектуальной собственности.

Существует множество методов анализа, позволяющих принимать инвестиционные решения на рынке акций. Одним из таких методов является кластеризация, которая позволяет выявить рыночные структуры и определить инвестиционные возможности, основываясь на распределении компаний по финансовым характеристикам. В качестве методической основы использованы методы многомерного статистического анализа, включая иерархическую кластеризацию, метод k -средних, DBSCAN и спектральную кластеризацию. Выбранный инструментарий позволяет обрабатывать большие массивы данных, выявляя закономерности и сходства в финансовых показателях компаний.

Целью настоящего исследования является проведение кластерного анализа российских компаний технологического сектора на основе их финансовых показателей и средней стоимости акций за период 2021–2023 гг. Исследование направлено на выявление структурных и динамических характеристик, которые позволяют группировать компании в кластеры с аналогичными экономическими и финансовыми параметрами. Для достижения цели решаются следующие задачи:

- Сбор и систематизация данных о финансовых показателях и средней стоимости акций российских компаний технологического сектора.
- Применение методов иерархической кластеризации, метода k -средних, DBSCAN и спектральной кластеризации для выявления групп с аналогичными характеристиками.
- Анализ динамических изменений в распределении компаний по кластерам в период 2021–2023 гг.
- Формирование научно обоснованных рекомендаций для участников финансового рынка на основе результатов кластеризации.

Объектом исследования выступают российские компании технологического сектора, котирующиеся на рынке ценных бумаг России. Предметом исследования является процесс кластеризации компаний технологического сектора на основе финансовых показателей и средней стоимости акций.

Материалы и методы исследования

Теоретический анализ

Цифровизация оказывает значительное влияние на конкурентоспособность и эффективность российских компаний, особенно в условиях усиливающейся глобальной конкуренции и динамичных рыночных изменений. Наблюдается прямая зависимость между финансовыми показателями компаний и уровнем цифровизации их бизнес-процессов. Внедрение цифровых технологий связано с их способностью детализировать операционные и финансовые показатели компаний, снижать издержки и увеличивать прибыльность. Анализ цифровой трансформации включает исследование влияния цифровых инноваций на организационные показатели и эффективность деятельности компаний, а также оценку издержек и выгод от таких технологий [3; 4]. Понимание влияния цифровизации на финансовые показатели компаний позволит инвесторам повысить качество оценки их потенциала и выбирать перспективные объекты для инвестирования, в том числе на основе кластерного анализа.

Основные риски обращения цифровых финансовых инструментов связаны с недостаточной инфраструктурой и отсутствием адекватного регулирования. Однако внедрение цифровых моделей для рационализации инвестиционной деятельности позволяет усилить влияние информационных потоков на экономические процессы. В результате эффективность инвестиционных процессов в условиях рыночной неопределенности возрастает. Использование аналитики Big Data и цифровых моделей рационализации инвестиционной деятельности интегрирует разные подходы к сбору, обработке и анализу данных с применением последних технологических достижений в области искусственного интеллекта и машинного обучения. Такой подход позволяет формировать прогнозы рыночных тенденций и разрабатывать стратегии, учитывающие риски и возможности рынка. Применение цифровых моделей создает основу для оперативного получения информации, необходимой для адаптации к динамике рынка и стратегического планирования действий инвесторов, используя научные методики и алгоритмы анализа данных. Применение цифровых моделей улучшает качество анализа инвестиционных процессов, объективность прогнозирования рыночных тенденций и эффективность управления рисками, позволяя адаптироваться через синтез баз данных с использованием разнообразных методов и способствуя разработке инвестиционных стра-

тегий через глубокий многоаспектный анализ [5; 6]. Интеграция цифровых моделей и аналитики позволяет инвесторам оперативно адаптироваться к рыночным изменениям и принимать инвестиционные решения на объективных оценках.

Сравнительный анализ подходов к моделированию изменений на финансовых рынках технологического сектора экономики позволяет определить эффективные методы для прогнозирования стоимости акций и ее изменений на следующий день. В частности, допустимо применять методы машинного обучения для регрессионных моделей и для моделей классификации каждой из рассматриваемых акций. Методы машинного обучения позволяют учитывать описанную дисперсию и тренды в данных. Интенсивное внедрение информационных технологий способствует росту количества IT-компаний, получающих поддержку от государства в виде снижения налоговой нагрузки, льготного кредитования, льгот по аренде производственных помещений и т. д. С точки зрения финансовой устойчивости компаний существует множество моделей оценки финансовой устойчивости и риска банкротства, ориентированных на компании, создающие нематериальный продукт с относительно невысокой стоимостью внеоборотных активов, где основным источником финансирования на начальном этапе деятельности являются средства собственников компании. Кластеризация компаний по показателям финансовой устойчивости методом k -средних, достоинство которого заключается в использовании факторов кластеризации для группировки объектов по сходству, позволяет выделить группы компаний, требующие различного подхода к поддержке со стороны государства, что следует адаптировать для анализа их инвестиционной привлекательности [7; 8]. Применение методов машинного обучения позволяет инвесторам выявлять устойчивые компании и принимать инвестиционные решения, минимизируя риски и увеличивая потенциальную доходность.

Успех промышленных предприятий сопряжен с необходимостью оперативно приспосабливаться к динамике рынка. Создание систематизированных моделей для анализа предприятий с позиции кластеризации может учитывать формирование сетевой научно-технологической системы, выделяя взаимодействия предприятий в различных условиях. При этом на практике не хватает организационных межсубъектных кооперационных связей и структурных элементов. Интегрированная организационная модель способствует расшире-

нию обмена информацией и знаниями среди всех объектов инфраструктуры, обеспечивая гибкую адаптацию и быстрое реагирование на изменения технологической среды. В таком контексте управление интеллектуальным капиталом предприятий направлено на создание сверхнормативной прибыли от использования интеллектуальных ресурсов. Так, механизмы управления интеллектуальным капиталом с учетом показателей дифференциации способствуют интенсивному использованию ресурсного потенциала компаний [9; 10]. Создание систематизированной модели и управление интеллектуальным капиталом позволяют инвесторам оценить потенциал роста и стабильности предприятий, принимая во внимание их способность адаптироваться и эффективно использовать ресурсы.

Существует множество методов кластеризации, каждый из которых обладает своими преимуществами и недостатками. Следует понимать, что различные методы могут давать разные результаты [11]. В контексте анализа российских компаний технологического сектора методы кластеризации позволяют структурировать данные и выявлять скрытые зависимости и тенденции. Кластеризация применяется для анализа финансовых показателей компаний. Например, в работе [12] был проведен кластерный анализ финансового состояния нефтехимических компаний, что позволило выявить общие тенденции и закономерности их развития. Подобные методы могут быть адаптированы для анализа технологических компаний для рационализации процессов принятия решений, основываясь на анализе финансовых и операционных показателей. Применение кластерного анализа к данным о финансовых показателях и средней стоимости акций российских компаний технологического сектора способствует определению их инвестиционной привлекательности и устойчивости, поддерживая формирование инвестиционных стратегий с учетом минимизации рисков.

Для моделирования, прогнозирования, выявления закономерностей в больших массивах данных и нахождения наборов независимых признаков исследователи использовали метод сети Кохонена, который применяется для кластеризации [13]. В эпоху быстрого развития и инноваций большое внимание уделяется искусственному интеллекту, который эффективно применяется в кластеризации. Преимущества искусственного интеллекта включают возможность обучения, адаптацию, работу с неполной и нечеткой информацией, а также способность объяснять полученные решения.

Данные характеристики делают искусственный интеллект действенным инструментом для кластерного анализа. Применение искусственного интеллекта для кластеризации позволяет инвесторам прогнозировать тенденции рынка и выявлять скрытые зависимости [14]. Таким образом, использование методов кластеризации и искусственного интеллекта способствует повышению качества анализа и эффективности управления портфелями.

Для крупных исследований авторы применяют не один метод кластеризации, а комбинируют их с другими подходами. Так, методологическая основа работы [15] включала методы кластеризации, эмпирического познания, общелогический метод и методы системного анализа. Один из наиболее гибких методов кластеризации — иерархический метод — используется для выявления сложных структур данных [11]. Данный метод начинается с отдельного объекта данных в кластере и постепенно объединяет или разделяет их в соответствии со схожими признаками. В работе иерархический метод кластеризации применен для анализа финансовых показателей и средней стоимости акций российских компаний технологического сектора. Метод позволяет выполнять последовательное объединение меньших кластеров в более крупные или разделение больших кластеров на меньшие, обеспечивая выявлению скрытых закономерностей и структурных особенностей в данных.

Методические основы

Для проведения эмпирического анализа были собраны данные о финансовых показателях и средней стоимости акций российских компаний технологического сектора за период 2021–2023 гг. Источники данных включают отчеты компаний, финансовую отчетность, данные с фондовых бирж и специализированных платформ. Основные финансовые показатели, использованные в исследовании, включают доходы, чистую прибыль, рентабельность, капитализацию, соотношение цены и прибыли (P/E), коэффициент долговой нагрузки и другие релевантные метрики. Были использованы порталы со статистическими данными¹.

Методическая основа исследования включала следующие этапы:

1. Сбор и систематизация данных. На первом этапе были собраны и систематизированы данные

¹ Данные по средним ценам акций компаний. URL: <https://ru.investing.com/> (дата обращения: 01.05.2024); Данные по показателям выручки, прибыли и мультипликаторам. URL: <https://smart-lab.ru/> (дата обращения: 01.05.2024).

о финансовых показателях и средней стоимости акций компаний. Данные приведены к единому формату для последующей обработки.

В приложении Excel были собраны данные по компаниям технологического сектора, которые выпускают акции, котирующиеся на Московской бирже: Yandex, Ростелеком, HeadHunter, VK, CIAN, OZON, МТС, SoftLine, Группа Позитив и Астра. Основным фактором была средняя цена акции за 2021–2023 годы. Дополнительные факторы включали финансовые показатели, влияющие на волатильность акций исследуемых компаний (табл. 1). Примечание: данные по компаниям SoftLine и Астра за 2021 и 2022 гг. отсутствуют, так как их акции размещены на бирже в 2023 г.

2. Предварительная обработка данных. На втором этапе была проведена предварительная обработка данных, включающая очистку данных от выбросов и пропусков, нормализацию и стандартизацию показателей для обеспечения корректного применения методов многомерного статистического анализа.

Расчет темпов роста прибыли и выручки:

$$\text{Темпы роста прибыли} = \frac{\text{Прибыль текущего года}}{\text{Прибыль предыдущего года}}. \quad (1)$$

$$\text{Темпы роста выручки} = \frac{\text{Выручка текущего года}}{\text{Выручка предыдущего года}}. \quad (2)$$

Расчет чистой маржи:

$$\text{Чистая маржа} = \frac{\text{Прибыль текущего года}}{\text{Выручка текущего года}}. \quad (3)$$

Для обеспечения соразмерности всех факторов в процессе кластеризации и придания им одинакового масштаба и веса данные были нормализованы методом стандартизации:

$$z_i = \frac{x_i - \bar{x}}{\sigma}, \quad (4)$$

z_i — стандартизованное значение;

x_i — исходное значение;

\bar{x} — среднее арифметическое исходных значений;

σ — стандартное отклонение исходных значений.

Для минимизации ошибок, связанных с ручными расчетами, данные из таблицы 1 были загружены в среду разработки «Google Colab», и нормализация была выполнена с помощью программного кода на языке Python.

3. Кластеризация данных. Алгоритм кластеризации изначально вычисляет степень схожести технологических компаний на основе их нормализованных факторов, после чего наиболее схожие

Исходные данные для исследования технологического сектора за 2021–2023 гг.
Initial data for the research of the technology sector for 2021–2023

Компания	Год	Средняя цена за акцию, млн руб.	Выручка, млн руб.	Прибыль, млн руб.	P/E	P/S	Темпы роста прибыли	Темпы роста выручки	Чистая маржа
Yandex	2021	0,00503	356 200	8 010	204,30	4,59	0,393	1,632	0,022
	2022	0,00206	521 700	10 800	60,90	1,26	1,348	1,465	0,021
	2023	0,00231	800 100	27 400	33,50	1,15	2,537	1,534	0,034
Ростелеком	2021	0,00010	580 100	28 500	10,60	0,52	1,223	1,061	0,049
	2022	0,00006	627 100	31 000	6,30	0,31	1,088	1,081	0,049
	2023	0,00007	707 800	34 400	6,90	0,34	1,110	1,129	0,049
HeadHunter	2021	0,00328	16 000	6 010	32,20	12,10	2,243	1,932	0,376
	2022	0,00158	18 100	6 010	10,10	3,37	1,000	1,131	0,332
	2023	0,00253	29 400	12 200	12,20	5,04	2,030	1,624	0,415
VK	2021	0,00149	126 100	−15 500	−12,70	1,56	0,742	1,255	−0,123
	2022	0,00043	128 800	−27 200	−3,62	0,77	1,755	1,021	−0,211
	2023	0,00059	132 800	−34 300	−3,70	0,96	1,261	1,031	−0,258
Циан	2021	0,00085	6 030	−2 860	−26,00	12,30	4,561	1,519	−0,474
	2022	0,00040	8 270	480	53,70	3,11	−0,168	1,371	0,058
	2023	0,00063	11 600	1 690	25,90	3,79	3,521	1,403	0,146
OZON	2021	0,00383	178 200	−56 800	−8,17	2,61	2,547	1,707	−0,319
	2022	0,00128	277 100	−58 200	−4,92	1,03	1,025	1,555	−0,210
	2023	0,00228	424 300	−42 600	−13,50	1,36	0,732	1,531	−0,100
МТС	2021	0,00032	534 400	63 500	9,39	1,12	1,034	1,080	0,119
	2022	0,00023	541 800	33 400	14,10	0,87	0,526	1,014	0,062
	2023	0,00027	606 000	54 600	9,10	0,82	1,635	1,118	0,090
Позитив	2021	0,00071	7 080	1 910	29,80	8,04	1,265	1,280	0,270
	2022	0,00101	13 800	6 090	13,60	6,01	3,188	1,949	0,441
	2023	0,00199	22 200	9 700	13,60	5,96	1,593	1,609	0,437
SoftLine	2023	0,00016	73 200	3 100	15,10	0,64	0,478	1,300	0,042
Астра	2023	0,00052	9 540	3 540	29,70	11,00	1,427	1,770	0,371

Источники: 1. Данные по средним ценам акций компаний. URL: <https://ru.investing.com/> (дата обращения: 01.05.2024); 2. Данные по показателям выручки, прибыли и мультипликаторам. URL: <https://smart-lab.ru/> (дата обращения: 01.05.2024).

компании объединяются в один кластер. Данный процесс продолжается до тех пор, пока все компании не будут распределены по кластерам.

3.1. Метод иерархической кластеризации был применен для выявления естественных группировок компаний на основе их финансовых показателей. Иерархическая кластеризация позволяет построить дендрограмму, визуально представляющую структуру данных и показывающую, как компании объединяются в кластеры на различных уровнях агрегации. Итогом иерархической кластеризации является дендрограмма. Формула иерархической кластеризации (метод Уорда):

$$D_{ij} = \sqrt{\frac{2S_i S_j}{S_i + S_j}}, \quad (5)$$

D_{ij} — расстояние между кластерами i и j ;

S_i и S_j — суммы квадратов отклонений для кластеров i и j соответственно.

3.2. Метод k -средних использован для разделения данных на k кластеров с целью минимизации внутрикластерной дисперсии. Данный метод позволяет эффективно группировать компании, основываясь на их сходствах по финансовым показателям. Формула k -средних:

$$J = \sum_{i=1}^k \sum_{x \in C_i} |x - \mu_i|^2, \quad (6)$$

J — функция потерь;

k — количество кластеров;

C_i — кластер;

μ_i — центр кластера;

C_i, x — точки данных.

3.3. Метод DBSCAN применен для выявления кластеров на основе плотности данных, что позволяет обнаруживать кластеры любой формы и выявлять шумовые точки, не принадлежащие ни одному кластеру. Данный метод особенно полезен для анализа данных с нерегулярными структурами. Формула DBSCAN:

Условия:

Точка p является основной, если:

$$|N_\epsilon(p)| \geq \text{MinPts}, \quad (7)$$

MinPts — минимальное количество точек;

ϵ — радиус для поиска соседей.

Точка q является достижимой из p , если:

$$q \in N_\epsilon(p). \quad (8)$$

3.4. Агломеративная кластеризация используется для построения иерархической структуры кластеров, начиная с каждой точки данных как отдельного кластера и последовательно объединяя их на основе сходства. Данный метод позволяет построить дендрограмму, которая отражает иерархические отношения между кластерами и их объединение на различных уровнях.

Формула агломеративной кластеризации:

Начальное расстояние между точками:

$$d(x_i, x_j) = |x_i - x_j|. \quad (9)$$

Обновление расстояний при объединении кластеров C_i и C_j :

$$d(C_i \cup C_j, C_k) = \min(d(C_i, C_k), d(C_j, C_k)), \quad (10)$$

$d(C_i, C_j)$ — расстояние между кластерами C_i и C_j .

3.5. Метод гауссовских смесей применяется для моделирования данных с использованием смеси гауссовских распределений. Данный метод включает алгоритм Expectation-Maximization (EM) для оценки параметров гауссовских компонентов и вычисления вероятностей принадлежности каждой точки к различным компонентам (позволяют учитывать сложные структуры данных и выявлять скрытые классы).

Формула гауссовских смесей:

Гауссовская смесь:

$$p(x) = \sum_{k=1}^K \pi_k \mathcal{N}(x | \mu_k, \Sigma_k), \quad (11)$$

где π_k — вес k -го компонента;

$\mathcal{N}(x | \mu_k, \Sigma_k)$ — гауссовское распределение с параметрами μ_k и Σ_k .

Алгоритм EM:

Шаг ожидания (E-step):

$$\gamma_{ik} = \frac{\pi_k \mathcal{N}(x_i | \mu_k, \Sigma_k)}{\sum_{j=1}^K \pi_j \mathcal{N}(x_i | \mu_j, \Sigma_j)}, \quad (12)$$

Шаг максимизации (M-step):

$$\pi_k = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \gamma_{ik}, \quad (13)$$

$$\pi \mu_k = \frac{\sum_{i=1}^N \gamma_{ik} x_i}{\sum_{i=1}^N \gamma_{ik}}, \quad (14)$$

$$\Sigma_k = \frac{\sum_{i=1}^N \gamma_{ik} (x_i - \mu_k)(x_i - \mu_k)^T}{\sum_{i=1}^N \gamma_{ik}}. \quad (15)$$

4. Анализ динамических изменений в распределении компаний по кластерам. Анализ включал оценку изменений в структуре кластеров за период 2021–2023 гг., выявление тенденций и закономерностей в финансовых показателях компаний.

5. Формирование научно обоснованных рекомендаций. На последнем этапе были сформированы рекомендации для участников финансового рынка на основе результатов кластеризации. Рекомендации включают стратегии управления инвестициями, оценку рисков и возможностей для повышения инвестиционной привлекательности компаний технологического сектора.

Результаты исследования и их обсуждение

Для построения модели иерархической кластеризации применялся метод Уорда, который формирует объединения компаний технологического сектора, опираясь на их финансовые показатели и цены акций. Метод Уорда использует меру схожести, известную как «полное связывание», при котором объединяются схожие кластеры. Оценка результатов кластеризации проводилась с использованием коэффициента силуэтов, который определяет оптимальное количество кластеров. Итогом исследования являются дендрограммы (рис. 1–3).

Дендрограмма на рис. 1 демонстрирует, что в 2021 г. компании сгруппировались в 2 крупных кластера:

1. Ростелеком и МТС;
2. Yandex, Циан, Ozon, VK, HeadHunter и Группа Позитив.

Компании во втором кластере образуют подгруппы, что свидетельствует о высокой степени их сходства.

Дендрограмма на рис. 2 за 2022 г. выявляет 5 кластеров:

1. Группа Позитив;

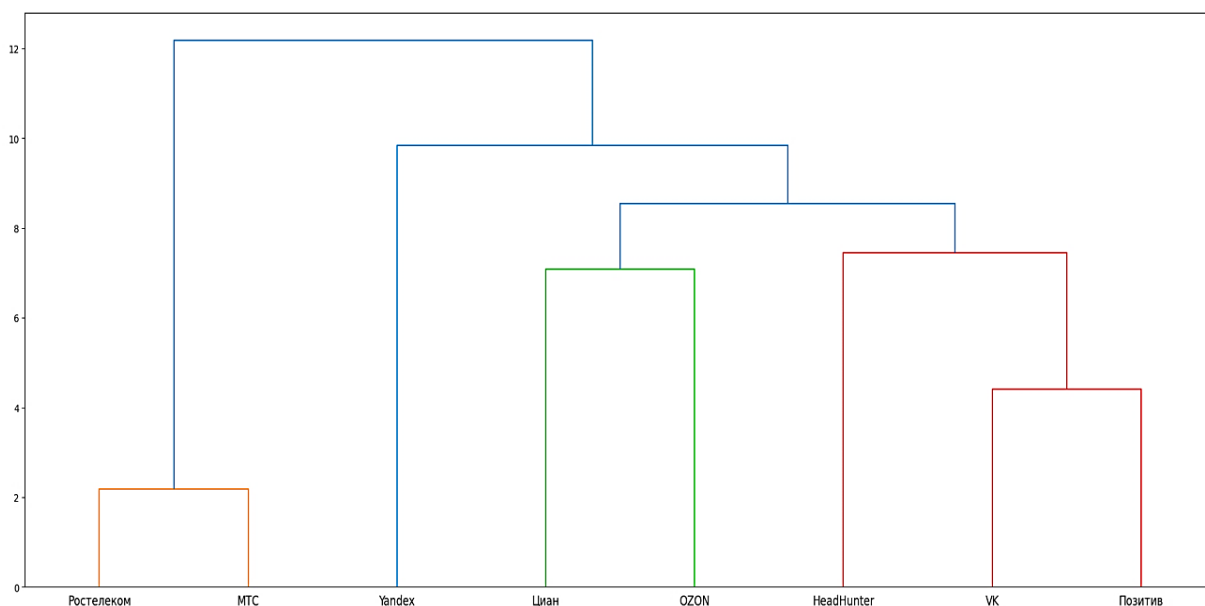

Рис. 1. Дендрограмма (2021 г.)

Fig. 1. Dendrogram (2021)

Источник: Составлено авторами с использованием языка программирования Python

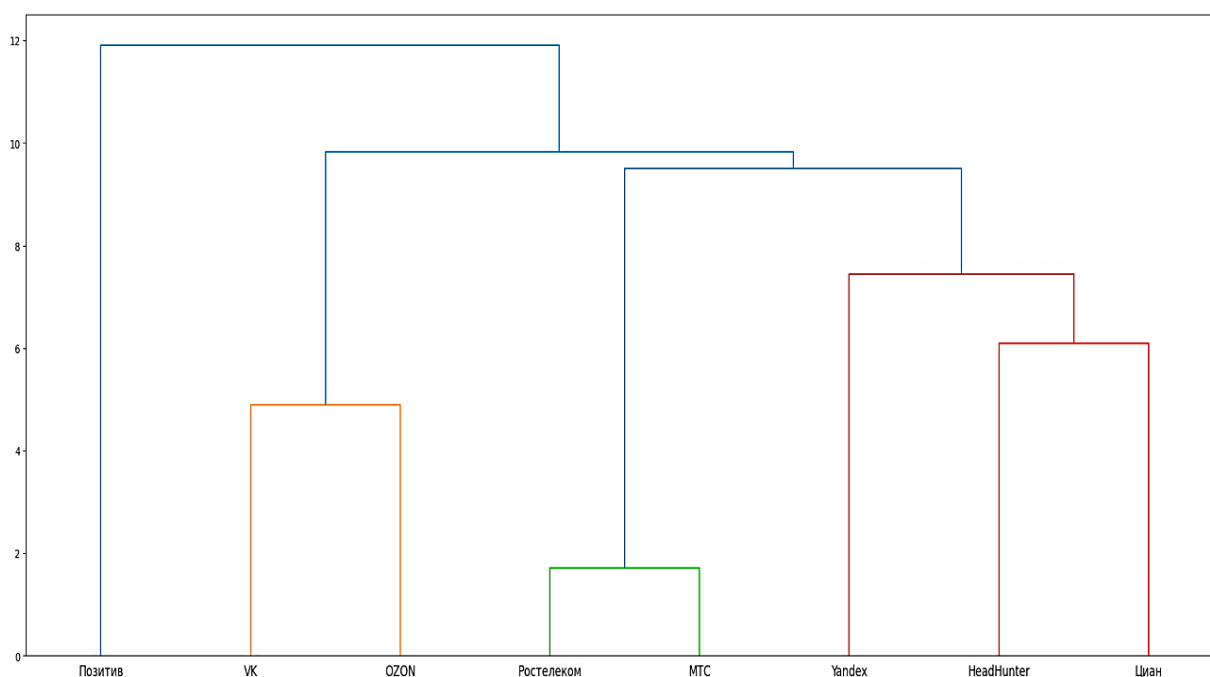

Рис. 2. Дендрограмма (2022 г.)

Fig. 2. Dendrogram (2022)

Источник: Составлено авторами с использованием языка программирования Python

2. VK и OZON;
3. Ростелеком и МТС;
4. Яндекс;
5. HeadHunter и Циан.

Кластеры 4 и 5 близки по признакам, но компании в кластере 5 более схожи между собой, чем с компаниями из кластера 4.

Дендрограмма на рис. 3 показывает 4 кластера за 2023 г.:

1. Астра, HeadHunter и Группа Позитив;

2. Яндекс и Циан;
3. Ростелеком и МТС;
4. Ozon, VK и SoftLine.

Кластер 3 является наиболее уникальным, что видно по длине его ветвей, а кластеры 2 и 4 наиболее схожи.

Анализ дендрограмм показывает, что акции компаний внутри каждого кластера имеют схожие характеристики. При диверсификации портфеля рекомендуется вкладывать средства в компании

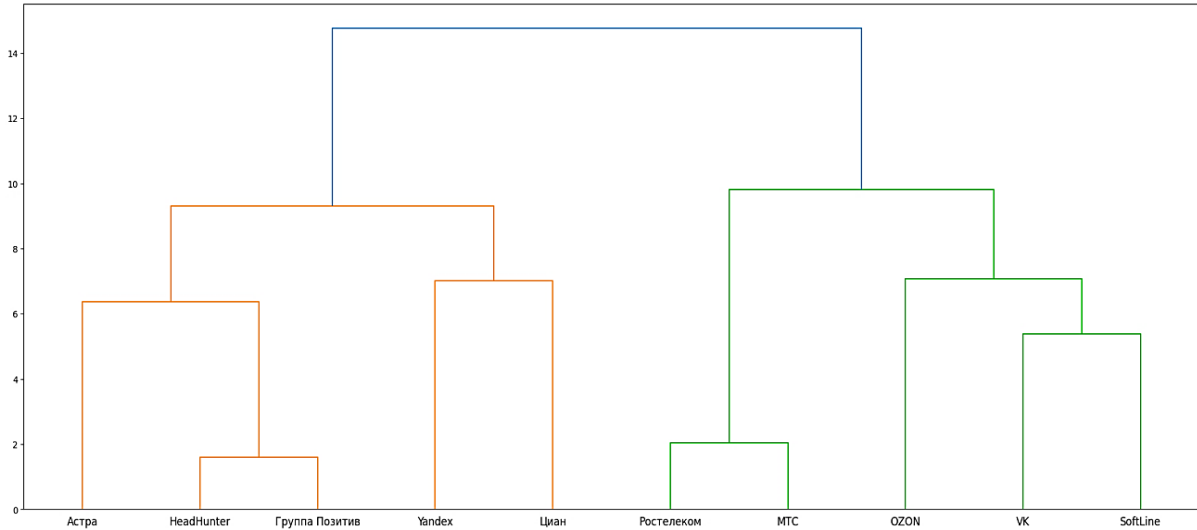

Рис. 3. Дендрограмма (2023 г.)
 Fig. 3. Dendrogram (2023)

Источник: Составлено авторами с использованием языка программирования Python

из наиболее разных кластеров для минимизации рисков. Например, изменения цен акций компаний из кластера 2 могут затронуть компании из кластера 4. Сравнение дендрограмм за исследуемый период выявляет связи и зависимости в распределении компаний по кластерам.

Результаты кластеризации компаний технологического сектора проанализированы с использованием различных методов (рис. 4): K-means, DBSCAN, агломеративной кластеризации и гауссовских смесей (GMM). Для оценки качества кластеризации использованы метрики:

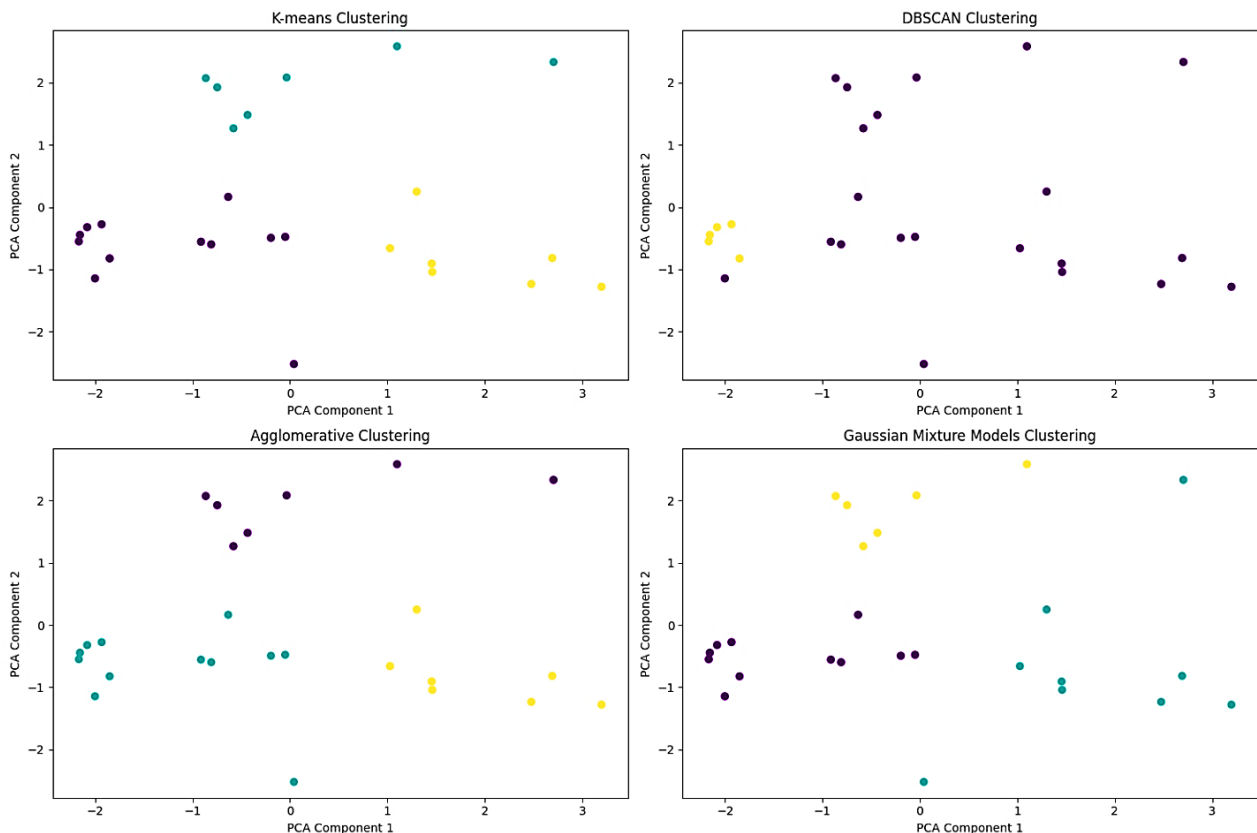

Рис. 4. Кластеризация российских компаний технологического сектора с учетом динамических изменений за 2021–2023 гг.

Fig. 4. Clustering of Russian companies in the technology sector, taking into account dynamic changes in 2021–2023
 Источник: Составлено авторами с использованием языка программирования Python

- K-means: Silhouette = 0.518, Davies-Bouldin = 0.655, Calinski-Harabasz = 30.707
- DBSCAN: Silhouette = 0.214, Davies-Bouldin = 0.805, Calinski-Harabasz = 7.641
- Agglomerative: Silhouette = 0.518, Davies-Bouldin = 0.655, Calinski-Harabasz = 30.707
- GMM: Silhouette = 0.500, Davies-Bouldin = 0.648, Calinski-Harabasz = 26.432

Анализ показывает, что методы K-means и агломеративной кластеризации продемонстрировали лучшие результаты по всем метрикам по сравнению с DBSCAN и GMM.

На основе данных за 2021–2023 годы выделены кластеры с использованием различных методов кластеризации (табл. 2).

На основании проведенного анализа и результатов кластеризации можно сделать следующие выводы:

- Методы K-means и агломеративной кластеризации продемонстрировали лучшие результаты по метрикам силуэта, Девиса — Болдина и Калински — Харабаса по сравнению с методами DBSCAN и GMM.
- Компании внутри каждого кластера имеют схожие финансовые показатели и среднюю стоимость акций, подтверждая эффективность методов кластеризации.
- Использование различных методов кластеризации позволяет выявлять устойчивые группы компаний и внести вклад в анализ инвестиционных стратегий.
- Инвесторам рекомендуется диверсифицировать портфель, вкладывая средства в компании из разных кластеров, чтобы минимизировать риски и повысить доходность.

– Применение кластерного анализа для оценки инвестиционной привлекательности компаний технологического сектора позволяет прогнозировать рыночные тенденции и принимать обоснованные инвестиционные решения.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует эффективность применения методов кластерного анализа для оценки и группировки российских компаний технологического сектора на основе их финансовых показателей и средней стоимости акций за период 2021–2023 гг. Использование различных методов кластеризации позволило выявить устойчивые группы компаний с аналогичными характеристиками, что способствует пониманию их инвестиционной привлекательности и финансовой устойчивости.

Методы кластеризации K-means и агломеративная кластеризация продемонстрировали лучшие результаты по метрикам силуэта, Девиса-Болдина и Калински-Харабаса. Значения метрик для K-means: Silhouette = 0.518, Davies-Bouldin = 0.655, Calinski-Harabasz = 30.707, для агломеративной кластеризации те же значения. В то время как для DBSCAN и GMM эти метрики оказались менее оптимальными, что указывает на меньшую эффективность этих методов для анализа финансовых данных технологических компаний.

Анализ динамических изменений в распределении компаний по кластерам за период 2021–2023 гг. выявил значительные изменения в структурах кластеров, что отражает адаптацию компаний к рыночным условиям и изменениям в их финансовых показателях. Выявленные кластеры

Таблица 2
Table 2

Кластерные центры и группировки компаний Cluster centers and groupings of companies

Метод	Кластер	Компании
K-means	0	Ростелеком, МТС, HeadHunter, Yandex, Циан, SoftLine
	1	VK, Циан, OZON
	2	HeadHunter, Циан, Позитив, Астра, Группа Позитив
DBSCAN	–1	МТС, HeadHunter, Yandex, Циан, SoftLine, OZON
	0	Ростелеком, МТС
Agglomerative	0	VK, Циан, OZON
	1	Ростелеком, МТС, HeadHunter, Yandex, Циан, SoftLine
	2	HeadHunter, Циан, Позитив, Астра, Группа Позитив
GMM	0	Ростелеком, МТС, HeadHunter, Yandex, Циан, SoftLine
	1	HeadHunter, Yandex, Циан, Позитив, Астра, Группа Позитив
	2	VK, OZON

Источник: Составлено авторами.

позволили определить компании с наибольшим потенциалом роста и устойчивости, а также те, которые могут быть подвержены высоким рискам.

На основании анализа данных за период 2021–2023 гг. можно сделать следующие рекомендации для инвесторов: для минимизации рисков и увеличения доходности рекомендуется диверсифицировать инвестиционный портфель, вкладывая сред-

ства в компании из различных кластеров. Например, инвестиции в компании из кластеров, включающих Ростелеком, МТС, HeadHunter и Yandex, могут быть сбалансированы вложениями в компании из кластеров, содержащих VK и OZON. Такое распределение позволяет уменьшить влияние волатильности на общий портфель и улучшить устойчивость инвестиций.

Список источников

1. Стратегическое управление устойчивым развитием экономики в новой реальности / под ред. А. В. Бабкина. СПб. : Политех-Пресс, 2022. 752 с.
2. Дмитриев Н. Д., Сорокожердьев В. В. Укрепление экономического суверенитета России в условиях глобального переустройства системы международных отношений // Национальные экономики в условиях глобальных и локальных трансформаций : сборник конференции. 2024. С. 63–69.
3. Черкасова В. А., Слепушенко Г. А. Влияние цифровизации бизнеса на финансовые показатели российских компаний // Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2021. № 25(2). С. 128–142.
4. Трофимова Н. Н. Влияние цифровой трансформации на операционную и финансовую эффективность компаний // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 2. С. 243–246.
5. Осоловец С. Цифровые финансовые инструменты и финансовые риски их обращения // Банковский вестник. 2022. № 3 (704). С. 16–23.
6. Грахов В. П., Абашева О. В., Поздеев Д. А., Файзуллин Р. В. Цифровая модель рационализации инвестиционной деятельности // Вестник Академии знаний. 2023. № 6 (59). С. 141–146.
7. Арбатская Д. Е., Родионов Д. Г., Унгвари Л., Конников Е. А. Сравнительный анализ подходов к моделированию изменений на финансовых рынках технологического сектора экономики // Мягкие измерения и вычисления. 2024. № 1. С. 71–82.
8. Батрасова А. Д., Коновалова Т. В., Комаров П. И. Кластеризация как метод исследования финансовой устойчивости IT-компаний // Управленческий учет. 2022. № 1–2. С. 177–182.
9. Пудовкина О. Е., Иваев М. И., Сафронов Е. Г., Нарыжная Н. Ю. Кластеризация в промышленности как потенциал для развития технологичной экономики // Креативная экономика. 2024. № 2. С. 323–336.
10. Дмитриев Н. Д., Зайцев А. А. Интеллектуальный капитал в промышленности: особенности и место рентных подходов. СПб. : Астерион, 2022. 193 с.
11. Катермина Т. С., Макамбеджан А. А. Анализ методов кластеризации для поддержки принятия решений в розничной торговле // Математические структуры и моделирование 2024. № 1 (69). С. 69–76.
12. Хайрутдинов И. Р. Оценка финансового положения компаний нефтехимической отрасли на основе кластерного анализа // Учет и статистика. 2020. № 1 (57). С. 41–46.
13. Путьгина А. Е. Применение сетей Кохонена для кластеризации компаний по управлению активами // Радиоэлектроника и информатика. 2007. № 3. С. 96–100.
14. Романов В. П. Интеллектуальные информационные системы в экономике / под ред. Н. П. Тихомирова. М. : Экзамен, 2003. 496 с.
15. Белогруд А. И. Определение сущности экономического эффекта кластеризации и разработка методики его оценки в интересах компаний кластера // Economic Consultant. 2019. № 4 (28). С. 13.

References

1. Babkin AV, eds. Strategic Management of Sustainable Economic Development in the New Reality. St. Petersburg; 2022. 752 p. (In Russ.).
2. Dmitriev ND, Sorokozherdiev VV. Strengthening the Economic Sovereignty of Russia in the Context of Global Restructuring of the International Relations System. In: Nacional'nye ekonomiki v usloviyah global'nyh i lokal'nyh transformacij: sbornik konferencii = National Economies in the Context of Global and Local Transformations: Conference Proceedings. 2024. Pp. 63–69. (In Russ.).
3. Cherkasova VA, Slepushenko GA. The Impact of Digitalization on the Financial Performance of Russian

Companies. *Finance: Theory and Practice = Finance: Theory and Practice*. 2021;25(2):128-142.

4. Trofimova NN. The Impact of Digital Transformation on the Operational and Financial Efficiency of Companies. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the Global World: Economy, Science, Technology*. 2023;(2):243-246. (In Russ.).

5. Osmolovets S. Digital Financial Instruments and Financial Risks of Their Circulation. *Bankovskij vestnik = Banking Herald*. 2022;704(3):16-23. (In Russ.).

6. Grakhov VP, Abasheva OV, Pozdeev DA, Faizullin RV. Digital Model of Rationalizing Investment Activities. *Vestnik Akademii znaniy = Herald of the Academy of Knowledge*. 2023; 59(6):141-146. (In Russ.).

7. Arbatskaya DE, Rodionov DG, Ungvari L, Konnikov EA. Comparative Analysis of Approaches to Modeling Changes in Financial Markets of the Technology Sector. *Myagkie izmereniya i vychisleniya = Soft Measurements and Calculations*. 2024;(1):71-82. (In Russ.).

8. Batrasova AD, Konovalova TV, Komarov PI. Clustering as a Method of Researching Financial Stability of IT Companies. *Upravlencheskiy uchet = Managerial Accounting*. 2022;(1-2):177-182. (In Russ.).

9. Pudovkina OE, Ivaev MI, Safronov EG, Naryzhna NY. Clustering in Industry as a Potential for Developing a Technologically Advanced Economy. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2024;(2):323-336. (In Russ.).

10. Dmitriev ND, Zaytsev AA. Intellectual Capital in Industry: Features and the Place of Rent Approaches. St. Petersburg; 2022. 193 p. (In Russ.).

11. Katermina TS, Makamedzhan AA. Analysis of Clustering Methods for Decision Support in Retail Trade. *Matematicheskie struktury i modelirovanie = Mathematical Structures and Modeling*. 2024; 69(1):69-76. (In Russ.).

12. Khairutdinov IR. Assessment of the Financial Position of Companies in the Oil and Chemical Industry Based on Cluster Analysis. *Uchet i statistika = Accounting and Statistics*. 2020;57(1):41-46. (In Russ.).

13. Putyatina AE. Application of Kohonen Networks for Clustering Asset Management Companies. *Radioelektronika i informatika = Radioelectronics and Informatics*. 2007;(3):96-100. (In Russ.).

14. Romanov VP. Intelligent Information Systems in Economics. Moscow; 2003. 496 p. (In Russ.).

15. Belograd AI. Definition of the Essence of Economic Effect of Clustering and Development of Methodology for Its Assessment in the Interests of Cluster Companies. *Economic Consultant*. 2019;28(4):13. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Д. Дмитриев — кандидат экономических наук, доцент.

А. В. Тюлькова — студент.

В. В. Сорокожердьев — кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

N. D. Dmitriev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

A. V. Tyulkova — Student.

V. V. Sorokozherdyev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 334.772

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-128-138

МНОГООБРАЗИЕ КРИТЕРИЕВ И МЕТОДОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ БЫСТРОРАСТУЩИХ КОМПАНИЙ

Ксения Андреевна Наумова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, ksuha-457000@mail.ru,
0000-0001-9819-5157

Аннотация. Экономический рост является приоритетной задачей для любой национальной экономики. Предпринимательство, как движущая сила экономики, должно стать приоритетным драйвером качественных сдвигов российской экономики. В связи с этим быстрорастущие компании (БРК, газели) являются примером успешного стратегического планирования, направленного на удержание долгосрочного высокого роста. Занимая малую долю в общем числе компаний, газели являются значимыми создателями новых рабочих мест, создавая инновации различной природы. Интерес к данной категории предпринимательства в России растет в последние годы, в том числе со стороны государства. В данном исследовании осмыслен феномен БРК в теории предпринимательства Й. Шумпетера и других концепций роста компании. На основе анализа существующих исследований автором дополнена классификация терминов компаний с быстрым ростом (от быстрорастущей компании, газели до газилл). Установлена широкая вариативность применяемых критериев и методов идентификации быстрорастущих компаний (абсолютные и относительные подходы, разнообразие индикаторов быстрого роста, их пороговых значений и продолжительности роста). Установлено, что большинство авторов придерживается понятия, согласно которому быстрорастущей является компания со среднегодовым приростом дохода (выручки) более 20% в течение трех лет, реже прирост измеряется числом занятых. Зачастую методики идентификации включают дополнительные ограничения качественного и количественного характера. Представленные результаты могут быть применимы при формировании рекомендаций относительно определения и методики идентификации быстрорастущих компаний в исследовательском поле, а также при составлении федеральных/региональных программ поддержки МСП.

Ключевые слова: быстрорастущая компания, быстрорастущая фирма, газель, БРК

Для цитирования: Наумова К. А. Многообразие критериев и методов идентификации быстрорастущих компаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 128–138. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-128-138.

Original article

VARIETY OF CRITERIA AND METHODS FOR IDENTIFICATION OF HIGH-GROWTH FIRMS

Kseniia A. Naumova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ksuha-457000@mail.ru, 0000-0001-9819-5157

Abstract. Economic growth is a priority task for any national economy. Entrepreneurship, as a driving force of the economy, should become a priority driver of qualitative shifts in the Russian economy. In this regard, high-growth firms (HGFs, gazelles) are an example of successful strategic planning aimed at maintaining long-term high growth. Occupying a small share of the total number of companies, gazelles are significant creators of new jobs and innovations of various natures. Interest in this category of entrepreneurship in Russia has been growing in recent years, including from the government. This study comprehends the phenomenon of HGFs in the theory of entrepreneurship of J. Schumpeter and other concepts of firm growth. Based on the analysis of existing studies, the author supplements the list of definitions for companies with rapid growth (from a high-growth firm, gazelle to gazillas). There is a wide variability of the applied criteria and methods for identifying high-growth firms (absolute and relative approaches, a variety of high-growth indicators, their threshold values and growth duration). It was found that most authors

prefer to follow such definition as a high-growth firm is one with an average annual increase in income (revenue) of more than 20% over three years; less often, the increase is measured by the number of employees. Often, identification methods include additional qualitative and quantitative restrictions. The presented results can be applied in forming recommendations regarding the definition and methods of identifying high-growth firm in the scientific field, as well as in drawing up federal/regional SME support programs.

Keywords: high-growth firm, high-growth company, gazelle, HGF

For citation: Naumova KA. Variety of Criteria and Methods for Identification of High-Growth Firms. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):128-138. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-128-138.

Введение

В условиях динамичного развития экономической системы и отдельных ее элементов, в совокупности с высокой неопределенностью и внешними вызовами, обостряется потребность в источниках устойчивого экономического роста. Пандемия коронавирусной инфекции привела к эскалации уже зародившегося нового кризиса и парализовала на время не только отдельные компании, но и целые отрасли. Помимо этого, в последние два года экономика России столкнулась с гнетом санкционных ограничений, которые затронули как экспортоориентированные, так и импортозависимые предприятия. Также следует заметить, что уход крупных зарубежных корпораций, занимавших существенную долю в своих нишах, привел к серьезной трансформации российского рынка в целом.

Данные обстоятельства существенно замедляют общие темпы экономического развития, в связи с чем повышается целесообразность адресной государственной поддержки особых экономических субъектов, которые, обладая отличительными эффективными бизнес-стратегиями, конкурентными преимуществами и уникальными компетенциями, выступают точками роста. Такие экономические субъекты имеют общепринятое в мировой практике название — быстрорастущие компании или «газели».

Быстрорастущие компании, несмотря на свою малую долю, способны оказывать влияние на макроэкономическую динамику в силу нескольких причин. Основная — весомый вклад в создание рабочих мест. Данная закономерность была впервые обнаружена американским ученым Д. Бёрчем [17], а позже подтверждена и другими учеными на основе выборочных исследований компаний в разных странах [12; 15; 16; 38; 48]. Быстрорастущие компании также являют собой образ классических субъектов предпринимательства, описанных Й. Шумпетером [9], ввиду склонности к инновациям и заинтересованности в НИОКР [43; 45; 46], успех которых зачастую обуславливается яркой личностью предпринимателя, ответствен-

ного за принятие стратегических решений [42]. Накопление знаний о быстрорастущих компаниях, подкрепленных эмпирическими исследованиями, позволяет определить их роль в современной экономике [20; 37], а также вклад в динамику ее развития [24, p. 1].

Обзор литературы

Быстрорастущие компании в контексте теории предпринимательства

В настоящее время понятия «предпринимательство» и «предприниматель» считаются неотъемлемой частью повседневного оборота речи в экономической и социальной среде. Институт предпринимательства играет одну из ключевых ролей в экономической системе любой страны. Фигура предпринимателя выполняет не только общеэкономические функции, выступая субъектом в рыночных отношениях, взаимодействуя с потребителями, государственными органами и другими рыночными субъектами, но и несет важную миссию новаторства, впервые сформулированную Й. А. Шумпером, которая состоит в создании новых комбинаций [9]. Конкурентная рыночная среда побуждает многих предпринимателей к поиску и воплощению так называемых новаций различной природы (технологических, управленческих, организационных и т. д.), что является двигателем инновационно-технического развития [8]. Задача предпринимателя при входе на рынок состоит в поиске и применении более эффективных стратегических решений, которые обеспечат конкурентные преимущества. Реализация этой задачи приводит к трансформации экономической структуры, разрушая старые ее элементы и создавая новые, так называемый процесс «созидательного разрушения» [9]. Именно Й. Шумпетер обосновал активную роль предпринимателя в системе экономического развития, определяя его как четвертый, ранее игнорируемый в экономической теории, фактор производства.

Созидательное разрушение старых паттернов экономической деятельности сопровождается динамизмом конкурентного вытеснения

низкоэффективных компаний. Компании, проходящие путь внутреннего разрушения, заменяют старые технологии и продукты новыми, инновационными. В конечном счете, данный процесс направлен на достижение экономического роста. Быстрорастущие компании являются примером успешной бизнес-стратегии, позволяющей в течение определенного продолжительного периода времени увеличивать доход компании в условиях конкурентной борьбы на рынке.

Таким образом, быстрорастущую компанию можно представить как «эмпирически наблюдаемую, а потому доступную не умозрительному, а опытному изучению совокупность предпринимательских фирм» [10, с. 33]. Далее А. Ю. Юданов определяет, что особенность «газелей» состоит в достижении именно устойчивого во времени высокого роста благодаря «удачной предпринимательской находке». Причем, эта находка может быть трактована как с точки зрения предпринимательства Й. Шумпетера (новые комбинации) [9], так и И. Кирцнер (бдительное применение существующих, но ранее недооцененных возможностей) [4]. Также в своей работе А. Ю. Юданов делает акцент на инновационности газелей как факторе их успешности, на основе кейсов показывая наличие связи между быстрым ростом компании и ее приверженности и нацеленности на инновации [10, с. 39]. Е. И. Баранова также настаивает на том, что быстрорастущие компании являются эмпирически наблюдаемой аппроксимацией теоретического конструкта шумпетерианских фирм-новаторов [1].

Также в контексте теоретического представления природы быстрого роста газелей упоминается закон Гибрата [21; 14]. Согласно этому закону, размер компании не влияет на ее темпы роста [30]. Несмотря на то, что большинство исследований, посвященных проверке справедливости закона Гибрата, направлены в целом на рост фирмы, узкая часть исследований концентрируется на быстрорастущих компаниях. Показано, что закон Гибрата справедлив и для «газелей» [14]. Эти компании с высокими показателями образования занятости, занимая крайнюю нижнюю часть распределения роста фирм, характеризуются малочисленностью и независимостью от конкретных характеристик фирмы, то есть высокий рост является случайным процессом, которые не связан с какими-либо факторами самой фирмы, предпринимателем, регионом или отраслью.

Однако природа роста компании и ее детерминант являются актуальным вопросом в экономи-

ческом сообществе. Современные инструменты в области анализа данных и моделирования позволяют с высокой точностью определить факторы, влияющие на рост компании. Понимание факторов успешности, позволяющих быстрорастущим компаниям создавать новации и быть лидерами в своих сегментах — отдельная исследовательская задача. Часто в контексте факторов успеха БРК выделяется неординарная личность предпринимателя-основателя или главного управляющего [23]. Интенсивный набор новых сотрудников также выступает объектом в ряде исследований в попытке найти связь между стратегией нанимаемых сотрудников и ростом газелей [23;24]. В связи с этим необходимо вспомнить теорию роста фирмы Э. Пенроуз [39]. Данная теория раскрывает причину роста компании. Согласно Э. Пенроуз, фирма обладает двумя видами ресурсов — человеческими и нечеловеческими (ресурсно-ориентированный подход). Эффективность использования, комбинирования доступных ресурсов связано с развитием идей, опыта и знаний ее менеджеров. «Менеджеров мотивирует борьба за выживание, а также потребность в достижениях и признании, чтобы генерировать как творческие инновации, так и адаптивные реакции посредством новых комбинаций ресурсов» [35, с. 114]. В случае наилучшего использования менеджером ресурсов происходит «динамический» процесс, стимулирующий увеличение размера фирмы и ее внутренний рост. Со временем экономическая теория в области роста фирмы и факторов, обуславливающих рост, значительно расширилась. Подробный анализ существующих теорий представлен в работе А. Коад [21], в которой также упоминается концепция Э. Пенроуз наряду с неоклассическими воззрениями (рост в направлении «оптимального размера»), эволюционной экономики, популяционная (организационная) экология, менеджизм и т. д. С. Раби, М. Харт и Б. Харни [41] в рамках исследования быстрорастущих компаний предпринимали попытку типологизации роста фирмы, выделяя «случайный рост», «реагирующий рост» и «ресурсный рост», уделяя внимание движущим силам и причинам эпизодов высокого роста. Первое направление «случайный рост» основано на законе Гибрата, а экономический рост ассоциирован со случайным шоком. Рост фирмы — независим от ее размера. Роль предпринимателя представлена в теории о разорении игрока, согласно которой предприниматель-игрок получает выигрыш случайно, а не ввиду целенаправленной на выигрыш стратегии. В рамках подхода

о реагирующем росте фирма представлена как хаотичная система. Она характеризуется длительными периодами стабильности до наступления изменений. Эти изменения (потрясения) катализируют устойчивую эволюцию. Также рост фирмы связан с триггерными точками роста, которые могут двигать фирму между различными динамическими состояниями, усиливая рост и увеличивая масштабы осуществляемой деятельности. Концепция ресурсного роста является неопенроузкой перспективой, в которой материальные и нематериальные ресурсы влияют на траекторию роста фирмы. Мотивация, намерения, установки и амбиции менеджеров и владельцев выступают ключевыми факторами роста.

Триггерные точки в жизненном цикле быстрорастущих компаний стали предметом исследования Е. И. Барановой [1], Е. И. Барановой и А. Ю. Юданова [2] в ходе которого установлено, что БРК перестраивают свою хозяйственную деятельность перед фазой ускоренного роста, что также сопровождается резким снижением основных показателей финансовой отчетности. Такая перестройка названа Е. И. Барановой «внутренним созидательным разрушением». Российские газели даже после потери своего статуса предпринимают попытку возобновления роста посредством наращивания инвестиций. Данное поведение позволяет быстрорастущим компаниям стать кандидатами для государственной поддержки [2].

Затрагивая тематику причин и ресурсов, способствующих высокому росту БРК, необходимо обратить внимание на труды, рассматривающие типологию быстрорастущих компаний с учетом специфики российского рынка. А. Ю. Юданов, А. А. Яковлев [11] вводят понятие «неортодоксальная» быстрорастущая фирма. Данная компания обладает некоторыми внешними источниками, способствующими росту: административные ресурсы и аффилированность с крупными корпорациями. А. В. Жиганов, А. Ю. Юданов [3] проводят границу между факторами роста аффилированных и независимых газелей, то есть стандартные факторы успешности обычных газелей незначимы для неортодоксальных аффилированных газелей. Д. А. Плетнев [5] приводит типологию российских газелей, а также приводит 5 типов их «судьбы».

Таким образом, природа быстрорастущей компании сложна и во многом непредсказуема. Траектория роста газели также нелинейна, как и сам экономический рост, который происходит «рывками, трещинами и скачками» [9]. Это порождает сложности государственной поддержки быстрора-

стующих компаний: многие компании не способны повторить высокие темпы роста в следующих периодах после получения статуса БРК, то есть являются «чудом одного случая» [26].

Результаты

Критерии и методы отбора быстрорастущих компаний

Представление о крупных корпорациях как о создателях рабочих мест было поставлено под сомнение Д. Берчем в 1970-х гг. В работе «Процесс создания рабочих мест» были представлены доказательства, ставящие под сомнения устоявшуюся на тот момент парадигму. Так мелкие компании в США были более важными создателями рабочих мест, чем крупные компании. Несмотря на то, что на долю крупных компаний приходилась наибольшая доля занятости, факты казались очевидными: мелкие фирмы создают рабочие места, а крупные их теряют [17]. Используя базу данных D&B о компаниях с 1969 по 1976 г., которая в основном используется предприятиями для получения кредитной и финансовой информации, Д. Берч изучил динамику бизнеса и занятости в США. Изучение и поиск реальных создателей новых рабочих мест в экономике привел к появлению следующей классификации: мыши — маленькие компании, слоны — крупные компании и газели — динамичный вид компаний с долговременными высокими темпами роста. Первые два вида компаний, мыши и слоны, составляют подавляющее большинство компаний в экономике и не характеризуются активным ростом. Газели, обладая высокими темпами ростами, также характеризуются увеличением числа занятых.

Так открытие новой экономической категории Д. Берчем вызвало большой интерес и повлекло появление эмпирических исследований, стремящихся проверить полученные факты. Развитие идеи особых быстрорастущих компаний-газелей отразилось в вариативности подходов к их определению и критериям идентификации. Г. Госвами иронично оценивает многообразие существующих подходов: «Определения БРК могли бы наполнить небольшой зоопарк реальными и фантастическими существами» [31, с. 28]. В англоязычной литературе самым распространенными терминами, используемыми для обозначения быстрорастущей компании, является *high growth firm* (*high-growth firm*) или *gazelle*. Также встречаются такие обозначения как *fast-growing company*, *fast growing firm*, *fastest growing companies* и др. В русскоязычной литературе наиболее принятыми

формулировками являются «быстрорастущая компания/фирма» и «газель».

Высокая вариативность определений и критерий отнесения компаний к числу быстрорастущих вносит некоторые затруднения в сопоставимость полученных результатов, особенно, на межстрановом уровне. В табл. 1 представлены основные концепции, в основе которых заложена характеристика быстрого роста компании.

Концепция, принадлежащая З. Дж. Акс, В. Парсонс и С. Трэйси, представляет компанию «с высокой отдачей» (в оригинале «High-Impact Firms»), являясь более строгим вариантом быстрорасту-

щей компании. Критериями быстрого роста выступают выручка и уровень занятости. Согласно мнению авторов концепции, финансовый рост не является достаточным определяющим фактором для группы быстрорастущих компаний. Поскольку у истоков открытия быстрорастущих компаний как новой экономической категории стоял вопрос о создании новых рабочих мест, авторы представили свой взгляд, объединяющий в подходе две области роста компании [13]. Инновационной составляющей уделяли внимание в разной степени многие авторы, занимающиеся исследованием быстрорастущих компаний. Концепция

Таблица 1
Table 1

Концепции компаний с быстрым ростом
Concepts of high-growth firms

Концепция	Определение и критерии
Газель (Gazelle)	Компания, обладающая темпом роста продаж более 20% за определенный период, начиная с выручки в базовом году не менее 100 000 долларов США. Этот темп роста соответствует примерно удвоению доходов каждые четыре года [18] Предприятия не старше 5 лет со среднегодовым ростом более 20% в год [28]
Быстрорастущая компания (High Growth Firms (HGFs), Быстрорастущее предприятие (High Growth Enterprise) или high-growth scaler	Компания со среднегодовым ростом оборота или количества сотрудников более 20% в год в течение трехлетнего периода [28]. Компания, увеличивающая свою занятость более чем на 25 процентов в год [27; 33] Компания, возрастом от 5 до 10 лет и более 20 сотрудниками, которая увеличила количество занятых более, чем на 20 рабочих мест [19]. Компания, входящие в 5% или 10% компаний с самым высоким индексом Берча (комплексный показатель, учитывающий относительный и абсолютный рост) [22; 44; 38] Индекс Берча = $(E_i, t - E_i, t - 3)$, где E_i, t — занятость компании i в момент времени t . Рост измеряется в течение трех лет. Компания, чей рост продаж превышает 50% в течение трех последовательных финансовых лет [15, 32]. Предприятие со средним годовым приростом численности сотрудников более 20%, в течение трехлетнего периода и с десятью и более сотрудников на начало года периода наблюдения ¹ Предприятие со среднегодовым приростом количества работников более 10%, в течение трех лет и имеющая минимум 10 сотрудников в начале своего роста [22] Компания с темпом прироста выручки более 30% в течение 5 лет [7]
Компании с высокой отдачей/высокоэффективная компания (High-Impact Firms)	Компания, у которой за последние 4 года объем продаж и показатель роста занятости вырос в 2 и более раз. Рост занятости равен произведению абсолютного изменения компании и процентного изменения занятости [13]
Быстрорастущее инновационное предприятие (High-Growth Innovative Enterprises (HGIE))	Компания с приростом количества занятых в «инновационном секторе» рабочих свыше 10% ежегодно в трёхлетний период с не менее 10 сотрудниками этого сектора, числящимися на начало наблюдения ² [36].
Скрытые чемпионы (Hidden Champions)	Компания, занимающая лидирующее место на мировом рынке в своей узкоспециализированной продуктовой нише, имеющая среднегодовой объем выручки не более \$1 млрд и практически не известная обывателям [47].

¹ OECD/Eurostat. Eurostat-OECD Manual on Business Demography Statistics. Paris OECD Publishing, 2008. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264041882-en>.

² European Commission, Framework conditions for highgrowth innovative enterprises (HGIE). Final report". September 2016. DirectorateGeneral for Research and Innovation, European Union, 2016.

Концепция	Определение и критерии
Быстрорастущие компании «больших размер»	
Газилла (gazilla)	Частный случай быстрорастущей компании: очень крупные компании, которые продолжают быстро расти. Данная категория является дополнением существующей классификации «мышей», «слонов» и «газелей», предназначенное для обозначения газели размером с Годзиллу [29].
Быстрорастущие технологические компании (национальные чемпионы)	Компания, соответствующая следующим критериям: доля государства в капитале компании не должна превышать 25%; возраст компании — более 4 лет; годовая выручка компании (группы) в 2021 г.: 300 млн-30 млрд руб.; среднегодовой темп роста выручки — не менее 10% (за последние 3 года); доля новой или существенно улучшенной продукции — не менее 20% от общей выручки (за последние 3 года); доля средних затрат на НИОКР — не менее 5% от общей выручки (за последние 3 года); наличие экспорта в 2019–2021 гг.; наличие планов по дальнейшему росту выручки и экспорта. Допускается отклонение одного из перечисленных показателей компании в сторону уменьшения, но не более 10% от заявленного выше уровня, также допускается отсутствие экспорта. В таком случае компания может быть допущена для дальнейшего участия в отборе решением Экспертного совета ¹ .

Источник: составлено автором.

¹Официальный сайт Ассоциации быстрорастущих технологических компаний «Национальные чемпионы». URL: <https://www.natchamp.org/membership/> (дата обращения: 20.03.2024)

«Быстрорастущих инновационных предприятий» (High-Growth Innovative Enterprises) ставит во главу инновационную деятельность быстрорастущих компаний. Исследования инновационных газелей проводились С. Лилишкисом [36], Дж. Коларом [34], П. Коста, А. Рибейро, Ф. ван дер Зее, М. Дешревере [25] и другими. Трактовка «Скрытые чемпионы» (Hidden Champions) была предложена Г. Симоном [47]. Основопологающей характеристикой выступает не уровень прироста показателей компании, а её лидирующие позиции в своей узкоспециализированной продуктовой нише на мировой арене.

Особенностью идентификации быстрорастущих компаний можно назвать применение дополнительных критериев различной природы, ограничивающих выборку БРК. Последнее является дискуссионным вопросом. С одной стороны, сокращение выборки путем применения дополнительных органический может привести к искажению статистически выявленных связей. С другой стороны, наличие в выборке компаний с признаками неорганического роста, наличием нулевой отчетности в некоторых периодах и другое нетипичное поведение также может отразиться негативно на объективности оцениваемых данных. В российских исследованиях чаще всего используются данные бухгалтерской и налоговой отчетности, агрегированные различными базами данных (FIRA PRO, СПАРК-Интерфакс, Руслана) для идентификации быстрорастущих компаний по данным годовой

выручки. Некоторая часть исследований использует опубликованные рейтинги быстрорастущих компаний, составленные РБК, Интерфакс и пр. (что чаще характерно для кейсового анализа развития конкретных газелей). Помимо оценки основных показателей роста газелей, ряд исследований направлен на оценку результатов их финансовой деятельности, что находит отражение в методике идентификации БРК. Среди таких более строгих методов можно привести результаты работы коллектива авторов, в которых ограничиваются темпы прироста выручки, рентабельности продаж, оборачиваемости активов, коэффициента автономии и других показателей [6; 40].

Исходя из проведенного анализа, можно сделать следующие выводы.

1. В зависимости от используемой оценочной шкалы подходы к определению БРК можно условно разделить на 2 группы:

- абсолютные, основанные на минимальных значениях критериев;
- относительные, опирающиеся на верхние перцентили в распределении роста.

2. Основным критерием быстрого роста компании, заложенным во всех рассмотренных подходах, является приращение её дохода или занятости. Дополнительные критерии — продолжительность роста, а также отдельные качественные характеристики компании.

3. Ключевыми индикаторами быстрого роста могут выступать различные показатели

деятельности компании, в том числе: объем выручки, число сотрудников, объем выпускаемой продукции, затраты на НИОКР, доля компании на рынке или в определенной продуктовой нише. Также используются и другие показатели, которые являются факторами роста дохода (объем активов, объем обязательств) или его производными (прибыль).

4. Минимальные пороговые значения таких основных индикаторов быстрого роста, как выручка, занятость, индекс Берча, в абсолютных подходах могут составлять 10; 20; 25; 30%, в относительных подходах — 1; 5; 10%.

5. Зафиксированы различные минимальные периоды, в течение которых компания должна демонстрировать высокий рост: 3 года, 4 года, 5 лет. Также устойчивость роста может изменять как: а) непрерывный процесс, то есть рост должен превышать пороговое значение в каждый период из заданного промежутка времени; б) как изменение между базовым и итоговым периодом.

6. Среди качественных характеристик, позволяющих отнести компании к быстрорастущим, можно выделить: возраст, размер, отраслевую и региональную принадлежность, наличие государственного участия, аффилированность с крупной корпорацией и пр. Такие качественные аспекты компании могут оказывать влияние на объективность результатов сравнения быстрорастущих компаний разных групп.

7. Таким образом, наиболее полно природу быстрорастущей компании можно раскрыть с помощью определения, предложенного Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), согласно которому: под быстрорастущими компаниями («High Growth Firms (HGFs)») понимаются компании со средним аннуализованным приростом более 20% ежегодно в течение трёхлетнего периода, и более чем с 10 сотрудниками на начальный момент периода наблюдения [28]. Рост может изменяться с точки зрения оборота (выручки) или занятости. Данное определение стало наиболее распространенным среди исследований быстрорастущих компаний по всему миру.

В российских реалиях идентификация быстрорастущих компаний на основе такого индикатора

роста как занятость представляет проблему для исследователей ввиду несистематичности предоставляемых данных компаниями. Поэтому, для российских компаний разумно использовать выручку как исчерпывающий индикатор роста. Таким образом, быстрорастущей является компания с темпом роста выручки не менее 20% ежегодно в течение трех лет и более.

Заключение

Быстрорастущие компании, занимая в среднем 2–4% от общего числа компаний в экономике, выступают одним из основных генераторов занятости. Будучи воплощением шumpетерианских новаторов, быстрорастущие компании способны стратегически создавать такие новации, которые позволяют компании обеспечивать высокий рост на протяжении нескольких лет подряд. Высокий интерес к создателям новых рабочих мест повлек появление различных концепций, критериев и методов для поиска компаний, обладающих быстрым ростом. На основе проанализированных подходов и их применимости в условиях российской системы ведения бизнеса обосновано использование показателя выручки как достаточного индикатора роста БРК. Под быстрорастущей следует понимать компанию с темпом роста выручки не менее 20% ежегодно в течение трех лет и более.

Среди направлений для дальнейшего исследования феномена быстрорастущих компаний можно выделить следующие: определение детерминант роста БРК, связанные с характеристиками внутренней и внешней среды, личностью основателя. На данный момент место БРК в российской действительности до конца не определено. Созданный институт поддержки БРК (ассоциация быстрорастущих технологических компаний) направлен на поддержку небольшой категории российских газелей, чья деятельность связана с инновациями и НИОКР. Результаты исследования могут быть полезны при формировании унифицированного определения быстрорастущей компании и методических рекомендаций по их идентификации, в том числе при составлении федеральных, региональных программ поддержки МСП.

Список источников

1. Баранова Е. И. Эволюция быстрорастущих компаний: закономерности и стадии развития : дис. ... канд. экон. наук. М., 2020.
2. Баранова Е. И., Юданов А. Ю. Стилизованный цикл жизни быстрорастущих фирм в России // Вопросы экономики. 2022. № 3. С. 77–97. DOI 10.32609/0042-8736-2022-3-77-97.

3. Жиганов А. В., Юданов А. Ю. Быстрорастущие компании в России: влияние аффилированности на факторы роста // *Российский журнал менеджмента*. 2019. № 17 (3). С. 287–308.
4. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск : Социум, 2010. 272 с.
5. Плетнев Д. А. Трудная судьба российских быстрорастущих компаний // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 3 (425). С. 132–139.
6. Плетнев Д. А., Наумова К. А. Российские быстрорастущие компании в пандемию: финансовое измерение «особых способностей» // *Стратегическое планирование и развитие предприятий : материалы XXIV Всероссийского симпозиума, Москва, 11–12 апреля 2023 года / под ред. Г. Б. Клейнера. М., 2023. С. 199–206. <https://doi.org/10.34706/978-5-8211-0814-2-s1-38>.*
7. Полунин Ю. А., Юданов А. Ю. Российские быстрорастущие компании: испытание депрессией // *Мир новой экономики*. 2016. № 2. С. 103–112.
8. Шувалов И. И. Роль предпринимательской деятельности в условиях социально-экономического кризиса // *Экономика. Право. Общество*. 2020. № 1. С. 13–17.
9. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М. : Директ-Медиа, 2007. 400 с.
10. Юданов А. Ю. Что такое инновационная фирма? // *Вопросы экономики*. 2012. № 7. С. 30–46.
11. Юданов А. Ю., Яковлев А. А. «Неортодоксальные» быстрорастущие фирмы-«газели» и порядок ограниченного доступа // *Вопросы экономики*. 2018. № 3. С. 80–101. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-3-80-101>.
12. Acs Z. J., Mueller P. Employment effects of business dynamics: Mice, gazelles and elephants // *Small Business Economics*. 2008. Vol. 30 (1). P. 85–100. <https://doi.org/10.1007/s11187-007-9052-3>.
13. Acs Z. J., Parsons W., Tracy S. High-Impact Firms: Gazelles Revisited. Washington, DC : Corporate Research Board, LLC, 2008.
14. Audretsch D. B. Determinants of High-Growth Entrepreneurship. Copenhagen, 2012.
15. Autio E., Arenius P., Wallenius H. Economic impact of gazelle Firms in Finland. Helsinki : Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business, 2000.
16. Birch D., Medoff J. Gazelles. In: C. S. Lewis, R. L. Alec, ed. Labor markets, employment policy and job creation. Boulder : Westview Press., 1994. P. 159–167.
17. Birch D. L. The Job Generation Process. Massachusetts Institute of technology Program on Neighborhood and Regional change. Washington, Cambridge, 1979. 302 p.
18. Birch D. L., Haggerty A., Parsons W. Who's Creating Jobs? Boston, MA : Cognetics Inc., 1995.
19. Bos J. W., Stam E. Gazelles and industry growth: a study of young high-growth firms in The Netherlands // *Industrial and Corporate Change*. 2014. Vol. 23(1). P. 145–169. <https://doi.org/10.1093/icc/dtt050>.
20. Brown R., Mawson S., Mason C. Myth-busting and entrepreneurship policy: the case of high growth firms // *Entrepreneurship & Regional Development*. 2017. Vol. 29, no. 5–6. P. 414–443.
21. Coad A. The Growth of Firms: a Survey of Theories and Empirical Evidence. Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2009. 208 p.
22. Coad A., Cowling M., Nightingale P., Pellegrino G., Savona M., Siepel J. Innovative Firms and Growth. London : United Kingdom, Department of Business Innovation and Skills, 2014.
23. Coad A., Daunfeldt S.-O., Johansson D., Wennberg K., Whom do high-growth firms hire? // *Industrial and Corporate Change*. 2014. Vol. 2, iss. 1. P. 293–327. <https://doi.org/10.1093/icc/dtt051>.
24. Coad A., Srhoj S. Entrepreneurial ecosystems and regional persistence of high growth firms: A 'broken clock' critique // *Research Policy*. 2023. Vol. 52, no. 6. 104762.
25. Costa P., Ribeiro A., van der Zee F., Deschryvere M. Framework conditions for high-growth innovative enterprises (HGIE). Brussels : European Commission, 2017. 78 p.
26. Daunfeldt S. O., Halvarsson D. Are high-growth firms one-hit wonders? Evidence from Sweden // *Small Bus. Econ*. 2015. № 44. P. 361–383. <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9599-8>
27. Decker R., Haltiwanger J. Jarmin R., Miranda J. The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism // *Journal of Economic Perspectives*. 2014. № 28 (3). P. 3–24.
28. Eurostat-OECD. Manual on Business Demography Statistics // Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. 2007. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5901585/KS-RA-07-010-EN.PDF/pdf/290a71ec-7a71-43be-909b-08ea6bcd521?t=1414781381000> (дата обращения: 25.03.2024)
29. Ferrantino M. J., Mukim M., Pearson A., Snow N. Gazelles and Gazillas in China and India // Working Paper 2012–10C. Washington, DC: Office of Economics, U. S. International Trade Commission, 2012.

30. Gibrat R. Les inegalites economiques. Paris : Librairie du Recueil Sirey, 1931. 108 p.
31. Goswami A.G, Medvedev D., Olafsen E. High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies. Washington, DC : World Bank. 2019. doi:10.1596/978-1-4648-1368-9
32. Halabisky D., Dreessen E., Parsley C. Growth in firms in Canada // *Journal of Small Business and Entrepreneurship*. 2006. № 19 (3). P. 255–268.
33. Haltiwanger J., Jarmin R. S., Kulick R., Miranda J. High-Growth Firms: Contribution to Job, Output and Productivity Growth. Chicago : University of Chicago Press, 2017.
34. Kolar J. Policies to support High Growth Innovative Enterprises — Final report from the Session II of the 2014 ERAC Mutual Learning Seminar on Research and Innovation policies. Brussels : European Commission, DG Research and Innovation, 2014. 25 p.
35. Kor Y. Y., Mahoney J. T. Penrose’s resource-based approach: The process and product of research creativity // *J. Manage. Stud.* 2000. № 37(1). P. 109–139.
36. Lilischkis S., Korlaar L., Barjak F., Meyer R. Policies in support of high-growth innovative enterprises — Part 1: Characterisation of innovative high-growth firms. Brussels : European Commission, DG Research and Innovation, 2013.
37. Mason C., Brown R. Creating good public policy to support high-growth firms // *Small business economics*. 2013. № 40. P. 211–225.
38. Parker S. C., Storey D., van Witteloostuijn A. What Happens with Gazelles? // *The role of dynamic management strategies*. 2010.
39. Penrose E. T. *The Theory of the Growth of the Firm*. Oxford: Basil Blackwell, 1959.
40. Pletnev D., Naumova K. High-Growth Middle-Sized Firms’ Performance During the Pandemic (Russian Case) // *International Journal of Innovation and Technology Management*. 2023. Vol. 20, No. 05. <https://doi.org/10.1142/s0219877023500311>.
41. Raby S., Hart M., Harney B. In search of the next growth episode: How firms catalyse and sustain periods of high growth // *International Small Business Journal*. 2022. Vol. 40, No. 6. P. 671–683.
42. Rees-jones R., Brown R., Jones_Evans D. Trigger points and high growth firms: the vital role of founder “sensing” and “seizing” capabilities // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2024. № 30. P. 1–22. <https://doi.org/10.1108/IJEBr-05-2023-0533/full/html>.
43. Santoleri P. Innovation and job creation in (high-growth) new firms // *Industrial and Corporate Change*. 2020. Vol. 29. Issue 3. P. 731–756. <https://doi.org/10.1093/icc/dtz059>.
44. Schreyer P. High-Growth Firms and Employment. Paris: OECD Science, Technology and Industry Working Papers. 2000. Vol. 3. <https://doi.org/10.1787/861275538813>.
45. Segarra-Blasco A., Teruel M. High-Growth Firms and Innovation: an empirical analysis // *Small Business Economics*. 2014. № 43. <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9563-7>.
46. Sena V., Hart M., Bonner K. Innovation and UK High-Growth Firms. London : NESTA Working Paper. 2013. 35 p.
47. Simon H. *Hidden Champions: Aufbruch nach Globalia*. Frankfurt am Main : Campus Verlag, 2012.
48. Storey D. J. *Understanding the Small Business Sector*. London : Routledge, 1994.

References

1. Baranova EI. Evolution of fast-growing companies: patterns and stages of development. Abstract. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Baranova EI, Yudanov AYu. Stylized life cycle of fast-growing firms in Russia. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2022;(3):77-97. DOI 10.32609/0042-8736-2022-3-77-97. (In Russ.).
3. Zhiganov AV, Yudanov AYu. Fast-growing companies in Russia: the influence of affiliation on growth factors. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*. 2019;17(3):287-308. (In Russ.).
4. Kirzner I. Competition and entrepreneurship. Chelyabinsk, Sotsium; 2010. 272 p. (In Russ.).
5. Pletnev DA. The difficult fate of Russian fast-growing companies. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;3 (425):132-139. (In Russ.).
6. Pletnev DA, Naumova KA. Russian fast-growing companies during the pandemic: financial dimension of “special abilities”. In: *Strategicheskoye planirovaniye i razvitiye predpriyatiy: Materialy KHKHIV Vserossiyskogo simpoziuma, Moskva, 11–12 aprelya 2023 goda = Strategic planning and development of enterprises: Proceed-*

ings of the XXIV All-Russian symposium, Moscow, April 11–12, 2023 / edited by G. B. Kleiner. Moscow, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences; 2023. Pp. 199–206. (In Russ.).

7. Polunin YuA, Yudanov AYu. Russian fast-growing companies: testing by depression. *Mir novoy ekonomiki = World of New Economics*. 2016;2:103-112. (In Russ.).

8. Shuvalov II. The role of entrepreneurial activity in conditions of socio-economic crisis. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economy. Right. Society*. 2020;(1):13-17. (In Russ.).

9. Schumpeter JA. Theory of economic development. Moscow, Direct-Media; 2007. 400 p. (In Russ.).

10. Yudanov AYu. What is an innovative firm? *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*. 2012;7:30-46. (In Russ.).

11. Yudanov AYu, Yakovlev AA. “Unorthodox” fast-growing gazelle firms and the limited access procedure. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2018;(3):80-101. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-3-80-101>. (In Russ.).

12. Acs ZJ, Mueller P. Employment effects of business dynamics: Mice, gazelles and elephants. *Small Business Economics*. 2008;30(1):85-100. <https://doi.org/10.1007/s11187-007-9052-3>.

13. Acs ZJ, Parsons W, Tracy S. High-Impact Firms: Gazelles Revisited. Washington, DC, Corporate Research Board, LLC; 2008.

14. Audretsch DB. Determinants of High-Growth Entrepreneurship. Copenhagen; 2012.

15. Autio E, Arenius P, Wallenius H. Economic impact of gazelle Firms in Finland. Helsinki, Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business; 2000.

16. Birch D, Medoff J. Gazelles. In: C. S. Lewis, R. L. Alec, ed. Labor markets, employment policy and job creation. Boulder, Westview Press.; 1994. Pp. 159–167.

17. Birch DL. The Job Generation Process. Massachusetts Institute of technology Program on Neighborhood and Regional change. Washington-Cambridge; 1979. 302 p.

18. Birch DL, Haggerty A, Parsons W. Who’s Creating Jobs? Boston, MA, Cognetics Inc; 1995.

19. Bos JW, Stam E. Gazelles and industry growth: a study of young high-growth firms in The Netherlands. *Industrial and Corporate Change*. 2014;23(1):145-169. <https://doi.org/10.1093/icc/dtt050>.

20. Brown R, Mawson S, Mason C. Myth-busting and entrepreneurship policy: the case of high growth firms. *Entrepreneurship & Regional Development*. 2017;29(5-6):414-443.

21. Coad A. The Growth of Firms: a Survey of Theories and Empirical Evidence. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing; 2009. 208 p.

22. Coad A, Cowling M, Nightingale P, Pellegrino G, Savona M, Siepel J. Innovative Firms and Growth. London, United Kingdom, Department of Business Innovation and Skills; 2014.

23. Coad A, Daunfeldt S-O, Johansson D, Wennberg K. Whom do high-growth firms hire? *Industrial and Corporate Change*. 2014;23(1):293-327. <https://doi.org/10.1093/icc/dtt051>.

24. Coad A, Srhoj S. Entrepreneurial ecosystems and regional persistence of high growth firms: A ‘broken clock’ critique. *Research Policy*. 2023;52(6):104762.

25. Costa P, Ribeiro A, van der Zee F, Deschryvere M. Framework conditions for high-growth innovative enterprises (HGIE). Brussels, European Commission; 2017. 78 p.

26. Daunfeldt SO, Halvarsson D. Are high-growth firms one-hit wonders? Evidence from Sweden. *Small Bus. Econ*. 2015;(44):361-383. <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9599-8>

27. Decker R, Haltiwanger J, Jarmin R, Miranda J. The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism. *Journal of Economic Perspectives*. 2014;28(3):3-24.

28. Eurostat-OECD. Manual on Business Demography Statistics. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5901585/KS-RA-07-010-EN.PDF.pdf/290a71ec-7a71-43be-909b-08ea6bcde521?t=1414781381000>.

29. Ferrantino MJ, Mukim M, Pearson A, Snow N. Gazelles and Gazillas in China and India. Working Paper 2012–10C. Washington, DC: Office of Economics, U. S. International Trade Commission; 2012.

30. Gibrat R. Les inegalites economiques. Paris, Librairie du Recueil Sirey; 1931. 108 p.

31. Goswami AG, Medvedev D, Olafsen E. High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies. Washington, DC, World Bank, 2019. doi:10.1596/978-1-4648-1368-9

32. Halabisky D, Dreessen E, Parsley C. Growth in firms in Canada. *Journal of Small Business and Entrepreneurship*. 2006;19(3):255-268.

33. Haltiwanger J, Jarmin RS, Kulick R, Miranda J. High-Growth Firms: Contribution to Job, Output and

Productivity Growth. Chicago, University of Chicago Press; 2017.

34. Kolar J. Policies to support High Growth Innovative Enterprises — Final report from the Session II of the 2014 ERAC Mutual Learning Seminar on Research and Innovation policies. Brussels, European Commission, DG Research and Innovation; 2014. 25 p.

35. Kor YY, Mahoney JT. Penrose's resource-based approach: The process and product of research creativity. *J. Manage. Stud.* 2000;37(1):109-139.

36. Lilischkis S, Korlaar L, Barjak F, Meyer R. Policies in support of high-growth innovative enterprises — Part 1: Characterisation of innovative high-growth firms. Brussels, European Commission, DG Research and Innovation; 2013.

37. Mason C, Brown R. Creating good public policy to support high-growth firms. *Small business economics.* 2013;(40):211-225.

38. Parker SC, Storey D, van Witteloostuijn A. What Happens with Gazelles? The role of dynamic management strategies; 2010.

39. Penrose ET. The Theory of the Growth of the Firm. Oxford, Basil Blackwell; 1959.

40. Pletnev D, Naumova K. High-Growth Middle-Sized Firms' Performance During the Pandemic (Russian Case). *International Journal of Innovation and Technology Management.* 2023; 20(05). <https://doi.org/10.1142/s0219877023500311>.

41. Raby S, Hart M, Harney B. In search of the next growth episode: How firms catalyse and sustain periods of high growth. *International Small Business Journal.* 2022;40(6):671-683.

42. Rees-jones R, Brown R, Jones_Evans D. Trigger points and high growth firms: the vital role of founder "sensing" and "seizing" capabilities. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research.* 2024;(30):1-22. <https://doi.org/10.1108/IJEER-05-2023-0533/full/html>.

43. Santoleri P. Innovation and job creation in (high-growth) new firms. *Industrial and Corporate Change.* 2020;29(3):731-756. <https://doi.org/10.1093/icc/dtz059>.

44. Schreyer P. High-Growth Firms and Employment. Paris: OECD Science, Technology and Industry Working Papers. 2000. Vol. 3. <https://doi.org/10.1787/861275538813>.

45. Segarra-Blasco A., Teruel M. High-Growth Firms and Innovation: an empirical analysis. *Small Business Economics.* 2014. 43. <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9563-7>.

46. Sena V, Hart M., Bonner K. Innovation and UK High-Growth Firms. London: NESTA Working Paper, 2013. 35 p.

47. Simon H. Hidden Champions: Aufbruch nach Globalia. Frankfurt am Main, Campus Verlag; 2012.

48. Storey DJ. Understanding the Small Business Sector. London, Routledge; 1994.

Информация об авторе

К. А. Наумова — аспирант кафедры отраслевых рынков.

Information about the author

K. A. Naumova — Graduate Student, Department of Industry Markets.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; одобрена после рецензирования 22.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 15.06.2024; approved after reviewing 22.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 37.014.543

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-139-148

ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Надежда Константиновна Демина^{1✉}, Ирина Вениаминовна Максакова²,
Вера Дмитриевна Мишина³, Марина Валерьевна Субчева⁴

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, deminank@susu.ru, 0000-0002-1950-2639

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, maksakovaiv@susu.ru, 0009-0008-1306-0770

³ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, mishinavd@susu.ru, 0000-0001-6754-3892

⁴ Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи Ленинского района г. Челябинска, Россия, m.subcheva@yandex.ru

Аннотация. На современном постиндустриальном этапе развития экономики трансформация социальных систем развитых стран осуществляется в направлении индивидуализации образовательной траектории каждого человека. В представленном исследовании существенное внимание уделено обеспечению получения образования детьми с особенностями развития. Доля таких детей имеет тенденцию к росту во всем мире. Одной из сложностей организации работы с особыми детьми является сбор информации о характеристиках требуемой образовательной среды. Согласно теореме децентрализации У. Оутса, предоставление и финансирование общественного блага целесообразно осуществлять на том уровне бюджетной системы, который максимально приближен к потребителю, при этом минимизируется территориальная дифференциация доступности услуг. Цель статьи — систематизировать существующие подходы к организации финансирования системы получения образования детьми с особыми образовательными потребностями. Проведенный анализ действующей нормативно-правовой базы с точки зрения реализации практики финансового выравнивания в системе бюджетного федерализма позволил определить целесообразность централизации психолого-педагогической помощи для детей с ограниченными возможностями здоровья на уровне региона. Анализ практики реализации реформы бюджетных учреждений в рамках перехода на финансирование государственного и муниципального задания позволил выявить несоответствие плановых показателей фактическому объему услуг, централизация на региональном уровне позволит перераспределять услуги между территориальными подразделениями. На примере анализа данных работы учреждений психолого-медицинских педагогических комиссий (ПМПК) города Челябинска выявлены диспропорции источников финансирования и объемов муниципального задания. В качестве результата исследования представлены предложения по централизации услуг, предоставляемых организациями психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи. Передача финансирования данных услуг на региональный уровень позволит учесть специфику потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья и снизить степень территориальной дифференциации доступности образовательных услуг.

Ключевые слова: финансирование образования, государственная политика в сфере образования, особые образовательные потребности, среднее общее образование, адаптивные образовательные программы, инклюзия, муниципальное задание, психолого-медицинская педагогическая комиссия

Для цитирования: Демина Н. К., Максакова И. В., Мишина В. Д., Субчева М. В. Подходы к организации финансирования системы получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 139–148. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-139-148.

Original article

APPROACHES TO FINANCING THE SYSTEM OF EDUCATION FOR CHILDREN WITH DISABILITIES

Nadezhda K. Demina¹, Irina V. Maksakova², Vera D. Mishina³, Marina V. Subcheva⁴

¹ South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia, deminank@susu.ru, 0000-0002-1950-2639

² South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia, maksakovaiv@susu.ru, 0009-0008-1306-0770

³ South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia, mishinavd@susu.ru, 0000-0001-6754-3892

⁴ Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance of the Leninsky district of Chelyabinsk, Russia, m.subcheva@yandex.ru

Abstract. At the modern post-industrial stage of economic development, the transformation of social systems in developed countries is carried out in the direction of individualization of the educational trajectory of each person. In the presented study, significant attention is paid to ensuring of getting education by children with special needs, the percentage of such children tends to increase throughout the world. One of the difficulties in organizing work with special children is collecting information on the characteristics of the required educational environment, according to W. Oates's decentralization theory, the provision and financing of public goods should be carried out at the level of the budget system that is closest to the consumer, while minimizing territorial differentiation in the availability of services. The purpose of the article is to systematize existing approaches to organizing the financing of the system of obtaining education for children with special educational needs. The conducted analysis of the current regulatory framework from the point of view of the implementation of the practice of financial equalization in the system of budgetary federalism allowed the research to determine the feasibility of centralizing psychological and pedagogical assistance for children with disabilities at the regional level. The analysis of the practice of implementing the reform of budgetary institutions in the framework of the transition to financing of the state and municipal assignment allowed the research to identify the discrepancy between the planned indicators and the actual volume of services; centralization at the regional level can help to redistribute services between territorial divisions. Using the example of the data analysis from the work of the institutions of psychological and medical pedagogical commissions (PMPC) of the city of Chelyabinsk, disproportions in funding sources and the volumes of the municipal assignment were revealed. As a result of the study, proposals are presented for the centralization of services provided by organizations of psychological and pedagogical, medical and social assistance. The transfer of funding for these services to the regional level can help to take into account the specific needs of children with disabilities and reduce the degree of territorial differentiation in the availability of educational services.

Keywords: financing of education, state policy in the field of education, special educational needs, secondary general education, adaptive educational programs, inclusion, municipal assignment, psychological and medical pedagogical commission

For citation: Demina NK, Maksakova IV, Mishina VD, Subcheva MV. Approaches to Financing the System of Education for Children with Disabilities. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492)):139-148. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-139-148.

Введение

Трансформация системы образования в современном обществе осуществляется в направлении индивидуализации образовательной траектории с учетом особенностей каждого ребенка. Право на образование является гуманистической ценностью, игровая и учебная деятельность лежит в основе наполнения жизни ребенка. Методы медицинской реабилитации и педагогических технологий позволяют адаптировать образовательные программы под потребности детей с ограниченными возможностями здоровья. В мировой практике под «ограниченными возможностями здоровья» понимают широкий спектр как соматических, так и ментальных ограничений. При таком подходе к пониманию особенностей здоро-

вья число нуждающихся в специальных образовательных условиях существенно превышает число детей, официально имеющих статус инвалида. Федеральная служба государственной статистики позволяет оценить количество людей с инвалидностью, по данным на 31 декабря 2023 г. в России более 11 млн людей с инвалидностью, 755 тыс. из которых дети¹. На федеральном уровне в рамках федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование» реализуется финансирование модернизации системы коррекционных школ, в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» осуществляется финансирование дополнительного образования,

¹ Уровень инвалидизации в РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>.

учитывающего потребности детей с нарушениями здоровья. По данным Минпросвещения в России более 1,15 млн учащихся с ограниченными возможностями здоровья¹. Построение образовательного маршрута ребенка с особенностями здоровья осуществляется в рамках системы оказания психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи. В условиях постоянно меняющихся социально-экономических реалий, возрастания числа обучающихся, нуждающихся в различных формах поддержки, актуализируется вопрос об эффективных механизмах организации финансирования соответствующих центров и служб. От того, насколько рационально и целесообразно выстроена система финансирования данной сферы, во многом зависит качество и доступность необходимой помощи детям с особенностями здоровья [1]. Оказание медицинской помощи и организация получения образовательных услуг в данном случае находятся на пересечении компетенции ведомств, отвечающих за медицинские услуги и структур, занимающихся образовательной деятельностью, успешность их функционирования в значительной степени определяется наличием стабильного и достаточного финансирования [2].

Предоставление образовательных услуг относится к мериторным благам согласно концепции Р. Масгрейва [3], финансирование которых осуществляется в рамках общественного сектора, исходя из принципов равенства и социальной справедливости.

Основное предназначение механизма финансирования сферы образования заключается в финансовом обеспечении образовательных учреждений, предоставляющих государственные (муниципальные) услуги. В результате реформы бюджетных учреждений, реализуемой в России с 2010 г., сформировалась практика финансирования государственных услуг путем выдачи учреждению государственного задания, в котором прописывается объем и качество предоставляемых услуг².

Цель статьи — систематизация данных о финансировании образовательных услуг, предо-

ставляемых детям с ОВЗ, обоснование необходимости централизации расходных полномочий по психолого-педагогическому сопровождению детей с особыми образовательными потребностями на региональном уровне. Развивая концепцию мериторных благ Р. Масгрейва, в статье обосновывается наличие положительного внешнего социального эффекта создания индивидуализированного образовательного пространства для детей с особенностями, не имеющего территориальной привязки.

Распределение полномочий по предоставлению образовательных услуг связано с наличием особых образовательных потребностей детей, в бюджетном законодательстве зафиксировано, что реализация адаптированных образовательных программ находится в компетенции региональных органов государственного управления, при этом реализация обучения как в рамках инклюзии, так и в специальных образовательных организациях (коррекционных школах) может осуществляться в муниципальных учреждениях, в следствие чего возникает необходимость межбюджетного выравнивания. Целью межбюджетного выравнивания является обеспечения равного доступа к образовательным услугам вне зависимости от места проживания человека, реализация данного процесса носит сложный многоаспектный характер. Специалистами отмечаются плюсы и минусы разных инструментов бюджетного выравнивания, с учетом наличия цели мотивации экономического развития региона [4; 5].

С точки зрения исследуемой темы бюджетное выравнивание преследует цель восстановления социальной справедливости. Согласно теореме децентрализации У. Оутса предоставление и финансирование общественного блага целесообразно осуществлять на том уровне бюджетной системы, который максимально приближен к потребителю, при этом минимизируется территориальная дифференциация доступности услуг [6]. Те регионы, в которых проживает большее число детей, нуждающихся в создании особых образовательных условий, получают дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности [7,8,9]. Система межбюджетных отношений, выстроенная таким образом, что регионы находятся в зависимости от решений федерального центра, имеет ряд недостатков, к которым можно отнести невозможность планирования развития системы помощи детям с особыми образовательными потребностями [10].

Финансирование социальной сферы находится в зависимости от общеполитической

¹ Дети с особыми образовательными потребностями Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/?ysclid=m1ri28f8hw639652013.

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 № 83-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/

и экономической ситуации, общий тренд развития на увеличение доступности социальных услуг и индивидуализации получаемых образовательных услуг, при этом структура расходов внутри бюджетных статей, связанных с финансированием образования, зависит от контингента детского населения [11; 12]. В системе организации работы с детьми с особыми потребностями существенную роль играет психолого-медицинская педагогическая комиссия (ПМПК), обучение по адаптированной программе осуществляется путем получения направления такой комиссии. ПМПК работает с целью организации помощи детям с отклонениями в развитии на основе проведения диагностического обследования и определения специальных условий для получения ими образования и необходимого медицинского обслуживания¹. Комиссию ПМПК проходят дети с различными сложностями освоения образовательных программ, а не только дети с установленной инвалидностью, в результате чего охват данными услугами гораздо шире, чем контингент детей с инвалидностью.

ПМПК, имея в своем составе высококвалифицированных специалистов (педиатров, педагогов-психологов, учителей-дефектологов, учителей-логопедов, социальных педагогов), проводит методические мероприятия для педагогических работников образовательных организаций, в том числе

¹ Письмо Министерства образования РФ от 14 июля 2003 г. № 27/2967-6 «О психолого-медико-педагогической комиссии». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901878846?ysclid=mlqc5h4jwj1754635580>

членов психолого-педагогического коллектива, а также распространяет методические материалы по оказанию помощи детям, имеющим трудности в развитии, обучении и социальной адаптации [13].

Методы и материалы

Эмпирическую базу исследования формируют данные официальной статистики, материалы научных публикаций, отчетные документы профильных министерств и ведомств, а также центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи.

Результаты исследования

Предоставление услуг образования — одна из задач общественного сектора экономики, являющаяся примером социально значимого блага, формирующего один из важнейших производственных ресурсов — человеческий капитал. Финансирование услуг образования осуществляется в зависимости от действующей модели межбюджетных отношений. Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² в список вопросов местного значения муниципалитетов внесена задача организации дошкольного и среднего общего образования по основным общеобра-

² Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

Таблица 1
Table 1

Методика исследования Research methodology

№	Задача исследования	Выборка и методы исследования
1	Провести анализ нормативно-правовой базы организации работы с детьми с особыми образовательными потребностями	Систематизация данных документов федерального уровня, включая Приказы Минпросвещения, Минспорта, Минобрнауки РФ, документы регионального уровня, в т. ч. постановления Правительства Челябинской области, документы муниципального уровня, Постановления Администрации города Челябинска
2	Проанализировать динамику показателей финансирования территориальных ПМПК города Челябинска за период 2019–2023 гг.	Путем сбора данных отчетов по исполнению муниципального задания и отчетов о финансовых результатах сопоставляется динамика объема финансирования и количественных показателей предоставления услуг
3	Проранжировать территориальные ПМПК города Челябинска по величине удельной стоимости услуг	Сравнительный анализ стоимости единицы услуги позволит сопоставить данные по территориальным ПМПК и оценить эффективность работы подразделений
4	Сформулировать принципы разграничения бюджетных обязательств по финансированию образовательного маршрута детей с ОВЗ	Исследуя механизм межбюджетных трансфертов предложить варианты оптимизации разграничения компетенций финансирования образовательных программ детей с ОВЗ

Источник: составлено авторами.

зовательным программам (ч. 13, ст. 16)¹. Образование детей с особыми потребностями осуществляется согласно статье 79 федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» по адаптированным образовательным программам. Частью 5 данной статьи закона «Об образовании в РФ» определено, что организации, осуществляющие образовательную деятельность по адаптированным общеобразовательным программам, создаются органами государственной власти субъектов РФ. Отсюда следует, что реализация программ основного общего образования находится в компетенции органов местного самоуправления, а обучение детей по адаптированным образовательным программам в компетенции органов государственной власти субъекта РФ. Объем финансирования основных образовательных программ в расчете на одного учащегося существенно ниже расходов, которые находятся в компетенции региональных властей по финансированию реализации адаптированных программ.

Количество детей, нуждающихся в особых образовательных условиях, имеет тенденцию к росту во всем мире. В докладе Уорнокского комитета «Особые образовательные потребности», опубликованном в 1978 г., сформулированы подходы к организации образования для детей со сложностями в освоение учебной программы. Общая идея доклада состояла в том, что, создав специальные условия предполагается дать возможность получения образования как здоровым детям, так и детям с ограниченными возможностями здоровья [14; 15].

Одним из принципов организации предоставления образовательных услуг является сохранение единства образовательного пространства на территории страны, данное положение включено в федеральные образовательные стандарты (ФГОС). Помимо этого, в федеральных стандартах закреплено право на равные возможности для полноценного развития каждого ребенка, независимо от его особенностей, в том числе особенностей здоровья². В ФГОС закреплена необходимость при расчете нормативов оказания государственных (муниципальных) услуг учитывать содержание

образовательной программы, обеспечивающей равные возможности для каждого ребенка.

Специфика адаптированных программ конкретизирована в приказе Министерства просвещения РФ от 24 ноября 2022 г. № 1025 «Об утверждении федеральной адаптированной образовательной программы основного общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья»³. В ходе прохождения ПМПК специалистами определяется тип программы, подходящий данному ребенку.

С точки зрения распределения полномочий между уровнями власти отдельно регламентировано получение детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) дополнительных образовательных услуг в области физической культуры и спорта, это сфера находится согласно ч. 6 ст. 79 Закона N 273-ФЗ «Об образовании в РФ» в ведении федеральных органов исполнительной власти⁴. В частности, приказом Минспорта России от 03.08.2022 № 635 «Об утверждении особенностей организации образовательной деятельности для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья по дополнительным общеобразовательным программам в области физической культуры и спорта в отношении дополнительных образовательных программ спортивной подготовки»⁵ определены требования к реализации адаптивных программ физической культуры и спорта. Возможности занятием конкретным видом спорта определяются решением ПМПК.

В Челябинской области общей координацией реализации задач предоставления образования детям с особыми потребностями занимается Государственное учреждение «Областной центр диагностики и консультирования».

³ Приказ Министерства просвещения РФ «Об утверждении федеральной адаптированной образовательной программы основного общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» от 24 ноября 2022 г. № 1025. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406486957/>

⁴ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

⁵ Приказ Минспорта России «Об утверждении особенностей организации образовательной деятельности для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья по дополнительным общеобразовательным программам в области физической культуры и спорта в отношении дополнительных образовательных программ спортивной подготовки» от 03.08.2022 № 635. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405065193/>

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

² Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-do/?ysclid=mlsylv22xeg116505465>

Работа центральной психолого-медико-педагогической комиссии находится в компетенции органов власти субъекта РФ¹, в муниципалитетах создаются территориальные комиссии, финансирование исполнения муниципального задания для которых осуществляется путем выделения субсидии из местного бюджета.

На примере города Челябинска можно проследить то, что на муниципальном уровне функции построения образовательного маршрута детей с ОВЗ реализуются Комитетом по делам образования, на который возложено проведение на территории города образовательной политики. Формирование муниципальных заданий для подведомственных учреждений осуществляется в рамках методических рекомендаций общих для учреждений города².

В процессе разработки муниципального задания каждому учреждению определяются показатели объема и качества муниципальных услуг, осуществляется распределение ответственности между главными распорядителями бюджетных средств и точки контроля финансового обеспечения муниципального задания. В частности, показатели детского населения по Ленинскому району г. Челябинска продемонстрировали понижение — на 4 000 человек, в результате муниципальное задание центром на 2024 г. было скорректировано в меньшую сторону. Корректировка муниципального задания в центре на 2024 г. отражена в табл. 2.

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ «Об утверждении Положения о психолого-медико-педагогической комиссии» от 20 сентября 2013 г. N 1082. — <https://base.garant.ru/70485996/>

² Постановление Администрации города от 11.12.2018 № 544-п «Методические рекомендации по формированию муниципальных заданий муниципальных учреждений города Челябинска и контролю за их выполнением». — <https://docs.cntd.ru/document/432947316>

Финансирование диагностического обследования осуществляется путем выделения субсидии на выполнение муниципального задания, в результате финансирование данных услуг находится в компетенции органов местного самоуправления, при этом в состав услуг, предоставляемых данными организациями включены как непосредственно социальные услуги (код 88.99 по ОКВЭД), так и деятельность в области медицины (код 88.99 по ОКВЭД 86.90.9). Отнесение услуги на муниципальный уровень приводит к территориальной дифференции объема и качества услуг. В сфере здравоохранения на сегодняшний день активно реализуется процесс централизации и передачи медицинских учреждений в ведение региональных властей, целью реформирования в данном случае выступает увеличение доступности медицинских услуг независимо от места проживания человека.

Предоставление образовательных услуг детям с особенностями развития осуществляется в комплексе с получением медицинских услуг, централизация управления территориальными учреждениями ПМПК будет способствовать снижению территориальной дифференциации.

С целью проведения сравнительного анализа данных реализации социальных услуг выполнен мониторинг и расчет плановых показателей территориальных ПМПК районов г. Челябинска. Результаты мониторинга представлены в таблице 3.

Распределение компетенции органов государственного и муниципального управления между уровнями бюджетной системы осуществляется на основе принципов бюджетного федерализма, одним из принципов которого является принцип равного доступа к образованию и достижениям культуры. Данный механизм разграничения полномочий определен статьей 72 Конституции РФ³. В силу неоднородности регионов РФ реали-

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изме-

Таблица 2

Table 2

Психолого-педагогическая помощь в территориальном центре ПМПК
Psychological and pedagogical assistance in the territorial center of the PMPC

Наименование услуги	Показатели фактические на 2023 год	Показатели плановые на 2024 год
«Коррекционно-развивающая помощь, компенсирующая и логопедическая помощь обучающимся»	1 030	900
«Психолого-медико-педагогическое обследование детей»	2 570	2 300
«Психолого-педагогическое консультирование обучающихся, их родителей (законных представителей) и педагогических работников»	1 441	1421

Источник: составлено авторами по данным <https://bus.gov.ru/>

Сводная таблица по услугам и финансированию центров Челябинска
Summary table of services and financing of Chelyabinsk centers

		Психолого-меди-ко-педагогиче-ское обследо-вание детей		Психолого-педагогическое консультирование обучаю-щихся, их родителей (закон-ных представителей) и педа-гогических работников		Коррекционно-развива-ющая помощь, компен-сирующая и логопеди-ческая помощь обучаю-щимся		Выделено средств на вы-полнение муниципально-го задания, тыс. руб.		Удельная стоимость услуг цен-тра, тыс. руб.	
Центр Тракторозаводского района											
Год	план	факт	план	факт	план	факт					
2019	1 200	1 493	700	893	300	300,25	12 034,50				4,48
2020	1 491	1 409	893	910	302	311,75	11 644,74				4,43
2021	1 695	1 665	909	945	307,75	321,50	11 912,83				4,53
2022	1 688	1 716	1 463	1 474	312	314,00	12 695,49				3,62
2023	1 600	1 794	1 453	1 488	312	318,75	14 787,00				4,10
Центр Ленинского района											
Год	план	факт	план	факт	план	факт					
2019	1 700	1 870	280	300	950	954	20 336,79				6,51
2020	1 870	1 892	302	400	929	929	18 631,93				5,78
2021	2 230	2 186	600	600	1 030	1 030	20 871,14				5,47
2022	2 230	2 230	1 454	1 454	1 030	1 030	22 868,66				4,85
2023	2 570	2 570	1 441	1 441	1 030	1 030	24 248,00				4,80
Центр Калининского района											
Год	план	факт	план	факт	план	факт					
2019	1 600	1 600	500	500	900	900	18 408,22				6,14
2020	1 600	1 600	500	500	900	900	21 614,08				7,20
2021	2 600	2 600	5 000	5 000	1 200	1 200	40 305,64				4,58
2022	2 600	2 600	1 732	1 732	3 000	3 000	40 169,47				5,48
2023	3 600	3 600	3 600	3 600	4 000	4 000	48 070,00				4,29
Центр Курчатовского района											
Год	план	факт	план	факт	план	факт					
2019	1 500	1 735	1 500	3 694	300	366,75	17 807,98				3,07
2020	1 726	1 738	3 702	4 205	363	467,00	16 394,76				2,86
2021	2 231	2 231	3 702	3 702	399,75	399,75	16 685,44				2,64
2022	2 400	2 514	1 986	3 441	479	536,75	17 344,16				2,67
2023	2 500	2 500	2 046	2 046	530	599,00	23 044,71				4,47
Центр Metallургического района											
Год	план	факт	план	факт	план	факт					
2019	1 400	1 468	1 400	1 510	800	860	23 910,86				6,23
2020	1 509	1 367	1 502	1 506	750	772	23 022,60				6,32
2021	1 550	1 570	1 500	1 502	800	819,43	24 978,32				6,42
2022	1 550	1 645	1 076	1 085	800	800,75	24 727,57				7,00
2023	1 550	1 275	1 043	828	800	839	20 274,0				6,9
Центр Советского района											
Год	план	факт	план	факт	план	факт					
2019	1 000	1 135	1 000	1 752	290	294,25	19 646,01				6,17
2020	1 073	1 111	1 388	1 885	293	303,75	11 333,16				3,43
2021	1 447	1 427	1 705	1 794	302,25	315,00	13 153,02				3,72
2022	1 450	1 299	1 034	1 126	314,75	315,25	9 753,45				3,56
2023	1 250	1 273	986	1 030	333	342,75	12 325,00				4,66

Источник: составлено авторами по данным <https://bus.gov.ru/>

зация данного принципа осложняется влиянием внешних шоков, механизмы адаптации к институциональным шокам являются предметом исследования современных экономистов [16]. В работе, посвященной анализу дифференциации экономического пространства РФ, сформулированы направления корректировки экономической политики: сложившаяся динамика развития регионов обусловлена процессами неоднородности субъектов РФ, имеющих общий тип восприимчивости. В интересах повышения устойчивости национальной экономики в реализации Стратегии пространственного развития России целесообразно усиление внимания к ключевым ориентирам развития в части корректировки экономической политики по встраиванию механизмов адаптивности (экономических, финансовых, внешнеторговых стабилизаторов), амортизирующих последствия негативного влияния внешних институциональных шоков [17]. Одним из возможных направлений сглаживания неравномерности доступности абилитации и реализации адаптивных образовательных программ в регионах РФ является расширение проектов дистанционных образовательных услуг, включая консультативные проекты ПМПК и некоммерческих организаций.

нениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Заключение

В результате проведенного исследования было определено, что одна из проблем финансирования предоставления образовательных услуг детям с особыми образовательными потребностями, состоит в наличии региональной дифференции доступности прохождения ПМПК и получения заключения о необходимости включения в программу реабилитации обучения по адаптированной программе с сопровождением тьютора.

В рамках действующего бюджетного законодательства ответственность за финансирование образовательных услуг для детей с ограниченными возможностями здоровья возложена на региональный уровень. Работа территориальных ПМПК является первичным звеном построения образовательной траектории детей, нуждающихся в адаптированных образовательных программах. Анализ финансового обеспечения деятельности центров ПМПК в городе Челябинске позволил выявить наличие дифференциации доступности услуг в территориальном разрезе, что нарушает принцип равного доступа к медицинским и образовательным услугам вне зависимости от места проживания человека. Реформирование работы центров ПМПК в направлении централизации системы управления предоставлением данных услуг будет способствовать оптимизации распределения нагрузки на центры и финансового обеспечения предоставления услуг.

Список источников

1. Варлакова Ю. Р. Экономико-правовые аспекты функционирования системы образования : монография. Ульяновск : Зебра, 2017. 200 с.
2. Низова Л. М. Ресурсное обеспечение социальной защиты населения: монография. Йошкар-Ола : Поволжский государственный технологический университет. 2021. 172 с.
3. Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б. Государственные финансы: теория и практика / пер. с англ. М. : Бизнес Атлас. 2009. 716 с.
4. Кулакова Н. В. Дотационные бюджеты субъектов Российской Федерации в механизме межбюджетного выравнивания : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. Владикавказ, 2020. 190 с.
5. Кулакова Н. В., Сугарова И. В. Дотационные отношения в контексте межбюджетного выравнивания // Трансформация социально-экономического пространства России и мира. М. : АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права». 2020. С. 341–345.
6. Oates W. E. A Reconsideration of Environmental Federalism: Discussion Paper 01–54. Washington, DC: Resources for the Future, 2001. 35 p.
7. Печенская-Полищук М. А. Формирование бюджетного потенциала региона: теория и практика: монография / Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 2022. 209 с.
8. Состояние бюджетов субъектов Российской Федерации и межбюджетные отношения по итогам 2021 года / Землянский Д. Ю. [и др.]; под ред. Д. Ю. Землянского, В. В. Климанова // Научные доклады: экономика (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)). М. : Дело. 2022. 54 с.
9. Бишенов А. А. Система межбюджетных отношений в России: состояние и перспективы совершенствования: монография / ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова». Нальчик: КБГУ, 2022. 83 с.

10. Репникова, В. М., Джамалудинова М. Ю. Межбюджетные отношения и политика финансового выравнивания в Российской Федерации : монография. Уфа : Аэтерна, 2023. 80 с.
11. Формирование системы финансирования социальной сферы на региональном и муниципальном уровнях: концептуальные подходы и практические аспекты / Попова Л. В. [и др.] Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2023. 259 с.
12. Артемов В. А. Трансформация системы финансирования социальной сферы: вопросы методологии и методики : дис. ... д-ра экон. наук: 5.2.4. Орел, 2023. 406 с.
13. Семаго М. М., Семаго Н. Я., Дробинская А. О. Организация деятельности системы ПМПК в условиях развития инклюзивного образования. М. : АРКТИ, 2019. 368 с.
14. Lindsay G., Wedell K., Dockrell J. Warnock 40 Years on: The Development of Special Educational Needs Since the Warnock Report and Implications for the Future // Policy and practice reviews. Front. Educ. 29 January 2020. Sec. Special Educational Needs. 2019. Vol. 4.
15. Михальчи Е. В. Инклюзивное образование. М. : Юрайт, 2024. 172 с.
16. Трансформация организационно-экономического механизма государственного финансирования социальных услуг: монография / Татуев А. А. [и др.]; Министерство науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». Пятигорск : ПГУ, 2022. 108 с.
17. Данилова И. В., Богданова О. А., Телюбаева А. Ж. Влияние внешних институциональных шоков на дифференциацию экономического пространства РФ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2019. Т. 13, № 3. С. 23–32. DOI: 10.14529/em190303

References

1. Varlakova YuR. Economic and legal aspects of the functioning of the education system: monograph. Ulyanovsk, Zebra; 2017. 200 p. (In Russ.).
2. Nizova LM. Resource provision of social protection of the population: monograph. Yoshkar-Ola, Volga Region State Technological University; 2021. 172 p. (In Russ.).
3. Musgrave RA, Musgrave PB. Public finances: theory and practice. Translated from English. Moscow; 2009. 716 p. (In Russ.).
4. Kulakova NV. Subsidized budgets of the constituent entities of the Russian Federation in the mechanism of interbudgetary equalization. Abstract. Vladikavkaz, 2020. 190 p. (In Russ.).
5. Kulakova NV, Sugarova IV. Subsidized relations in the context of interbudgetary equalization. Transformation of the socio-economic space of Russia and the world. Moscow; 2020. Pp. 341–345. (In Russ.).
6. Oates WE. A Reconsideration of Environmental Federalism: Discussion Paper 01–54. Washington, DC, Resources for the Future; 2001. 35 p.
7. Pechenskaya-Polischuk MA. Formation of the budgetary potential of the region: theory and practice: monograph. Vologda, VolSC RAS; 2022. 209 p. (In Russ.).
8. The state of budgets of the constituent entities of the Russian Federation and interbudgetary relations based on the results of 2021. Zemlyansky D. Yu. and others; ed. D. Yu. Zemlyansky, V. V. Klimanova. In: Scientific reports: economics (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Moscow, Delo; 2022. 54 p. (In Russ.).
9. Bishenov AA. The system of interbudgetary relations in Russia: state and prospects for improvement: monograph. Nalchik; 2022. 83 p. (In Russ.).
10. Repnikova VM, Dzhamaludinova MYu. Interbudgetary relations and financial equalization policy in the Russian Federation: monograph. Ufa; 2023. 80 p. (In Russ.).
11. Formation of the system of financing the social sphere at the regional and municipal levels: conceptual approaches and practical aspects. Kursk; 2023. 259 p. (In Russ.).
12. Artemov VA. Transformation of the system of financing the social sphere: issues of methodology and techniques. Abstract. Orel; 2023. 406 p. (In Russ.).
13. Semago MM, Semago NYa, Drobinskaya AO. Organization of the activities of the PMPK system in the context of the development of inclusive education. Moscow; 2019. 368 p. (In Russ.).
14. Lindsay G., Wedell K., Dockrell J. Warnock 40 Years on: The Development of Special Educational Needs Since the Warnock Report and Implications for the Future. *Policy and practice reviews. Front. Educ.* 29 January 2020. Sec. Special Educational Needs. 2019;(4).

15. Mikhailchi EV. Inclusive Education. Moscow, Yurait Publishing House; 2024. 172 p. (In Russ.).
16. Transformation of the Organizational and Economic Mechanism of State Financing of Social Services: monograph. Pyatigorsk; 2022. 108 p. (In Russ.).
17. Danilova IV, Bogdanova OA, Telyubaeva AZh. The Impact of External Institutional Shocks on the Differentiation of the Economic Space of the Russian Federation. *Vestnik YuUrG U. Seriya «Ekonomika i menedzhment» = Bulletin of SUSU. Series “Economics and Management”*. 2019;13(3):23-32. <https://doi.org/10.14529/em190303> (In Russ.).

Информация об авторах

Н. К. Демина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры современных образовательных технологий.

И. В. Максакова — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры современных образовательных технологий.

В. Д. Мишина — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры современных образовательных технологий.

М. В. Субчева — сотрудник.

Information about the authors

Nadezhda K. Demina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern Educational Technologies.

Irina V. Maksakova — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern Educational Technologies.

Vera D. Mishina — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern Educational Technologies.

Marina V. Subcheva — Employee.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 24.09.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ECONOMIC EDUCATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 149–160.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(10(492):149-160

Научная статья

УДК 338.4; 331.108; 606.62

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-149-160

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОМ СЕКТОРЕ БИОЭКОНОМИКИ

Екатерина Сергеевна Титова^{1✉}, Елена Васильевна Александрова²

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, es_titova@inbox.ru, 0000-0002-2639-9502

² Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, aleksandrova.ev@rea.ru, 0000-0002-8365-2279

Аннотация. Представления о структуре и значимости человеческого капитала для обеспечения устойчивого развития экономики являются побудительными стимулами к проведению соответствующих исследований и в нашей стране, и за рубежом. Во многом это касается биоэкономики — особого вида деятельности, основанного на знаниях. Для определения основных направлений в развитии биоэкономики был проведен компьютерный анализ метаданных из 405 публикаций, аннотированных в базе данных PubMed, которые сгруппировали в шесть тематических кластеров. По результатам изучения документов, регламентирующих федеральные государственные образовательные стандарты, удалось собрать информационный массив данных об общепрофессиональных компетенциях по направлениям подготовки в области наук о жизни для уровней высшего образования: бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура. Собранный массив данных позволил произвести оригинальную группировку общепрофессиональных компетенций из восьми общих блоков. Анализ более пятидесяти образовательных программ вузов, лидирующих по предметному рейтингу RAEX «Биотехнологии и биоинженерия» 2023 г., позволил выделить десять групп профильных профессиональных компетенций. Проведенное исследование общепрофессиональных и профессиональных компетенций позволило выделить группы ключевых для развития биоэкономики компетенций. С учетом отмеченных тенденций в развитии биоэкономики и результатов компетентностного анализа было проведено анкетирование студентов для самоопределения их способностей к профессиональной деятельности, а также преобладающих направлений полученных в области биоэкономики знаний. В анкетировании приняли участие студенты 17 российских вузов, число респондентов — 426. Полученные результаты позволяют считать, что в нашей стране имеются общие условия для развития человеческого капитала, необходимого при формировании биоэкономики.

Ключевые слова: человеческий капитал, технологический суверенитет, науки о жизни, биоэкономика, научно-технологическое развитие, биотехнологии

Для цитирования: Титова Е. С., Александрова Е. В. Формирование человеческого капитала в российском секторе биоэкономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 149–160. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-149-160.

Original article

HUMAN CAPITAL FORMATION IN THE RUSSIAN BIOECONOMY SECTOR

Ekaterina S. Titova^{1✉}, Elena V. Alexandrova²

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, es_titova@inbox.ru, 0000-0002-2639-9502

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, aleksandrova.ev@rea.ru, 0000-0002-8365-2279

Abstract. The ideas about the structure and significance of human capital for ensuring sustainable economic development are incentives for conducting relevant research both in our country and abroad. In many respects it concerns

bioeconomy — a special kind of knowledge-based activity. To determine the general directions in the bioeconomy development, a computer analysis of metadata from 405 publications annotated in the PubMed database was conducted, which were grouped into six thematic clusters. Based on the results of the documents regulating the federal state educational standards study, it was possible to collect an information array of data on general professional competencies in the areas of life sciences training for the higher education levels: bachelor's, specialist, master's, postgraduate. The collected data set allowed to make an original general professional competencies grouping from eight general blocks. The analysis of more than fifty educational programs of the universities leading in the subject rating RAEX "Biotechnology and Bioengineering" 2023 allowed to identify ten groups of profile professional competencies. The study of general professional and professional competencies allowed to identify groups of key competencies for the bioeconomy development. Considering the noted trends in the bioeconomy development and the results of the competence analysis, a questionnaire survey of students was conducted to determine their abilities for professional activity, as well as the prevailing directions of knowledge obtained in the field of bioeconomy. Students from 17 Russian universities took part in the survey, the number of respondents amounted to 426 people. The results obtained allow us to believe that our country has general conditions for the development of human capital necessary for the formation of bioeconomy.

Keywords: human capital, technological sovereignty, life sciences, bioeconomy, scientific and technological development, biotechnology

For citation: Titova ES, Alexandrova EV. Human Capital Formation in the Russian Bioeconomy Sector. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):149-160. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-149-160.

Введение

Поддержание технологического суверенитета для нашей страны приобретает существенное значение в условиях происходящей во всем мире конкуренции за внедрение инновационных технологий и квалифицированные человеческие ресурсы. В связи с этим важнейшее значение имеет исполнение Концепции технологического развития страны до 2030 г.¹, в которой выделены две основные формы обеспечения технологического суверенитета. Первая связана с организацией научных исследований, вторая — с развитием производства высокотехнологичной продукции. Вместе с этим, руководством РФ определена и необходимость формирования конкурентоспособного сектора биоэкономики — экономики, основанной на использовании биотехнологий².

С началом XXI века можно отметить значимый прогресс в создании и использовании биотехнологий, который обеспечили многочисленные достижения наук о жизни (НЖ), что позволяет говорить о формировании нового постгеномного периода в развитии биологии [1]. Прямым след-

ствием этого стало возникновение особого вида организации хозяйственной деятельности и получившего название биоэкономика. В начале XXI в. в разных странах были разработаны многолетние программы развития биоэкономики, которые охватывали производство разнообразных биопродуктов от остро необходимых биофармпрепаратов, например вакцин, до биоразлагаемых пластмасс, средств биологической защиты растений и безопасную утилизацию антропогенных отходов [2]. Очевидно, что для успеха биоэкономики (как и других видов экономической деятельности) необходимо совершенствование человеческого капитала [3]. Одним из наиболее значимых подходов к решению комплекса задач развития человеческого капитала является целенаправленное преобразование системы образования, ориентированной на подготовку квалифицированных кадров.

Возрастающий объем знаний, умений и навыков, которые необходимо использовать в профессиональной деятельности, междисциплинарная ориентация проектов и производственных задач требуют от работника уже не только владения актуальными знаниями в области профессиональной деятельности, а сочетания качеств, которые могут обеспечить его возможности по решению комплексных задач. Поэтому особое внимание в настоящее время обращено к формированию у работников набора компетенций, ориентированных не на абстрактные цели, а на конкретные запросы работодателя и стратегические ориентиры государства [4].

По перечисленным причинам в данной статье было проведено изучение складывающихся тенденций в развитии биоэкономики, проанализи-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/?ysclid=llmj4r22k6132529676> (дата обращения: 26.02.2024).

² Постановление Правительства РФ от 12.11. 2021 № 1933 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». URL: <https://base.garant.ru/403071720/> (дата обращения: 15.02.2024).

рованы некоторые условия подготовки биотехнологов и других специалистов с требуемыми компетенциями, а также выполнено анкетирование студентов ряда отечественных вузов для выяснения их осведомленности о развитии биоэкономики в целом и готовности пополнить человеческий капитал.

Материалы и методы

В работе использовали сведения, содержащиеся в федеральных государственных образовательных стандартах¹, а также в нормативно-правовых документах Министерства труда и социальной защиты РФ². Тематический библиометрический анализ проводили по материалам базы данных (БД) PubMed Национального центра биотехнологической информации США³ (<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/>). Для этих целей был отобран ряд ключевых слов, по которым осуществляли частотные поиски с последующими преобразованиями результатов в графические формы. Результаты тематического анализа литературных источников были кластеризованы и визуализированы с использованием программного обеспечения VOSviewer (<https://www.vosviewer.com/>) [5]. Отбор изученных федеральных государственных образовательных стандартов (далее — ФГОС) проводился в соответствии со специально разработанной таксономической группировкой направлений подготовки и специальностей [6]. Метод основан на выделении ключевых областей знаний по наукам о жизни и определяет те направления подготовки и специальности, реализация образовательной деятельности по которым особенно значима для развития отечественной биоэкономики. Впоследствии в отобранных ФГОС были систематизированы и сгруппированы общепрофессиональные компетенции (далее — ОПК). Анализ профессиональных компетенций (далее — ПК) проводился с использованием перечня вузов, ли-

¹ Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24> (дата обращения: 01.02.2024).

² Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 29.09.2014 № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)». URL: <https://base.garant.ru/70807194/?ysclid=ltx6rp9fqe385473984> (дата обращения: 01.02.2024).

³ National Center for Biotechnology Information. National Library of Medicine. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/> (дата обращения: 15.03.2024).

дирующих по предметному рейтингу «Биотехнологии и биоинженерия» в соответствии с данными рейтинговой группы «RAEX» 2023 г.⁴ Анализ взаимосвязей направлений, специальностей подготовки кадров и областей профессиональной деятельности изученных ФГОС проведен с использованием метода составления диаграмм по Сэнки. В целях анализа собирались количественные сведения о частоте встречаемости различных областей профессиональной деятельности (ОПД)⁵ в отобранных ФГОС. Анкетирование студентов нескольких профильных региональных вузов проводилось в онлайн формате на платформе google-формы (<https://docs.google.com/>). С указанной целью на основе ранее полученного опыта [7; 8], была сформирована анкета, включавшая 15 вопросов с несколькими вариантами ответов на них. В анкетировании на добровольной основе приняли участие 426 студентов из 17 вузов регионов России (г. Москва, Тамбовская, Ульяновская, Белгородская, Рязанская, Челябинская области). Также в анкетировании приняли активное участие обучающиеся Минского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова (36,2% опрошенных). Среди участников анкетирования большинство (71,6%) обучаются в бакалавриате, в специалитете — 13,8%, в аспирантуре 7,7%, в магистратуре — 6,8%. Обработка собранных по результатам анкетного опроса данных проводилась с использованием методов статистики, группировки и графического изображения результатов. При интерпретации результатов анкетирования использовался структурный и объяснительный методы [9]. Методический инструментарий работы в целом также дополнили методы обобщения и группировки, анализ отечественных и зарубежных источников литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Развитие представлений о структуре и значимости человеческого капитала для обеспечения устойчивого развития экономики являются побудительными стимулами к проведению соответствующих исследований и в нашей стране, и за рубежом, например [10; 11]. При этом представляется важным отметить, что на рубеже второго

⁴ Рейтинговая группа «RAEX». Предметные рейтинги вузов России. URL: <https://raex-rr.com/methods/597/>

⁵ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 29.09.2014 № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)». URL: <https://base.garant.ru/70807194/?ysclid=ltx76dsrw6754309233> (дата обращения: 13.02.2024).

и третьего десятилетия XXI в. Всемирный банк (The World Bank) развернул специальный проект, названный «Человеческий капитал»¹. В рамках этого проекта поддерживались различные тематические исследования, которые были ориентированы на выявление условий, способных обеспечивать защиту людей и осуществлять инвестиции в их развитие.

Разработчики характеризовали понятие «человеческий капитал», как совокупность знаний, умений и навыков, которые люди накапливают в течение жизни и используют для проявления себя в качестве продуктивных членов общества, в сочетании с показателями состояния здоровья. Более того, подчеркивалось, что инвестиции в людей путем улучшения качества питания, медицинской помощи, обеспечения качественного образования, создания рабочих мест и обучения профессиональным навыкам ведут к развитию человеческого капитала.

Компоненты человеческого капитала по-своему связаны с развитием биоэкономики. С одной стороны, разнообразные биопродукты (вакцины и другие биофармпрепараты, а также пищевые добавки и некоторые продукты питания) уже вышли на национальный и мировой рынок [12] и стали значимыми факторами в сохранении здоровья людей. С другой стороны, поскольку биоэкономика нуждается в квалифицированных кадрах, во многих странах происходят целенаправленные изменения в системах высшего образования [7; 13]. Биоэкономике в настоящее время определяют как «метасектор, который охватывает все секторы и системы, зависящие от биологических ресурсов, их функции и принципы» [14]. Обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков в области биоэкономики отнесено в настоящее время к числу национальных целей развития России².

Таким образом, в настоящее время биоэкономика представляется весьма широкой сферой деятельности, основанной на знаниях, о которой можно составить общие представления с помощью карты взаимосвязей между публикациями, аннотированными в БД PubMed и содержащих поиско-

вые слова «биоэкономика и знания» («bioeconomy & knowledge»). Из всех содержащих указанные поисковые слова и имевшихся в БД PubMed публикаций (за временной период с 2007 г. до 15 марта 2024 г.) были обнаружены и проанализированы метаданные 405 таких публикаций. Далее с помощью программы VOSviewer в автоматическом режиме был определен набор, содержащий 2479 ключевых слов, из которых после применения «порога» встречаемости величиной в 5 единиц (встречаемость как минимум в пяти публикациях) и после минимальной авторской корректировки осталось 72 слова. Затем программа VOSviewer сгенерировала результаты в виде двумерной диаграммы, которая представлена на рис. 1, где увеличение размерности шрифта ключевого слова (и соответствующего узла на рисунке) означает объем частотности указанного слова в выборке, а толщина линии связи обозначает тесноту связи между анализируемыми словами. Общее количество выявленных связей составило 556 при «общей силе связей» (total link strength) — 905, по [5]. Кроме того, с использованием программы VOSviewer в автоматическом режиме выделено шесть тематических кластеров (рис. 1).

Отмеченные выше тематические направления в развитии биоэкономики были использованы далее при составлении новой анкеты для анкетирования студентов российских вузов.

Использование компетенций (комплекса знаний, умений и навыков) для оценки готовности выпускника учебного заведения, освоившего образовательную программу образования, к профессиональной деятельности получило развитие в России ввиду продолжительной интеграции правил так называемого «Болонского процесса» в отечественную систему образования [15]. Впоследствии на государственном уровне были приняты федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), содержащие универсальные (УК) и общепрофессиональные компетенции (ОПК)³. Формирование третьего вида компетенций — профессиональных (ПК) отнесено к полномочиям организаций, реализующих образовательные программы. Оценка сформированности указанных трех видов компетенций определена как критерий готовности выпускника образовательной программы к профессиональной деятельности. Стоит отметить, что некоторые

¹ The World Bank 2020. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital>. (дата обращения: 18.02.2024).

² Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/70291362/?ysclid=ltx7371qn6337637241> (дата обращения: 15.03.2024).

Рис. 1. Диаграмма взаимосвязей между публикациями поисковые слова «биоэкономика и знания»

Fig. 1. Diagram of relationships between publications search words “bioeconomy & knowledge”

Источник: составлено авторами с использованием программы VOSviewer на материалах БД PubMed

вузы, имеют право самостоятельного определения образовательных стандартов и соответствующих компетенций¹.

Ввиду сопряжения ФГОС с отраслями экономики в целях исследования были изучены ОПК, содержащиеся во ФГОС по отобранным направлениям подготовки в области наук о жизни [6]. УК не подвергались детальному анализу по причине их общекультурного и личностного характера.

На основе анализа документов, регламентирующих ФГОС², был собран информационный мас-

сив данных об ОПК по направлениям подготовки и специальностям в области НЖ по уровням высшего образования: бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура. Всего проанализировано 56 ФГОС, из которых по направлениям бакалавриата — 19 ед., магистратуры — 18 ед., аспирантуры — 11 ед., по специальностям высшего образования — 8 ед.³

Важно отметить, что ОПК отличаются по уровням образования с точки зрения глубины подлежащих потенциальной оценке знаний, умений и навыков, однако определены в едином

<https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 20.10.2021 № 951 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111230037?ysclid=ltx7a6m82o64846146> (дата обращения: 01.02.2024).

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 11). URL: <https://base.garant.ru/70291362/?ysclid=ltx737lqn6337637241> (дата обращения: 15.03.2024); Указ Президента РФ от 05.07.2021 № 405 «Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по образовательным программам высшего образования» URL: <https://base.garant.ru/401431594/?ysclid=ltx74mbw91321648015> (дата обращения: 14.03.2024).

² Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата. URL:

направлении, что обеспечило возможность проведения группировки ОПК по следующим восьми блокам (рис. 2).

Профессиональные компетенции рассматривались при организации исследования как наиболее тесно сопряженные с потребностями рынка труда. По причине отнесения формирования ПК к компетенции образовательных организаций в целях исследования изучено более 50 образовательных программ в области наук о жизни двадцати отечественных вузов, лидирующих по предметному рейтингу «Биотехнологии и биоинженерия» рейтинговой группы «РАЕХ» 2023 года. Анализ полученного массива данных о ПК позволил проинвестировать их группировку (рис. 3).

Наряду с группировкой ОПК, ПК по отобранному ФГОС проведен сбор информации об областях профессиональной деятельности (ОПД). Проведенный анализ позволил суммировать и визуализировать связи между ОПД и отобранными направлениями подготовки и специальностям в области НЖ на различных уровнях образования, подготовка кадров по которым является наиболее существенной для развития биоэкономики с технологической точки зрения. Наиболее обширные взаимосвязи с отраслями экономики имеют на-

правления подготовки, отнесенные к укрупненной группе 19.00.00 Промышленная экология и биотехнологии, а также биологическим и химическим наукам. В качестве примера на рис. 4 представлены результаты сопряжения ФГОС и ОПД на примерах отдельных направлений подготовки по уровню бакалавриата.

Анализ отечественных публикаций и зарубежных исследований также показал, что имеются попытки сопряжения компетенций, которые могут быть получены обучающимися в процессе освоения образовательных программ, и технологическими инновациями. Так, при реализации подобного проекта в РФ были подготовлены документы стратегического характера, определялись ключевые технологические тренды, использовались методы анкетного опроса, а также интервью и т. д. [16]. В качестве другого примера можно отметить проект «Индекс цифровой грамотности», который предусматривает разработку специального индекса цифровых компетенций [17]. Однако опубликованные работы на современном этапе изучают в большей степени развитие именно цифровых компетенций на разном уровне ввиду наличия соответствующей государственной программы [17].

Блоки	Обобщенное описание
Базовые	Использование теоретического аппарата и понимание природы экономических процессов в области профессиональной деятельности
Исследовательские	Достижению результатов при участии в научных исследованиях
Технологические	Использование современных технологий и оборудования
Информационные	Использование информационных технологий для решения профессиональных задач
Проектные	Подготовка проектных решений в области профессиональной деятельности
Методические	Использование научных и практических методов работы, применение измерительных и аналитических инструментов, интерпретация полученных результатов
Организационно-управленческие	Применение на практике распорядительных документов, способность разработки и внедрения управленческих решений
Правовые	Применение нормативно-правовых документов, знание действующего законодательства, подготовка материалов для защиты интеллектуальной собственности

Рис. 2. Результаты анализа ОПК, установленных ФГОС по отобранным направлениям подготовки и специальностям в области наук о жизни

Fig. 2. Analysis results of general professional competencies established by the federal state educational standards for the selected areas of training and specialties in life sciences

Источник: составлено авторами

Блоки	Обобщенное описание
Базовые	Способность использования в практической деятельности
Сырьевые	Готовность определения целесообразности использования возобновляемого (биологического) сырья сообразно производственным задачам, способность применять техники ресурсосбережения;
Исследовательские	Владение основными методами исследований, в том числе экспериментальными, способность обобщения и представления их результатов
Технологические	Способность использовать передовые технологии, измерять параметры биотехнологических процессов, использовать технические средства для решения производственных задач, определять качество сырья и готовой продукции
Проектные	Способность участвовать в разработке биотехнологического проекта, в том числе междисциплинарного, его реализации; участия в разработке проектов биотехнологических предприятий
Методические	Владение методами определения качества сырья, готовой продукции и их свойств, способность использования аналитических методов с учетом достижений современного этапа развития наук о жизни
Организационно-управленческие	Владение механизмами применения систем менеджмента качества, способность применять документы федерального и регионального уровней и т.д.
Правовые	Способность применять нормы действующего законодательства, регламентирующего производство биотехнологической продукции, этические вопросы регулирования производства генетически-модифицированной продукции
Экологические	Способность учитывать экологические риски от использования биотехнологических решений
Продуктовые	Способность изучения, обоснования необходимости и внедрения продуктовых инноваций, применения технологий маркетинга

Рис. 3. Результаты анализа ПК, содержащихся в образовательных программах отечественных вузов, лидирующих по предметному рейтингу «Биотехнологии и биоинженерия»

Fig. 3. Professional competencies analysis results contained in the educational programs of Russian universities leading in the subject rating “Biotechnology and Bioengineering”

Источник: составлено автором

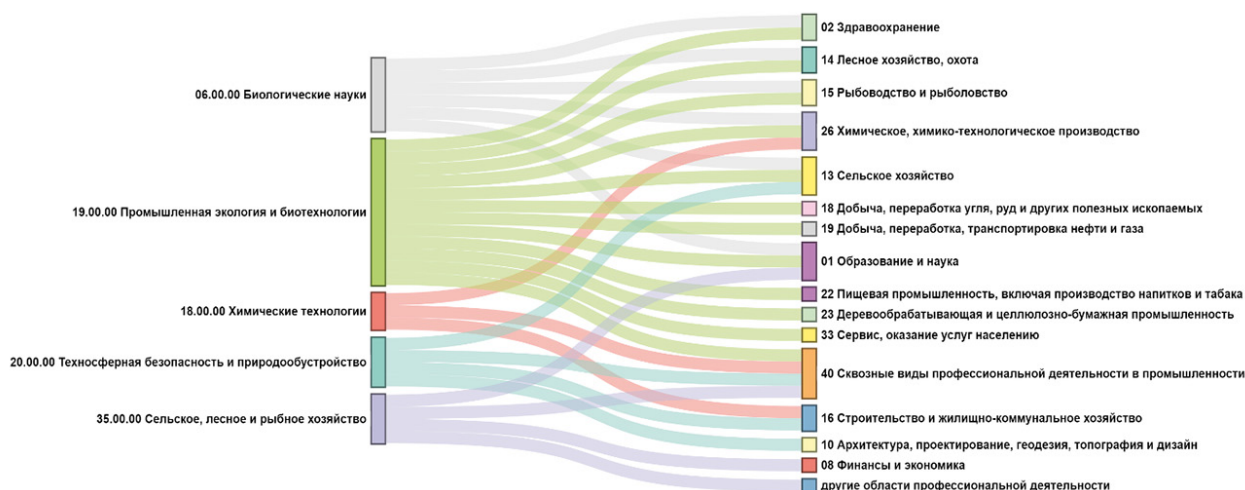

Рис. 4. Взаимосвязи направлений, специальностей подготовки кадров и областей профессиональной деятельности изученных ФГОС уровня бакалавриата

Fig. 4. Interrelationships of training areas and specialties and directions of professional activity studied federal state educational standards of the bachelor’s degree level

Источник: составлено авторами с использованием метода составления диаграмм по Сэнки и соответствующего онлайн сервиса (<https://sankeymatic.com/>)

По результатам проведенного анализа и для установления механизма трансляции наилучших практик подготовки кадров по регионам России, с целью формирования конкурентоспособного сектора биоэкономики в РФ представляется возможным выделить группы ключевых для развития биоэкономики компетенции (рис. 5).

Важно отметить, что при достаточно активном развитии подготовки специалистов-биотехнологов, экологов, химиков и других специалистов технического профиля, обладающих биотехнологическими компетенциями, подготовка профильных экономистов, финансистов, предпринимателей и управленцев весьма ограничена. В связи с этим, выделенные в группы ключевые компетенции для развития биоэкономики, могут способствовать подготовке квалифицированных кадров социально-гуманитарного профиля. Также предлагаемые ключевые компетенции могут позволить установить связи между системой образования и рынком труда, а также способствовать подготовке конкурентоспособных работников.

С учетом вышеизложенного, с целью получения обратной связи и для выяснения осведомленности обучающихся о направлениях развития биоэкономики в начале 2024 г. было проведено онлайн анкетирование. Оно проводилось с использованием анкеты из 15 вопросов, к каждому из которых предлагались на выбор ответы, содержавшие сведения о некоторых тенденциях в развитии биоэкономики и компетенциях, необходимых для участия в этой работе.

На рис. 6 представлены ответы обучающихся на вопрос о тематических направлениях, которые они изучали в процессе освоения образовательных программ. Вопрос предусматривал возможность множественного ответа, то есть респонденты выбирали как одну, так и несколько категорий из представленных в вопросе. Общее количество полученных ответов составило 1274.

Полученные данные свидетельствуют о том, что как минимум десять показанных на рис. 4 ключевых тематических направлений, отражающих некоторые тенденции развития биоэкономики, компетенции и запросы рынка труда, являлись предметами изучения. Соответственно, можно признать наличие во многих отечественных вузах принципиальных условий подготовки квалифицированных кадров для различных областей экономики, нуждающихся в использовании биотехнологий.

На рис. 7. представлены результаты ответов на вопрос о самооценках респондентов способностей к профессиональной деятельности по четырём нижеуказанным позициям. Ответ на вопрос предполагал выбор одного варианта ответа по каждой из предлагаемых позиций самооценки по пятибалльной шкале.

Как видно из рис. 7 более половины респондентов оценили свои способности к профессиональной деятельности как отличные или хорошие (5 и 4 баллов). Таким образом, можно было бы думать, что эти обучающиеся предполагают после завершения образования включиться в соответствующую производственную деятельность.

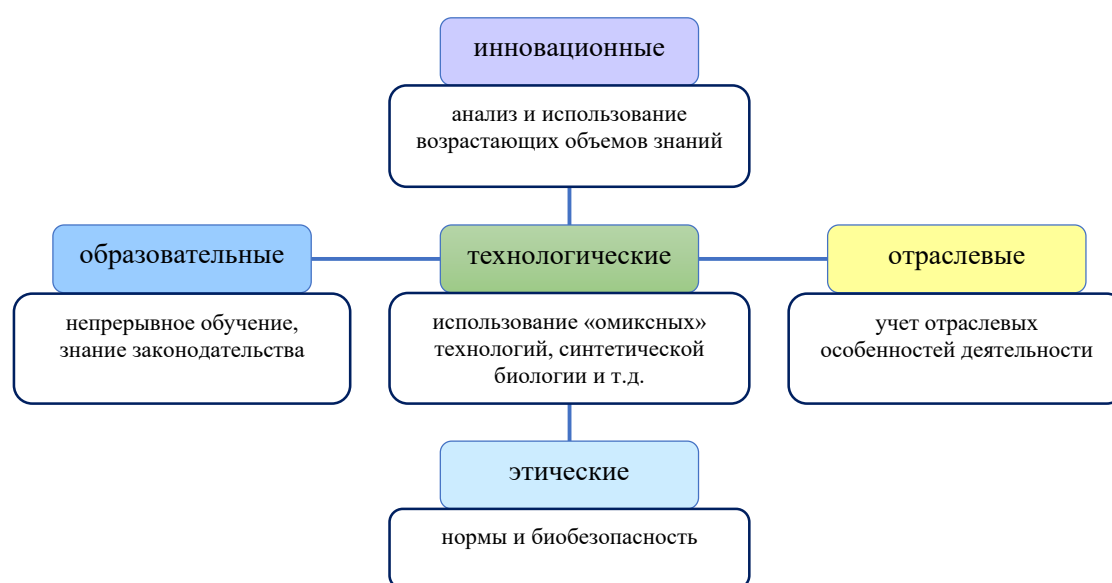

Рис. 5. Группы ключевых компетенций для развития человеческого капитала биоэкономики
Fig. 5. Key competence groups for bioeconomy human capital development

Источник: составлено авторами

Рис. 6. Результаты ответа на вопрос «Выделите тематические направления, которые Вы изучали в процессе освоения образовательной программы» (множественный выбор ответов)

Fig. 6. Results of answering the question “Highlight the thematic areas that you studied in the process of mastering the educational program” (multiple choice answers)

Источник: составлено авторами

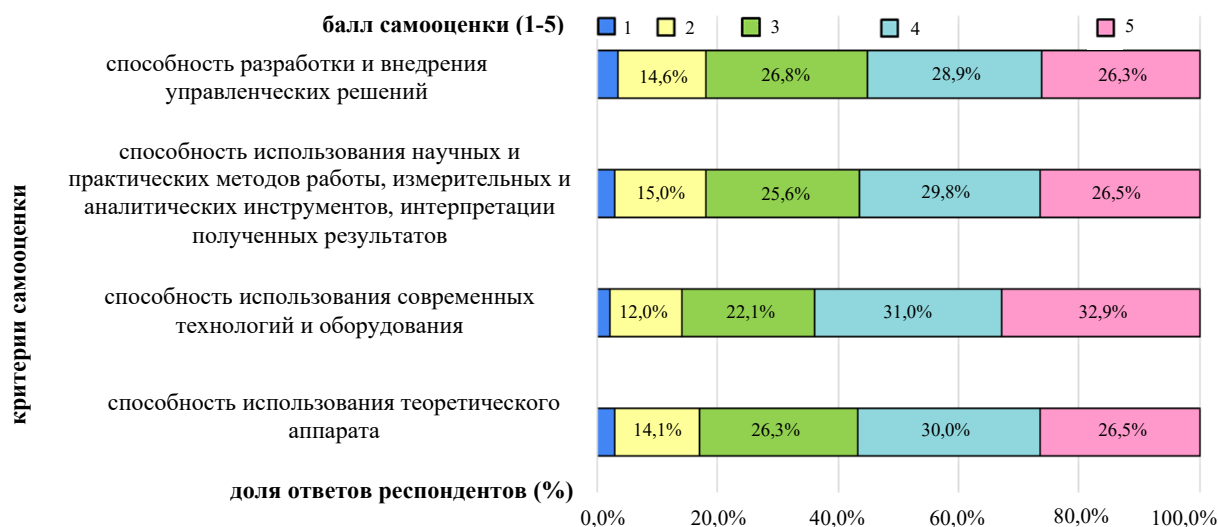

Рис. 7. Результаты самооценки респондентов по пятибалльной шкале, %

Fig. 7. Results of respondents' self-assessment on a five-point scale, %

Источник: составлено авторами

Однако на вопрос «рассматриваете ли Вы возможным после окончания вуза трудоустройство в организации, деятельность которой связана с созданием и/или использованием биотехнологий?» положительно ответили только 82 человека из 426. 174 респондента затруднились с ответом на данный вопрос, а 170 — ответили, что рассматривают другую сферу деятельности.

Возможно, что такие ответы связаны отчасти с тем, что подавляющее большинство респондентов обучались в бакалавриате. Иными словами,

у них ещё остаются перспективы выработать свое отношение к вопросу о трудоустройстве в процессе дальнейшей учебы.

Заключение

В настоящее время наблюдается впечатляющий прогресс в создании и использовании биотехнологий, прямым следствием которого стало возникновение особого вида хозяйственной деятельности, получившего название биоэкономика. С учетом этого для поддержания технологическо-

го суверенитета страны ключевое значение приобретает внедрение в практику соответствующих инновационных технологий и подготовка необходимых квалифицированных кадров, владеющих требуемыми компетенциями. Очевидно, что решение подобных задач может быть достигнуто в результате корректировки работы профильных вузов с целенаправленными изменениями образовательных программ.

Произведенный анализ подготовленного массива данных общепрофессиональных компетенций (ОПК), определенных ФГОС по направлениям подготовки кадров и специальностям, значимым для развития биоэкономики, позволил предложить группировку ОПК. Эта группировка, по нашему мнению, может быть полезна для обеспечения систематизации образовательных программ, ориентированных на освоение основ различных видов профессиональной биоэкономической деятельности. Проведенный с целью изучения специализации выпускников анализ ПК, содержащихся в образовательных программах ведущих профильных вузов РФ, позволил произвести обобщение и систематизацию ПК. Полученная группировка и сущностное наполнение выявленных блоков может способствовать снижению существующих региональных диспропорций в содержании образовательных программ и уровне подготовки кадров к осуществлению биотехнологической деятельности.

Показанное на отдельных примерах сопряжение направлений и специальностей подготовки кадров с областями профессиональной деятельности, что позволяет определить целевые для подготовки кадров отрасли и наглядно представить каскады взаимосвязей подготовки кадров и областей профессиональной деятельности для последующего развития биоэкономики.

Результаты изучения ОПК, ПК в их взаимосвязях с областями потенциальной профессиональной деятельности выпускников позволили выделить ряд ключевых для развития биоэкономики компетенций. Эти компетенции сформулированы с учетом необходимости распространения биотехнологических знаний не только среди естественнонаучных, инженерных, сельскохозяйственных, а также других направлений подготовки, но и их адаптации для социогуманитарных и общественных наук.

Отмеченные тенденции в развитии биоэкономики и компетенции, необходимые для участия в этой работе, были отражены в ряде ответов на вопросы анкеты, которая использовалась при онлайн опросе студентов 17 вузов. В целом проведенное анкетирование позволяет считать, что в нашей стране имеются общие условия для развития человеческого капитала, необходимого при формировании биоэкономики.

С учетом выше отмеченного можно думать, что полученные результаты найдут применение для становления биоэкономики в РФ.

Список источников

1. Van der Oost J., Patinios C. The genome editing revolution // *Trends in Biotechnology*. 2023. № 41 (3). P. 396–409. DOI: 10.1016/j.tibtech.2022.12.022.
2. Титова Е. С., Шишкин С. С., Штыхно Д. А. Биоэкономика — один из путей к устойчивому развитию регионов России // *Федерализм*. 2023. Т. 28, № 1 (109). С. 56–79. DOI: 10.21686/2073-1051-2023-1-56-79.
3. Белова И. А., Руденко Д. С. Человеческий капитал и доверие в образовательной системе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2023. № 8 (478). С. 8794. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-478-8-87-94.
4. Астромскиене А., Бабусенко Е. С., Баурин Д. В. [и др.]. Реформирование биотехнологического образования на основе Болонского процесса : методическое пособие : в 3 т. Т. 1. М. : Лаборатория знаний, 2016. 394 с.
5. Van Eck N. J., Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // *Scientometrics*. 2010. № 84 (2). P. 523–538. DOI: 10.1007/s11192-009-0146-3.
6. Титова Е. С. Подход к оптимизации подготовки кадров по наукам о жизни: применение метода таксономии // *Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки : сб. материалов X Международной научно-практической конференции (Москва, 26 июня 2023 года)*. М. : АЛЕФ, 2023. С. 54–63.
7. Титова Е. С., Шишкин С. С. Актуальные проблемы биоэкономики, роль постгеномных дисциплин. М. : Ваш формат, 2023. 406 с.
8. Титова Е. С. Методика выявления уровня осведомленности обучающихся об использовании биотехнологий в целях «зелёной» экономики // *Сборник докладов XXXIV Международной научно-*

практической конференция «Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения, инновации». М. : Алеф, 2023. С. 54–63.

9. Носс И. Н. Методы интерпретации эмпирических данных в психологическом исследовании, рефракции интерпретации и их контроль // *Человеческий капитал*. 2014. № 7(67). С. 16–22.

10. Мабиала Ж., Линский Д. В., Амирова Э. Ф., Афонасова М. А., Богомолова А. В. Качество человеческого капитала и его влияние на экономический рост регионов России // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2023. Т. 14, № 4. С. 654–679.

11. Cohee L. M. и др. The Role of Health in Education and Human Capital: Why an Integrated Approach to School Health Could Make a Difference in the Futures of Schoolchildren in Low-Income Countries // *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 2020. № 104(2). P. 424–428.

12. Титова Е. С., Шишкин С. С. Вакцины как продукт промышленных биотехнологий и особый товар на международном рынке биофармпрепаратов // *Международная торговля и торговая политика*. 2023. Т. 9, № 3 (35). С. 87–100.

13. Pender A., Kelleher L., O'Neill E. Policy coherence barriers and drivers: Perspectives from policy-makers and policy-takers in Ireland's bioeconomy // *EFB Bioeconomy Journal*. 2024. № 4. P. 100062. DOI: 10.1016/j.bioeco.2023.100062.

14. Gottinger A., Ladu L., Blind K. Standardisation in the context of science and regulation: An analysis of the Bioeconomy // *Environmental Science & Policy*. 2023. № 147. P. 188–200, DOI: 10.1016/j.envsci.2023.06.013.

15. Константинова Л. В., Шубенкова Е. В., Ворожихин В. В. и др. Перспективные направления трансформации высшего образования в России в условиях выхода из Болонского процесса // *Отчет о выполнении НИР*. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2023. 112 с.

16. Сигова С. В., Серебряков А. Г., Лукша П. О. Формирование перечня востребованных компетенций: первый опыт России // *Непрерывное образование: XXI век*. 2013. № 1 (1). С. 61–71.

17. Авилкина С. В. Компетентностный подход к оценке кадрового потенциала цифровой экономики региона // *Региональная экономика: теория и практика*. 2020. Т. 18. № 5 (476). С. 846–869. DOI: 10.24891/re.18.5.846.

References

1. Van der Oost J, Patinios C. The genome editing revolution. *Trends in Biotechnology*. 2023;41(3):396–409. DOI: 10.1016/j.tibtech.2022.12.022.

2. Titova ES, Shishkin SS, Shtykhno DA. Bioeconomy — one of the ways to sustainable development of Russian regions. *Federalizm = Federalizm*. 2023;1(109):56–79. DOI: 10.21686/2073-1051-2023-1-56-79. (In Russ.).

3. Belova IA, Rudenko DS. Human capital and trust in the educational system. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;8(478):8794. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-478-8-87-94. (In Russ.).

4. Astromskiene A, Babusenko ES, Baurin DV. et al. Reforming Biotechnology Education on the Basis of the Bologna Process, Methodical Manual, Vol. 1, Moscow, Laboratory of Knowledge, 2016. 394 p. (In Russ.).

5. Van Eck NJ, Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping. *Scientometrics*. 2010;84(2):523–538. DOI: 10.1007/s11192-009-0146-3.

6. Titova ES. An approach to optimizing life science training: application of the taxonomy method. Conference proceedings. “Contemporary Strategies and Digital Transformations for Sustainable Development of Society, Education and Science”. Moscow, Russia, 2023. Pp. 54–63. (In Russ.).

7. Titova ES, Shishkin SS. Actual problems of bioeconomy, the role of post-genomic disciplines, Moscow, VASH FORMAT, 2023. 406 p. (In Russ.).

8. Titova ES. Methodology for identifying learners' awareness of biotechnology using for green economy purposes. Conference proceedings. “Modern Scientific Research: Current Issues, Achievements, Innovations”. Moscow, Russia, 2023. Pp. 54–63. (In Russ.).

9. Noss IN. Methods of interpretation of empirical data in psychological research, refraction interpretation and their control. *Chelovecheskij kapital = Human capital*. 2014;7(67):16–22. (In Russ.).

10. Mabiaga G, Linskiy DV, Amirova EF et al. Human capital quality and its impact on economic growth of Russian regions. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023;14(4):654–679. (In Russ.).

11. Cohee LM et al. The Role of Health in Education and Human Capital: Why an Integrated Approach to School Health Could Make a Difference in the Futures of Schoolchildren in Low-Income Countries. *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 2020;104(2):424-428.
12. Titova ES, Shishkin SS. Vaccines as a product of industrial biotechnologies and a special commodity in the international biopharmaceuticals market. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika = International Trade and Trade Policy*. 2023;3(35):87-100. (In Russ.).
13. Pender A, Kelleher L, O'Neill E. Policy coherence barriers and drivers: Perspectives from policy-makers and policy-takers in Ireland's bioeconomy. *EFB Bioeconomy Journal*. 2024;(4):100062. DOI: 10.1016/j.bioeco.2023.100062.
14. Gottinger A, Ladu L, Blind K. Standardisation in the context of science and regulation: An analysis of the Bioeconomy. *Environmental Science & Policy*. 2023;(147):188-200. DOI: 10.1016/j.envsci.2023.06.013.
15. Konstantinova LV, Shubenkova EV, Vorozhikhin VV. et al. Perspective directions of transformation of higher education in Russia in the conditions of withdrawal from the Bologna process. Report on Research and Development, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, 2023. 112 p. (In Russ.).
16. Sigova SV, Serebryakov AG, Luksha PO. Formation of the List of Demanded Competencies: Russia's First Experience. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek = Lifelong education: the 21st century*. 2013;1(1):61-71. (In Russ.).
17. Avilkina SV. A Competency-Based Approach to Assessing the Human Resources of the Region's Digital Economy. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2020;5(476):846-869. DOI: 10.24891/re.18.5.846. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. С. Титова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник.

Е. В. Александрова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the authors

E. S. Titova — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher.

E. V. Aleksandrova — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов:

Е. С. Титова — выявление основных направлений развития биоэкономики; сбор данных, обобщение и группировка характеристик общепрофессиональных и профессиональных компетенций; организация, обработка и интерпретация результатов анкетирования обучающихся; подготовка рукописи и графических материалов.

Е. В. Александрова — организация анкетирования обучающихся, подготовка рукописи.

Contribution of the authors:

E. S. Titova — identification of the bioeconomy main directions development; data collection, generalization and grouping of general professional and professional competencies characteristics; organization, processing and interpretation of survey results; preparation of manuscript and graphic materials.

E. V. Aleksandrova — organization of student questionnaires, manuscript preparation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД A FRESH LOOK

*Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 161–166.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(10(492):161-166*

Научная статья

УДК 338.2

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-161-166

ПРОБЛЕМЫ ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ В РОССИИ

Дамиль Илдарович Низамов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, damil-much@mail.ru, 0000-0002-9685-1672

Аннотация. Вопрос регулирования деятельности естественных монополий на протяжении долгого времени является дискуссионным. В современной литературе рассматривают консенсус между саморегулированием (на рыночных началах) и регулированием государством данного сектора экономики. Цель работы — проанализировать наиболее важные проблемы тарифного регулирования государством деятельности субъектов естественной монополии в России. Для этого в работе проводится обзор нормативных документов, исследования научных авторов по тематике, в поле попадает исторический аспект развития естественных монополий в России. Результат проведенной работы — закрепление современной ситуации на отечественном рынке естественной монополии с целью проведения дальнейшего изучения по мере развития событий.

Ключевые слова: естественные монополии, конкуренция, тарифное регулирование, тариф

Благодарности. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Силовой Елене Сергеевне, кандидату экономических наук, доценту кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, за ценные советы при подготовке статьи.

Для цитирования: Низамов Д. И. Проблемы тарифного регулирования естественных монополий в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 161–166. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-161-166.

Original article

PROBLEMS OF TARIFF REGULATION OF NATURAL MONOPOLIES IN RUSSIA

Damil I. Nizamov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, damil-much@mail.ru, 0000-0002-9685-1672

Abstract. The issue of regulation of natural monopolies has been controversial for a long time. In modern literature, a consensus is considered between self-regulation (on market principles) and state regulation of this sector of the economy. The purpose of the work is to analyze the most important problems of tariff regulation by the state of the activities of natural monopoly entities in Russia. For this purpose, the work provides a review of regulatory documents, research by scientific authors on the topic, the historical aspect of the development of natural monopolies in Russia falls into the field. The result of the work is to consolidate the current situation in the domestic natural monopoly market with the aim of conducting further study as events unfold.

Keywords: natural monopolies, tariff regulation, tariff, competition

Acknowledgments. The author expresses gratitude to her scientific supervisor Elena Sergeevna Silova, candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Economics of Industries and Markets at Chelyabinsk State University, for valuable advice in preparing the article.

For citation: Nizamov DI. Problems of Tariff Regulation of Natural Monopolies in Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):161-166. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-161-166.

Введение

В ходе исторического процесса развития рынка сформировалось несколько основных его моделей. Теории о их действии закладывались философиями разных временных периодов и соответственно определенному состоянию рынка, которые заставили исследователи. Процесс эволюции знания занял около двух столетий с момента появления в свет книги А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» в 1776 г. Эволюция, как известно, — это процесс небыстрый, появление «нового» и уход в небытие «старого», не нашедшего внимания в меняющемся мире. Так, первые упоминания о рынке монополии отождествляют его с «врагом хорошего хозяйства» (рынка чистой конкуренции). Впоследствии, лишь в первой половине XX века, Дж. Робинсон выдвигает идею о том, что монополия может иметь иной «облик». Такие отрасли будут названы естественной монополией. Критерием определения того, что конкретная отрасль является естественной монополией, Робинсон определяет масштаб производства. Автор выдвигает идею о том, что некоторые отрасли более эффективно могут удовлетворить потребности в условиях отсутствия конкуренции [7]. На таких началах в наше время и образуются естественные монополии.

В современной России отрасли естественной монополии закрепляются законодательно. Целью этого, как считает закон, становится установление баланса интересов потребителей и субъектов естественных монополий, что позволяет обеспечить доступность товара и эффективное функционирование хозяйствующих субъектов¹. В реестре субъектов естественных монополий, который ведется Федеральной антимонопольной службой РФ (далее — ФАС РФ), насчитывается более 6 тысяч хозяйствующих единиц (на конец 2023 г.) в сферах предоставления коммунальных услуг (водоснабжение, водоотведение, теплоснабжение), обеспечения железнодорожных перевозок, захоронения радиоактивных отходов, транспортировки нефти, газа и других².

Вопрос регулирования естественной монополии зародился еще с момента появления предпосы-

¹ Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7578/ (дата обращения: 04.10.2023).

² Реестр субъектов естественных монополий / ФАС России. URL: <http://fas.gov.ru/pages/activity/tariffregulation/reestr-subektov-estestvennyix-monopolij.html> (дата обращения: 04.10.2023).

лок о существовании таковой «специфической» модели рынка, примерно в конце XIX века. Некоторые исследователи считают, что идея вмешательства государства в деятельность монополии появилась благодаря делу Верховного суда США «Манн против Иллинойса» (1876 г.), по решению которого правительства штатов были наделены правом регулирования тех отраслей экономики, которые влияют на «общественное» благо [5]. В России данная идея нашла отражение лишь в начале 1990-х гг., когда был принят закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности». На первых этапах документ имел ряд изъянов: отсутствовали точные формулировки основных понятий, устанавливались низкие штрафные санкции для нарушителей антимонопольных правил, что не приводило к снижению монополизации рынка, и другие. С тех пор законодательство изменилось: наравне с утверждением методики расчета штрафов было произведено совершенствование механизма ценообразования, обращено внимание на регулирование деятельности естественных монополий [9].

На протяжении долгого времени ведутся дискуссии о необходимости регулирования естественных монополий. Одни считают, что вмешательство государства лишь вредит — этот процесс влечет дополнительные затраты [8]. Другие понимают под данным вмешательством механизм воздействия на экономику через систему регулируемых цен, что является «эффективным дополнением к государственному регулированию экономики» [3].

По мере развития, в современной литературе данный вопрос начинает рассматриваться несколько по-другому. Складывается понимание, что регулирование естественных монополий в некоторых сферах все же необходимо. На первый план выходит исследование того, как добиться большей эффективности и меньших «издержек» от деятельности монополий: рассматриваются идеи внедрения конкуренции, конкретизируются цели и разрабатываются методы регулирования, изучаются его критерии [1]. Работа приобретает формат анализа проблем монополии, предлагаются варианты их решения.

В данной работе **целью** является исследование некоторых проблем регулирования деятельности субъектов естественных монополий. Тема является актуальной среди всех слоев населения: потребителей продукции естественных монополий, ученых и государственных органов. Ее значимость подчеркивает и президент Российской

Федерации Указом «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» от 27 октября 2020 г.

Характеристика предмета исследования

Исследование вопроса установления эффективного регулирования над сферами, именуемыми естественной монополией, лежит в определении проблем таковой модели рынка, то есть монополии. Среди них: монопольная цена, слабые стимулы к развитию, возможность субъекта злоупотреблять своим положением и другие.

В рамках данной статьи более тщательно мы остановимся на изучении ценообразования на естественно-монопольном рынке в России как одной из проблем регулирования деятельности хозяйствующих субъектов данного рынка.

Важным понятием в этой связи является монопольная цена, под которой понимают цену на товары и услуги, формируемую монополистом. Ее особенность состоит в том, что она образуется не на рынке, а единолично компанией. Такой принцип, по сути, является «рычагом» в руках владельца монополии, а потому нередко приводит к тому, что цены на его продукцию кажутся несправедливо завышенными. Отсюда одним из изъянов монопольного рынка является неоднозначность определения цены на товары и услуги поставщика в силу отсутствия конкуренции. В ситуации, когда государство признает деятельность естественной монополии, ценообразование на данном рынке становится предметом дискуссий, встает вопрос, как организовать сбалансированные цены на товары монополии.

В Федеральном законе РФ «О естественных монополиях» присутствует положение о методах регулирования деятельности субъектов естественных монополий, которое в том числе включает и ценовое регулирование, «осуществляемое посредством установления тарифов»¹. Под тарифом понимается способ установления цены на товары поставщика — субъекта естественной монополии. Для его расчета производится поиск оптимального для потребителя и хозяйствующего субъекта решения (цены), что требует тщательного анализа. От тарифа зависит многое: как уровень удовлетворения потребностей потребителей, так и состояние экономики в целом. Так, изучение ценообразования на естественно-монопольном рынке

¹ Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7578/ (дата обращения: 04.11.2023).

становится важным звеном в общем исследовании проблем регулирования деятельности субъектов данного рынка.

Анализ проблем тарифного регулирования естественных монополий в России

Исторически сложилось, что естественные монополии в России возникли как необходимость решить проблему масштаба страны, требующей концентрации управления некоторыми отраслями в рамках единой структуры. Вместе с тем опыт подсказывает, что естественные монополии склонны злоупотреблять своим положением, варьируя цены на услуги, а потому способствуют усугублению диспропорции в социально-экономическом плане регионов [6]. Работа антимонопольных органов в последние годы в этом плане приносит лишь положительные результаты: с годами происходит снижение общего числа правонарушений в области антимонопольного законодательства², в том числе по причине создания «дорожной карты» по Указу Президента РФ³.

Обратной же стороной тарифного регулирования в РФ по-прежнему остается его непрозрачность и в некоторых аспектах «несовершенство», что показывают статистика и наблюдения исследователей.

В 2021 году Федеральной антимонопольной службой РФ была анонсирована разработка концепции единого тарифного законодательства, который закрепил бы процедуры и регламенты установления тарифов, рассмотрения споров и другие положения, которые позволяли бы сделать тарифное регулирование более открытым. Реализация идей той концепции ведется уже на протяжении нескольких лет, но существенных результатов пока нет.

Рассматривая специфику российского рынка, можно выделить ряд особенностей конкурентной и отраслевой сред. Например, уровень развития конкуренции в некоторых отраслях российского рынка находится на довольно низком уровне. Говоря о естественных монополиях, опыт развитых стран в их отношении показывает, что внедрение конкуренции на данном рынке возможно и поло-

² Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год. URL: <https://fas.gov.ru/documents/b-n-3609af5f-7476-4122-bb77-d04c49d96ca7> (дата обращения: 22.11.2023).

³ Указ Президента РФ от 21 декабря 2017 г. N 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции». URL: <https://base.garant.ru/71839482/> (дата обращения: 23.11.2023).

жительно сказывается для всех его участников — необходимо тщательно подходить к анализу той или иной отрасли и допускать, где это возможно, наличие соперничества [4]. Данные идеи нашли отражение в Указе Президента РФ¹ и в их исполнение был разработан план мер по развитию конкуренции в отдельных сферах естественной монополии: в 2018 году Распоряжением Правительства РФ была утверждена «дорожная карта» по развитию конкуренции в отраслях экономики РФ. По итогам работы, в 2020 году некоторые планируемые результаты были достигнуты. Например, синхронизация цен на важнейшие лекарства с ценами в сопоставимых для России странах. В сфере нефти обеспечено развитие рыночных механизмов ценообразования и т. д. Однако, как указано в официальном докладе ФАС РФ, по-прежнему остается нерешенным ряд других задач: не во всех сферах естественной монополии обеспечены прозрачность и долгосрочность тарифного регулирования, а также не исключена тарифная дискриминация² — на этом делался акцент еще в концепции единого тарифного закона³. Таким образом, по-прежнему основными проблемами, связанными с развитием конкуренции и созданием условий соблюдения его принципов, являются проблемы ценообразования.

Говоря о методах расчета тарифов в России, можно отметить, что уже на протяжении десяти лет их регулирование производится по принципу «инфляция минус». Его суть заключается в индексации тарифов на следующий период на уровень меньший, чем прирост инфляции. Такая стратегия позволяет предотвратить ситуацию, в которой компании-монополии были бы вынуждены сокращать затраты в условиях дисбаланса между значительным ростом расходов и менее быстрым — доходов (согласно исследованию ИПЕМ)⁴. Од-

нако в таких условиях становится непонятным, действительно ли рост тарифов обусловлен ростом издержек производства. В условиях слабой прозрачности тарифного регулирования данный вопрос является насущным.

Между тем, «инфляция минус», как показала практика, имеет еще одну негативную сторону: индексация тарифов по данному принципу может препятствовать замедлению роста инфляции. В условиях нестабильности экономики ожидаемы недовольства со стороны компаний-монополий. Ситуация 2013 года показала, как лобби монополистов может оказаться сильнее государственной власти — тогда правительству пришлось смягчить позицию и «принести в жертву» население⁵. Речь идет об увеличении тарифов.

Естественные монополии в России — довольно крупные структуры. За время их пребывания на рынке их позиция сильно укоренилась: заметно, как реформы в сфере антимонопольного законодательства проходят «тяжелый» процесс внедрения. Между тем, на законодательной основе описанные проблемы так или иначе «озвучиваются». Предпринимаются попытки осуществить поставленные задачи, однако это требует больших времени и ресурсов.

Заключение

М. Айрапетян говорит о том, что Россия — страна «догоняющей адаптации» к мировым циклам [2]. Данное выражение описывает низкую скоротечность изменений на российском рынке и, таким образом, характеризует ее особенность.

Исходя из затронутых вопросов в работе, основными проблемами регулирования деятельности субъектов естественной монополии в России становятся проблемы, связанные с тарифным регулированием. Среди них: «старые» методы расчета тарифов, неполное исключение тарифной дискриминации, не во всех сферах обеспечивается долгосрочность тарифного регулирования. При отсутствии должной прозрачности это составляет трудность в реформировании данного сектора экономики.

В работе были рассмотрены основные проблемы, связанные с ценами (тарифами) на рынке естественной монополии. В дальнейшем, в ходе развития событий, к данной теме можно вернуться с целью прослеживания изменений. Кроме того,

¹ Указ Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции». URL: <https://base.garant.ru/71839482/> (дата обращения: 23.11.2023).

² Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год // ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/documents/b-n-3609af5f-7476-4122-bb77-d04c49d96ca7> (дата обращения: 04.01.2024).

³ ФАС в СМИ: в ФАС подготовили единое тарифное законодательство // ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/23085>.

⁴ Рост тарифов на ЖКУ в декабре 2022 года — экспертное мнение ИПЕМ // Институт проблем естественных монополий. URL: <https://www.ruscable.ru/other/20230206ipem.pdf> (дата обращения: 13.12.2023)

⁵ Тарифный парадокс: формула «инфляция минус» уведет инфляцию в плюс // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20130919/964512152.html> (дата обращения: 13.12.2023).

как отмечает ФАС РФ, «не все ожидаемые результаты удалось достичь за три года действия Национального плана («дорожной карты»), в связи с чем работа по ним требует продолжения»¹. 2 сентября

¹ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год // ФАС России. URL:

2021 г. Правительством РФ было издано распоряжение об утверждении новой «дорожной карты» на 2021–2025 гг. По мере наполнения информацией, возможны новые наработки в данной сфере.

<https://fas.gov.ru/documents/b-n-3609af5f-7476-4122-bb77-d04c49d96ca7> (дата обращения: 22.11.2023).

Список источников

1. Белоусова Н., Васильева Е., Лившиц В. О государственном реформировании естественных монополий в экономике России // Общество и экономика. 2012. № 1. С. 20.
2. Бенц Д. С. Монополия vs. конкуренция: идеология современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 216–221. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10326.
3. Брашин Р. М. Необходимость государственного вмешательства в процесс регулирования деятельности естественных монополий в региональной экономике // Транспортное дело России. 2012. № 6. С. 32–33.
4. Егорова М. А. Мировой опыт регулирования деятельности естественных монополий // Экономика и социум. 2019. № 1 (56). С. 475–481.
5. Краснова Т. А. Организационно-экономический механизм тарифного регулирования естественных монополий // Экономика. Право. Инновации. 2022. № 4. С. 48–57.
6. Малинникова Е. В. Зарубежный опыт регулирования естественных монополий // Экономический журнал Высшей школы экономики. 1998. № 3. С. 342–357.
7. Низамов Д. И. Теория конкуренции: история развития представлений о моделях рынка // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 8 (478). С. 292–298. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-478-8-292-298.
8. Познер Р. Экономический анализ права / пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева. М. : Экономическая школа, 2004. 1004 с.
9. Силова Е. С. Антимонопольная политика или антимонопольная религия? // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 146–149. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11116.

References

1. Belousova N, Vasil'eva E, Livshic V. On state reform of natural monopolies in the Russian economy. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*. 2012;(1):20. (In Russ.).
2. Benz DS. Monopoly vs. competition: ideology of modern Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;3(425):216-221. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10326. (In Russ.).
3. Brashchin RM. The need for government intervention in the process of regulating the activities of natural monopolies in the regional economy. *Transportnoe delo Rossii = Transport business of Russia*. 2012;(6):32-33. (In Russ.).
4. Egorova MA. World experience in regulating the activities of natural monopolies. *Economika i socium = Economy and society*. 2019;1(56):475-481. (In Russ.).
5. Krasnova TA. Organizational and economic mechanism of tariff regulation of natural monopolies. *Economika. Pravo. Innovacii = Economy. Law. Innovation*. 2022;(4):48-57. (In Russ.).
6. Malinnikova EV. Foreign experience in regulating natural monopolies. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = HSE Economic Journal*. 1998;(3):342-357. (In Russ.).
7. Nizamov DI. The theory of competition: the history of the development of ideas about market models. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;8(478):292-298. (In Russ.).
8. Pozner R. Economic analysis of law. Levin (Ed.). Moscow, Economic School; 2004. 1004.
9. Silova ES. Antitrust policy or antitrust religion? *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;11(433):146-149. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11116. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. И. Низамов — студент.

Information about the author

D. I. Nizamov — Student.

Статья поступила в редакцию 27.01.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 27.01.2024; approved after reviewing 15.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 338.35

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-167-173

ИНКЛЮЗИВНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНТЕРФЕЙСОВ: МЕТОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Арина Андреевна Волкова

Национальный исследовательский университет ИТМО, ООО «Норбит», Санкт-Петербург, Россия, arin.volk2@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются методы инклюзивного (универсального) проектирования интерфейсов цифровых продуктов как способ повышения качества и доступности взаимодействия данного вида продуктов с пользователями, имеющими различные возможности и индивидуальные потребности. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием и увеличением количества цифровых продуктов и необходимостью улучшения пользовательского опыта для всех пользователей, вне зависимости от их индивидуальных особенностей. Таким образом, целью исследования является анализ существующих методов универсального проектирования цифровых интерфейсов и определение перспектив развития инклюзивности в целом. Чтобы достичь поставленной цели автор выполнил следующие задачи: выделил существующие методы инклюзивного проектирования; проанализировал методы на предмет эффективности и доступности для различных инклюзивных групп; обозначил существующие проблемы, на основании анализа определил векторы перспективного развития к принципам инклюзивного проектирования эргономичного дизайна и предложил собственное пользовательское решение для определенной группы лиц. На данный момент можно отметить, что большое количество приложений или веб-сайтов не адаптированы под инклюзивные группы пользователей, что естественным образом снижает их вовлеченность и интерес к использованию цифровыми продуктами, поэтому реализация адаптационного инклюзивного проектирования цифровых интерфейсов позволит пользователям с особенностями различного характера интегрироваться и легко адаптироваться в цифровом мире, обеспечить комфортное и безопасное пользование с вышеописанными продуктами. Также если говорить о преимуществах для бизнеса, то компании смогут дополнить новый сегмент целевой аудитории, повысить конкурентоспособность и выполнить социальную миссию компании.

Ключевые слова: дизайн, инклюзивность, интерфейс, методы, пользовательский опыт, проектирование, цифровые продукты

Для цитирования: Волкова А. А. Инклюзивное проектирование цифровых интерфейсов: методы и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 167–173. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-167-173.

Review article

INCLUSIVE DESIGN OF DIGITAL INTERFACES: METHODS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Arina A. Volkova

ITMO University, “Norbit”, Saint Petersburg, Russia, arin.volk2@gmail.com

Abstract. This article discusses methods of inclusive (universal) interface design of digital products as a way to improve the quality and accessibility of interaction of this type of products with users who have different capabilities and individual needs. The relevance of the study is due to the rapid development and increase in the number of digital products and the need to improve the user experience for all users, regardless of their individual characteristics. Thus, the aim of the study is to analyze the existing methods of universal design of digital interfaces and to identify the perspectives of inclusivity in general. In order to achieve this goal, the author performed the following tasks: highlighted the existing methods of inclusive design; analyzed the methods for effectiveness and accessibility for different inclusive groups; identified existing problems and based on the analysis identified vectors of prospective development to the principles of inclusive design of ergonomic design and proposed its own user experience solution

for a certain group of individuals. Accordingly, at the moment it can be seen that a large number of applications or websites are not adapted to inclusive user groups, which naturally reduces their involvement and interest in the use of digital products, so the implementation of adaptive inclusive design of digital interfaces will allow users with different characteristics to integrate and easily adapt in the digital world, to ensure comfortable and safe use of the above products. Also, if we talk about business benefits, companies will be able to get a new segment of target audience, improve competitiveness and fulfill the social mission of the company.

Keywords: design, inclusivity, interface, methods, user experience, design, digital products

For station: Volkova AA. Inclusive Design of Digital Interfaces: Methods and Development Prospects. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):167-173. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-167-173.

Введение

Стремительное развитие технологий играет важную роль при обмене информацией человека с различными цифровыми продуктами, ресурсами или системами. Данное взаимодействие с таким типом продукта происходит за счет ключевого элемента — интерфейса. Например, при помощи качественных и интуитивно понятных интерфейсов пользователи быстро и эффективно удовлетворяют свои потребности, не испытывая при этом никаких сложностей, а бизнес в свою очередь увеличивает сегмент аудитории или повышает лояльность существующей. В случае, когда пользователь имеет ограниченные физические, моральные, физиологические особенности, которые могут быть как постоянными, временными так и ситуативными, тогда в отношении данных ситуаций процесс взаимодействия с цифровыми продуктами усложняется так, как в таких случаях необходима более детальная проработка интерфейсов, которая учитывает особенности данной группы лиц. Зачастую инклюзивное проектирование останавливается на возможности увеличения шрифта или функции голосового набора для слабовидящих пользователей, но есть и другие особенности и потребности, которые также важно учитывать при проектировании интерфейсов.

Интерес к теме инклюзивности стремительно развивается так, как люди становятся более требовательными, внимательными и что важно более осознанными. В таком случае бизнесу для того, чтобы сохранить репутацию приходится реагировать на потребности пользователей и создавать продукты максимально удобными для любой категории людей. Но в большинстве случаев из-за неопытности или низкого уровня знаний у специалистов в данной сфере, а также из-за ограничения финансовых, временных и других ресурсов реализация инклюзивного проектирования интерфейсов является сложно выполнимым и трудоемким процессом с неэффективным результатом. Но рынок адаптируется в ногу с технологическим прогрессом и активно растущей тенденцией

на инклюзивность, что провоцирует компании создавать цифровые интерфейсы эргономичными для широкого круга пользователей независимо от их физических, социальных и других особенностей.

На данный момент тема инклюзивного проектирования в научных изданиях не пользуется популярностью для исследований, но все же тот литературный обзор, который был проведен, показывает общую картину по теме инклюзивности. Основой для исследования значимости инклюзивного проектирования цифровых интерфейсов стали научные работы И. П. Бурукина, А. Э. Привалов, которые рассмотрели новые подходы к проектированию интерфейсов на основании цифровых продуктов, обладающих когнитивной нагрузкой [1], а Л. Ф. Тагилова, Т. М. Зубкова исследовали проблемы персонализации интерфейса прикладных программ к индивидуальным особенностям пользователей на основании нейросетей [2]. М. О. Грибанова в своей научной статье обозначила особенности дизайн продвижения в сфере инклюзивных сообществ и проанализировала принципы инклюзивного дизайна [3]. Т. Е. Давыдова исследовала деятельность банков на определение инклюзивного дизайна продукта и услуг, а также предложила векторы развития в данных направлениях [4], а В. К. Антонова, М. Ю. Александрова, Д. И. Присяжнюк, Т. А. Рябиченко рассмотрели взаимосвязь инклюзивных норм и практик от размера компаний и выявили, что в больших и малых компаниях вопросам инклюзивности уделяется больше внимания, чем в средних [5]. В свою очередь А. Н. Городищева, В. Г. Кузнецов в научном исследовании сделали упор на свойства объектов универсального дизайна в цифровой библиотеке и выявили, что создание библиотеки объектов доступного дизайна должна предшествовать реализации дизайн-проекта, также необходимость участия большого количества специалистов влияет на качество выполнения процесса [6]. А. А. Кошелева рассмотрела социальный аспект дизайн-проектирования, а также ценность

и роль инклюзивности [7]. Э. К. Наберушкина, Е. А. Радченко, Е. Р. Мирзаева проанализировали зарубежные источники и понятия инклюзивного дизайна, что позволило им выработать авторское определение [8]. Уваров Н. Ю., проанализировав историю развития доступного дизайна в СССР сделал выводы о том, что данный тип проектирования имеет интернациональный характер и фокус, направленный на деликатную интеграцию различных слоев населения [9]. М. В. Урбанович, К. А. Ковалева проанализировали существующие принципы доступного дизайна и на основании анализа предложили свод правил и рекомендаций [10].

Соответственно целью научного исследования является исследование существующих методов инклюзивного проектирования цифровых интерфейсов и определение перспективных векторов развития инклюзивности в целом. Объектом исследования являются цифровые интерфейсы, а предметом — методы и перспективы инклюзивного проектирования.

Таким образом, можно сформулировать гипотезу о том, что реализация адаптационного инклюзивного проектирования интерфейсов цифровых продуктов позволит улучшить доступность и взаимодействие для пользователей с различными возможностями и потребностями.

Чтобы достигнуть поставленной цели, необходимо поставить задачи выполнения, которых приведет к получению качественного результата. Задачами исследования являются:

- описать существующие методы инклюзивного проектирования;
- проанализировать методы на предмет эффективности и доступности для различных групп и обозначить существующие проблемы;
- на основании анализа определить перспективы развития инклюзивного проектирования цифровых интерфейсов и предложить собственный метод для определенной группы лиц.

Результаты и их обсуждение

На просторах Интернета достаточно большое количество информации о том, как необходимо проектировать интерфейсы для того, чтобы они были не только визуально привлекательными, но и максимально удобными для пользователей. Но на данный момент времени не все компании видят ценность и необходимость учитывать потребности пользователей, которые выходят за привычные рамки. Существует руководство по обеспечению доступности веб-контента WCAG (Web

Content Accessibility Guidelines), в котором описаны базовые правила для оформления веб-контента, которые составлены исключительно с точки зрения минимального снятия барьера между пользователем и веб-ресурсом¹. Также каждая рекомендация в руководстве имеет определенный уровень соответствия доступности (Уровень А — базовые функции доступа, уровень AA — наиболее распространенные барьеры, уровень AAA — наивысшая доступность). В данном своде правил не идет речи о комфорте и удобстве при взаимодействии с цифровыми продуктами.

Инклюзивный дизайн — это не только про удобство, комфорт и минимальных стресс от пользования с продуктом, но это также и про возможность пользователя адаптировать цифровой ресурс под свои потребности. Пример такого процесса является отключение какой-либо движущиеся анимации на экране у пользователя, который имеет неврологические заболевания. Такая функция позволит данной категории пользователей чувствовать себя спокойно и выполнять те действия, которые были заложены в рамках посещения клиентом определенного цифрового продукта.

Перед тем как рассматривать основные методы, которые выделяют как наиболее эффективные для создания цифровых интерфейсов для пользователей с ограниченными возможностями, определим какие категории людей состоят в инклюзивной группе. Как уже описывалось выше люди с ограниченными возможностями могут иметь не только постоянный характер, но также ситуативный и временной. Пользователи, которые постоянно испытывают необходимость в удовлетворении своих потребностей, являются основной инклюзивной группой. К такой категории относятся люди с полной или частичной слепотой, близорукостью или дальнозоркостью, дальтоники, глухонемые или те, кто имеет какие-либо деформации или отсутствие конечностей. Ситуативное состояние пользователя — это то, состояние, которое обладает коротким периодом времени и имеет определенные условия для возникновения. К примеру, пользователь возвращается домой с магазина, в одной руке несет тяжелый пакет, а в другой поводок от собаки, или едет за рулем автомобиля, или находится в месте, где громко играет музыка. Временное состояние — это состояние, когда человек имеет более длительное, но не постоянное

¹ Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.1 URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG21/#resize-text> (дата обращения 20.04.2024).

ограничение в своих возможностях. К такой категории можно отнести пользователей с гипсом, воспалением уха или временными проблемами со зрением. Таким образом, инклюзивный цифровой дизайн интерфейса продукта должен быть аккуратным и точным, содержать правильно сформированные пользовательские сценарии и обеспечивать понятный доступ к функциональности и информации, содержащиеся на цифровом ресурсе.

Рассмотрим методы, которые позволяют облегчить жизнь людей с ограниченными возможностями при повседневном взаимодействии с цифровыми интерфейсами. Так, например компания «Сбер Банк» описывает в своем цифровом гайдлайне для дизайнеров суть и ценность методов, а также приводят пример того, как они настроили это у себя в компании¹. Некоторые из рассмотренных методов были взяты из цифрового гайдлайна.

Метод качественного масштабирования. Целью данного метода является корректное отображение информации при максимальном увеличении контента на странице. Различные компании уже активно применяют данный метод и детально прорабатывают все элементы на экране, которые впоследствии должны быть качественно увеличены или наоборот. У пользователя должна быть возможность выбора масштаба отображаемой информации на странице при этом она должна оставаться читаемой и удобной в пролистывании. В основе данного метода служит адаптивная верстка под различные виды устройств.

Метод адаптации. Данный метод основывается на том, чтобы пользователь, находясь на странице быстро понимал смысл и структуру, а затем мог выполнить поставленную задачу. Реализация метода происходит за счет следующих приемов: четкая иерархия заголовков на странице (порядок размерности от крупного к мелкому); оптимальное отношение интерлиньяжа к кеглю шрифта; длина строки должна быть комфортной для чтения (от 45 до 75 символов); наличие удобочитаемых шрифтов без декоративных элементов; наличие нескольких способов навигации по ресурсу; дизайн интерфейса подсказывает и приводит пользователя к ключевой информации; возможность включения субтитров, текстовой расшифровки; минималистичные и понятные изображения иконок.

¹ Цифровой гайдлайн для разработчиков и дизайнеров от ПАО «Сбербанк» URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/redirected/person/digital_guideline2/assets/index.html (дата обращения 20.04.2024).

Метод визуального дизайна. Соблюдение правил данного метода позволит пользователям с нарушением зрения читать информацию на странице максимально комфортно. Контент должен быть достаточно контрастным по отношению к фону. Контрастность отслеживается при помощи различных плагинов, где оптимальный коэффициент должен составлять 4,5:1 (согласно WCAG), а для иконок рекомендован контраст не менее 3:1 (согласно WCAG). Исключением являются элементы, выполняющие декоративную составляющую (логотипы, графические элементы) или неактивные контролы. В отношении текста размер шрифта должен быть оптимальным. Пользователь, допуская трудность в удобочитаемости должен иметь возможность самостоятельно увеличивать шрифт, где при помощи адаптивной верстки размер увеличивался пропорционально кеглю (метод масштабирования). Также тексты, которые имеют декоративные элементы, трудно воспринимаются не только людям инклюзивных групп, но и зачастую тем, кто себя к ним не относит. Работа с цветом является одной из самой важной составляющей качественного дизайна интерфейса. К примеру, пользователь имеет нарушения цветового восприятия, соответственно, если ошибка в заполняемой веб-форме подсветилась только цветом он об этом не узнает. Поэтому изменения цвета важно, но недостаточно для соблюдения инклюзивности, таким образом важно описывать действие того, что конкретно пошло не так. В случае с полностью незрячими людьми использование данных методов не помогут. Для такой категории людей существуют скринридеры, которые зачитывают текст на экране. Но для качественной работы данной программы необходима структурированность на экране и чистота в работе разработчика в коде так, как необходимо описывать каждый alt-текст и тип элемента.

Метод бесшовной навигации. Данный метод помогает ориентироваться пользователю на цифровом ресурсе, не испытывая никаких трудностей и стресса. Последовательное размещение навигационных элементов в приоритетном иерархическом порядке обеспечивает плавное перемещение по цифровому продукту, не перегружая большим объемом контента. Также визуальные подсказки, которые описаны в следующем методе являются частью в обеспечении интуитивно понятной навигации.

Метод правильных подсказок. К примеру, пользователь имеет проблемы с памятью, признаки деменции и тогда в таких и подобных ситуациях

важно помочь пользователю избежать ошибок. Для этого необходимо использовать правильные подсказки, а именно: понятные подписи к полям ввода, которые не исчезают даже после заполнения; наличие плейшолдера; корректные инструкции к ошибкам; подписи, предотвращающие ошибки (уведомление о включенном CAPS LOCK или неправильной раскладке клавиатуры).

На основании проведенного анализа автор предложил собственный метод — метод жестов, который позволяет определенной категории инклюзивной группы взаимодействовать с цифровыми продуктами без прямого контакта с экраном.

Метод жестов. Данный метод подразумевает использование технологии распознавания жестов. Эта технология обеспечивает взаимодействие пользователя с продуктом без использования устройств-манипуляторов или экранных клавиатур. На данный момент используются жесты для скроллинга, увеличения масштаба, поворота изображения и так далее. Но в данном методе идет речь об отсутствии контакта с экраном. Например, пользователь плохо или совсем не слышит, зачастую данная инклюзивная группа умеет воспринимать текст, но для комфорта и привычных действий для общения они используют язык жестов. Таким образом, возможность преобразования жестов в текст и наоборот ускорит процесс общения между пользователями разных социальных статусов. Данный метод реализуется путем добавления функций видео-отображения текста в жесты и наоборот запись жестов и их преобразование в текст. Разработка и применение предложенного метода может увеличить финансовые затраты компании, которая нацелена на его использование.

Представленные методы тем или иным образом созданы для того, чтобы облегчить путь взаимо-

действия пользователя с цифровым продуктом. Невозможно реализовать метод, который будет покрывать потребности каждого из представителей той или иной категории пользователей. Но при разработке устанавливаются задачи и решения того, как именно данный метод может помочь пользователю, какую проблему он будет решать и какой категории людей в первую очередь он может помочь (табл. 1).

Заключение

Рынок активно развивается, количество цифровых и инновационных продуктов стремительно растет, а потребности пользователей становятся более требовательными. Таким образом, проблема инклюзивности в отношении пользовательских интерфейсов только набирает обороты и будет становиться все актуальнее так, как у бизнеса формируется осознание в предоставлении контента для разных групп пользователей обеспечивая гарантию того, что это будет также удобно и качественно независимо от их возможностей и способностей от пользования цифровым продуктом. Именно в направлении инклюзии бизнес будет развивать и улучшать свои пользовательские интерфейсы для того, чтобы дополнить тот сегмент аудитории, который до этого момента ему был не достижим.

В ходе исследования была определена актуальность инклюзивного проектирования, обозначены основные методы проектирования, которые служат вспомогательными для создания эффективного интерфейса для категорий инклюзивных и не инклюзивных групп, а также описан метод, который автор предложил для взаимодействия людей, которые относятся к разным группам пользователей. Чтобы определить эффективность

Таблица 1
Table 1

Классификация методов и ограничений при пользовательском взаимодействии с цифровым продуктом Classification of methods and limitations in user interaction with a digital product

№	Метод	Ограничения			
		Моторика	Слух	Зрение	Память
1	Метод качественного масштабирования			+	
2	Метод адаптации	+	+	+	
3	Метод визуального дизайна			+	+
4	Метод бесшовной навигации	+	+	+	+
5	Метод правильных подсказок		+	+	+
6	Метод жестов		+		

Источник: составлено автором на основании данных о существующих методах и предложенного собственного метода // Source: compiled by the author based on existing methods and the proposed own method

данных методов необходимо проводить различные качественные исследования на различных стадиях проекта. Также определена возможная перспектива развития инклюзивного проектирования цифровых интерфейсов и преимущества от реализации, которые получит бизнес. Более того, взаимодействие с цифровыми интерфейсами предполагается не только в понимании веб-приложений, но также с виртуальными платформами, интерфейсами информационных систем или голосовыми интерфейсами. Последние активно набирают популярность как дополнение к цифровым.

Анализ существующих методов инклюзивного проектирования интерфейсов позволил опре-

делить их основные ориентиры на определенные группы людей и типы ограничений, а также обозначить перспективы развития данного подхода.

Проведенное исследование позволяет конкретизировать потребности пользователей с различными ограничениями и применить методы для разработки соответствующих UI\UX решений. Результаты исследования помогают улучшить доступность для всех категорий пользователей. Реализация дальнейших исследований может быть направлено на более детальный анализ конкретной группы людей и разработку новых методик или инструментов.

Список источников

1. Бурукина И. П., Привалов А. Э. Исследование современных подходов к проектированию цифровых интерфейсов // Известия вузов. Поволжский регион. Технические науки. 2022. № 1 (61). С. 78–87.
2. Тагирова Л. Ф., Зубкова Т. М. Нейросетевая инструментальная среда для создания персонализированных интерфейсов прикладных программ // Программные продукты и системы. 2023. № 2. С. 212–222.
3. Грибанова М. О. Особенности дизайна и продвижения в сфере инклюзивных сообществ. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/119985/1/978-5-7996-3584-8_2022_052.pdf.
4. Давыдова Т. Е. Инклюзивный дизайн как предиктор повышения доверия населения к финансовым институтам // Креативная экономика. 2023. № 12 (17). С. 5011–5034.
5. Антонова В. К., Александрова М. Ю., Присяжнюк Д. И., Рябиченко Т. А. Инклюзивная организационная культура как аномалия: взаимосвязь размера компании и проявления в ней инклюзивных норм и практик // Мониторинг. 2022. № 4 (170). С. 172–198.
6. Городищева А. Н., Кузнецов В. Г. Принципы описания особых свойств объектов универсального дизайна в цифровой библиотеке // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2020. С. 771–773
7. Кошелева А. А. Социокультурная ценность дизайн-проектирования на основе принципов универсального дизайна // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 124–131.
8. Наберушкина Э. К., Радченко Е. А., Мирзаева Е. Р. Инклюзивный дизайн (обзор зарубежных концепций) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). С. 30–35.
9. Уваров Н. Ю. Предпосылки формирования инклюзивного дизайна в России // Культура и искусство. 2021. № 3. С. 73–86.
10. Урбанович М. В., Ковалева К. А. Принципы разработки пользовательских интерфейсов // Современные инновации, системы и технологии. 2023. № 4. С. 0363–0374.

References

1. Burukina IP, Privalov AE. Research of modern approaches to the design of digital interfaces. *Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Texnicheskie nauki.* = *Izvestiya vuzov. The Volga region. Technical sciences.* 2022; 61(1):78-87. (In Russ.).
2. Tagirova LF, Zubkova TM. Neural network instrumental environment for creating personalized interfaces of application programs. *Programmy'e produkty` i sistemy` = Software products and systems.* 2023;(2):212-222. (In Russ.).
3. Griбанова MO. Features of design and promotion in the field of inclusive communities. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/119985/1/978-5-7996-3584-8_2022_052.pdf. (In Russ.).
4. Davydova TE. Inclusive design as a predictor of increasing public confidence in financial institutions. *Kreativnaya e'konomika = Creative Economics.* 2023;17(12):5011-5034. (In Russ.).
5. Antonova VK, Alexandrova MYu, Prisyazhnyuk DI, Ryabichenko TA. Inclusive organizational culture as an anomaly: the relationship between the size of a company and the manifestation of inclusive norms and practices in it. *Monitoring = Monitoring.* 2022;4(170):172-198. (In Russ.).

6. Gorodishcheva AN, Kuznetsov VG. Principles of describing special properties of universal design objects in a digital library. *Aktual'ny'e problemy' aviatsii i kosmonavtiki = Actual problem of aviation and cosmonautics*. 2020;771-773. (In Russ.).

7. Kosheleva AA. The sociocultural value of design design based on the principles of universal design. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki = News of TulSU. Humanities*. 2023;(2):124-131. (In Russ.).

8. Naberushkina EK, Radchenko EA, Mirzoeva ER. Inclusive design (review of foreign concepts). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2023;(2):30-35. (In Russ.).

9. Uvarov NY. Prerequisites for the formation of inclusive design in Russia. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*. 2021;(3):73-86.

10. Urbanovich MV, Kovaleva KA. Principles of user interface development. *Sovremennye innovatsii, sistemy i tekhnologii = Modern innovations, systems and technologies*. 2023;(4):0363-0374.

Информация об авторе

А. А. Волкова — магистрант факультета технологического менеджмента и инноваций.

Information about the author

A. A. Volkova — Master Student, Department of Technology Management and Innovation.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 174–185.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(10(492):174-185

Обзорная статья

УДК 334.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-174-185

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Ирина Юрьевна Нестеренко, Светлана Анатольевна Меленькина

¹Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, nesterenko.iy@uiec.ru, 0009-0006-8842-7608

²Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, melenkina.sa@uiec.ru, 0000-0002-4149-2975

Аннотация. Оценка и анализ качества жизни населения являются необходимым элементом в системе государственного управления, направленного на повышение уровня жизни, человеческого потенциала и степени удовлетворения потребностей. Определение актуальных направлений государственного воздействия требует оценки положительных и проблемных аспектов жизни населения в пространстве и во времени. Это определяет необходимость разработки методологий оценки качества жизни населения, адекватно отражающих уровень удовлетворения потребностей населения и соответствующих современным возможностям получения и обработки информации. В работе проведен обзор существующих методик оценки качества жизни населения, используемых показателей измерения ее компонентов, проведена их систематизация. В результате анализа сформулированы существующие дисфункции показателей измерения качества жизни населения, которые снижают адекватность оценки, предложены возможные направления оптимизации используемых показателей. Сделаны выводы, что методические подходы к оценке, состав и число показателей измерения компонентов качества жизни должны быть разными в зависимости от целей и масштабов исследования. Результаты, представленные в статье, будут способствовать совершенствованию отбора показателей измерения компонентов качества жизни, развитию методологии оценки качества жизни населения.

Ключевые слова: качество жизни, оценка качества жизни, показатели измерения качества жизни, компоненты качества жизни

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Нестеренко И. Ю., Меленькина С. А. Методологические подходы к измерению качества жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 174–185. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-174-185.

Review article

METHODOLOGICAL APPROACHES TO MEASURING QUALITY OF LIFE

Irina Y. Nesterenko, Svetlana A. Melenkina

¹Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, nesterenko.iy@uiec.ru, 0009-0006-8842-7608

²Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, melenkina.sa@uiec.ru, 0000-0002-4149-2975

Abstract. Assessment and analysis of the population's quality of life is a necessary element in the public administration system aimed at improving the standard of living, human potential and the degree of needs satisfaction. Determination of current areas of government influence requires assessment of positive and problematic aspects of population life in space and time. This determines the need to develop methodologies for assessing the population's quality of life that adequately reflect the level of satisfaction of population needs and correspond to modern

capabilities for obtaining and processing information. The paper provides a review of existing methods for assessing the population's quality of life, the indicators used to measure its components, and their systematization. As a result of the analysis, existing dysfunctions of indicators for measuring the population's quality of life that reduce the adequacy of the assessment are formulated, and possible directions for optimizing the indicators used are proposed. Conclusions are made that methodological approaches to assessment, composition and number of indicators for measuring the components of the quality of life should be different depending on the goals and scale of the study. The results presented in the article will contribute to improving the selection of indicators for measuring the components of the quality of life, developing a methodology for assessing the population's quality of life.

Keywords: quality of life, quality of life assessment, quality of life measurement indicators, quality of life components

Funding. The article was prepared in accordance with the Research Plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

For citation: Nesterenko IY, Melenkina SA. Methodological approaches to measuring quality of life. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):174-185. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-174-185.

Введение

Качество жизни населения (КЖН) является основной целью социально-экономического развития общества и регулирующего воздействия государства. О значимости качества жизни населения как стратегической цели государственной политики свидетельствует состав национальных проектов России, которые в настоящее время выступают инструментом решения социально-экономических задач государства. В настоящее время реализуется 12 национальных проектов, из которых 4 проекта направлены на развитие человеческого капитала («Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Культура»), 3 — на создание комфортной среды для жизни («Жилье и городская среда», «Безопасные и качественные дороги», «Экология») и 5 — на обеспечение экономического роста, конечной целью которого является также рост благосостояния населения¹.

В научной литературе представлено множество методик оценки КЖН. Измерение качества жизни по разным методикам дает разные результаты, зачастую противоречивые. Изменение структуры потребностей населения, технологий производства товаров и услуг, получения информации неизбежно приводит к необходимости адаптации методик оценки КЖН к новым потребностям и возможностям. Цель работы — систематизация существующих методик оценки КЖН, показателей измерения компонентов данной категории и определение возможных направлений их оптимизации для повышения корректности результатов оценки КЖН.

¹ Национальные проекты России. 2024. URL: <https://www.национальныепроекты.рф> (дата обращения: 20.08.2024)

Систематизация методических подходов оценки качества жизни населения

Содержания категории КЖН [11; 19; 25; 28] означает, что оно отражает степень удовлетворения потребностей и предполагает объективную оценку удовлетворения потребностей населения и субъективную оценку населением степени удовлетворения потребностей.

Представленные в научной литературе методики оценки КЖН позволяют выделить следующие методологические подходы по критериям уровня обобщения показателей и информационной базы показателей КЖН.

С точки зрения уровня обобщения показателей:

- компаративистский анализ на основе частных показателей, характеризующих отдельные компоненты исследуемого объекта;
- расчет агрегированного значения по исследуемому объекту на основе частных показателей.

Названные виды методик ориентированы на реализацию разных целей анализа. Расчет агрегированных значений КЖН по территориям позволяет представить комплексную оценку по разным компонентам КЖН. Такая методика дает возможность учитывать большое количество показателей, отражающих влияние разных факторов, формирующих КЖН. Расчет агрегированного показателя КЖН позволяет ранжировать территории по уровню КЖН в целом и по ее отдельным компонентам, в том числе в динамике, анализировать влияние отдельных факторов и процессов на общую оценку КЖН. Но при расчете агрегированного показателя КЖН нивелируются значение отдельных показателей, возможные дисбалансы по компонентам КЖН.

Анализ КЖН на основе оценки и сравнения частных показателей, отражающих отдельные

компоненты жизни населения, не дает единого количественного показателя оценки КЖН, но позволяет выявлять проблемные и положительные характеристики КЖН, акцентировать внимание на отдельных сторонах условий и результатов жизни людей во времени и пространстве. Принятие управленческих решений, направленных на повышение КЖН, невозможен без проведения оценок и анализа по частным показателям.

С точки зрения видов используемых оценок методики оценки КЖН представлены объективным, субъективным и объективно-субъективным подходами.

Методики оценки на основе объективных показателей основаны на статистических показателях.

Это обеспечивает достоверность информационной базы. Кроме того, статистические показатели представлены, как правило, за длительный период, что создает возможность проведения оценки в динамике за ряд лет. Недостатком такого подхода является то, что в значительной степени оцениваются условия для формирования КЖН, возможности для потребления или фактические объемы потребления благ, но не степень удовлетворенности населения условиями жизнедеятельности и удовлетворения потребностей. Сравнительный анализ методик оценки КЖН на основе объективных показателей представлен в табл. 1.

Субъективные оценки КЖН основаны на мнении населения о степени удовлетворения потре-

Таблица 1

Table 1

**Методические подходы к составу показателей КЖН и их оценке
на основе объективных показателей**
**Methodological approaches to the composition of FGM indicators and their assessment based on
objective indicators**

Авторы	Компоненты и показатели оценки
Мазелис Л. С., Красова Е. В., Бойко А. А. (2022) [21]	Расчет интегральных индексов КЖН регионов РФ в динамике и ранжирование регионов по уровню КЖН на основе 6 компонентов КЖН: здоровье, образование, доход, безопасность, культура, экология (всего 26 показателей Росстата).
Дубынина А. В., Калмакова Н. А. [и др.] (2024) [14]	Построение регрессионной модели зависимости доли жителей региона с достатком меньше значения прожиточного минимума в общем количестве населения от среднедушевого денежного дохода в месяц, индекса потребительских цен, реального среднедушевого дохода в месяц.
Антонова О. А. (2023) [6]	Расчет интегрального индекса качества трудовой жизни по пяти показателям статистики.
Кадомцева С. В., Манахова И. В. (2024) [17]	Оценка КЖН региона по объективным 9 показателям статистики по компонентам: макроэкономические условия, естественное и миграционное движения населения, уровень жизни. Анализ показателей проведен на основании расчетов коэффициентов размаха вариации.
Логачева Н. М. (2022) [20]	Обоснование включения в оценку КЖН показателей цифровизации и предложение состава этих показателей по данным статистики.
Соболь Т. С., Бушуева Н. В. (2022) [30]	Проведен анализ КЖН по 37 показателям статистики по компонентам: макроэкономические показатели, доходы населения, потребление и расходы, социальной дифференциации.
Орешников В. В., Низамутдинов М. М. (2023) [27]	Расчет интегральных индексов КЖН регионов РФ в динамике и ранжирование регионов по уровню КЖН на основе 6 компонентов КЖН (25 показателей): доходы и благосостояние населения, экономика и труд, здоровье и безопасность, образование и культура, торговля и коммуникации, климат и географическое положение.
Гришина И.В., Польшнев А. О., Тимошин С. А. (2012) [13]	Расчет интегральных индексов КЖН регионов РФ и ранжирование регионов по уровню КЖН на основе 7 компонентов КЖН (19 показателей): уровень доходов населения, уровень развития потребительского рынка, обеспеченность населения жильем и качество жилищных условий, обеспеченность населения основными материальными благами, уровень развития здравоохранения и образования, состояние окружающей природной среды, состояние рынка труда и миграционная привлекательность.
Белик И. С., Камдина Л. В., Стародубец Н. В. (2019) [9]	Расчет интегральных индексов КЖН регионов РФ на основе 5 компонентов КЖН (26 показателей, из них 12 андропогенных): уровень доходов населения, уровень развития потребительского рынка, обеспеченность жильем и его качество, андропогенные факторы, состояние рынка труда и миграция.
Артемова О.В., Меленькина С. А., Ужegov А. О. (2023) [7]	Расчет интегральных индексов КЖН муниципалитетов РФ на основе 7 показателей по 7 компонентам: демографическая составляющая, трудовая занятость, уровень жизни, жилищные условия, инвестиционная составляющая, производственная составляющая, строительная составляющая.

Авторы	Компоненты и показатели оценки
Манаева И. В. (2023) [22]	Расчет интегральных индексов КЖН регионов РФ и ранжирование регионов по уровню КЖН на основе 5 компонентов КЖН (22 показателя): экономический потенциал, благосостояние населения, демографический потенциал, социальная инфраструктура, транспортная инфраструктура.
Белюсов А. В., (2020) [10]	Анализ КЖН региона по 59 показателям статистики по отдельным компонентам: уровень доходов граждан, домохозяйств, уровень жилищно-бытового обеспечения граждан, уровень социального обеспечения, уровень качества охраны здоровья, уровень образования, профессиональной компетенции, культурного развития, уровень личной безопасности и правовой защищенности, уровень экологической безопасности.
Guliyeva A. (2020) [1]	Оценка качества жизни государств на основе расчета радара (индекса) свободы потребителя по показателям расходов на душу населения по 12 группам товаров и услуг потребительского назначения. Расчет по каждой группе показателей и расчет итогового индекса с последующим ранжированием стран по итоговому индексу и индексам составляющих компонентов.
Hirschberg J. G, Slottje D. J., Maasoumi E., (1991) [2]	Расчет интегрированного показателя КЖН на основе 15 объективных показателей.

ностей. Информационная база при этом формируется в настоящее время в основном по результатам социологических опросов. Основная проблема такого подхода заключается в фрагментарности данных для оценки КЖН. Опросы могут проводиться по отдельным параметрам КЖН, отдельным категориям населения и/или территориям и на определенный период времени. Следовательно, невозможно провести анализ в динамике за длительный период времени и широким охватом населения. Достоверность результатов такой оценки определяется качеством проведения социологических опросов и интерпретации их результатов. Сравнительный анализ методик оценки КЖН на основе субъективных показателей представлен в табл. 2.

Объективно-субъективный подход оценки КЖН с теоретической точки зрения является самым обоснованным. Методики оценки при этом подходе предполагают использование как объективных показателей на основе статистики, так и субъективных оценок на основе социологических опросов. Сложность реализации данного подхода при разработке методики оценки КЖН связана, во-первых, с проблемами получения информационной базы на основе соцопросов, и, во-вторых, с корректным объединением при расчете агрегированного показателя КЖН объективных и субъективных оценок. Чаще всего объективно-субъективный подход оценки КЖН реализуется в виде оценок на основе объективных показателей, которые по отдельным характеристикам дополняются субъективными оценками. Сравнительный анализ методик оценки КЖН на основе объек-

тивных и субъективных показателей представлен в табл. 3.

Показатели оценки качества жизни населения

Систематизация показателей оценки КЖН в приведенных в научной литературе источниках позволяет выделить следующие характеристики предлагаемых для оценки показателей.

Во всех изученных методиках в оценку КЖН включаются показатели доходов населения. Распространенными показателями оценки доходов являются:

- среднедушевые доходы [3; 5; 9; 14; 17; 22; 27; 30; 33];
- реальный среднедушевой доход в месяц [14; 15; 30];
- реальная заработная плата [4; 15];
- размер средней пенсии [10; 30];
- величина прожиточного минимума [3; 22].

Наиболее часто в качестве компонентов КЖН выделяют уровень жизни (доходы и расходы), обеспеченность услугами социальной инфраструктуры (образование и здравоохранение), обеспеченность жильем, транспортной инфраструктурой, уровень экологической безопасности [1 — среднее количество расходов на душу населения [3; 12; 27; 30];

- объем общего потребления [27; 30];
- структура потребительских расходов [3; 30];
- оборот розничной торговли на душу населения [9];
- расходы на душу населения по отдельным видам потребительских товаров и услуг [1].

Таблица 2

Table 2

**Методические подходы к составу показателей КЖН и их оценке
на основе субъективных показателей**
**Methodological approaches to the composition of FGM indicators and their assessment based
on subjective indicators**

Авторы	Компоненты и показатели оценки
Шабанов В. Л. (2024) [33]	Интегральная оценка КЖН территории на основе субъективных показателей (32 показателя) по результатам социологических опросов по компонентам: потребительские возможности домохозяйства, благоустройство жилья, удовлетворённость благоустройством жилья, удовлетворённость хозяйственной и социально-экономической средой проживания, социальные характеристики главы домохозяйства, самооценка главой домохозяйства работы и здоровья, межличностные отношения и финансово затратный досуг, общественная и досуговая активность.
Радиловская Т.Ю., Павлова Н. Ф. (2021) [29]	Оценка степени удовлетворенности основными факторами социально-трудовой жизни на основе субъективной оценки по 10 параметрам.
Беляева Л.А. (2009) [11]	Расчет 15 индексов по 4 компонентам КЖН и интегрального индекса КЖН на основе субъективных оценок населением параметров: уровень жизни (благополучия), качество ближайшей социальной среды, качество экологии, социальное самочувствие.
Матчинов В.А., Моисеева И. Г., Савкина А. А. (2024) [23]	Расчет индексов КЖН региона по показателям национальных проектов «Образование», «Здравоохранение» и «Демография» на основе субъективных оценок населения по результатам социологического опроса (67 показателей).

Таблица 3

Table 3

**Методические подходы к составу показателей КЖН и их оценке на основе объективных
и субъективных показателей**
**Methodological approaches to the composition of FGM indicators and their assessment based
on objective and subjective indicators**

Авторы	Компоненты и показатели оценки
В. Н. Бобков, Т. Е. Бобкова [и др.] (2022) [12]	Предлагается проведение оценки КЖН по максимально возможному количеству объективных показателей (всего более 260 показателей) по компонентам оценки КЖН: качество общества, качество трудовой жизни, качество социальной инфраструктуры, безопасность жизнедеятельности, качество окружающей среды, уровень жизни (потребление), интегральные показатели качества и уровня жизни (индекс человеческого развития или индекс развития человеческого потенциала). Предлагается включить оценку компонента «удовлетворенность людей уровнем и качеством их жизни» на основе опросов населения.
Хуан Инь (2024) [32]	Расчет экономического индекса и количественного социального индекса качества трудовой жизни на основе объективных показателей (всего 10) и качественного социального индекса — по уровню удовлетворенности населения на основе соцопросов (2 параметра оценки). На основании индексов по компонентам расчет интегрального индекса качества трудовой жизни.
Айвазян С. А., Кудров А. В., Афанасьев М. Ю. (2019) [5]	Расчет интегральных индексов КЖН регионов РФ и ранжирование регионов по уровню КЖН по 7 компонентам КЖН на основе объективных показателей (производство товаров и услуг, материальное благосостояние, производство товаров и услуг на душу, качество социальной сферы, социальная безопасность, демография, здоровье) и по 1 компоненту на основе субъективных оценок населения (материальное благосостояние (субъективно) — всего 40 показателей).
Ермилина Д. А. (2022) [15]	Оценка составляющих КЖН России в динамике по 5 компонентам на основе объективных показателей: (ВВП на душу населения, макроэкономические показатели рынка труда, инфляция, темпы прироста привлеченных и размещенных средств банковского сектора России (в сегменте работы с населением), качество жизни) и по 1 компоненту на основе субъективных оценок населения (потребительской уверенности населения) — всего 21 показатель по данным Росстата.
Saidulloeva D.K., Saidulloeva M. H. (2023) [3]	Названы компоненты КЖН и возможные объективные и субъективные показатели по каждому компоненту. Компонентами КЖН названы экономические, социальные, политико-правовые, природные, моральные, наследственные условия и параметры жизни населения.
Ying Keung Chan, Cheuk Chiu, Andy Kwan, Tan Lei Daniel Shek (2005) [4]	Расчет субиндексов качества жизни Гонконга (социально-культурного, экономического и экологического) и составного индекса качества жизни Гонконга СУНК на основе объективных и субъективных показателей по каждому компоненту. Всего выделен 21 показатель.

Обеспеченность услугами социальной инфраструктуры рассматривается как один из наиболее значимых характеристик КЖН и оценивается, как правило, по показателям:

– обеспеченность населения врачами (численность врачей на 10 000 человек населения) [2; 6; 9; 10; 13; 22], медицинским персоналом [10; 23];

– мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 человек населения [10; 13; 21];

– доля квалифицированных кадров (с послевузовским, высшим и средним профессиональным образованием) в общей численности занятых в экономике [5; 9; 10; 12; 13];

– доли населения с разными степенями образования (дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее, среднее профессиональное, высшее) [5; 10; 12];

– выпуск специалистов среднего звена, бакалавров, специалистов, магистров на 10 000 человек населения [6; 21].

Уровень развития транспортной инфраструктуры чаще всего оценивается по показателю плотности автомобильных дорог с твердым покрытием [5; 22; 27].

Характеристику экологической безопасности территории предлагается авторами оценивать на основе показателей:

– объемы выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, на единицу территории с учетом плотности населения;

– сброс загрязненных веществ в поверхностные водные объекты на единицу территории с учетом плотности населения;

– удельный вес населения, обеспеченного недоброкачественной питьевой водой [9; 13].

Значительная часть методик помимо вышеназванных включает в оценку уровень безопасности граждан [4; 5; 10; 12; 21; 27], здоровья [5; 10; 21; 23; 27; 33], социальной дифференциации [3; 10; 15; 22; 27; 30], состояния рынка труда [2; 4; 6; 7; 12; 13; 15; 17; 22; 27; 30; 32; 33], демографических и миграционных процессов [13; 17; 30], климатических условий проживания населения [3; 27].

КЖН по уровню безопасности граждан предполагает оценку показателей:

– число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения;

– количество дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими на 100 тыс. единиц автомобильного транспорта [4; 21; 27].

Статистические показатели уровня здоровья населения включают показатели:

– заболеваемость на 1 000 человек населения [21; 22; 27];

– коэффициент младенческой смертности [2; 5; 9; 10; 13];

– ожидаемая продолжительность здоровой жизни [12];

– смертность населения в трудоспособном возрасте [5].

Показатели социальной дифференциации оцениваются, как правило, два аспекта:

– доля жителей региона с достатком меньше значения прожиточного минимума (уровень бедности населения, %) [3; 5; 9; 14; 15; 17; 21; 27; 30];

– индекс концентрации доходов (например, по коэффициенту Джини) [3; 15; 27; 30].

Наиболее распространенными показателями оценки состояния рынка труда являются:

– уровень занятости населения [2; 6; 27; 30; 32];

– уровень безработицы, % [4; 5; 13; 15; 17; 22; 30].

Демографическая составляющая КЖН оценивается по показателям движения численности населения и продолжительности жизни:

– ожидаемая продолжительность жизни при рождении [2; 4; 5; 22];

– коэффициенты рождаемости [5; 17; 22];

– коэффициенты смертности [17; 22];

– коэффициенты естественного прироста / убыли [5; 17];

– коэффициент миграционного прироста региона [5; 9; 13; 17; 22].

Ряд авторов, как значимый фактор КЖН, предлагает оценивать климатические и географические условия проживания населения:

– температура воздуха (январь и июль) [27];

– расстояние от столицы региона до Москвы [27];

– состояние (оценка) климата [12].

В публикациях последних лет в качестве составляющей КЖН выделяют уровень цифровизации общества, которые предлагается оценивать по показателям:

– затраты на внедрение и использование цифровых технологий на душу населения в регионе [20];

– удельный вес домашних хозяйств, имевших персональный компьютер, в % от общего числа домашних хозяйств в регионе [9; 13; 20];

– использование сети интернет населением (каждый день или почти каждый день) в % от общей численности населения в регионе [20; 33];

– число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 человек населения [20].

В части методик при оценке КЖН учитывают макроэкономические показатели (ВВП, инфляции, объемов инвестиций) [7; 14; 15; 17; 22; 30].

Ряд авторов предлагают учитывать показатели финансовых операций населения (объем вкладов (депозитов) физических лиц в банках, доля вкладов в расходах населения) [15; 22; 30].

Большая часть методик ориентирована на использование объективных показателей при оценке КЖН. В части методик оценка в большей части по объективным показателям дополняется оценками на основании социологических опросов исследователей [3–5; 15; 32] или опубликованных результатов опросов населения государственными органами [15].

Часто используемым элементом методики оценки КЖН является расчет интегральных индексов КЖН территорий (стран, регионов, муниципалитетов) и ранжирование территорий по уровню КЖН [2; 4; 5; 7; 9; 11; 13; 21; 22; 24; 27; 32; 33], в том числе проведение такой оценки в динамике за ряд лет [21; 27].

Дисфункции используемых показателей КЖН

1. Оценка доходов и расходов населения в абсолютном денежном выражении.

Большинство методик оценки КЖН при анализе уровня жизни оценивают показатели среднедушевых доходов и расходов населения в абсолютном денежном выражении (среднедушевые денежные доходы, среднедушевые денежные расходы, средний размер начисленной заработной платы, средний размер пенсий и т. д.). Сравнение доходов и расходов населения по территориям в абсолютном стоимостном выражении искажает реальную оценку соотношений уровня жизни, т. к. в условиях высокой дифференциации стоимости жизни по территориям одинаковые суммы доходов означают разные возможности реального потребления. Поэтому более реалистичную картину соотношения КЖН по территориям в части доходов и расходов населения дает оценка по соотношению доходов и расходов с показателями стоимости жизни (прожиточным минимумом, стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг).

2. Использование коррелирующих показателей при оценке одного компонента КЖН.

При расчетах интегрального индекса КЖН территории многими авторами используется большое количество показателей в рамках одного компонента КЖН, которые являются коррелирующими.

Если ряд показателей коррелируют между собой, то включение в расчеты таких показателей увеличивает трудоемкость анализа, но фактически не меняет качественной характеристики объекта по данному компоненту анализа. Кроме того, включение в расчеты коррелирующих показателей по одному компоненту увеличивает индексные показатели по компонентам (сферам), усиливает показатели дифференциации регионов с высоким КЖН относительно регионов с низким уровнем КЖН. Поэтому, на наш взгляд, коррелирующие показатели в рамках одних компонентов оценки КЖН целесообразно исключать. Например, соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, соотношение средней начисленной заработной платы населения с величиной прожиточного минимума, соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума являются коррелирующими показателями. Для оценки уровня доходов может быть использован один показатель — соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума без потери уровня качественной характеристики по данному компоненту оценки КЖН. Или, число зарегистрированных преступлений на 100000 человек населения, число зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 100000 человек населения, число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии на 100000 человек населения тоже являются коррелирующими показателями. При этом статистика второго и третьего показателей входит в первый показатель. Для оценки уровня безопасности достаточно из перечисленных трех использовать только первый без потери качественной характеристики данного компонента.

3. Отсутствие четких критериев отбора состава и числа показателей оценки КЖН в зависимости от цели и методов исследования.

Выбор состава и числа показателей должно зависеть от цели и методов исследования. Если исследование проводится с целью ранжирования территорий по уровню КЖН на основе расчета интегрального индекса, то целесообразно сократить число анализируемых показателей за счет тех, которые являются коррелирующими. Использование меньшего количества показателей в этом случае сокращает трудоемкость исследования без потери качества результата. Углубленный анализ по конкретному компоненту КЖН целесообразно проводить по максимально возможному количе-

ству анализируемых показателей с целью выявления положительных и отрицательных процессов как базы для принятия управленческих решений.

4. Отсутствие разграничения показателей оценки КЖН и показателей условий формирования КЖН.

В составе показателей КЖН во многих методиках оценки КЖН присутствуют как показатели КЖН, так и показатели условий формирования КЖН. Для корректной оценки КЖН целесообразно разделять эти показатели. Условия формирования КЖН характеризуют социально-экономические параметры, формирующие и/или оказывающие влияние на КЖН. Показатели КЖН — характеристики уровня удовлетворения потребностей людей. Например, показатели валового регионального продукта на душу населения, объемов инвестиций в основной капитал на душу населения, уровня инфляции являются показателями условий формирования КЖН, а не характеристиками КЖН. А, например, объемы доходов населения, потребления товаров и услуг, продолжительность жизни, уровень здоровья являются показателями КЖН. В процессе отбора показателей по каждому компоненту КЖН не всегда возможно оценить степень удовлетворения потребности населения по данному компоненту в силу отсутствия статистической оценки таких показателей и, в силу этого, приходится по данному компоненту оценивать показатели условий формирования КЖН. Но по возможности ситуации подмены показателей по содержанию следует избегать.

Заключение

В работе был проведен анализ представленных в научной литературе методик оценки КЖН. Были выделены виды методик по критериям уровня обобщения показателей и информационной базы показателей КЖН и видов используемых оценок.

По уровню обобщения показателей и информационной базы показателей КЖН авторами выделены следующие виды методик оценки КЖН:

— компаративистский анализ на основе частных показателей, характеризующих отдельные компоненты исследуемого объекта;

— расчет агрегированного значения по исследуемому объекту на основе частных показателей.

С точки зрения видов используемых оценок методики оценки КЖН представлены объективным, субъективным и объективно-субъективным подходами.

Систематизация компонентов и показателей оценки КЖН на основе объективных, субъектив-

ных и объективно-субъективных методических подходов позволил выделить показатели, наиболее часто используемые для оценки и анализа КЖН. Критический анализ применяемых для оценки показателей КЖН позволил сформулировать ряд дисфункций действующих индикаторов качества жизни, которые приводят к некорректным результатам оценки. К таким дисфункциям авторы относят следующие.

Оценка доходов и расходов населения в абсолютном денежном выражении. Использование абсолютных показателей доходов и расходов домашних хозяйств дает искаженную оценку КЖН при сравнении уровня жизни населения разных территорий, различающихся по уровню прожиточного минимума или стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

Использование коррелирующих показателей при оценке компонентов КЖН. Искажаются результаты оценки также при расчетах интегрального индекса КЖН территории в случае, когда используется большое количество коррелирующих показателей в рамках одного компонента КЖН. Включение в расчеты коррелирующих показателей по одному компоненту увеличивает индексные показатели по компонентам (сферам), усиливает показатели дифференциации регионов с высоким уровнем КЖН относительно регионов с низким уровнем КЖН.

Отсутствие четких критериев отбора состава и числа показателей оценки КЖН в зависимости от цели и методов исследования. Количество и состав показателей оценки КЖН должен соответствовать целям, масштабам и методам измерения КЖН. При расчете интегрального индекса КЖН территорий целесообразно сокращать число анализируемых показателей за счет тех, которые являются коррелирующими. Принятие управленческих решений в отношении конкретного компонента КЖН требует углубленного анализа и в большинстве случаев предполагает оценку максимально возможного количества показателей.

Отсутствие разграничения показателей оценки КЖН и показателей условий формирования КЖН. Для адекватной оценки КЖН следует разделять показатели условий формирования КЖН и показатели КЖН как характеристики уровня удовлетворения потребностей людей. Условия формирования КЖН характеризуют возможности для удовлетворения определенных потребностей, но не означают уровень (степень) удовлетворенности населения в отношении этих потребностей.

Выделенные дисфункции действующих индикаторов качества жизни должны быть учтены в дальнейшем при формировании методики оценки КЖН.

Список источников

1. Guliyeva A. Assessment of quality of life as an economic category // *International Journal of Management (IJM)*. 2020. № 6(1). P. 1746–1756.
2. Hirschberg J. G., Slotte D. J., Maasoumi E. Cluster analysis for measuring welfare and quality of life across countries // *Journal of Econometrics*. 1991. October.
3. Saidulloeva D. K., Saidulloeva M. H. Factors of the quality of life of the regional society // *Scientific notes*. 2023. № 3 (66). P. 180–184.
4. Ying Keung Chan, Cheuk Chiu, Andy Kwan, Tan Lei Daniel Shek. Quality of life in Hong Kong: the CUNHK Hong Kong quality of life index // *Social Indicators Research*. 2005. № 71. 259–289.
5. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В. Индикаторы основных направлений развития и интегральный индикатор качества условий жизни на региональном уровне // *Вестник ЦЭМИ РАН*. 2019. Т. 2, вып. 1.
6. Антонова О. А. Методологические подходы к оценке качества трудовой жизни занятого населения региона // *Дискуссия*. 2023. № 1 (116). С. 16–34.
7. Артемова О. В., Меленькина С. А., Ужegov А. О. Подходы к оценке качества жизни населения (территориальный аспект) // *Города нового времени: система GLASS : сборник научных статей*. Екатеринбург, 2023. С. 5–20.
8. Артемова О. В., Меленькина С. А., Савченко А. Н. Основные подходы и методический инструментарий оценки качества жизни населения // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 4 (462), вып. 76. С. 10–20.
9. Белик И. С., Камдина Л. В., Стародубец Н. В. Влияние антропогенных факторов промышленного производства на качество жизни населения в регионе // *Экономика региона*. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 1156–1168.
10. Белоусов А. В. Об управлении качеством жизни населения // *Регион: системы, экономика, управление*. 2020. № 4 (51). С. 78–86.
11. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // *Социологические исследования*. 2009. № 1. С. 33–42.
12. Бобков В. Н. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / В. Н. Бобков, Т. Е. Бобкова [и др.]; под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Н. В. Локтюхиной, Е. Ф. Шамаевой. М. : ФНИСЦ РАН. 2022. 274 с.
13. Гришина И. В., Полянев А. О., Тимонин С. А. Качество жизни населения регионов России. Методология исследования и результаты комплексной оценки // *Современные производительные силы*. 2012. № 1. С. 70–83.
14. Дубынина А. В. и др. Особенности методического инструментария уровня и качества жизни населения Челябинской области // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2024. № 2. С. 33–42.
15. Ермилина Д. А. Качество жизни в России: краткий обзор // *Вестник университета*. 2022. № 3. С. 97–107.
16. Зотиков Н. З., Данилова А. А. Показатели социально-экономического развития и качества жизни населения в регионах: их взаимосвязь // *Вестник Прикамского социального института*. 2023. № 1 (94). С. 101–112.
17. Кадомцева С. В., Манахова И. В. Государственные финансы и качество жизни населения регионов Северо-Западного федерального округа // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 2024. Т. 16, вып. 2. С. 63–79.
18. Крамин Т. В., Устюжанина Д. А. Влияние подушевого ВРП на качество жизни населения в регионах России. // *Экономика региона*. 2024. Т. 20, вып. 1. С. 176–188.
19. Куклин А. В., Пашков А. М. О формировании новых подходов к оценке уровня и качества жизни населения // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 1, № 8. С. 5–14.
20. Логачева Н. М. Методические подходы к выбору параметров оценки качества жизни населения в условиях цифровизации // *Социально-экономическое развитие промышленного региона. Сборник*

научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 45-летию экономического факультета Челябинского государственного университета. Челябинск, 2022. С. 18–23.

21. Мазелис Л. С., Красова Е. В., Бойко А. А. Комплексная оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 8. С. 753–766.

22. Манаева И. В. Качество жизни в российских регионах: эмпирический анализ // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 71–92.

23. Матчинов В. А., Моисеева И. Г., Савкина А. А. Индексная оценка объективных показателей качества жизни населения в контексте реализации национальных проектов в Калужской области // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 5. С. 1059–1074.

24. Меленькина С. А., Тихонова О. К., Ужegov А. О. Цифровая трансформация и качество жизни населения Приволжского федерального округа / Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ-2024) : сборник трудов X Международной научно-практической конференции : в 2 т. Санкт-Петербург, 2024. С. 63–66.

25. Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л. Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 318–330.

26. Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л. Развитие исследований качества жизни населения Северо-Запада на основе применения методологии экономики качества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2023. № 2 (73). С. 81–89.

27. Орешников В. В., Низамутдинов М. М. Оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9, № 3. С. 192–213.

28. Плетнев Д. А. Качество жизни: содержание и измерение // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 23–32.

29. Радиловская Т. Ю., Павлова Н. Ф. Социологические аспекты качества жизни населения Челябинска // Общество, экономика, управление. 2021. Т. 6, № 4. С. 30–34.

30. Соболев Т. С., Бушуева Н. В. Качество жизни населения как критерий эффективности государственного управления: монография. М. : изд. ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2022. 2,18Мб.

31. Тимонин С. А. Современные производители силы. От догоняющего к опережающему развитию. // СОПС. 2012. № 1. С. 48–77.

32. Хуан Инь. Методики оценки качества трудовой жизни населения // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 2283–2296.

33. Шабанов В. Л. Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 4–19.

References

1. Guliyeva A. Assessment of quality of life as an economic category. *International Journal of Management (IJM)*. 2020;11(6):1746-1756.

2. Hirschberg JG, Slottje DJ, Maasoumi E. Cluster analysis for measuring welfare and quality of life across countries. *Journal of Econometrics*. 1991; October.

3. Saidulloeva DK, Saidulloeva MH. Factors of the quality of life of the regional society. *Scientific notes*. 2023;3(66):180-184.

4. Ying Keung Chan, Cheuk Chiu, Andy Kwan, Tan Lei Daniel Shek. Quality of life in Hong Kong: the CUHK Hong Kong quality of life index. *Social Indicators Research*. 2005;(71): 259-289.

5. Ayvazyan SA, Afanasyev MYu, Kudrov AV. Indicators of the main directions of development and the integral indicator of the quality of living conditions at the regional level. *Vestnik CEMI RAN = Bulletin of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences*. 2019;2(1). (In Russ.)

6. Antonova OA. Methodological approaches to assessing the quality of working life of the employed population of the region. *Diskussiya = Discussion*. 2023;1(116):16-34. (In Russ.)

7. Artemova OV, Melenkina SA, Uzhegov AO. Approaches to assessing the quality of life of the population (territorial aspect). *Cities of the new era: GLASS system. Collection of scientific articles*. Ekaterinburg, 2023. Pp. 5–20. (In Russ.).

8. Artemova OV, Melenkina SA, Savchenko AN. Basic approaches and methodological tools for assessing the quality of life of the population. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;4(462):10-20. (In Russ.)
9. Belik IS, Kamdina LV, Starodubets NV. The influence of anthropogenic factors of industrial production on the quality of life of the population in the region. *Ekonomika regiona = Economy of the region*. 2019;15(4):1156-1168. (In Russ.)
10. Belousov AV. On managing the quality of life of the population. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: systems, economics, management*. 2020;4(51):78-86. (In Russ.)
11. Belyaeva LA. Standard and quality of life. Problems of measurement and interpretation. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2009;(1):33-42. (In Russ.)
12. Bobkov VN. The standard and quality of life of the population of Russia: from reality to designing the future: monograph. Moscow: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. 274 p. (In Russ.)
13. Grishina IV, Polynev AO, Timonin SA. Quality of life of the population of the regions of Russia. *Research methodology and results of a comprehensive assessment. Sovremennye proizvoditelnye sily = Modern productive forces*. 2012;(1):70-83. (In Russ.)
14. Dubynina AV et al. Features of the methodological tools for the level and quality of life of the population of the Chelyabinsk region. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024;(2):33-42. (In Russ.)
15. Ermilina DA. Quality of life in Russia: a brief overview. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2022;(3):97-107. (In Russ.)
16. Zotikov NZ, Danilova AA. Indicators of socio-economic development and quality of life of the population in the regions: their relationship. *Vestnik Prikamskogo socialnogo instituta = Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2023;1(94):101-112. (In Russ.)
17. Kadomtseva SV, Manakhova IV. Public finances and the quality of life of the population of the regions of the Northwestern Federal District. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakulteta. Elektronnyj zhurnal. = Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal*. 2024;16(2):63-79. (In Russ.)
18. Kramin TV, Ustyuzhanina DA. The impact of per capita GRP on the quality of life of the population in the regions of Russia. *Ekonomika regiona = Economy of the region*. 2024;20(1):176-188. (In Russ.)
19. Kuklin AV, Pashkov AM. On the formation of new approaches to assessing the level and quality of life of the population. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economy and Management: Problems, Solutions*. 2023;8(1):5-14. (In Russ.)
20. Logacheva NM. Methodological approaches to the selection of parameters for assessing the quality of life of the population in the context of digitalization. Socio-economic development of the industrial region. In: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 45th anniversary of the Faculty of Economics of Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, 2022. Pp. 18–23. (In Russ.)
21. Mazelis LS, Krasova EV, Boyko AA. Comprehensive assessment of the quality of life of the population in the regions of the Russian Federation. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(8):753-766. (In Russ.)
22. Manaeva IV. Quality of life in Russian regions: empirical analysis. *Problemy razvitiya territorii = Problems of territorial development*. 2023;27(4):71-92. (In Russ.)
23. Matchinov VA, Moiseeva IG, Savkina AA. Index assessment of objective indicators of the quality of life of the population in the context of the implementation of national projects in the Kaluga region. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2024;18(5):1059-1074. (In Russ.)
24. Melenkina SA, Tikhonova OK, Uzhegov AO. Digital transformation and quality of life of the population of the Volga Federal District. In; Intelligent Engineering Economics and Industry 5.0 (INPROM-2024). Collection of works of the X International scientific and practical conference. In 2 volumes. St. Petersburg, 2024. Pp. 63–66. (In Russ.)
25. Okrepilov VV, Gagulina NL. Development of assessment of the quality of life of the regional population. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2019;16(3):318-330. (In Russ.)
26. Okrepilov VV, Gagulina NL. Development of research on the quality of life of the population of the North-West based on the application of the methodology of quality economics. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya = Economy of the North-West: problems and development prospects*. 2023;2(73):81-89. (In Russ.)

27. Oreshnikov VV, Nizamutdirov MM. Assessment of the quality of life of the population in the regions of the Russian Federation. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Socialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Bulletin of the Tyumen State University. Social, economic and legal research.* 2023;9(3):192-213. (In Russ.)

28. Pletnev DA. Quality of life: content and measurement. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2024;6(488):23-32. (In Russ.)

29. Radilovskaya TYu, Pavlova NF. Sociological aspects of the quality of life of the population of Chelyabinsk. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie = Society, Economy, Management.* 2021;4(6):30-34. (In Russ.)

30. Sobol TS, Bushueva NV. Quality of life of the population as a criterion for the effectiveness of public administration: monograph [electronic publication]. Moscow: Publishing House of the ChOUVO "MU im. S. Yu. Witte", 2022. 2.18MB. (In Russ.)

31. Timonin SA. Modern power producers. From catching up to outstripping development. *SOPS.* 2012;(1):48-77. (In Russ.)

32. Huang Yin. Methods for assessing the quality of working life of the population. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo = Economy, Entrepreneurship and Law.* 2024;14(5):2283-2296. (In Russ.)

33. Shabanov VL. Quality of life of the rural population of Russia: integrated assessment and regional differentiation. *Narodonaselenie = Population.* 2024;27(1):4-19. (In Russ.)

Информация об авторах

И. Ю. Нестеренко — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

С. А. Меленькина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Information about the authors

I. Y. Nesterenko — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

S. A. Melenkina — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 27.08.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 327.3 (470)

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-186-193

КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРАН БРИКС НА ФОНЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Игорь Игоревич Гринивецкий¹✉, Юлия Николаевна Гамбеева²

¹ Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, Севастополь, Россия, grin_2003@rambler.ru, 0009-0008-8712-8109

² Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, Севастополь, Россия, jgambееva@bk.ru, 0000-0003-1024-1257

Аннотация. Актуальность исследования вызвана нарастающим социально-экономическим влиянием стран БРИКС на мировой арене. Целью работы является анализ социально-экономического развития стран БРИКС. На основе показателей дифференциации масштабов экономик, макроэкономических и демографических данных, показателей распределения ВВП по системообразующим экономическим отраслям и оценке основных индексов социально-экономического развития отмечены внушительные темпы роста экономик государств — членов БРИКС, в несколько раз превышающие аналогичный показатель в развитых странах, а также весомый вклад стран БРИКС в общемировое социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: БРИКС, социально-экономическое развитие, экономический потенциал, мировая экономика

Для цитирования: Гринивецкий И. И., Гамбеева Ю. Н. Ключевые характеристики стран БРИКС на фоне мировой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 186–193. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-186-193.

Review article

THE KEY CHARACTERISTICS OF THE BRICS COUNTRIES IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL ECONOMY

Igor I. Grinivetskiy¹✉, Julia N. Gambееva²

¹ Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russia, grin_2003@rambler.ru, 0009-0008-8712-8109

² Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russia, jgambееva@bk.ru, 0000-0003-1024-1257

Abstract. The relevance of the study is caused by the growing socio-economic influence of the BRICS countries on the world stage. The purpose of the work is to analyze the socio-economic development of the BRICS countries. Based on the indicators of differentiation of the scale of economies, macroeconomic and demographic data, indicators of GDP distribution by systemically important economic sectors and assessment of the main indices of socio-economic development, the author notes the impressive growth rates of the BRICS member states' economies, which are several times higher than in developed countries, as well as the significant contribution of the BRICS countries to the global socio-economic development.

Keywords: BRICS, socio-economic development, economic potential, world economy

For citation: Grinivetskiy I., Gambееva JN. The Key Characteristics of the BRICS Countries in the Context of the Global Economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492)):186-193. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-186-193.

Введение

В 2023 г., вопреки всем прогнозам, страны БРИКС резонансно обошли государства G7 по ВВП по ППС, что стало важнейшим катализа-

тором идентификации БРИКС как ведущего экономического объединения новейшей истории¹. Перераспределение экономического веса приводит

¹ How BRICS Will Reshape the World. URL: <https://www.ichongqing.info/2023/05/17/how-brics-will-reshape-the-world/> (дата обращения 29.02.2024).

к пересмотру геополитического равновесия в соответствии с диалектическим законом Фридриха Энгельса о переходе количества в качество. Это преобразование влияет на глобальный баланс сил и приводит к трансформации мировой экономической системы.

Анализ социально-экономического развития БРИКС позволит определить влияние данного объединения на мировую экономику и оценить экономический потенциал данного союза.

Методология исследования

Масштабы социально-экономического потенциала стран БРИКС определяются размерами имеющихся ресурсов и потенциальными возможностями их использования с учетом особенностей структуры экономики, географического положения, трендов экономического роста, институциональных условий и влияния внешних политико-экономических факторов. Многообразие существующих методов затрудняет выбор наиболее приемлемых для выполнения поставленных задач по анализу социально-экономического потенциала стран БРИКС. Для достижения результата, отражающего реальный социально-экономический потенциал государств «кирпичного» альянса в текущих условиях, авторами применяется сбалансированный подход, построенный на определении ключевых показателей социально-экономического развития стран БРИКС, комплексной оценке тенденций развития государств-членов объединения и выделении лидеров и аутсайдеров среди стран союза по основным социально-экономическим индикаторам, что позволяет сопоставлять и сравнивать масштабы экономик государств-членов БРИКС как между собой, так и на фоне мировой экономики.

Информационной базой исследования послужили материалы МВФ, ООН, Всемирного банка, МОТ, Центрального Банка РФ, биржевого портала «Take-Profit», статистических порталов «the-GlobalEconomy», «ZhujiWorld», «Worldometer», «Statista» и «TradingEconomics», корпоративного датахаба «Кноета», совместной статистической публикации стран БРИКС, позволяющие количественно проанализировать актуальные социально-экономические показатели государств-членов БРИКС. В качестве основных индикаторов, отражающих социально-экономическое развитие стран БРИКС, выделены: дифференциация масштабов экономик, макроэкономические и демографические данные и индексы, показатели распределения ВВП по системообразующим экономическим

отраслям, и темпы роста экономик. В качестве объекта анализа рассматривались экономические системы Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР, Эфиопии, Египта, Ирана и ОАЭ. В исследовании авторами применялись аналитические, статистические, эконометрические методы, методы сравнения, а также методы структурирования статистических данных.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим дифференциацию масштабов экономик стран БРИКС (табл. 1).

Каждая из этих стран является лидером в экономике своего региона и выполняет функцию центра региональной интеграции. Расширение БРИКС значительно повлияло на общий экономический масштаб объединения: совокупный размер территории союза увеличился на 9,6%, население выросло на 10,3%, номинальный ВВП в текущих ценах — на 5,8%, ВВП на душу населения — на 31,2% и ВВП по ППС — на 8,5%. Таким образом, после присоединения новых членов 1 января 2024 года БРИКС еще больше нарастил свой социально-экономический потенциал. Уже сейчас совокупный размер территорий стран БРИКС составляет 29,5% от площади мировой суши, численность населения по отношению к общемировому — 44,3%, номинальный ВВП в текущих ценах к мировому — 29,5% и ВВП по ППС — 34,9%. При этом стоит отметить, что плотность населения стран БРИКС выше среднемировых значений более чем в 2 раза, а ВВП на душу населения практически равен этим значениям.

Для дальнейшего анализа социально-экономического развития стран БРИКС следует рассмотреть основные макроэкономические показатели данных государств (табл. 2).

Опираясь на данные табл. 2, можно заметить, что наибольший рост индекса потребительских цен (ИПЦ) и уровня инфляции с 2023 г. наблюдается у Ирана — 40,4 и 36% соответственно, на 2-м месте находится Египет — 29,5 и 29,8%, 3-я Эфиопия — 27 и 29%.

Инфляция в Иране обусловлена длительным санкционным давлением со стороны Запада. В конце 2011 г. США ввели санкции против центрального банка Ирана, а в 2012 г. иранские банки были отключены от системы SWIFT, ЕС заморозил активы иранского центрального банка на своей территории и присоединился к нефтяному эмбарго, которое ввели США в отношении Ирана. В 2018 г. были запрещены продажа и передача наличных долларов Ирану, торговля

Дифференциация масштабов экономик стран БРИКС
Differentiation of the economies of the BRICS countries

	Площадь территории, 1000 км ²	Население, млн чел. (2024 г.)	Плотность населения, на км ²	ВВП, трлн долл. (2022 г.)	ВВП на душу населения, долл.	ВВП по ППС, трлн долл. (2023 г.)
Бразилия	8 512	216,40	25,4	1,92	8 872	4,1
Россия	17 475	144,40	8,3	2,28	15 789	5,1
Индия	3 288	1 429,00	434,6	3,40	2 379	13,1
Китай	9 600	1 426,00	148,5	18,00	12 623	33,0
ЮАР	1 221	60,60	49,6	0,41	6 766	1,0
Египет	1 001	113,00	112,9	0,48	4 248	1,8
Иран	1 648	89,20	54,1	0,39	4 372	1,7
ОАЭ	83	9,52	114,7	0,51	53 571	0,9
Эфиопия	1 127	127,00	112,7	0,13	1 024	0,4
БРИКС	40 096	3 276,40	133,294	26,01	9 286	56,3
Всего (БРИКС+)	43 955	3615,10	117,9	27,52	12 182,7	61,1
БРИКС+/БРИКС, %	109,6	110,30	88,4	105,8	131,2	108,5
Значения по миру	148 940	8 164,00	58,0	100,1	12 261	175,0
К мировым значениям, %	29,5	44,3	203,2	27,5	99,4	34,9

Составлено на основе: BRICS Joint Statistical Publication — 2023. URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2024/01/BRICS-2023-JSP_Final_Web2.pdf (дата обращения 28.02.2024); Рейтинг стран мира по площади. URL: <https://ru.zhujiworld.com/largest-countries/> (дата обращения 28.02.2024); GDP, current prices (Purchasing power parity) <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO/WORLD> (дата обращения 28.02.2024); Global gross domestic product (GDP) at current prices from 1985 to 2028. URL: <https://www.statista.com/statistics/268750/global-gross-domestic-product-gdp/> (дата обращения 28.02.2024); Worldometer. Population and GDP by County. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/> (дата обращения 28.02.2024).

золотом и драгметаллами, сделки в иранских риалах, операции с госдолгом и центральным банком, экспорт энергоресурсов и продукции других важных секторов, включая автомобилестроение. Санкции на национальный клиринговый центр (НКЦ) Ирана повлияли на существенное падение фондового рынка и девальвацию иранского риала. Вызванный санкциями кризис сопровождался трансформацией структуры национальной экономики. Сформировался отраслевой дисбаланс. Импортозависимые секторы экономики показали низкую эффективность, а некоторые были вынуждены покинуть рынок [6; 9].

Быстрый инфляционный рост в Египте начался с марта 2022 г. из-за обесценения египетского фунта и дефицита долларов США [2], возникшего после решения центробанка перейти к более гибкому валютному режиму. Это связано с постоянными задержками в поставках импортных товаров, которые критически важны для экономики Египта [3, с. 34–35].

Инфляция в Эфиопии связана с неопределенностью внешнеэкономического характера и увеличивающимся давлением цен на внутренний рынок страны. Этот феномен обусловлен резким ростом цен на сырьевые товары, ослабление эфиопского быра по отношению к доллару США, медленное восстановление экономики после пандемии COVID-19, недостатком зерновых и удобрений, а также ухудшением природных условий для ведения сельского хозяйства на должном уровне. При этом эскалация вооруженных конфликтов в Тыграе, Амхаре и Афаре в конце 2021 г. привела к резкому повышению потребительских цен, нарушениям цепочек поставок и увеличению рисков для безопасности¹.

Умеренный уровень роста ИПЦ и инфляции (до 10%) у России (7,3 и 7,4%), Индии (5,1 и 5,1%) и ЮАР (5,6 и 5,3%).

¹ Обзор ВЭД Эфиопии. URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/06/Обзор-ВЭД_Эфиопия.pdf. С. 5–6. (дата обращения 02.03.2024).

Основные макроэкономические показатели стран БРИКС
The main macroeconomic indicators of the BRICS countries

	ИПЦ (январь 2023 г.)	ИПЦ (январь 2024 г.)	ИПЦ (в % к предыдущему году)	Уровень инфляции, % (январь 2024 г.)	Уровень безработицы, % (январь 2024 г.)	Внешний долг, млн долл. (2022 г.)	Международные резервы, млн долл. (2022 г.)*
Бразилия	6 508	6 802	104,5	4,51	7,6	728 181	343 500
Россия	234	251	107,3	7,4	2,9	327 000	585 448
Индия	177	186	105,1	5,1	6,8	635 324	567 298
Китай	104	103	99,0	-1,0	5,2	2 452 800	3 306 839
ЮАР	107	113	105,6	5,3	32,0	156 096	60 553
Египет	149	193	129,5	29,8	6,9	164 728	321 43
Иран	161	226	140,4	36,0	7,6	6 282	122 000
ОАЭ	106,5	106,2	99,7	0,44	3,0	158 000	138 433
Эфиопия	333	423	127,0	29	4,0	28 000	3 046

*Данные по международным резервам Эфиопии за 2020 г.

Составлено на основе: BRICS Joint Statistical Publication — 2023 URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2024/01/BRICS-2023-JSP_Final_Web2.pdf (дата обращения 28.02.2024); Центральный банк Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения 29.02.2024); TheGlobalEconomy. Business and economic data for 200 countries. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/ethiopia/unemployment_rate/ (дата обращения 29.02.2024); Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/> (дата обращения 06.03.2024).

Идентичность структуры экономик РФ и Ирана, основу которой составляют сырье, санкционное давление и активное развитие политики импортозамещения, позволяет проводить параллели между экономиками данных государств [10]. Несмотря на то, что Россия является мировым лидером по количеству введенных против нее санкций, ее экономика оказалась более устойчивой и адаптивной к такому давлению [1], в отличие от Ирана. Российский рубль оказался более стабильным, чем иранский риал. Волатильность иранской валюты настолько высока, что официальный курс риала к доллару в разы ниже, чем неофициальный. Риал не поддается свободному обмену, и в условиях высокой инфляции процветает теневой валютный рынок [8]. Чтобы укрепить национальную валюту и стабилизировать ситуацию ЦБ Ирана разрабатывает соответствующие меры, руководствуясь при этом опытом РФ. Стоит также отметить, что РФ находится под угрозой введения санкций против НКЦ, что может вызвать значительное ослабление рубля к твердым валютам. Это повлечет за собой еще больший рост цен на и так дорогие импортные товары. Нынешняя политика «дорогих денег» и ключевая ставка равная 18%, указывают на проводимое ЦБ РФ «таргетирование инфляции». Ретроспективный анализ валютного курса и инфляции в РФ показывает, что зачастую

как в предвыборный период, так и в начале президентского срока используются все возможные способы влияния на эти показатели: ставка рефинансирования, работа ФАС по сдерживанию цен, давление на экспортеров, иные законодательные ограничения, способные определенное время сдерживать цены, а также препятствовать обесцениванию рубля. Справедливо прогнозировать, что для активизации экономики и развития бизнеса во 2-м полугодии 2025 г. ключевая ставка будет снижена, что автоматически ускорит инфляционный рост. Таким образом, нависающий над валютным и фондовым рынками РФ, «Дамоклов меч» в виде потенциальных санкций на НКЦ, а также потребность в активном социально-экономическом развитии (одним из основных факторов достижения которого является снижение ключевой ставки), вызванная решительными действиями России на геополитической шахматной доске, может внести дестабилизирующие коррективы в планомерное и устойчивое социально-экономическое развитие РФ и не оправдать инфляционные и валютные ожидания.

Низкий уровень роста ИПЦ и инфляции (до 5%) у ОАЭ (-0,3 и 0,44%), Китая (-1 и -1%) и Бразилии (4,5 и 4,51%).

На основе среднемирового значения безработицы равного 5,1%¹, можно говорить, что в ЮАР

¹ Прогноз МОТ на 2024 год: уровень безработицы

(36%), Бразилии (7,6%), Китае (5,2%), Индии (6,8%), Иране (7,6%) и Египте (6,9%) довольно высокий уровень безработицы. Главной причиной роста безработицы в странах БРИКС является пандемия COVID-19. В Бразилии за время пандемии данный показатель вырос на 14,6% и бразильский рынок труда потерял 1,1 млн рабочих мест [7], а в ЮАР без работы осталось около 12 млн человек. В Иране на безработицу помимо пандемии значительно повлияли мощные санкционные волны, которые серьезно дестабилизировали экономику Исламской Республики. КНР и Египет страдают от рекордной безработицы среди молодежи. Колоссальное количество выпускников и молодых специалистов не могут найти себе применение, так как экономики данных стран не успевают создавать столько рабочих мест. В Индии рабочий класс значительно пострадал из-за совокупного воздействия увеличивающейся инфляции, проблем в сфере занятости и недостаточного финансирования государством образования и здравоохранения.

Внешний государственный долг представляет собой совокупность обязательств, которые государство несет перед иностранными государствами, гражданами, юридическими лицами и международными организациями. Лучшее соотношение внешнего долга к ВВП среди стран БРИКС

и социальное неравенство в мире будут расти. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448472> (дата обращения 02.03.2024).

у Ирана (1,6%), Китая (13,6%) и России (14,3%). Высокий внешний госдолг у ЮАР (38%), Бразилии (37,9%), Египта (34,3%) и ОАЭ (31%).

Международные резервы представляют собой высоколиквидные финансовые активы, которыми располагает центральный банк или правительство страны для обеспечения макроэкономической и валютно-финансовой стабильности. По соотношению международных резервов к ВВП лидерами выступают Иран (31,28%), ОАЭ (27,14%) и Россия (25,68%). Наиболее низкое соотношение у Египта (6,7%) и Эфиопии (2,34%).

Также следует рассмотреть основные демографические показатели БРИКС (табл. 3).

Общий коэффициент рождаемости, коэффициент естественного прироста и ожидаемая продолжительность жизни при рождении в среднем по странам БРИКС уступает среднемировым значениям на 1, 0,8 и 2,5 пункта соответственно. Наибольший коэффициент естественного прироста населения в Эфиопии (25,3) и Египте (15,7). Отрицательный коэффициент только у России (-6,8%). Лидерами по ожидаемой продолжительности жизни при рождении являются ОАЭ (78,7), Китай (78,2) и Иран (73,9).

Обратим внимание на основные индексы социально-экономического развития (табл. 4).

Индекс Джини — это мера для измерения неравенства в распределении доходов или богатства в экономике. Значение индекса колеблется от 0

Таблица 3
Table 3

Основные демографические показатели стран БРИКС
The main demographic indicators of the BRICS countries

	Коэффициент рождаемости, на 1000 населения (2022 г.)	Коэффициент смертности, на 1000 населения (2022 г.)	Коэффициент естественного прироста, на 1000 населения	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (2021 г.)
Бразилия	12,6	8,1	4,5	72,8
Россия	9,5	16,3	-6,8	69,4
Индия	16,3	9,1	7,2	67,2
Китай	7,5	7,4	0,1	78,2
ЮАР	19,3	12,0	7,3	62,3
Египет	22,1	6,4	15,7	70,2
Иран	13,2	6,2	7,0	73,9
ОАЭ	9,9	1,9	8,0	78,7
Эфиопия	31,8	6,5	25,3	65,0
БРИКС (в среднем)	15,8	8,2	7,6	70,9
В среднем по миру	16,8	8,4	8,4	73,4

Составлено на основе: Knoema. Enterprise datahub for it & business leaders. URL: <https://ru.knoema.com>; Worldometer. Population and GDP by County. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/> (дата обращения 28.02.2024). (дата обращения 29.02.2024).

Основные индексы социально-экономического развития
The main indices of socio-economic development

	Коэффициент Джини (2021 г.)*	Индекс развития человеческого потенциала (2020 г.)	Индекс экономической свободы (2023 г.)	Индекс процветания LEGATUM (2021 г.)
Бразилия	0,58	0,76	53,5	59,57
Россия	0,38	0,83	53,8	59,31
Индия	0,34	0,64	52,9	53,57
Китай	0,39	0,76	48,3	62,23
ЮАР	0,63	0,73	55,7	56,69
Египет	0,32	0,73	49,6	48,44
Иран	0,41	0,78	42,2	48,05
ОАЭ	0,26	0,91	70,9	67,31
Эфиопия	0,35	0,50	48,3	42,76
БРИКС (в среднем)	0,41	0,70	52,8	55,30

* Данные по индексу Джини за 2019 г. — Иран и Египет. Данные по индексу Джини за 2018 г. — ОАЭ. Данные по индексу Джини за 2015 г. — Эфиопия.

Составлено на основе: Gini index by country. URL: <https://genderdata.worldbank.org/indicators/si-pov-gini/> (дата обращения 01.03.2024); Knoema. Enterprise datahub for it & business leaders. URL: <https://ru.knoema.com> (дата обращения 29.02.2024).

до 1, где 0 представляет собой идеальное равенство (все значения одинаковы), а 1 означает максимальное неравенство (все значения, кроме одного, равны нулю). Среди стран-членов БРИКС наиболее равным образом распределены доходы в ОАЭ (0,26) и Египте (0,32). Высокая диспропорция доходов в ЮАР (0,63) и Бразилии (0,58).

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) — это комплексный показатель, измеряющий уровень жизни, грамотности, долголетия и образованности населения. В БРИКС лидерами по данному показателю являются ОАЭ (0,91) и РФ (0,83). Наиболее низкий ИРЧП у Эфиопии (0,5).

Индекс экономической свободы — это числовой показатель, включающий в себя 12 компонентов, объединенных в 4 следующие группы: верховенство закона, ограниченная государственная власть, эффективность государственного регулирования и открытость рынка. Лидером по данному показателю среди стран БРИКС является ОАЭ — 70,9, данное государство идентифицируется как «в основном свободное». Оставшиеся государства-члены объединения классифицируются как «в основном несвободные» (50–59,9) и «деспотичные» (0–49,9).

Индекс процветания Института Legatum, также известный как The Legatum Prosperity Index, представляет собой совокупный показатель, разработанный британским аналитическим центром

The Legatum Institute. Его цель — оценка достижений стран в контексте благосостояния и процветания, анализируя различные аспекты их развития. Наивысший индекс Legatum у ОАЭ (67,31) и Китая (62,23). Самый низкий показатель среди стран БРИКС у Эфиопии (42,76).

Также стоит оценить распределение ВВП по системообразующим отраслям социально-экономического развития (табл. 5).

Ведущие позиции по затратам на здравоохранение в % к ВВП среди стран БРИКС занимают Бразилия (10,3%), ЮАР (8,6%) и Россия (7,6%). Меньше всего на здравоохранение (% к ВВП) выделяет Индия (3%). По военным расходам в % к ВВП лидируют ОАЭ (4,9%) и Россия (3,79%). Наименьшие военные расходы у Эфиопии (0,77%). Больше всего на образование (% к ВВП) тратят ЮАР (6,18%) и Бразилия (5,77%). Отстают по данному показателю: Иран (3,2%) и Китай (3,3%). Весомую долю ВВП на НИОКР выделяет ОАЭ (5,7%), наименьшие затраты у Эфиопии (0,3%), Индии (0,6%) и ЮАР (0,6%). Также стоит обратить внимание на отстающие совокупные показатели стран БРИКС по затратам на здравоохранение (6% БРИКС, 7% по миру) и НИОКР (1,5% БРИКС, 2,5% по миру), но преобладающие по военным расходам (2,01% БРИКС, 1,2% по миру) в сравнении со среднемировыми значениями.

Распределение ВВП по системообразующим отраслям социально-экономического развития
Distribution of GDP by systemically important sectors of socio-economic development

	Затраты на здравоохранение, % к ВВП (2020 г.)	Военные расходы, млрд долл. (2022 г.)	Военные расходы, % к ВВП	Государственные затраты на образование, % к ВВП (2020 г.)*	Затраты на НИ-ОКР, % к ВВП (2020 г.)
Бразилия	10,3	20,2	1,05	5,77	1,1
Россия	7,6	86,4	3,79	3,70	1,1
Индия	3,0	81,4	2,39	4,64	0,6
Китай	5,6	292,0	1,62	3,30	2,4
ЮАР	8,6	3,0	0,73	6,18	0,6
Египет	4,4	5,0	1,04	3,93	1,0
Иран	5,3	6,8	1,74	3,20	1,0
ОАЭ	5,7	25,0	4,90	3,90	5,7
Эфиопия	3,5	1,0	0,77	4,07	0,3
БРИКС (в среднем)	6	57,9	2,01	4,30	1,5
Средние значения по миру	7		1,20	4	2,5

Составлено на основе: Knoema. Enterprise datahub for it & business leaders. URL: <https://ru.knoema.com> (дата обращения 29.02.2024); Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/> (дата обращения 06.03.2024).

Выводы

Проанализировав социально-экономическое развитие стран БРИКС, можно говорить о внушительном потенциале данного объединения. Масштаб экономик БРИКС неуклонно растет. Годовой темп роста ВВП стран БРИКС в несколько раз превышает рост ВВП в развитых странах (1,5%): ЮАР — 1,9%, Бразилия — 2,9%, Египет — 3,5%, Россия — 3,6%, Китай — 5,2%, Эфиопия — 7,5%, Индия — 7,6%, ОАЭ — 7,9%, Иран — 8%. Государства-члены союза вносят весомый вклад в развитие мировой экономики. Доля ВВП Китая составляет 18% от общемирового ВВП, Индии — 7,5%, России — 2,9%, Бразилия — 2,3%, совокупная доля в мировой экономике ЮАР, Египта, Ирана, ОАЭ и Эфиопии — 3,3%¹. Но при этом стоит отметить, что основные индексы социально-экономического развития говорят о недостаточно высоком, по сравнению с развитыми странами, уровне жизни граждан в государствах-членах

¹ Knoema. Enterprise datahub for it & business leaders. URL: <https://ru.knoema.com> (дата обращения 29.02.2024).

БРИКС, за исключением ОАЭ, которые вступили в БРИКС 1 января 2024 г. Для реализации своего потенциала и достижения поставленных целей государствам БРИКС необходимо активное взаимодействие и транспарентный диалог между участниками, формирование единого стратегического манифеста, поиск компромиссов и разработка эффективных и конкретных механизмов реализации партнерства в различных направлениях, среди них можно выделить: трансформацию НБР в аполитичную и суверенную организацию, способную финансировать проекты, не поддаваясь прозападному санкционному давлению [5, с. 63] («БРИКС-банк» перестал финансировать проекты в РФ после СВО на Украине в 2022 году и, вероятнее всего, не будет участвовать в развитии Ирана, вследствие угрозы в виде первичных и вторичных санкций); увеличение инвестиций в наукоемкие отрасли, медицину и образование; создание единой валюты; эмиссионного центра; собственной платежной системы [4] и общего экономического пространства.

Список источников

1. Бабаев К. В., Лавров С. В. И вширь, и вглубь // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 5. С. 69–81.
2. Ибрагимов И. Египет сползает в кризис // РСМД. 2023.
3. Исаев В. А., Филоник А. О. Египет задумывается о будущем // Мир новой экономики. 2024. № 2. С. 29–39.

4. Кузнецов А. БРИКС в мировой финансовой системе: необходимость выравнивания правил игры // РСМД. 2023. 5 С.
5. Леонова О. Г. Расширение брикс и его геополитические последствия // РСМД. 2024. № 2 (123). С. 55–71.
6. Махайкова С. В. Жить можно: как Иран справляется с западными санкциями // Проектно-учебная лаборатория экономической журналистики. 2022. 1–3 С.
7. Пантлеева А. А., Кашкина Е. Д., Брянская Т. В., Скворцов А. О. COVID-19 и проблемы занятости в странах БРИКС // Вестник ПензГУ. 2021. № 1(33). С. 46–49.
8. Смородинская Н. В., Катукоев Д. Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики РАН. 2023. № 6. С. 26–42.
9. Сченснович В. Н. Иран в условиях новых санкций США (аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. 2021. № 4 (322). С. 86–104.
10. Хоминич И. П., Алихани С. Россия и Иран в условиях экономических санкций: антисанкционная политика и экономика сопротивления // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2021. № 2 (116). С. 5–12.

References

1. Babaev KV, Lavrov SV. Both in breadth and depth. *Rossiia v global'noy politike = Russia in Global Politics*. 2023;21(5):69-81. (In Russ.).
2. Ibragimov I. Egypt is sliding into crisis. *RSMD*, 2023. 5 p. (In Russ.).
3. Isaev VA, Filonik AO. Egypt thinks about the future. *Mir novoy ekonomiki = The World of New Economy*. 2024;(2):29-39. (In Russ.).
4. Kuznetsov A. BRICS in the global financial system: the need to equalize the rules of the game. *RSMD*, 2023. 5 p. (In Russ.).
5. Leonova OG. BRICS expansion and its geopolitical implications *RSMD*. 2024;2(123):55-71. (In Russ.).
6. Makhaykova SV. It is possible to live: how Iran copes with Western sanctions. *Proektno-uchebnaya laboratoriya ekonomicheskoy journalistiki = Design and training laboratory of economic journalism*. 2022;1-3. (In Russ.).
7. Pantileeva AA, Kashkina ED, Bryanskaya TV, Skvortsov AO. SOVID-19 and employment problems in the BRICS countries. *Vestnik PenzGU = Vestnik PenzSU*. 2021;33(1):46-49. (In Russ.).
8. Smorodinskaya NV, Katukov DD. Iranian experience of being under sanctions: macroeconomic results and conclusions for Russia. *Vestnik Instituta e'konomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(6):26-42. (In Russ.).
9. Schensnovich VN. Iran under the new US sanctions (analytical review). *Rossiia i musul'manskij mir = Russia and the Muslim World*. 2021;4(322):86-104. (In Russ.).
10. Khominich IP, Alikhani S. Russia and Iran under economic sanctions: anti-sanctions policy and the economy of resistance. *Vestnik RE'A im. G. V. Plexanova = Vestnik of the Plekhanov Russian Academy of Economics*. 2021;2(116):5-12. (In Russ.).

Информация об авторах

И. И. Гринивецкий — студент-бакалавр.

Ю. Н. Гамбеева — старший преподаватель кафедры управления.

Information about the authors

I. I. Grinivetskiy — Bachelor's Student.

J. N. Jambeeva — Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 330.34.01

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-194-199

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С ОПОРОЙ НА ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ

Олег Николаевич Толстобок

Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия, tolstobokov@yandex.ru, 0000-0002-2068-5794

Аннотация. Раскрывается специфика развития отечественной промышленности с опорой на внутренние ресурсы национальной экономики. Автором подчеркивается необходимость учета требований к институтам, технологической базе, человеческому капиталу в процессе формирования конкурентоспособности российской промышленности. России необходимо восстановление ее конкурентных позиций на национальном и мировом рынках, утраченных в процессе перехода от старой экономической системы к новой и от старой индустриальной базы промышленности к новой, учитывая факт соответствия технико-технологических параметров новому технологическому укладу, а факт восстановления промышленности на новой технологической базе — императиву повсеместной неоиндустриализации российской экономики. Вопросы повышения производительности труда и система технического обновления национальной экономики России — одни из приоритетных вопросов развития на современном этапе. Данное исследование будет полезно при разработке стратегии управления процессом обеспечения конкурентоспособности российской промышленности как на микро-, так и макроуровне. Автором использован инструментально-методический аппарат исследования, базирующийся на принципах системного и функционального анализа.

Ключевые слова: промышленность, российские предприятия, конкурентоспособность, внутренние ресурсы развития, неоиндустриализация, трансформация, технологии

Для цитирования: Толстобок О. Н. Обеспечение конкурентоспособности российской промышленности с опорой на внутренние ресурсы // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 194–199. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-194-199.

Review article

ENSURING THE COMPETITIVENESS OF RUSSIAN INDUSTRY BASED ON INTERNAL RESOURCES

Oleg N. Tolstobokov

Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia, tolstobokov@yandex.ru, 0000-0002-2068-5794

Abstract. The paper reveals the specific nature of competitiveness improvement of domestic industry based on internal resources employed for development of the national economy. The author emphasizes the need to focus on the requirements for institutions, technological base, and human capital to improve the competitiveness of Russian industry. Russia is bound to restore its competitive positions in the national and global markets, which declined during transition from the old economic system to the new one and from the old industrial base to the advanced one, using technologies appropriate for the new technological structure. Universal neo-industrialization of the Russian economy should be regarded as the imperative of industrial restoration on a new technological base. Increased labor productivity and the system of technical renewal of the national economy are currently among the priorities of its development. This study provides data that can be used to elaborate a strategy for micro and macro managing the promotion of the competitiveness of Russian industry. The author employed instrumental and methodological research apparatus based on principles of systemic and functional analysis.

Keywords: industry, Russian enterprises, competitiveness, internal development resources, neo-industrialization, transformation, technology

For citation: Tolstobokov ON. Ensuring the Competitiveness of Russian Industry Based on Internal Resources.

Введение

Экономики разных стран современного периода претерпевают глубокие технологические, институциональные, организационные преобразования, связанные с переходом к новому технологическому и мирохозяйственному укладу, преобразуются институциональные механизмы, ослабляются и подрываются системные связи, что приводит к необходимости системных субъектов входить в эти процессы, взаимно встраиваться один в другой, приспосабливаться.

Если говорить о концепции обеспечения конкурентоспособности национальных экономик и их структурных звеньев, то она представляет собой сложно организованный двусторонний процесс изменений, ориентированный на потребности функционирования и развития системы, где преобразуются и системный объект — от промышленности до национальной экономики — и принимающая его система — от региональной экономики до глобальной экономики — в которой он призван функционировать [1].

Для чего востребована такая концепция? Чтобы обеспечить продуктивное взаимодействие сложных систем в условиях ускоряющихся преобразований. При этом неравномерность развития задает некую комбинацию приоритетов, которые лежат в основании концепции конкурентоспособности. Ими являются человек, наука и технологии.

Методология

Востребованность исследования концепции конкурентоспособности состоит в широкой представительности задач неоиндустриализации современной экономики России, а именно ее технологической базы. И дело состоит не только в том, что российская экономика прошла через рыночные трансформации по пути от командно-административной экономики к современной системе, как и многие страны бывшего социалистического пространства, но и в том, что нынешние условия глубоких технологических сдвигов и мирохозяйственных трансформаций выводят рыночные системы на новый уровень глобального лидерства. Многие страны прошли через рыночные преобразования — это и страны СНГ, Прибалтийские страны, страны Восточной Европы, Латинской Америки, Куба, КНР, да и в США среди положений новой промышленной политики Д. Трампа вопросы неоиндустриализации экономики стояли одними из первых, что формирует

широкий запрос со стороны науки и практики на разработку методологических и теоретических положений, основанных на теории неоиндустриализации и направленных на обеспечение конкурентоспособности национальной экономики и отдельных ее звеньев. В рамках данной статьи используются положения теории неоиндустриализации, необходимые для обеспечения конкурентоспособности промышленного ядра российской экономики, базирующегося на новой технологической базе с учетом ошибок реформ «шоковой терапии» и повсеместным применением рекомендаций монетаристской теории к развитию реальной экономики вне связи с хозяйственной практикой. В основу методологии исследования положен системный подход и другие концепции, совместимые с ним [2].

Результаты

Обеспечение конкурентоспособности российской промышленности предполагает опору на собственную технологическую базу, однако такая база была в значительной мере подорвана в 1990-е гг. Представляется, что определенную роль здесь сыграл перенос чужеродных институтов и технологий. В итоге актуальные процессы информатизации, компьютеризации в российской экономике имели сугубо надстроечный характер. Страна долгие годы ориентировалась на импорт технологий, оборудования, норм, стандартов современных бизнес-процессов, вместе с тем, такое положение дел кардинально изменилось за последние годы, Россия активно наращивает свой технико-технологический и инновационный потенциал. Характерны данные индекса глобальной конкурентоспособности: по технологическому уровню Россия занимает (14-е место) в мире, по инновационному потенциалу — на 51-й позиции, в области цифровой конкурентоспособности Россия занимает 42-е место в мире. Лидерами в данном рейтинге стали такие страны, как Швейцария, Швеция, США, Сингапур. Наилучшие результаты показывает Россия в области развития человеческого капитала и науки — 26-е место из 132 экономик мира. По состоянию институтов российская экономика опустилась с 89-го места в 2022 г. на 110-е в 2023 г., что возвышает необходимость формирования действенной институциональной политики государства.

Данные по инвестициям в научные исследования и опытно-конструкторские разработки

со стороны 2 500 крупнейших компаний мира за 2022 г. обновили рекорд за прошлые периоды и составили 1,25 трлн евро, это на 141 млрд евро больше, чем в 2021 г., при этом 10 стран — лидеров данного рейтинга обеспечили свыше 93 % от глобальных расходов. Китай, нарастив инвестиции почти в 10 раз за 8 лет, по данному показателю обошел Евросоюз и занял второе место в глобальном рейтинге, уступив американской экономике¹.

Общемировые расходы на НИОКР концентрируются в «экономике знаний», именно сюда притягиваются капитал и инновации. Среди инновационных отраслей лидируют отрасли фарма- и био- технологий, а также IT-сектор, обгоняя отрасли автомобилестроения, машиностроения, индустрию промышленного оборудования, сферу ВПК, химическую промышленность и производство потребительских товаров. Россия в рейтинге по данному показателю в 2019 г. занимала 9-е место (табл. 1), кроме того, расходы на НИОКР в расчете по ППС составляют 44,5 млрд долл., а в процентах к ВВП этот показатель составляет 1,04 %².

¹ Рейтинг глобальной конкурентоспособности стран (Global Competitiveness Index) за 2022 год URL: <https://www.weforum.org/> — Сайт всемирного экономического форума

² Инновационное развитие России, 2024 — URL: <https://rusinno.ru/article/>

По показателю доли расходов на НИОКР в ВВП мировым лидером является Республика Корея (4,64 % ВВП), за ней следуют Тайвань, Япония, Германия и США. В России около 60 % расходов на НИОКР приходится на корпоративный сектор. Если мы посмотрим на отдачу от вложений в научные разработки, то она еще низка, так как вклад страны в мировое наукоемкое производство составляет 0,35 %.

Тем не менее, несмотря на геополитические тренды и уход иностранного капитала, предоставляющего ключевые технологии, из России, общий баланс в российской промышленности оказался положительным.

Формируя концепцию конкурентоспособности в российской экономике, необходимо учитывать требования к институтам, а в данной области, как показывают рейтинговые показатели в российской экономике выше, остаются слабые места. Мир переходит к новому институциональному укладу, обновляются способы упорядочивания экономических отношений. Современные хозяйственные условия, как отмечает О. В. Брижак, отличаются от прежних и не позволяют по наследству передать весь уклад хозяйственной жизни — институции в виде договоров, норм права, статусов и процедур, приходится проходить несколько циклов обновления институтов, способов упорядочивания

Таблица 1
Table 1

Страны лидеры по объему внутренних затрат на НИОКР в расчете по ППС национальных валют за 2019 год
Leading countries in terms of domestic R&D expenditures calculated in PPP of national currencies for 2019

Страна	Внутренние затраты на исследования и разработки			
	в расчете по ППС национальных валют		к ВВП	
	Место страны	млрд долл.	Место страны	%
США	1	657,5	9	3,07
Китай	2	525,7	14	2,23
Япония	3	173,3	5	3,24
Германия	4	147,5	8	3,18
Республика Корея	5	102,5	2	4,64
Франция	6	72,8	15	2,19
Индия	7	58,7	45	0,65
Великобритания	8	56,9	22	1,76
Россия	9	44,5	37	1,04
Тайвань	10	44,0	3	3,50
Италия	11	38,8	26	1,45
Бразилия	12	36,3	34	1,16
Канада	13	29,3	24	1,54
Испания	14	24,9	31	1,25

Составлено автором по: Инновационное развитие России, 2024. URL: <https://rusinno.ru/article/>

организации экономических отношений, практически ежегодно меняются нормы права, регулирующие рынки, формы контрактов, экономического поведения, статусы [4;12]. Вместе с тем, для управления процессом разработки и реализации концепции конкурентоспособности используются возможности стратегирования, с помощью которых можно выстроить четкую линию стратегического управления на основе воспроизводственного подхода. Это позволит отслеживать все этапы пошагово: от формулирования цели до реализации стратегических задач.

С учетом приведенных положений на рис. 1 сформулируем требования к концепции конкурентоспособности российской промышленности в национальной экономике.

Важность проблемы обеспечения конкурентоспособности отечественной промышленности связана с подготовкой соответствующего институционального контура российской промышленности, в рамках которого востребован кластер контрактов, как средств защиты от оппортунистических форм поведения и закрепления норм, процедур и правил, которые позволят учесть и согласовать интересы субъектов указанного процесса [4; 5, 6].

Для межсубъектного взаимодействия в рамках отраслей, предприятий и территорий следует использовать стратегические контракты, чтобы обеспечить устойчивое сотрудничество, гармонизацию интересов, целей и задач между ними. Конкурентная среда хозяйственной деятельности порождает ее несовершенные формы, что приводит к расхождению интересов хозяйствующих субъектов, несовершенству взаимодействий, де-

формаций в обеспеченности ресурсами и другим противоречиям, поэтому важно использовать соответствующие институционально-хозяйственные инструменты [4; 7; 12].

В современных условиях ускоряющихся трансформаций, формирования переходных форм отношений и связей, новых технологий и особых форм коммуникаций возникает необходимость в приспособлении к данным изменяющимся обстоятельствам, а ослабление института доверия вызывает необходимость закрепить отношения специальными контрактами, обеспечивающими спецификацию отношений и согласование интересов. Переход к шестому технологическому укладу и производства инноваций с опорой на внутренние ресурсы увеличивает востребованность интеллектуального капитала как генератора нетривиальных идей, формирующих новое качество экономических отношений, отсюда следует, что необходима разработка особых контрактов, учитывающих роль и влияние обладателя интеллектуального капитала не просто как носителя знаний и креативных идей, а как бизнес-партнера, принимающего участие в создании уникальных капитальных комбинаций, соответствующие новым вызовам современности и новым требованиям технологического развития. В последние годы Россия по-новому интегрируется в мировую экономику, развиваются новые взаимодействия и сотрудничество, старые контракты уходят в прошлое, а новые контракты призваны формировать новые отношения и по-новому учитывать интересы всех сторон контрактов. Несмотря на преобладание в отечественной экономике корпоративного капитала, ориентированного

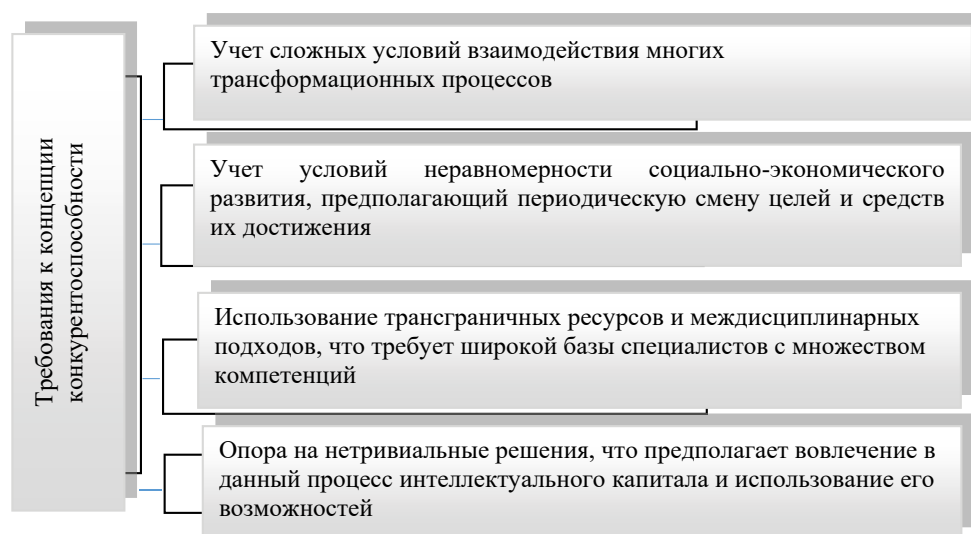

Рис. 1 Системные требования к концепции конкурентоспособности российской промышленности
 Fig. 1. System requirements for the concept of competitiveness Russian industry
 Источник: составлено автором

на добычу ресурсов, совокупный спрос на интеллектуальный капитал и его генерацию постепенно возрастает. Россия входит в Топ-10 рейтинга по численности научных исследователей в мире, занимая шестую позицию рейтинга [8].

Для российской промышленности концепция обеспечения конкурентоспособности должна включать следующие цели:

- преодоление кризиса и перевод экономики в фазу устойчивого экономического роста посредством эффективного антикризисного управления, компетентности менеджмента, планирования, повсеместной неоиндустриализации и развития соответствующих институтов [9];

- глубокие качественные технологические и институциональные изменения, включающие разработку инновационных технологических разработок и цифровой индустрии, долгосрочные инвестиции, квалифицированный персонал, качественные информационные ресурсы, развитие исследовательских центров и центров трансфера технологий, технопарки, институты оживления и сдерживания экономики;

- формирование широкой базы научных сотрудников и компетентных специалистов в области промышленного производства, используя междисциплинарные подходы, интегративные ресурсы, матричное управление, творческие (венчурные) группы [10; 11];

- вовлечение интеллектуального капитала для решения сложных производственных задач с опорой на знания, интеллект, проектное управление, технологии решения исследовательских заданий;
- системная постановка стратегических целей и приспособления промышленной политики к меняющимся целям [11].

Выводы

В завершение статьи необходимо сделать акцент на обеспечении конкурентоспособности российской промышленности в связке с временным аспектом (темпоральный императив), предполагающим соответствие национальным и глобальным трендам развития экономики с учетом причинно-следственных связей, формирующихся в условиях времени. Временной ресурс на сегодняшний день является одним из редких и невозобновляемых. В условиях новой реальности многие процессы тяготеют к настоящему времени, к периоду «здесь и сейчас», поэтому реализовывать концепцию повышения конкурентоспособности российской промышленности следует из сегодняшних реалий, опираясь на сегодняшние ценности, требования, институты. Постоянное приспособление к новой реальности и возможности стратегирования позволят сформировать логическую последовательность процесса обеспечения конкурентоспособности российской промышленности [12].

Список источников

1. Brizhak O., Adamenko A. Neoindustrial paradigm of Russian Corporations integration into the economy system under the conditions of transition to the sixth technological order // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. № 111. С. 619–626.
2. Брижак О. В., Толстобоков О. Н. Политика неоиндустриализации в контексте новой экономической реальности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 10 (456). С. 9–17. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11001.
3. Брижак О. В. Корпоративные отношения в современной российской экономике и их влияние на инновационное развитие // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2014. № 1. С. 4–9.
4. Брижак О. В. Институциональные и технологические доминанты доктрины встраивания пространственных систем в мировую экономику // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 9 (431). С. 65–71. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10907
5. Shinkevich A. I., Nadezhdina M. E., Solovov S. A. Interaction of logistic and production systems of the petrochemical industry in the conditions of industry 4.0. // *E3S Web of Conferences*. 2024. Т. 531. С. 01015. DOI: 10.1051/e3sconf/202453101015.
6. Pletnev D., Naumova K. High-growth middle-sized firms' performance during the pandemic (Russian case) // *International Journal of Innovation and Technology Management*. 2023. Т. 20, № 05. DOI: 10.1142/s0219877023500311.
7. Kleiner G., Kobylko A. Business ecosystem strategy: design and specifics // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. Т. 442 LNNS. С. 43–51. DOI: 10.1007/978-3-030-98832-6_4
8. Брижак О. В. Интересы субъектов внутрикорпоративных отношений: проблема распределения доходов в российских условиях // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2012. № 2 (21). С. 152–157.
9. Ермоленко А. А., Брижак О. В. Новые формы отношений, возникающие в движении капитала // *Фи-*

лософия хозяйства. 2018. № 6 (120). С. 80–102.

10. Pletnev D., Babkin A., Levikova T., Popova A., Tashenova L. Industrial ecosystem entities business success // E3S Web of Conferences. Ural Environmental Science Forum «Sustainable Development of Industrial Region» (UESF-2023). Chelyabinsk. 2023. С. 02027. DOI: 10.1051/e3sconf/202338902027.

11. Брижак О. В. Качественные изменения системы экономики: новая реальность. Курск, 2024.

12. Брижак О. В. Обеспечение экономической безопасности корпорации на основе встраивания ее в развитие системы национальной экономики // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы. 2019. С. 54–58.

References

1. Brizhak O, Adamenko A. Neoindustrial paradigm of Russian Corporations integration into the economy system under the conditions of transition to the sixth technological order. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020;(111):619-626.

2. Brizhak OV, Tolstobokov ON. The policy of neo-industrialization in the context of the new economic reality. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(10(456):9-17. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11001 (in Russ).

3. Brizhak OV. Corporate relations in the modern Russian economy and their impact on innovative development. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta = Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. 2014;(1):4-9. (in Russ).

4. Brizhak OV. Institutional and technological dominants of the doctrine of integrating spatial systems into the world economy. *Vestnik Chelyabinsk State University*. 2019;(9(431):65-71. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10907 (in Russ).

5. Shinkevich AI, Nadezhdina ME, Solovev SA. Interaction of logistic and production systems of the petrochemical industry in the conditions of industry 4.0. E3S Web of Conferences. 2024;(531):01015. DOI: 10.1051/e3sconf/202453101015.

6. Pletnev D, Naumova K. High-growth middle-sized firms' performance during the pandemic (Russian case). *International Journal of Innovation and Technology Management*. 2023;20(05). DOI: 10.1051/e3sconf/202338902027.

7. Kleiner G, Kobylko A. Business ecosystem strategy: design and specifics. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022; (442LNNS):43-51. DOI: 10.1007/978-3-030-98832-6_4

8. Brizhak OV. Interests of subjects of intra-corporate relations: the problem of income distribution in Russian conditions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*. 2012;(2(21):152-157. (in Russ).

9. Ermolenko AA, Brizhak OV. New forms of relations arising in the movement of capital. *Filosofiya khozyaystva=Philosophy of Economics*. 2018;(6(120):80-102. (in Russ).

10. Pletnev D, Babkin A, Levikova T, Popova A, Tashenova L. Industrial ecosystem entities business success. In: E3S Web of Conferences. Ural Environmental Science Forum «Sustainable Development of Industrial Region» (UESF-2023). Chelyabinsk. 2023; 02027. DOI: 10.1051/e3sconf/202338902027.

11. Brizhak OV. Qualitative changes in the economic system: a new reality. Kursk, 2024. (in Russ).

12. Brizhak OV. Ensuring the economic security of a corporation based on its integration into the development of the national economic system. In the collection: Economic security of Russia: problems and prospects, 2019. 54–58. (in Russ).

Информация об авторе

О. Н. Толстобок — кандидат технических наук, доцент.

Information about the author

O. N. Tolstobokov — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 02.08.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 332.12

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-200-207

РОЛЬ И ПОРЯДОК ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Александра Анатольевна Егорова¹, Илья Андреевич Данилов²,
Сергей Андреевич Гельм³

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aleksandra_csu@mail.ru, 0000-0002-6291-9878

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, danilovdocent@yandex.ru, 0000-0001-9334-7254

³ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, sergey_gelm@mail.ru

Аннотация. Как показывает анализ теории и практики, порядок формирования инновационных конкурентных преимуществ в настоящее время не определен, аналогично, как и его механизм и порядок информационного взаимодействия, что предопределяет необходимость изучения как теории инновационных конкурентных преимуществ, так и установления соответствующего им порядка информационного взаимодействия для эффективного их формирования и использования. Целью исследования является формирование прикладного представления о возможности формирования конкурентных преимуществ в рамках микро-, мезо- и макроуровней экономики. В качестве наиболее эффективных методов при этом предлагается: в теоретической части аналитико-синтезный подход, позволяющий на основе исследования ключевых компонент понятия «инновационное конкурентное преимущество» предложить для применения комбинированный вариант информационного взаимодействия по уровням управления экономикой. В результате такой модели центральная роль объективно сдвигается на мезоуровень, к которому относятся инновационные конкурентные преимущества региона, что способствует повышению их эффективности как на стадиях выявления и использования, так и для перспективного формирования.

Ключевые слова: конкурентные преимущества, макроэкономика, мезоуровень экономики, микроэкономика, региональные конкурентные преимущества

Для цитирования: Егорова А. А., Данилов И. А., Гельм С. А. Роль и порядок информационного взаимодействия при формировании инновационных конкурентных преимуществ // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 200–207. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-200-207.

Review article

THE ROLE AND PROCEDURE OF INFORMATION INTERACTION IN THE FORMATION OF INNOVATIVE COMPETITIVE ADVANTAGES

Alexandra A. Egorova¹, Ilya A. Danilov², Sergey A. Gelm³

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aleksandra_csu@mail.ru, 0000-0002-6291-9878

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, danilovdocent@yandex.ru, 0000-0001-9334-7254

³ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sergey_gelm@mail.ru

Abstract. As the analysis of theory and practice shows, the order of formation of innovative competitive advantages is currently undefined, as well as its mechanism and order of information interaction, which determines the need to study both the theory of innovative competitive advantages and the establishment of an appropriate order of information interaction for their effective formation and use. The purpose of the study is to form an applied understanding of the possibility of forming competitive advantages within the micro, meso and macro levels of the economy. As the most effective methods, an analytical and synthesis approach is proposed in the theoretical part, which allows, based on the study of the key components of the concept of “innovative competitive advantage”, to propose for use a combined version of information interaction at the levels of economic management. As a result of such a model, the central role objectively shifts to the meso-level, which includes innovative competitive advan-

tages of the region, which contributes to increasing their effectiveness both at the stages of identification and use, and for long-term formation.

Keywords: competitive advantages, macroeconomics, meso-level of economics, microeconomics, regional competitive advantages

For citation: Egorova AA, Danilov IA, Gelm SA. The Role and Procedure of Information Interaction in the Formation of Innovative Competitive Advantages *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):200-207. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-200-207.

Введение

Современный этап развития отечественной экономики уникален, во-первых, по сочетанию негативных факторов, рисков и ограничений, которые отрицательно сказываются на текущем положении и перспективах всех российских хозяйствующих субъектов, относящихся как к микро, так и мезо и макроуровням. Во-вторых, тем, что в рамках глобального развития и общемировых экономических тенденций постпандемийный и милитаризированный этапы подтвердил безальтернативность инновационной стратегии, поскольку только она способна мультиплицировать эффект использования имеющихся конкурентных преимуществ, что в совокупности с первым фактом требует активизации механизма, прежде всего, инновационного развития регионов, как этого требует Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г.

Однако, как показывает действительность, эффективность реализации высокотехнологического пути развития оказалась отличной от заложенных в Стратегии реперных точек, что связано с целым рядом сложностей: во-первых, отсутствует единое трактование термина «конкурентные преимущества», что препятствует их выделению и задействованию, во-вторых, существующие алгоритмы информационного взаимодействия при формировании инновационных конкурентных преимуществ на всех уровнях экономики не обеспечивают их соответствия текущим экономическим условиям как в России, так и за рубежом.

Материалы и методы исследования

Неоднозначность трактования термина «конкурентные преимущества» обусловлена его комплексностью, что предполагает анализ компонентного состава, представленного в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Содержательные компоненты термина «конкурентные преимущества», используемые при его трактовании различными авторами
The substantive components of the term “competitive advantages” used in its interpretation by various authors

Содержательные компоненты понятия «конкурентное преимущество»	Автор													
	А. Смит [1, с. 44]	Д. Рикардо, Д. Милль [2, с. 42]	А. Маршалл	Э. Хекшер, Б. Олин [3, с. 19]	А. Алчиан, Г. Демсец, Т. Эггертсон [5, с. 12]	И. Кирцнер [6, с. 56]	П. Друкер, Ф. Хайек [7, с. 11]	М. Портер, Ж. Ламбен [8, с. 44]	Ж. Вальтер [8, с. 45]	Х. Траболт [9, с. 68]	Д. Мур [10, с. 70]	А. Бранденбургер [9]	А. Ойхер [10, с. 71]	
Издержки	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Масштаб производства	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Факторы производства	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Требования конкурентной среды	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Предпринимательские способности	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Человеческий фактор	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Эффективное использование ресурсов	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
Интеллектуальный потенциал	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-
Степень соконкуренции	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+

Вышеозначенная схема наглядно показывает, что если изначально конкурентные преимущества рассматривались с точки зрения экономии на издержках, то с середины XIX в. большее значение стали уделять ресурсобеспеченности, а в XX–XXI в. на первый план вышли знания и интеллектуальный потенциал.

Следовательно, конкурентное преимущество предлагается понимать как превосходство над конкурентами в экономическом, техническом, управленческом, организационном или ином аспекте, обусловленном научными исследованиями и опытно-конструкторскими разработками, производством, реализацией, обслуживанием экономического блага, которые являются основой формирования конкурентоспособности и ведут к реальному или потенциальному увеличению результатов (объема продаж, доли рынка, прибыли, рентабельности и т. д.).

Синтезируя его с нормативно закрепленным в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» определением инноваций как «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях», правомерно следующим образом трактовать понятие «инновационные конкурентные преимущества»: — это превосходство над конкурентами полученное в результате практического претворения научных знаний в форму, позволяющую удовлетворить общественные потребности в экономическом, техническом, управленческом, организационном или ином аспекте, обусловленном свойствами блага в материальной или нематериальной формах, которые являются основой формирования конкурентоспособности и ведут к реальному увеличению результатов деятельности (объема продаж, доли рынка, прибыли, рентабельности) [11, с. 3].

Результаты исследования и их обсуждение

Как следует из предлагаемого понятия — инновационные конкурентные преимущества базируются на двух видах научных исследований:

1) фундаментальных, связанных с широкомаштабными изысканиями, охватывающих глобальные вопросы, относящихся к мкрэкономическому уровню;

2) прикладных — осуществляемых с целью локального совершенствования продукта, технико-технологической цепочки или иных параметров,

способствующих повышению его качества, эффективности производства или формированию опытного образца с перспективой серийного запуска с высокой рентабельностью.

Разница между ними заключается в уровне инициатора (заказчика), объеме финансирования, источниках средств на проведение исследования, а также практической значимости ожидаемых результатов.

Если для первой группы характерно формулирование запроса на национальном уровне (исходя из стратегических запросов к научным исследованиям в соответствии с интересами страны в целом), гигантские объемы средств (как правило — государственных), длительные сроки, а также результат, который не всегда принимает востребованную потребителем форму, то для второй — наоборот, инициирование осуществляется на микроуровне экономики с целью формирования опытного образца востребованного продукта и/или совершенствования текущего уровня производства уже существующего — для повышения эффективности (за счет сокращения затрат) и качества (за счет улучшения технологии производства), вкладываются в это собственные средства хозяйствующего субъекта (соответственно, их объем варьируется от нескольких тысяч до нескольких миллионов), которые предполагают обязательный возврат за счет внедрения инноваций в практику.

Рис. 1 отражает иерархию и информационное взаимодействие инновационных конкурентных преимуществ по уровням.

Как следует из представленного рисунка — все три уровня формирования и реализации инновационных конкурентных преимуществ должны находиться в тесной взаимосвязи, которая традиционно организуется по одному из двух вариантов:

1. Движение информации, заданий и финансирования «сверху-вниз» (от макроуровня к микроуровню) — данный вариант используется в развитых странах и показал свою высокую эффективность в Дании, Швеции, Японии, Корее, Германии, Канаде и других развитых странах — с середины XX века.

Он основан на формировании национальной политики, институциональной и ресурсной базы, направленной на то, чтобы сформировать государственный заказ отраслям, предприятиям, научному сектору, а также индивидуальным предпринимателям и исследователям на развитие научных исследований и технико-технологических комплексов, способствующих формированию эконо-

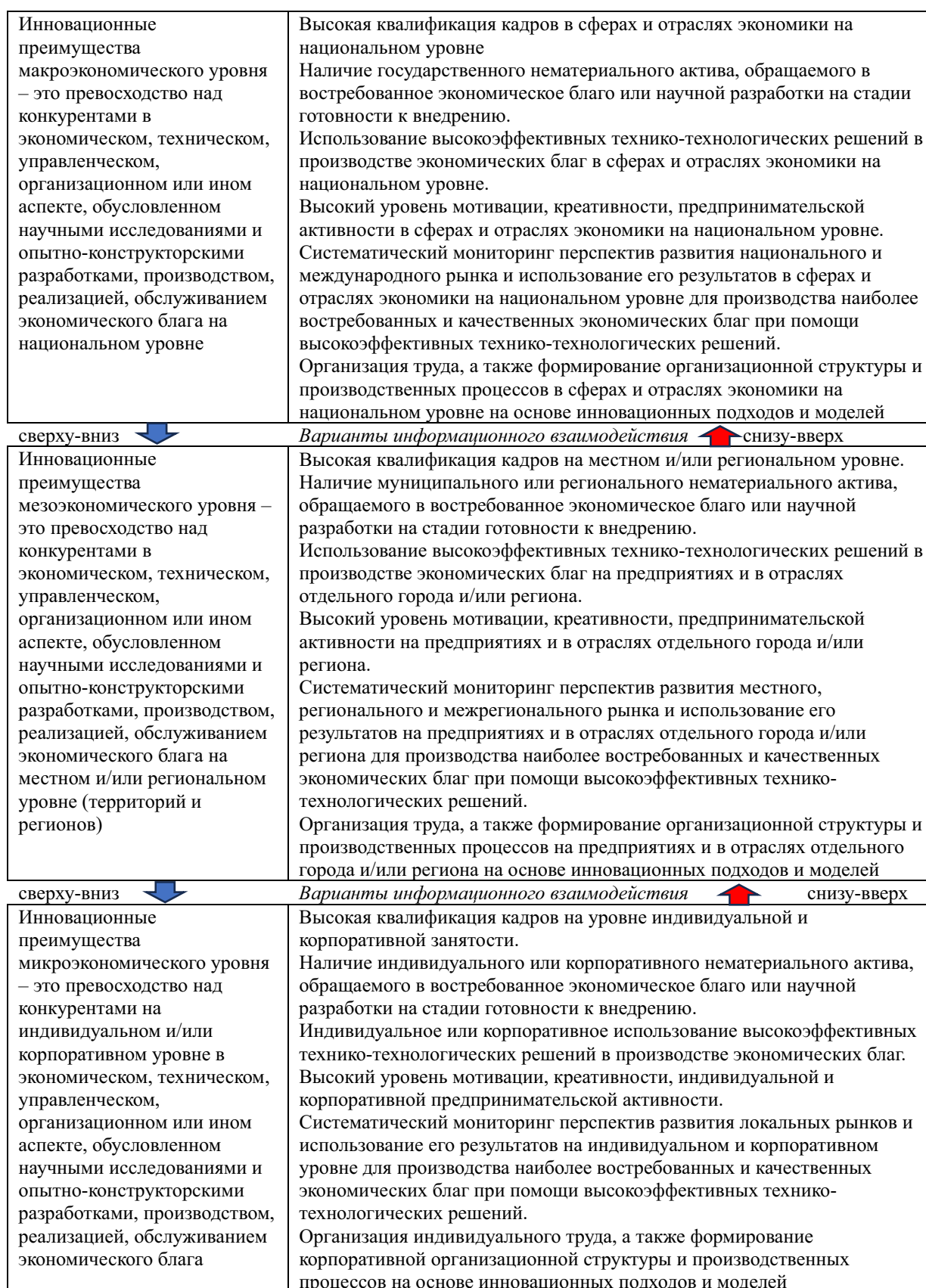

Рис. 1. Иерархия и информационное взаимодействие инновационных конкурентных преимуществ по уровням

Fig. 1. Hierarchy and information interaction of innovative competitive advantages by levels

Источник: составлено авторами.

мических, социальных, организационных, управленческих, научных, экологических и иных преимуществ, полученных в результате практического претворения научных знаний в форму, позволяющую удовлетворить общественные потребности.

Далее этот заказ через специальные органы или институты распределяется по территориям на основе их ресурсного и научного потенциала и перспектив развития. Именно на этом уровне реализуется принцип «двойной поддержки», то есть, с одной стороны, производится стратегическое финансирование через единовременные субсидии муниципалитетов и регионов в соответствии с поставленными на макроуровне приоритетами и программами развития, а с другой — обеспечивается финансирование национальных и региональных университетов и исследовательских центров в них для обеспечения конкуренции с представителями микроуровня в работе над инновационными проектами.

Финальным этапом и уровнем является адресное распределение институциональной системой инноваций мезоуровня средств финансирования между индивидуальными, корпоративными и прочими разработчиками в соответствии с поставленными на макроуровне стратегическими задачами и сформированными на их основе на мезоуровне программами и проектами.

Достоинствами такой организации информационного взаимодействия инновационных конкурентных преимуществ по уровням является строгое соответствие национальным интересам, а также формирование конкуренции как внутри страны (на мезоуровне — между территориями за право получения финансовых ресурсов для распределения внутри муниципалитетов и регионов, на микроуровне — между институтами, корпорациями и индивидуальными исследователями), так и за ее пределами (привлечение международных инвестиций и дополнительного финансирования из-за рубежа).

В качестве одного из наиболее ярких примеров успешной реализации информационного взаимодействия инновационных конкурентных преимуществ по уровням, организованного по принципу «сверху-вниз» является Ирландия, которая при обладании на своей территории небольшого количества ограниченных ресурсов и лишь 1% населения Евросоюза привлекает 25% объема зарубежных инвестиций в инновации от общего объема, поступающего в Европу.

Недостатком такой организации информационного взаимодействия инновационных конку-

рентных преимуществ по уровням является часто наблюдаемый недоучет при формировании национальных программ интересов и потенциальных возможностей, которыми обладают отдельные разработчики, исследователи, корпорации и территории, то есть — недоучет информации с микро и мезоуровня, что препятствует эффективной реализации государственных программ по развитию инноваций приводя к двум видам отрицательных эффектов:

а) растрата средств государственного финансирования на инновационные проекты, которые обозначены в качестве приоритетных в национальных стратегиях и программах и которые потенциально нежизнеспособны по мнению представителей мезо и микроуровня;

б) недостаточное финансирование проектов, которые потенциально перспективны и жизнеспособны по мнению представителей мезо и микроуровня в силу их неприоритетности в рамках национальных стратегий и программ.

В частности, вышеозначенные недостатки организации информационного взаимодействия инновационных конкурентных преимуществ по уровням по принципу «сверху-вниз» достаточно ярко проявляется в отечественной экономике.

2. Движение информации, заданий и финансирования «снизу-вверх» (от микроуровня к макроуровню) — данный вариант используется в развитых странах и показал свою высокую эффективность в Японии, Китае, США и других развитых странах, где доля индивидуальных и корпоративных вложений в инновации превышает целевое финансирование.

Процесс инновационного развития и формирования соответствующих конкурентных преимуществ в рамках данного варианта организации информационного взаимодействия начинается с:

а) прикладных исследований и преследует цель повышения эффективности конкретных производственных процессов или технико-технологических цепочек в рамках индивидуальных или корпоративных хозяйствующих субъектов;

б) опытно-конструкторских разработок, основной целью которых является создание опытного образца, его испытание и подготовка рабочей документации для дальнейшего серийного производства.

Эффективные примеры реализации инновационных проектов, полученных на микроуровне, далее могут быть поддержаны и масштабированы через мезоуровень, а также включены в состав проектов, которые через него заявляются

для фундаментальных исследований и целевого финансирования на макроуровне.

Далее этот результаты опытно-конструкторских разработок и прикладных исследований через специальные органы или институты распределяются по территориям на основе их ресурсного и научного потенциала и перспектив развития. На этом уровне реализуется принцип «двойной поддержки», то есть, с одной стороны, производится стратегическое финансирование через единовременные субсидии муниципалитетов и регионов, а с другой — обеспечивается подключение к инновационным проектам микроуровня национальных и региональных университетов, а также исследовательских центров в них для обеспечения конкуренции с представителями мезо и макроуровня.

Финальным этапом и уровнем является адресное распределение институциональной системой инноваций макроуровня средств финансирования между индивидуальными, корпоративными и прочими разработчиками в соответствии с полученными ими результатами и программами поддержки, сформированными на мезоуровне.

Достоинствами такой организации информационного взаимодействия инновационных конкурентных преимуществ по уровням является учет локальных (индивидуальных и корпоративных) возможностей осуществлять прикладные исследования, которые имеют максимально высокую вероятность реализации в силу своей изначальной адресности, поскольку начальное финансирование производится из собственных средств и имеет целью создание опытного образца, его испытание и подготовку рабочей документации для дальнейшего серийного высокорентабельного производства.

В качестве одного из наиболее ярких примеров успешной реализации информационного взаимодействия инновационных конкурентных преимуществ по уровням, организованного по принципу «снизу-вверх» является Китай, где большая часть инновационных конкурентных преимуществ сформирована на микроуровне.

Недостатком такой организации информационного взаимодействия инновационных конкурентных преимуществ по уровням является высокая вероятность несоответствия инновационных разработок на микроуровне стратегическим национальным интересам, а также невозможность организации фундаментальных исследований по результатам целям создания опытного образца.

Исходя из достоинств и недостатков вышеозначенных вариантов информационного взаимодействия при формировании инновационных конкурентных преимуществ, а также в связи с тем, что и при движении информации «сверху-вниз» и при ее направлении «снизу-вверх» — ключевые операции по формированию и реализации инновационных проектов осуществляются на мезоуровне — для целей данного исследования представляется правомерным предложить комбинированный вариант, который объединит достоинства и устранит недостатки разнонаправленных информационных потоков.

Организация комбинированного варианта информационного взаимодействия при формировании инновационных конкурентных преимуществ, основанная на работе на мезоуровне представлена на рис. 2.

Предлагаемый вариант информационного взаимодействия при формировании инновационных конкурентных преимуществ способствует учету как стратегических интересов — путем привлечения к фундаментальным исследованиям представителей микроуровня, которые содействуют их дальнейшей практической реализации, так и повышению заинтересованности в локальных проектах повышения эффективности конкретных производственных процессов или технико-технологических цепочек в рамках индивидуальных или корпоративных хозяйствующих субъектов, а также опытно-конструкторских разработок — за счет обеспечения заинтересованности (в том числе и в виде целевого финансирования) на мезо и макроэкономическом уровне.

Прогнозируемым итогом организации информационного взаимодействия при формировании инновационных конкурентных преимуществ по предложенному комбинированному варианту является двойной эффект: рост практически реализуемых инновационных проектов и получаемых на их основе опытно-конструкторских разработок, а также снижение объема средств, направленных в неостребованные обществом (государством, потребителями) фундаментальные исследования.

Выводы

Таким образом, при организации комбинированного варианта информационного взаимодействия при формировании конкурентных преимуществ мезоуровень экономики централизует данные о национальных стратегических интересах и потребностях, корректирует их с учетом возможностей высокоэффективных

Рис. 2. Комбинированный вариант информационного взаимодействия при формировании инновационных конкурентных преимуществ

Fig. 2. A combined version of information interaction in the formation of innovative competitive advantages
 Источник: составлено авторами.

и востребованных потребителями индивидуальных и корпоративных разработчиков, которые, в свою очередь, получают информацию о наиболее перспективных и востребованных на макроуровне областях исследований, получая возможность их исполнения при наличии соответствующих индивидуальных и корпоративных экономических, социальных, кадровых, управленческих, экологических и других ресурсов.

В результате такой организации информационного взаимодействия при формировании конкурентных преимуществ центральная роль объективно сдвигается на мезоуровень к которому относятся инновационные конкурентные преимущества региона, что способствует повышению прикладной значимости и эффективности инновационных проектов, реализуемых на микроуровне и снижению потерь:

а) централизованного финансирования от растраты на проекты, которые потенциально нежизнеспособны по мнению (и возможностям к реализации) представителей мезо и микроуровня;

б) связанных с невключением в финансирование проектов, которые потенциально перспективны и жизнеспособны по мнению представителей мезо и микроуровня в силу их неприоритетности.

Следовательно, объективное получение ключевой роли инновационными конкурентными преимуществами региона способствует развитию инновационного характера как на микро, так и на макроуровне экономики, а также обеспечивает их более активное и целенаправленное формирование, направленное на повышение конкурентоспособности за счет максимально эффективной организации производства с одной стороны и востребованности со стороны потребителей — с другой.

Список источников

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Знание, 1995. 230 с.
2. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М. : Эконов, 2003. 340 с.

3. Маршалл А. Принципы политической экономии. М. : Прогресс, 1993. 310 с.
4. Иванова Е. А. Микроэкономика. Теория конкуренции и конкурентных преимуществ: учебное пособие. СПб. : Изд-во СПбГТУ, 1996. 156 с.
5. Васильева З. А. Иерархия понятий конкурентоспособности субъектов рынка // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 23–32.
6. Щербаков Г. А. Генезис и развитие научных представлений о роли инноваций в экономическом процессе // Модернизация. Инновации. Развитие. 2019. № 4. С. 471–486.
7. Друкер П. Бизнес и инновации. М. : Вильямс, 2007. 290 с.
8. Завьялов П. С. Конкуренция — неотъемлемое свойство развитого рынка // Маркетинг. 2017. № 5. С. 2–14.
9. Фатхутдинов Р. А. Стратегическая конкурентоспособность. М. : Экономика, 2005. 505 с.
10. Спиридонов И. А. Международная конкуренция и пути повышения конкурентоспособности экономики России. М. : Инфра-М, 1997. 274 с.

References

1. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. Moscow; 1995. 230 p. (In Russ.).
2. Ricardo D. The beginnings of political economy and taxation. Moscow; 2003. 340 p. (In Russ.).
3. Marshall A. Principles of political economy. Moscow; 1993. 310 p. (In Russ.).
4. Ivanova EA. Microeconomics. Theory of competition and competitive advantages. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Technical University, 1996. 156 p. (In Russ.).
5. Vasilyeva ZA. Hierarchy of concepts of competitiveness of market subjects. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Marketing in Russia and abroad*. 2006;(2):23-32. (In Russ.).
6. Shcherbakov GA. Genesis and development of scientific ideas about the role of innovation in the economic process. *Modernizaciya. Innovacii. Razvitie = Modernization. Innovation. Development*. 2019;(4):471-486. (In Russ.).
7. Drucker. P. Business and Innovation. Moscow; 2007. 290 p. (In Russ.).
8. Zavyalov PS. Competition is an integral property of a developed market. *Marketing*. 2017;(5):2-14. (In Russ.).
9. Fatkhutdinov RA. Strategic competitiveness. Moscow; 2005. 505 p. (In Russ.).
10. Spiridonov IA. International competition and ways to increase the competitiveness of the Russian economy. Moscow; 1997. 274 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, декан экономического факультета.

И. А. Данилов — кандидат экономических наук, доцент.

С. А. Гельм — аспирант третьего года обучения.

Information about the authors

A. A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Dean of the Faculty of Economics.

I. A. Danilov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

S. A. Gelm — Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-208-216

ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА ТЕРРИТОРИИ

Дарья Сергеевна Бенц¹, Татьяна Владимировна Левикова²✉

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, tata_levikova2000@mail.ru

Аннотация. Приведен обзор исследований, посвященных сущности иммунитета территории, а также факторам, его образующим. Актуальность темы работы обусловлена значимостью комплексной оценки социально-экономического иммунитета территории для ее устойчивого развития. Цель работы заключается в представлении результатов анализа различных источников социально-экономического иммунитета территории, а также в их сравнении. Основные задачи для достижения цели: изучить имеющуюся литературу по данной проблеме, определить сущность социально-экономического иммунитета территории; выделить факторы социально-экономического иммунитета территории; изучить стратегии по повышению социально-экономического иммунитета территории. Под социально-экономическим иммунитетом понимаем устойчивость территории к различным социальным и экономическим вызовам. Определены условия, необходимые для формирования и развития социально-экономического иммунитета территории. К ним относятся: наличие интеллектуальных и культурных трендов, которые стимулируют развитие производства; закрытие базовых потребностей людей, проживающих на этой территории; поддержка устойчивой численности населения на среднем демографическом уровне с увеличением доли молодого населения. Представлены и проанализированы критерии иммунитета территории: поддержка здоровья населения; активизация трудового и воспроизводительного потенциала. Изучены факторы, влияющие на процесс развития иммунитета территории. Среди основных выделены: экономическая диверсификация; социальная сплоченность; управление; инфраструктура; образование и инновации. Выделены и изучены основные стратегии развития иммунитета территории: повышение экономической диверсификации; укрепление социальной сплоченности; обеспечение качественного управления; инвестиции в инфраструктуру территории; поддержка образования и инноваций.

Ключевые слова: социально-экономический иммунитет территории, элементы социально-экономического иммунитета, источники иммунитета территории, устойчивое развитие территории, оценочные критерии иммунитета территории, факторы иммунитета территории

Для цитирования: Бенц Д. С., Левикова Т. В. Источники социально-экономического иммунитета территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 208–216. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-208-216.

Review article

SOURCES OF SOCIO-ECONOMIC IMMUNITY OF THE TERRITORY

Daria S. Benz¹, Tatyana V. Levikova²✉

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, tata_levikova2000@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of studies devoted to the essence of territorial immunity, as well as the factors that form it. The relevance of the topic of the work is due to the significance of a comprehensive assessment of the socio-economic immunity of the territory for its sustainable development. The aim of the work is to present the results of the analysis of various sources of socio-economic immunity of the territory, as well as to compare them. The main tasks to achieve the goal: study the available literature on this problem, determine the essence of socio-economic immunity of the territory; identify the factors of socio-economic immunity of the territory; study

strategies to improve the socio-economic immunity of the territory. By socio-economic immunity we mean the resistance of the territory to various social and economic challenges. The conditions necessary for the formation and development of socio-economic immunity of the territory are determined. These include: the presence of intellectual and cultural trends that stimulate the development of production; meeting the basic needs of people living in this territory; maintaining a sustainable population at the average demographic level with an increase in the proportion of the young population. The criteria of territorial immunity are presented and analyzed: supporting public health; activating labor and reproductive potential. The factors influencing the process of development of territorial immunity have been studied. The main ones are: economic diversification; social cohesion; management; infrastructure; education and innovation. The main strategies for development of territorial immunity have been identified and studied: increasing economic diversification; strengthening social cohesion; ensuring high-quality management; investments in territorial infrastructure; support for education and innovation.

Keywords: socio-economic immunity of the territory, elements of socio-economic immunity, sources of immunity of the territory, sustainable development of the territory, assessment criteria for immunity of the territory, factors of immunity of the territory

For citation: Benz DS, Levikova TV. Sources of Socio-Economic Immunity of the Territory. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492)):208-216. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-208-216.

Введение

На сегодняшний день сравнительно большое количество исследований посвящается непосредственно проблематике, связанной с развитием территорий. Первостепенно сюда относятся вопросы, связанные с деятельностью «центра» и «периферии», развитием моногородов, пространственным развитием регионов, взаимодействия между ними, конкурентоспособности определенной территории и пр.

Социально-экономический иммунитет территории — понятие, не часто встречаемое в научной литературе. Чаще авторы говорят об ударопрочности [5], жизнестойкости [4], конкурентоспособности [6] территории. Те же авторы, кто оперирует таким термином [2, 14] под социально-экономическим иммунитетом территории понимают устойчивость региона к различным социальным и экономическим вызовам. Данное понятие включает в себя способность территории адаптироваться к изменениям, преодолевать кризисы и сохранять социальную стабильность. Примечателен тот факт, что количество исследований в плане рассмотрения и изучения иммунитета территории нарастает с каждым годом. Также стоит отметить, что есть несколько определений исследуемого термина в рамках сложившейся практики.

Обзор литературы

В табл. 1 представлены авторы и их подходы к определению понятия «социально-экономический иммунитет территории».

Таким образом, рассматриваемый феномен имеет несколько определений, и каждое из них на практике играет важную и значимую роль.

Сущность социально-экономического иммунитета территории

Социально-экономический иммунитет территории, как и прочие категории научного характера, берет свое начало из философского знания. Такое понятие было получено сравнительно недавно. А. А. Зановьев отмечает, что социально-экономический иммунитет напоминает социальный организм, или общество [8].

Сам по себе термин пришел к нам из латинского языка и означает освобождение, избавление от чего-либо. В социальную науку рассматриваемое понятие пришло из медицины и биологии, оно означает не что иное, как способность организмов к приспособлению к окружающему миру, защите от различных факторов внешнего характера. В рамках своего труда под названием «Левиафан» Т. Гоббс рассуждает о социально-экономических патологиях и перечисляет различные социальные «болезни» [9].

На рис. 1 приведены базовые условия устойчивого социально-экономического развития территории.

Так, на основании данного рисунка несложно сделать вывод о том, что на территории должны присутствовать тренды интеллектуального и культурного развития населения, чтобы они стимулировали производственный потенциал общества [3].

Немаловажную роль играет удовлетворение основных нужд населения в потреблении и трудоустройстве в масштабах, которые позволяют поддерживать оптимальный уровень производительности экономики. Наконец, важна также поддержка стойкой численности населения в соответствии с производительной способностью экономики, чтобы она была достаточной для гарантии

Подходы к определению понятия «социально-экономический иммунитет территории»
Approaches to the definition of the concept of “socio-economic immunity of the territory”

Автор	Подход к определению понятия «социально-экономический иммунитет территории»
Ю. Г. Мыслякова	Автор утверждает, что «социально-экономический иммунитет территории» — это ее устойчивое развитие, основа, обязательное условие. Говоря простыми словами, речь идет о способности противостоять угрозам внешнего и внутреннего характера. За счет такой способности активируется система восстановления после негативных событий за счет ресурсов, которые не были задействованы ранее, а также активов [13]. Помимо прочего, автор выделяет 3 направления: – потенциал самочувствия населения; – трудовой потенциал; – воспроизводственный потенциал [13]. При этом для анализа каждого потенциала автор определяет конкретный набор показателей в виде индикаторов. Это индекс естественного прироста, общего коэффициента рождаемости, заболеваемости и пр.
С. Г. Важенин	Автор занимался исследованием конкурентного иммунитета территорий. Он пришел к выводу о том, что слабость экономики национального уровня связана с низким конкурентным иммунитетом всей страны, ее отдельных регионов, городов. Ученый отмечает, что конкурентоспособность — это положение региона и его определенных товаропроизводителей, описываемое факторами экономического, политического, социального характера. Причем фиксируется данное положение самыми разными рейтингами. Автор утверждает, что конкурентный иммунитет указывает на способность территории принимать участие в конкурентной борьбе [3].
М. Ю. Казаков	Данный автор опирается на позицию предстоящего пространственного континуума относительно рассматриваемой категории и говорит о том, что сегодня актуальна проблема именно выживаемости территорий, а также их жизнеспособности. Основной акцент он делает на том, что за счет новой категории можно оценить и проанализировать внутренние резервы.
А. И. Татаркин, С. В. Дорошенко	Они позиционируют идею об иммунитете территории и утверждают, что ее можно увидеть опосредованно — через такую категорию, как «саморазвитие территории». Это не что иное, как стойкая способность той или иной территории в плане обеспечения расширенного воспроизводства валового продукта за счет ресурсного потенциала, который имеется в распоряжении. Саморазвитие региональной экономической системы может быть обеспечено при ее внутренней самодостаточности [17]. Также авторы выделяют и рассматривают адаптивный потенциал, который основывается на консервативной и переменной компоненте. Первая часть является наследной и содержит ресурсно-сырьевой, производственный, экологический, трудовой, инфраструктурный и пр. потенциал. Вторая часть является мобильной и включает инновационный, предпринимательский, инвестиционный, финансовый и другой потенциал.

Источник: систематизировано авторами самостоятельно.

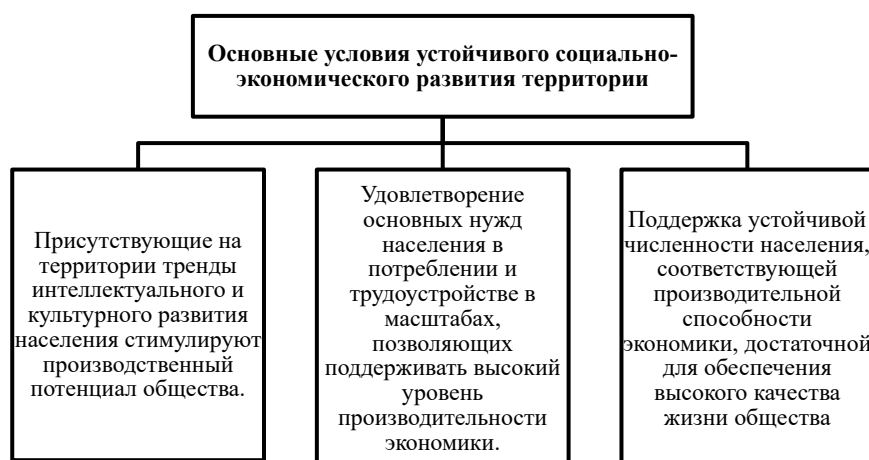

Рис. 1. Базовые условия устойчивого социально-экономического развития территории

Fig. 1. Basic conditions for sustainable socio-economic development of the territory

Источник: составлено авторами самостоятельно на основании источника 3

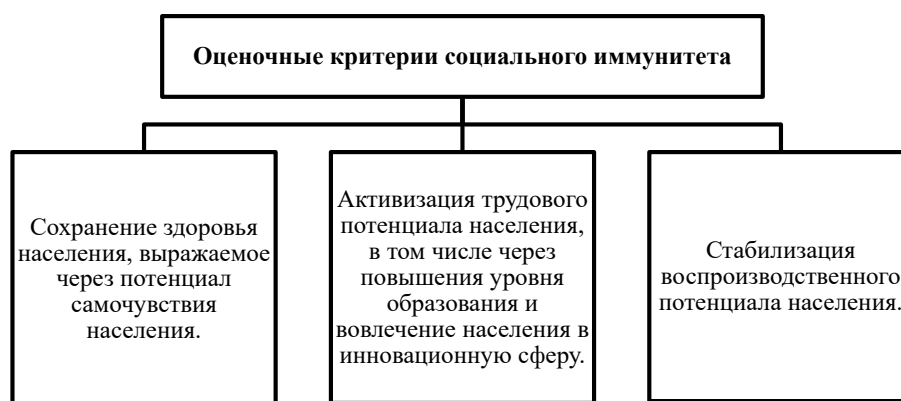

Рис. 2. Оценочные критерии социального иммунитета

Fig. 2. Evaluation criteria of social immunity

Источник: составлено авторами самостоятельно на основании источника 12

высокого уровня жизни общества [1]. На рис. 2 представлены оценочные критерии социального иммунитета.

Первостепенно сюда следует отнести возможность сохранить показатели здоровья населения, которые выражаются непосредственно через потенциал его самочувствия. Особое внимание достается также активизации трудового потенциала, в том числе посредством изменения в лучшую сторону уровня образования и вовлечения населения в инновационную среду. Наконец, особое внимание должно уделяться стабилизации воспроизводственного потенциала населения [12].

Стоит отметить, что ключевой источник социально-экономического иммунитета состоит преимущественно в ее жизнестойкости. Говоря простыми словами, социально-экономический иммунитет территории — это совокупность накопленных потенциалов, которые обеспечивают выживаемость территории. К ним относятся:

- природный потенциал, то есть тип почв, климатические условия, полезные ископаемые и пр.;
- демографический потенциал, то есть численность населения, численность экономически активного, трудоспособного населения, средний возраст, параметры рождаемости, смертности и пр.;
- трудовой потенциал, то есть желание человека трудиться и его способность осуществлять трудовую деятельность в рамках того или иного общественно полезного направления;
- производственный потенциал, то есть способность организации или страны производить те или иные товары в определенном количестве и качестве;
- инвестиционный потенциал, или состояние территории с точки зрения возможности вложе-

ния в нее денежных средств и последующего извлечения прибыли;

- инновационный потенциал, то есть развитие технического и технологического характера, применяемые в производстве средства и инструменты, задействование передовых умов для реализации разработок;
- инфраструктурный потенциал, объем и состояние текущей инфраструктуры и тенденции, перспективы ее развития [10].

Для оценки социально-экономического иммунитета территории необходимо оценить каждый потенциал в отдельности, а затем сравнить их между собой и сопоставить, чтобы прийти к определенным выводам.

Факторы социально-экономического иммунитета территории

Среди разнообразия факторов, можно выделить факторы роста и угрозы. Если первые способствуют развитию, вторые, наоборот, влекут за собой подрыв социально-экономического иммунитета региона [16].

Основные факторы, которые обеспечивают благополучие в рамках социально-экономического иммунитета территории, представлены в табл. 2.

Также выделяются и другие факторы, которые влияют на устойчивость социально-экономического иммунитета территории:

- оптимальная структура населения с демографической точки зрения, то есть большой процент лиц, которые готовы трудиться и делать это эффективно, высокая рождаемость и низкая смертность, в том числе за счет достойного уровня развития медицины;
- высокое качество образования в профильных учреждениях, а также обучения непосредственно на территориях предприятий или

Элементы социально-экономического иммунитета территории
Elements of socio-economic immunity of the territory

Элемент	Определение элемента
Экономическая диверсификация	Одним из ключевых факторов, определяющих социально-экономический иммунитет, является экономическая диверсификация. Регионы, основанные на одной-двух отраслях, более подвержены рискам, связанным с экономическими колебаниями. Например, регионы, зависящие от добычи углеводородов, могут значительно пострадать при падении цен на нефть. В отличие от них, экономики с разнообразными отраслями, включая промышленность, услуги и сельское хозяйство, имеют больше шансов на устойчивость и адаптацию к изменениям.
Социальная сплоченность	Социальная сплоченность предполагает наличие крепких связей между жителями региона. Высокий уровень доверия и солидарности среди населения способствует более быстрому и эффективному реагированию на кризисы. Исследования показывают, что регионы с сильно развитыми социальными сетями и высокой вовлеченностью граждан в общественную жизнь лучше справляются с кризисами.
Качество управления	Эффективное и прозрачное управление является неотъемлемой частью социально-экономического иммунитета. Качество государственного управления напрямую влияет на способность территории внедрять новые инициативы, справляться с кризисами и обеспечивать устойчивое развитие. Хорошее управление включает в себя способность привлекать инвестиции, обеспечивать безопасность, поддерживать правопорядок и предоставлять качественные услуги населению.
Инфраструктура	Развитая инфраструктура (транспорт, энергетические сети, связи и т. д.) играет важную роль в обеспечении устойчивости территории. Так, наличие необходимых коммуникаций способствует привлечению инвестиций, развитию бизнеса и улучшению качества жизни населения. В условиях кризиса эффективная инфраструктура может быть решающей для обеспечения мобилизации ресурсов и быстрой реакции на изменения.
Образование и инновации	Образование и инновации являются ключевыми факторами, способствующими развитию социально-экономического иммунитета территории. Высокий уровень образовательных учреждений способствует повышению квалификации рабочей силы, что, в свою очередь, приводит к увеличению производительности и конкурентоспособности. Поддержка инновационных проектов и стартапов также способствует экономическому росту и созданию новых рабочих мест.

Источник: составлено авторами самостоятельно.

кластеров, чтобы каждый специалист мог повысить квалификацию практически без отрыва от производства;

– достойный уровень мотивации работников к качественному исполнению их должностных обязанностей, причем стимулы могут быть, как материальными, так и нематериальными [12].

Социально-экономический иммунитет не является статичной характеристикой. Он подвержен влиянию внешних факторов, таких как глобальные экономические тенденции, политическая нестабильность, изменения в климате и экологии, миграционные потоки и др. Возникающие угрозы можно описать следующим образом:

– глобализация приводит к увеличению взаимосвязей между регионами и странами, что создаёт как новые возможности, так и вызовы. С одной стороны, регионы могут получать доступ к новым рынкам и инвестициям, с другой — становятся более уязвимыми к глобальным кризисам;

– изменение климата становится важным фактором, влияющим на социально-экономический иммунитет территорий. Природные катастрофы, такие как наводнения, засухи и ураганы, могут иметь разрушительные последствия для экономики и социальной структуры региона. Поэтому устойчивое развитие и работа над климатическими рисками становятся важными аспектами стратегии управления;

– политическая нестабильность может существенно подорвать социально-экономический иммунитет территории. Конфликты, войны и насилие ведут к уменьшению инвестиций, миграции населения и ухудшению качества жизни. Регионы, испытывающие политическую нестабильность, часто имеют высокие уровни бедности и безработицы, что дополнительно ослабляет их иммунитет;

– отток населения (преобладающий возраст 20–40 лет), особенно это касается оттока молодых специалистов и профильных экспертов, так как на конкретной территории им не предлагают-

ся оптимальные рабочие места с высоким уровнем заработной платы;

— ослабление научного потенциала, поскольку все передовые разработки постепенно изживают себя, и на смену им приходят стандартные и банальные решения, требующие безоговорочного совершенствования;

— негативное состояние окружающей среды, а также негативное восприятие населением сложившейся экологической обстановки, нежелание ее улучшать и совершенствовать, выбросы большого количества вредных веществ в атмосферу, отсутствие у предприятий мотивации улучшать сложившуюся ситуацию и пр¹.

Таким образом, выделяются факторы, которые способствуют и препятствуют наращиванию социально-экономического иммунитета, их нужно рассматривать по отдельности и в то же время сопоставлять друг с другом в рамках единого комплекса для достоверного анализа.

Стратегии повышения социально-экономического иммунитета территории

Для повышения социально-экономического иммунитета территорий необходимо разрабатывать комплексные стратегии, которые учитывают специфику региона и его потребности. Вот несколько ключевых направлений работы:

1. Повышение экономической диверсификации

Правительство и местные органы власти должны активно работать над созданием условий для экономической диверсификации. Это можно достичь путем привлечения новых инвестиций, поддержания малого и среднего бизнеса, развития сектора услуг и технологий.

2. Укрепление социальной сплоченности

Для повышения уровня социальной сплоченности следует активно развивать гражданское общество, поддерживать общественные инициативы и программы, направленные на совместную деятельность граждан. Организация культурных, спортивных и образовательных мероприятий также способствует укреплению связей между жителями.

3. Обеспечение качественного управления

Совершенствование государственного управления требует внедрения лучших практик, открытости и прозрачности в работе органов власти. Использование современных технологий, таких как электронное правительство, может значительно

повысить уровень доверия граждан и улучшить доступ к услугам.

4. Инвестиции в инфраструктуру

Для обеспечения устойчивого развития территорий важно вкладываться в создание и модернизацию инфраструктуры. Это включает в себя развитие транспортной сети, водоснабжения, энергетики и связи. Современная инфраструктура будет способствовать экономическому росту и улучшению качества жизни населения.

5. Поддержка образования и инноваций

Необходимо активно инвестировать в образование, начиная с дошкольного и заканчивая высшим, а также поддерживать программы переподготовки и повышения квалификации. Инновации, научные исследования и стартапы следует поддерживать через гранты, субсидии и налоговые льготы.

Заключение

В современном мире, характеризующемся высокой динамикой изменений и неопределенностью, социально-экономический иммунитет территории становится важнейшим фактором, определяющим её способность к выживанию и развитию. Окружающая среда, включая экономические, политические и социальные аспекты, требует от регионов гибкости и адаптивности. В этой связи развитие социально-экономического иммунитета — это не просто необходимость, а стратегическая задача, которую должны решать как местные власти, так и общественные организации.

Одним из главных ориентиров для повышения иммунитета территории является экономическая диверсификация. Получение доходов из различных источников позволяет минимизировать риски, связанные с возможными колебаниями в одной отрасли. Социальная сплоченность, активное участие граждан в жизни региона и культурное разнообразие создают необходимую основу для формирования устойчивого общественного духа и коллектива, способного справляться с любыми вызовами.

Важным элементом, способствующим повышению социально-экономического иммунитета, является поддержание инновационной активности. Инновации и развитие технологий — это не только двигатели экономического роста, но и необходимые условия для адаптации к меняющимся условиям. Поддержка стартапов, исследовательских институтов и образовательных учреждений становится важной частью стратегического планирования на уровне территории. Вклад этих институтов в местную экономику способствует образованию новых рабочих мест, созданию

¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ.

высококвалифицированных кадров и внедрению современных технологий.

Кроме того, регионы должны принимать во внимание угрозы, исходящие от внешних источников. Политическая нестабильность, санкции, глобальные экономические изменения — все это примеры внешних факторов, которые могут отрицательно повлиять на социально-экономическую ситуацию. Поэтому важно иметь механизм мониторинга и управления рисками, чтобы регион был готов оперативно реагировать на изменения и предотвратить негативные последствия.

Для повышения социально-экономического иммунитета территории необходимо разработать и внедрить целый ряд инициатив и программ. Среди них важное место занимает формирование устойчивого бизнес-климата, привлечение инвестиций и развитие инфраструктуры. Эти меры создадут прочную основу для устойчивого экономического роста и необходимой социальной стабильности.

Важно также понимать, что работа над социально-экономическим иммунитетом — это долгосрочный процесс, который требует координации

усилий различных участников. Государственные структуры, бизнес, общественные организации и граждане должны работать в едином ключе, разрабатывая совместные стратегии и принимая участие в их реализации.

Таким образом, социально-экономический иммунитет территории — это не просто концепция, а необходимая основа для устойчивого развития в условиях быстро меняющегося мира. Это понятие охватывает широкий спектр вопросов: от экономической устойчивости и социальной справедливости до инновационной активности и управления рисками. Регион, который умеет эффективно использовать свои ресурсы, адаптироваться к новым вызовам и строить крепкие социальные связи, способен не только выжить в условиях неопределенности, но и добиться значительного прогресса. В этом контексте работа над социально-экономическим иммунитетом территории должна стать приоритетной задачей для всех заинтересованных сторон, стремящихся к созданию более стабильного и благополучного будущего для своего региона.

Список источников

1. Белобородов В. М. Проблема регионального неравенства в России: причины и пути решения // Социальные и гуманитарные науки. 2020. С. 113–124.
2. Бенц Д. С., Журавлева Г. П. К вопросу об иммунитете территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 16 (452). С. 224–228.
3. Блануца В. И. Контрастность границ между российскими регионами по траекториям достижения национальных целей развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 63–73.
4. Бочко В. С. Жизнестойкость территории: содержание и пути укрепления // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 26–37.
5. Данилова И. В., Резепин А. В. Развитие пространственных экономических систем: эволюционный подход // Вестник ЮУрГУ. 2022. Т. 16, № 1. с. 18–28.
6. Джуманьязова И. Р. Конкурентоспособность территории и возможности её повышения // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2016. № 31. С. 48–51.
7. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М. : Центрполиграф, 1994. 54 с.
8. Лимонов Л. Э. Инвестиционная региональная политика: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2024. 177 с.
9. Каримова М. Т. Дифференциация регионов и механизм ее снижения // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2022. Т. 13, № 2 (54). С. 182–191.
10. Каримова М. Т. Основы региональной экономики // Душанбе: Типография ТНУ. 2023. С. 73.
11. Москвин С. Н. Территория: практические инструменты развития и повышения привлекательности: учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2024. 86 с.
12. Мусатова И. В. Формирование стратегии социально-экономического развития региона // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. Т. 11-3. № 62.
13. Мыслякова Ю. Г. Устойчивое экономическое развитие через призму социального иммунитета территории // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 10-2. С. 150–155.
14. Никитин О. А., Сергеева Т. Л. Проблемы и перспективы функционирования территорий опережающего социально-экономического развития России // Beneficium. 2021. № 3 (40). С. 134–142.

15. Лимонов Л. Э. Региональная экономика и пространственное развитие: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2024. 445 с.
16. Смылова О. Ю., Строев П. В. Территории опережающего социально-экономического развития в России: особенности, тенденции и сдерживающие факторы эффективного развития // Вестник Омского университета. 2019. № 4. С. 63–76.
17. Татаркин А. И., Дорошенко, С. В. Институт стратегического планирования в условиях формирования саморазвивающихся регионов // Общество и экономика. 2009. № 11/12. С. 100–120.
18. Лимонов Л. Э. Урбанистика. Городская экономика, развитие и управление: учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2024. 822 с.
19. Хайдаров Ш. М., Рахматулин А. Р. Проблемы депрессивных регионов в Российской Федерации и возможные пути их решения // Политика и общество. 2024. № 1. С. 45–54.

References

1. Beloborodov VM. The Problem of Regional Inequality in Russia: Causes and Solutions. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki = Social and Humanitarian Sciences*. 2020:113-124. (In Russ.)
2. Benz DS, Zhuravleva GP. On the Issue of Territory Immunity. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(16(452)):224-228. (In Russ.)
3. Blanutsa VI. Contrast of Borders between Russian Regions along Trajectories of Achieving National Development Goals. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Transbaikal State University*. 2023;29(1):63-73. (In Russ.)
4. Bochko VS. Territory Resilience: Content and Ways of Strengthening. *Ekonomika regiona = Economy of the Region*. 2013;(3(35)):26-37. (In Russ.)
5. Danilova IV, Rezepin AV. Development of spatial economic systems: an evolutionary approach. *Vestnik YUUrGU = Bulletin of SUSU*. 2022;16(1):18-28. (In Russ.)
6. Dzhumanyazova I. R. Competitiveness of the territory and the possibilities of its improvement. *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii = Strategy for sustainable development of Russian regions*. 2016;(31):48-51. (In Russ.)
7. Zinoviev AA. Communism as a reality. The crisis of communism. Moscow; 1994. 54 p. (In Russ.)
8. Limonov LE. Investment regional policy: a textbook for universities. Moscow; 2024. 177 p. (In Russ.)
9. Karimova MT. Differentiation of regions and the mechanism for reducing it. *Nauchnyye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiG = Scientific works of the North-West Institute of Management RANEPА*. 2022;13(2(54)):182-191. (In Russ.)
10. Karimova MT. Fundamentals of regional economics. Dushanbe; 2023. 73 p. (In Russ.)
11. Moskvina SN. Territory: practical tools for development and increasing attractiveness: a textbook for universities. Moscow; 2024. 86 p. (In Russ.)
12. Musatova IV. Formation of a strategy for the socio-economic development of a region. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International journal of humanitarian and natural sciences*. 2021;11-3(62). (In Russ.)
13. Myslyakova YuG. Sustainable Economic Development through the Prism of Social Immunity of the Territory. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(10-2):150-155. (In Russ.)
14. Nikitin OA, Sergeeva TL. Problems and Prospects of Functioning of the Territories of Advanced Social and Economic Development in Russia. *Beneficium*. 2021;(3(40)):134-142. (In Russ.)
15. Limonov LE. Regional Economy and Spatial Development: a Textbook for Universities. Moscow; 2024. 445 p. (In Russ.)
16. Smyslova OYu, Stroyev PV. Territories of Advanced Social and Economic Development in Russia: Features, Trends, and Constraining Factors of Effective Development. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2019;(4):63-76. (In Russ.)
17. Tatarkin AI, Doroshenko SV. Institute of Strategic Planning in the Context of Formation of Self-Developing Regions. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*. 2009;(11/12):100-120. (In Russ.)
18. Limonov LE. Urban Studies. Urban Economy, Development and Management: Textbook and Workshop for Universities. Moscow; 2024. 822 p. (In Russ.)

19. Khaidarov ShM, Rakhmatulin AR. Problems of Depressed Regions in the Russian Federation and Possible Ways to Solve Them. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*. 2024;(1):45-54. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Т. В. Левикова — старший лаборант учебно-научной лаборатории инновационного бизнеса и предпринимательства Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the authors

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

T. V. Levikova — Senior Laboratory Assistant at the Educational and Scientific Laboratory of Innovative Business and Entrepreneurship at the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 330.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-217-227

АССОЦИИРОВАННАЯ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ГРАЖДАН КАК СПОСОБ ВЫХОДА ИЗ ТУПИКА РОССИЙСКОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ¹

Сергей Иванович Кретов

НИЯУ МИФИ, Москва, Россия, kretsi1955@gmail.com

Аннотация. Фундаментальные ошибки ученых в классификации типов, видов и форм собственности, как структурообразующего социально-экономического отношения, привели к последующим неверным шагам. Весь мир, начиная с К. Маркса, негативно оценивал частную капиталистическую собственность. Но в силу неадекватного перевода термина private property как «частная собственность» в СССР ее объявили вне закона. Даже после объявления тотальной приватизации, а не превращения государственной (общественной) собственности в частную, этой ошибки никто не заметил. Непонимание как на уровне науки, так и в рамках юриспруденции, что в СССР была равная долевая наследуемая и неотчуждаемая частная собственность граждан страны, предопределило нелегитимность всех и каждого акта так называемой российской приватизации. Вопросы правовой коллизии в настоящей статье поставлены эпистемологически конкретно, а вопросы экономических манипуляций, граничащих с преступлением против человечности, раскрыты с учетом результатов последних научных исследований данного предмета. Наиболее ценными являются конкретные предложения по выведению базиса экономики — вопросов собственности из сложившегося тупика. Это проявляется как практически единодушное представление российского общества о приватизации как о преступном деянии так называемых реформаторов, так и поступательное развитие мировоззрения Президента России, который уже давно признал приватизацию несправедливой, а на последнем форуме в Санкт-Петербурге обратил внимание Прокуратуры России на случаи преступлений в ходе приватизации.

Ключевые слова: частная собственность, государственная собственность, капитализм, приватизация, ассоциированная частная собственность граждан, гармоничная общественно-экономическая формация

Для цитирования: Кретов С. И. Ассоциированная частная собственность граждан как способ выхода из тупика российской приватизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 217–227. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-217-227.

Review article

ASSOCIATED PRIVATE PROPERTY OF CITIZENS AS A WAY OUT OF THE IMPASSE OF RUSSIAN PRIVATIZATION

Sergey I. Kretov

NIYAU MIFI, Moscow, Russia, kretsi1955@gmail.com

Abstract. Fundamental errors by scientists in classifying types, types and forms of property as structuring socio-economic relationships have led to subsequent missteps. The whole world, starting with K. Marx, has been negative about private capitalist property. But due to the inadequate translation of the term “private property” as “private property” in the USSR, it was declared illegal. Even after the announcement of total privatization, rather than the transformation of public (common-law) property into private property, this mistake was not noticed. The lack of understanding, both at the level of science and within the framework of jurisprudence, that in the USSR there was an equal share of unmonitored and inalienable private property of the country’s citizens, predetermined the illegitimacy

¹ От редактора: понимая полемический характер представленной статьи, редколлегия приняла решение опубликовать ее для в том числе инициирования дискуссии о контурах российской экономики будущего, в которой будут разрешены противоречия, сохраняющиеся по настоящее время. Источником одного из таких противоречий выступает, безусловно, и приватизация 1990-х гг.

of every act of so-called Russian privatization. The issues of legal conflict in this article are set out epistemologically specifically, and the questions of economic manipulation bordering on a crime against humanity are solved taking into account the results of recent scientific studies of the subject. The most valuable are concrete proposals to bring the economic basis — property issues out of the current impasse. This is manifested as the almost unanimous view of Russian society on privatization, both about criminal acts of so-called reformers, and the progressive development of the worldview of the President of Russia, who has long recognized privatization not fair, At the last Forum in Saint Petersburg, drew the attention of the Prosecutor's Office of Russia to cases of crimes during privatization.

Keywords: private property, private property, capitalism, privatization, associated private property of citizens, harmonious social-economic formation

For citation: Kretov SI. Associated private property of citizens as a way out of the impasse of Russian privatization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):217-227. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-217-227.

Генезис государственной (общенародной) собственности

Методология настоящего научного исследования базируется на понимании Э.Канта, что любое человеческое знание начинается с интуиции, переходит к понятиям и завершается идеями. В предыдущей части интуиция и понятия были подробно рассмотрены. Знание фундаментальных законов развития экономики — искусственной среды обитания человека позволяет точно и однозначно утверждать, что возврата к общенародной частной собственности в её прежнем понимании уже не будет. Задача научного сообщества состоит в применении метода дедукции для формирования новой, прогрессивной теоретической модели отношений собственности в России, базируясь на трёх компонентах её организации: «владении», «пользовании» и «распоряжении» и с учётом опыта практического создания и последующего корыстного разгрома общенародной частной собственности. Эта модель получила название АССОЦИИРОВАННОЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН (далее — АЧСГ). Сущностным отличием общенародной и ассоциированной частной собственности является то, что в теоретической модели «общенародной собственности» «владение» было общенародным, а «пользование» и «распоряжение» было передано государственным органам. Ассоциированная частная собственность граждан законодательно закрепляет за всем населением страны права «владения» и «распоряжения». Лишь право «пользования» будет передаваться нанимаемым управленцам.

Приватизация в теории и на практике

Разработчики концепции и модели АЧСГ не хотят ассоциировать частное и личное имущество граждан, полученное законным путём бережливости, расчётливости, предпринимательства и т. п. Народ жаждет вернуть свое кровно заработанное

его предками и, безусловно, сделает это. В этом квинтэссенция современного общественного мнения. Если так называемую приватизацию в России проверить на объёмы и чистоту приватного характера средств, заплаченных приватизаторами, то к ассоциированной частной собственности граждан в России можно отнести практически всю современную собственность за исключения основных производственных фондов, построенных с нуля на средства, имеющие обоснованный сертификат их приватного происхождения.

Любому уважающему свою научную репутацию ученому рано или поздно придётся провести системный категориальный и сущностный анализ процессов, называемых приватизацией, итоги которой либералы пытаются увековечить новой кипой исторически ничтожных бумажных законов. Не претендуя на полноту и глубину научного анализа и рассматривая это исследование, как приглашение интеллектуального авангарда нашей страны к научной оценке процессов российской приватизации, затронем лишь самые поверхностные пласты тотальной, апологетической лжи о приватизации.

Приватизация — это обмен общенародной частной или бесхозной собственности на законные частные средства покупателей. Это означает, в первую очередь, что покупатели общенародной частной собственности должны были доказать, что средства, на которые они собираются покупать общественные фабрики и заводы, являются их честно заработанными, а не отмытыми госсредствами, и с них уплачены все налоги. Это, так называемый и признанный в мире, сертификат происхождения частных средств. Не надо быть великим учёным, чтобы понять, что в СССР—России адекватных частных средств для выкупа второй экономики мира ни в то время, ни сейчас нет. Поэтому, норму о предварительной уплате налогов, предусмотренную в соответствующем

советском проекте закона об акционировании и разгосударствлении, российские «реформаторы» сознательно удалили из текста, что открыло возможность уполномоченным исполнителям выписывать свидетельства на право частной собственности без проверки источников средств покупки предприятий. Приватизация превратилась в чиновничий «лохотрон», когда покупатель предъявлял на аукцион от своего имени денежные средства, имевшие государственные и другие общественные источники, а чиновники-продавцы делали вид, что они этого не понимают.

Летопись приватизации и доходы от ее осуществления

В любой стране мира критическим моментом законности и справедливости приватизации является источник средств, направленных покупателями на оплату выкупаемого у собственников имущества. Законопослушные граждане зарабатывали свои частные средства, платили налоги, копили на приватизацию, а «не ленивые» за бесценок быстро скупили самые эффективные предприятия по сконструированным на скорую руку бумажным законам национального предательства в формате мошеннических схем типа безликих вачуров и закрытых залоговых аукционов.

Уже в далеком декабре 1998 г. обозреватель «Совершенно секретно» Олег Лурье представил своё расследование бесчинств российских приватизаторов¹. Прошли годы. В 2004 г. вышел аналогичный по выводам О. Лурье доклад Счетной палаты Российской Федерации. В нём подчёркивались предельные масштабы криминальности российской приватизации, которые не сопоставимы не только со справедливостью, но и законностью процессов функционирования всех государственных институтов. Никто не смог опровергнуть приведённые в нём факты и выводы. В 2013 г. этот настойчивый журналист напомнил всем об этих и многих новых открывшихся фактах². Представляется, что не опровергнутые столь долго свидетельства, полученные из двух независимых источников, можно рассматривать как истину. Любопытные читатели могут изучить его материалы в оригинале. Здесь же будут приведены лишь вопиющие факты, вскрытые автором и Счётной палатой России.

После принятия Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)» в 1988 г. в Рос-

сии начался процесс, названный приватизацией. В ноябре 1991 г. в Давосе по решению семибанкирщины пост председателя Госкомитета по управлению государственным имуществом занял малоизвестный Чубайс. Уже 2 июня 1992 г. он был повышен в должности до Заместителя Председателя Правительства РФ. Программу по дезинтеграции советской экономики Чубайсу создавали специалисты из «Европейского банка реконструкции и развития», «Морган Гринфелд», «Клиффорд Чанс», «Бейкер энд Маккензи», «Кредит Комерсиаль де Франс», «Куперс энд Лайбрэн», «Делойт энд Туш», «Вайт энд Кейс» и из других столь же «дружественных» России организаций³. Фактический разгром отечественной экономики наглядно продемонстрирован в статье «Что после либерализма?» [1].

В указе Президента № 66 от 29 января 1992 г. было указано, что целью приватизации является **«повышение эффективности деятельности предприятий путём их приватизации», «социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счёт средств, поступивших от приватизации»**. Что из этого получилось представлено в предыдущей статье в цифрах и фактах.

В 1992 г. было приватизировано 46 тысяч предприятий, в 1993 г. — 88 тысяч, в 1994-м — 112 тыс., и в 1995-м — более 120 тыс. предприятий, что в совокупности составило 57% от общего числа юридических лиц в России. Чубайс и его команда громила в первую очередь предприятия высокотехнологического оборонного комплекса. Например, американской корпорации «Ник энд Си Корпорейшн» были «слиты» акции АО «Курский прибор» (16%), «Авионика» (34%), «Тушинского машиностроительного завода» (16,3%), МПО им. Румянцева (8%), АО «Рубин» (6,89%), а всего крупные пакеты акций девятнадцати стратегически важных оборонных предприятий. От преступных деяний группы Чубайса пострадали АО «НИИ «Дельта», Иркутское авиационное производственное объединение,

³ Проекты этих документов циркулировали уже в 90-е годы в Кабинете Министров СССР, где в Комиссии Л. И. Абалкина работал автор. С некоторыми разработчиками этих документов, например с Джеффри Саксом, автор был знаком лично. Поэтому советский проект закона СССР «Об акционировании и разгосударствлении» составлялся для защиты от агрессии западных спецслужб, а российские реформаторы взяли их за основу реформ, разрушивших народнохозяйственный комплекс страны. Позднее эта информация была опубликована.

¹ Можно с ним ознакомиться на сайте: <http://www.reforms.ru/indexpub138.htm>

² Стоит прочесть на сайте: <http://www.politonline.ru/ventilyator/13467.html>.

АО «Энергия» и многие другие высокотехнологичные отечественные предприятия.

Запад эту деятельность не только приветствовал, но и материально поддерживал. Так, в 1993 г. иностранные банки выдали России кредит в размере 2,3 млрд долл. США под 7 % годовых как бы для «реализации первого этапа программы поддержки приватизации», но эти миллиарды растворились и их не смогла обнаружить даже специальная комиссия Счётной палаты России. В секретном письме Службы внешней разведки РФ и ФСБ от 26 августа 1994 г. особо подчеркивалось, что: «Приватизация предприятий военно-промышленного комплекса привела к массовой утечке новейших технологий, уникальных научно-технических достижений практически даром на Запад. В целом Запад приобрёл в России столь большой объем новых технологий, что НАТО учредило для их обработки специальную программу»¹. Одновременно шёл разгром так называемых мобилизационных резервов страны, что негативно проявилось в условиях СВО.

Получаемые за приватизацию деньги лишь в самом незначительном количестве поступали в бюджет России. В основном они использовались Чубайсом по своему усмотрению. Например, среднемесячная зарплата персонала Госкомимущества в 1994–1995 гг. была взвинчена до 800 тысяч руб., при средней зарплате по стране в 300 тыс. руб. Чиновники ГКТ также получили в 1994 г. дополнительно премии по двенадцать окладов каждый, а в 1995 г. — ещё по девятнадцать окладов. Деньги лились рекой, но не в бюджет, а в системы обналички. ГКИ «потратило» 5 млрд руб. (более миллиона долларов) на приобретение «расходных материалов», 1,7 млрд руб. (соответственно — 300 тысяч долл.) на оплату неких транспортных услуг. Физическому лицу за изготовление оборудования для разгрузки было выдано 200 млн руб., за цветы для поздравления юбиляров бюджет не досчитался 685 тыс. руб. Фантазия погромщиков оказалась посрамленной в момент оплаты 130 тыс. руб. за обувные шнурки. За три квартала 1995 г. руководство ГКИ приобрело мебели на 521 млн руб. (более 100 тыс. долл.) и потратило за 1995 г. 488,6 млн руб. на проведение различных мероприятий, включающих проживание в дорогостоящих гостиницах, трёхразовое питание и прочее.

¹ Лурье О., обозреватель «Совершенно секретно» (декабрь 1998 г.). Расследование. URL: <http://www.r-reforms.ru/indexpub138.htm> (Эта же ссылка в 1 источнике)

Не отставал от негативной активности руководства ГКИ Российский фонд федерального имущества (РФФИ) — главный продавец российских предприятий за бесценок. Только за 1993–1996 гг. по договорам-прикрытиям на обналичку было выдано неприлично много. На написание картины — 1,5 млн руб., на художественный фильм «Я — русский солдат» — 150 млн руб., на организацию показа художественного фильма «Утомлённые солнцем» — 1,7 млн руб., на организацию и проведение совещаний и семинаров в доме отдыха «Снегири» — 179,1 млн руб. Деньги разлетались во все стороны: доставка стройматериалов обошлась в 1,9 млн руб., изготовление и реставрация Герба России потребовало 7,7 млн руб. Не обошлось без покупки конфет для работников Свердловской области на 1,2 млн руб. и проведения оздоровительных мероприятий в сауне за 37,8 млн руб. Без особых проверок очевидно, что оплаченные руководителями РФФИ товары, работы и услуги в разы дешевле.

Заместитель председателя РФФИ А. В. Яковлев выкупил у фонда трёхкомнатную квартиру площадью 79,4 м² по адресу: Москва, Фрунзенская набережная, 16, корп. 1 кв. 22 за 33,4 млн руб., хотя она была приобретена за 166,4 млн руб. Причем Яковлев сразу же исчез из руководства фонда. Махинации с квартирами обошлись бюджету в 8,8 млрд руб. (около 2 млн долл. США). Руководство РФФИ не брезговало «сливом» денег в уставные фонды коммерческих организаций, таких, например, как ТОО «Приват-Инфо», КБ «Экспо-банк», АОЗТ «Фондовый магазин», АОЗТ «Госинкор — Малый бизнес», АОЗТ «Национальный тендерный центр». Эти и другие взносы остались без контроля, а фонд не получил ни рубля дивидендов. При этом никого не обвинили в столь грандиозных растратах, а Чубайсу даже доверили ещё разгромить РАО «ЕЭС России» и впустую растратить миллиарды бюджетных рублей под крышей нанотехнологий. О. Лурье завершил своё расследование выводом, что «программа разрушения экономики России выполнена и перевыполнена на сто один чубайс».

Кроме того, фонд Сороса активно подкупал лиц, принимающих решения как в ГКИ, так и РФФИ. На работу Сорос приглашал жён и родственников чиновников, назначая им ежемесячную зарплату от 5 до 10 тыс. долл. в зависимости от должности мужа. При этом не требовалось никакой квалификации.

Счетная палата, В. В. Путин, как и даже некоторые «собственники в законе» соглашаются,

что законы о приватизации, залоговых аукционах и т. п. были не справедливыми, а исходные акты приватизации являются ничтожными или как констатировала Счётная палата России — притворными¹. В одном из своих выступлений по «прямой линии» В. В. Путин обратил внимание на то, что в период приватизации 1990-х «в окружении Анатолия Борисовича Чубайса в качестве советников, как выяснилось сегодня, работали кадровые сотрудники ЦРУ США. Причём по возвращении в США часть из них привлекли к суду за то, что они в нарушение законов своей страны обогащались в ходе приватизации в Российской Федерации. Как действующие офицеры разведки они не имели на это права». По закону США им запрещено заниматься какой бы то ни было коммерческой деятельностью, но они не удержались — коррупция, понимаешь, но в России ответственности не понёс никто. В. В. Путин будучи в должности Премьер-министра РФ также согласился с доминирующим в обществе мнением о корыстном и кулуарном характере приватизации 1990-х гг.: «В обществе много говорят о том, что приватизация 1990-х гг., включая залоговые аукционы, была нечестной. И я с этим полностью согласен»². На Санкт-Петербургском форуме в 2024 г. В. В. Путин публично выделил в приватизации криминальную часть как объект работы для Прокуратуры России. При этом лишение собственности граждан России без их согласия является криминальным актом реформаторов, у которого нет срока давности.

Ни один трезвомыслящий человек не может после всего этого утверждать, что, так называемая, российская приватизация была справедливой. Справедливая приватизация должна была реализовать права и законные интересы граждан-частных собственников России более полно и качественнее, чем они были гарантированы в системе производственных отношений Советского Союза. То есть ельцинские реформы должны были не бросать население целой страны в яму шоковой кастрации, а, сохраняя достигнутый уровень, поступательно, без революций в отношениях собственности, вести граждан страны к более счастливому существованию. Государственная (общенародная) собственность должна была быть переведена в форматы ассоциированной частной собственности каждого

¹ О чем забыл Чубайс. Воскресенье, (28 апреля 2013). URL: <http://www.politonline.ru/ventilyator/13467.html>.

² Текст был опубликован на сайте RBK: <http://www.rbk.ru/persons/putin.shtml>.

гражданина России. При этом она должна была не обнуляться спекулянтами, а прирастать, как по линии развития общественных фондов, так и с помощью развития частной собственности. Неужели этот простой факт надо кому-то доказывать? А раз так не было сделано, значит разработчики, реализаторы и защитники этой катастрофической политики действовали либо в меру своей необразованности, либо сознательно во враждебных российскому народу интересам. Третьего не дано. Истории и нашему великому народу осталось выбрать одну из этих двух альтернатив.

Уже забылись этапы приватизации, но они остались в документах. Вспомним, что населению было передано 146 млн приватизационных чеков (ваучеров), которые якобы покрывали 30% недооценённой экономики России. Официальная статистика утверждает, что:

- за деньги было продано 37 млн ваучеров;
- обменено на акции ЧИФов — 60 млн ваучеров;
- было предъявлено на чековых аукционах — 23 млн ваучеров;
- работники поменяли на акции своих предприятий 26 млн ваучеров.

В итоге ваучерной кампании на общих собраниях приватизированных предприятий несколько сотен так называемых скоробогатых противостояли толпе из 50 млн нищих акционеров, имевших одну или несколько акций и практически не получавших никаких дивидендов. В руки скоробогатых прямо или косвенно попала та треть национального богатства страны, которую якобы собирались передать трудящимся. В бюджет страны в результате ваучерного этапа приватизации поступила смехотворная сумма — всего около 10 млрд долл. Ученые часто сравнивают её с результатами частичной приватизации в Боливии, которая выручила за свои проданные объекты более 92 млрд долл.

Во второй половине 1995 г. был изобретён абсолютно нелегитимный и, по мнению Президента России, частично преступный механизм приватизации, включая и так называемые залоговые аукционы. Нечистоплотные чиновники, которые были поименованы в «Расследовании» О. Лурье³

³ Кох Альфред Рейнгольдович, 1961 г. рождения. С 1992 г. заместитель председателя Комитета по управлению горимуществом г. Санкт-Петербурга. С 1993 г. заместитель председателя Государственного комитета по управлению госимуществом. В 1996–1997 гг. председатель Госкомитета по управлению государственным имуществом.

Мостовой Пётр Петрович, 1949 г. рождения.

предложили банкам предоставить кредиты государству под залог части акций, находящихся лишь в «пользовании» и «распоряжении» государственных органов. Вновь был проигнорирован тот факт, что надо было спросить население страны — реальных владельцев данного имущества, и получить от них согласие на такую махинацию. Полученный госучреждениями кредит зачислялся в бюджет, деньги расходовались, а банкам в собственность оформлялись пакеты акций по ничтожной, заниженной в сотни раз цене. Госорганы кредит даже не планировали возвращать, поэтому банки полученные акции стали перепродавать с наценкой, которая как тогда было представлено была рыночной ценой. Она в десятки, а то и в сотни раз была выше залочной цены акций. Однако и эта продажная цена была в десятки и сотни раз ниже реальной капитализации торгуемых предприятий, так как спекулянтам не хватало ликвидности для расчётов. Через механизм залоговых аукционов, практически за бесценок в собственность избранных скоробогатых были переданы наиболее эффективные российские предприятия, такие как «Лукойл», «Юкос», «Сибнефть», «Норильский никель» и многие другие. Так, цена пакета акций, переданных в залог в 1995 г., от «Лукойла» составляла 35 млн долл., а рыночная цена не менее 5 млрд долл.

Особо следует отметить, что и у приобретателей имущества по залоговым схемам своих частных денег не было. Поэтому схема покупки была чрезвычайно простой. Чиновники Минфина размещали на счетах какого-либо избранного «приватного» банка государственные средства, поступающие в виде налогов, таможенных и прочих платежей. Банк этими государственными средствами давал кредит тому же самому Минфину. Он получал в пользование и распоряжение предприятие (так как «владение» оставалось общенародным), выкачивал из него допол-

С 1992 г. заместитель, первый заместитель председателя Государственного комитета по управлению госимуществом. В 1995–1997 гг. генеральный директор Федерального управления по делам о банкротстве при комитете управления госимуществом.

Бойко Максим Владимирович, 1959 г. рождения. С 1992 г. советник Госкомимущества. В 1994–1996 гг. генеральный директор общественно-государственного фонда «Российский центр приватизации».

Казаков Александр Иванович, 1948 г. рождения. В 1993–1994 гг. заместитель председателя Госкомитета по управлению госимуществом. URL: <http://www.r-reforms.ru/indexpub138.html>.

нительные государственные средства, и ими рассчитывался с Минфином. **Дважды положенные в бюджетный карман исключительно государственные деньги создавали видимость приватизации общенародного частного имущества.** Однако квалифицировать такую процедуру можно лишь как мошенничество в особо крупных размерах, а не как приватизацию.

Правовые коллизии

Если же оценивать приватизацию с точки зрения справедливости, да и законов любой другой демократической страны, то сейчас в России практически нет приватизированного имущества, так как основными приватизационными средствами были в лучшем случае бюджет, оборотные средства всё тех же государственных предприятий, либо вообще теневые средства. А сколько бы за государственный счёт или нелегальные средства кто-либо не выкупал общенародное частное имущество, оно может только называться «приватизированным в законе», но по своей сущности, природе оно остаётся частным общенародным. И даже, если у такого первичного «приватизатора в законе» это имущество перекупили не один десяток последующих, так называемых «добросовестных» владельцев, то само имущество остаётся общенародным. А продавцы являются лишь мошенниками, которые продавали чужую собственность.

Есть, конечно, юридическая ширмочка, за которую пробуют спрятаться апологеты «приватизации в законе», — это срок давности. Но мы знаем, что преступления против человечности не имеют срока давности. Бумажные законы о правильности приватизации, без сомнения, будут скоро заменены новыми — о ее нелегитимности. Нужна лишь политическая воля вождя российского народа, права и интересы которого были поруганы. Срок давности можно вписать в любую бумажку-закон, но идея справедливости по этой плоскости разбила нашу нацию на две части. По одну сторону баррикад приватизаторы всех мастей и их законодательная «бумажная крыша». Но их абсолютное меньшинство. По другую — обманутый, но понимающий это российский народ, пока ещё спокойно взвешивающий на галолирующее свёртывание производства в стране и растущий разрыв между потерявшими всякий стыд олигархами и тружениками, создающими все ценности в стране. И их десятки миллионов. Приватная «собственность в законе», сформированная таким несправедливым способом, не только не стала ценностью и элементом национальной идеи, а достигла

прямо противоположного результата. Причём чем дольше произносится заклинание: «пересмотра не будет», тем суровее будет народный суд над кучкой «реформаторов», разваливших нашу державу по планам, подготовленным для них западными кукловодами.

Ельцин, Чубайс, Кох, Попов, Пияшева и их многочисленные западные советники маниакально стремились провести свои бумажные законы как можно быстрее. Ельцин, Чубайс и Кох открыто говорили, что они готовы доплачивать «шустрым пацанам», которые захватывают советскую промышленность, чтобы с стране не было социализма. Обвальную приватизацию Попова-Пияшевой отменил Конституционный суд как незаконную¹. Однако их малограмотность и цинизм сыграли с ними злую историческую шутку. Сущность отношений собственности раскрывается тремя компонентами: «владение», «пользование» и «распоряжение». В момент распада СССР, согласно действовавшей Конституции, «владение» собственностью было государственным (общенародным), а «пользование» и «распоряжение» было передано представителям руководящей подсистемы. И вот когда захватившие государство деятели приватизировали общенародную частную собственность, то, по сути, они передали скоробогатым лишь права «пользования» и «распоряжения», которыми органы государственного управления были наделены в тот момент. Само «владение» не было приватизировано, так как оно имело характер общенародной частной коллективной равнодолевой и неотчуждаемой собственности. На практике, на уровне процесса функционирования скоробогатые получили свидетельства о праве собственности. По бумажной форме правовых документов собственность якобы стала приватной. Но учёные не имеют права гипертрофировать форму. Аналогично долгие годы, опираясь на внешнюю форму, люди считали, что Солнце вращается вокруг Земли. Только существенный анализ позволил учёным сделать прямо противоположный вывод. Аналогичное заблуждение о приватной собственности на приватизированное имущество в России будет рано или поздно, но перевернуто с головы на ноги серьёзными уеёными.

Переданное государством в «ваучерную и залоговую концессию» общенародное частное имуще-

¹ Официальное решение Конституционного суда от 02 апреля 1993 г. о признании «обвальной» приватизации в Москве ничтожной и противоречащей законодательству России, которое вернуло стороны (более 10 тысяч предприятий) к исходному, доприватизационному положению.

ство никогда не поступало в приватное «владение» скоробогатых. Последние получили лишь права «пользования» и «распоряжения» им. В процессе передачи прав от коллективного долевого частного собственника общенародного имущества скоробогатым, следует отметить, что покупатель в приватизационных сделках был, а продавца не было. Передача права владения частным имуществом может быть исключительно на основе договора. С одной стороны должен быть собственник, с другой — покупатель. Коллективным долевым частным собственником в то время было 150 миллионов человек, и чтобы приватизировать право их равно долевого «владения», нужно чтобы в каждом договоре с одной стороны подписывался, например, Потанин, а с другой стороны — 150 млн граждан России. Никуда от этого деться нельзя. Это закон даже в либеральной экономике Запада.

Учёные и специалисты Комиссии Абалкина, включая и автора, готовившие Закон СССР от 1 июля 1991 г. № 2278-1 «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий» понимали, что для приватизации у граждан нет свободных частных ресурсов и долго ещё не будет. Осознавали и факт достаточно «железобетонной» конституционной формулировки об государственной (общенародной) собственности. Поэтому, для создания видимости участия каждого долевого частного собственника в приватизации принадлежащего ему имущества, в сущностную концепцию приватизации была вставлена формулировка об **именных** приватизационных счетах или ваучерах. Это был смелый шаг от общенародной к ассоциированной частной собственности граждан, так как он закреплял право «распоряжения» собственностью за каждым гражданином страны. Именно тот факт, что таким опосредованным образом в законодательстве поименовываются все без исключения граждане России мог бы трактоваться в сделках купли-продажи, как возмездная передача собственниками своего имущества скоробогатым. Безусловно, это был некий суррогат прямого волеизъявления собственников, но он создавал правовую иллюзию участия каждого гражданина в сделках по приватизации трети общенародной частной собственности. Иными словами, законодательством ещё СССР предлагалось государству эмитировать персонифицированные ценные бумаги, превратив тем самым общенародную собственность в ассоциированную собственность граждан.

Ни Ельцин, ни Чубайс, ни 1 200 их советников из спецслужб этой определяющей правовой

уловки советского законодательства не увидели. Они, для простоты, во время парламентских каникул, чтобы обойти вето Парламента, Чрезвычайным Указом Президента отменили именно характер ваучеров и, тем самым, ликвидировали даже видимость легитимности приватизационных сделок. Простота в таких вопросах хуже воровства. Одним росчерком пера Ельцин с Чубайсом лишили всех скоробогатых приватизаторов малейшей надежды на права «владения» общенародной собственностью. В ходе будущей реституции скоробогатым придётся задать этот нелегитимный вопрос единственному живому участнику той грандиозной аферы.

Подтверждением верности такой оценки невозможности получения имущества без согласия всех собственников являются современные безуспешные попытки западных правоведов отобрать у россиян их валютные резервы, замороженные в западных банках. Ничего не получается и в дополнение им придётся выплачивать проценты за захваченные активы и неустойки. То же самое касается общенародного имущества, находящегося по сей день в «пользовании» и «распоряжении» так называемых олигархов.

Что делать?

Пересматривать итоги приватизации по действующим бумажным законам бесперспективно, так как судебные процессы затянутся на годы, и страна за это время развалится. Ещё более ошибочный тезис о проведении в стране национализации. Она лишь придаст дополнительную легитимность процессу, ошибочно именуемому приватизацией. Есть более справедливые решения. Приватизация в России была организована так, что практически никто не участвовал в приватизации для того, чтобы что-то производить. Все, или практически все, приватизировали общенародное частное имущество за бесценок с целью дальнейшей перепродажи. В ходе приватизации покупали не капитал, который должен был кормить покупателя-капиталиста, его рабочих и население, а умышленно уценённый товар для перепродажи. Покупателям было всё равно, что покупать. Главное, чтобы купить подешевле и как можно быстрее продать подороже.

Наиболее животрепещущим вопросом является переход от сложившегося бедственного состояния приватной собственности в России к будущему — справедливой форме ассоциированной частной собственности граждан. Исходный пункт будущего движения к справедливому реформативному

отношений собственности имеет следующую научную трактовку:

Компонентами капиталистической приватной собственности¹ являются:

– **владение** — стало результатом так называемого первоначального накопления или корыстной приватизации грабителями средств производства любыми, часто преступными средствами и их последующее приватное использование в целях максимизации личной прибыли. Приватное «владение» на западе оформлено корыстными бумажными законами, гарантирующим приоритет интересов крупных акционеров, владеющих контрольными пакетами акций, которые срослись с интересами членов капиталистической руководящей подсистемы и противостоят интересам наёмных работников. Притворное «владение» собственности приватизаторами также прикрыто наскоро сотворёнными бумажными законами²;

– **пользование** — есть процесс капиталистического воспроизводства объектов приватной собственности, нацеленное на единственный фактор — максимизацию личной прибыли любыми средствами, включая недоплату части денег персоналу, создающему продукцию, нарастающую социальную безответственность бизнесменов в отношении к членам управляемой подсистемы

¹ Для целей объективности научного анализа нам придётся абстрагироваться от мнения Прудона, что «собственность — есть кража» и намного более жёсткой формулы Цезаря Гейстербахского: «Всякий богатый есть вор или наследник вора», но не следует совершенно их игнорировать.

² Хотелось бы ещё раз напомнить, что Энгельс отмечал погрешности в трактовке Марксом сущности отношений капиталистов и наёмных работников. См.: {Примечание к 3 изданию. Автор пользуется здесь ходячим экономическим языком. Напомним, что, как показано на стр. 137 [стр. 185 настоящего тома], «авансирует» в действительности не капиталист рабочего, а рабочий капиталиста. Ф.Э.}. Дж. Локк полагал, что сам труд уже делает человека собственником продукта своего труда. Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором при её купле, например в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил её цену, одним словом — везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста, но и целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние.

мы¹, а также сокращение выплат бюджету и обмен контрагентов в процессе обмена [2].

– **распоряжение** — обусловлено совокупностью личных предпочтений и непредсказуемой рыночной конъюнктуры, что позволяет частным собственникам ликвидировать и передислоцировать производительные силы без учёта интересов общественного благосостояния, а по критерию малой прибыльности для собственников, владеющих контрольными пакетами акций или даже из-за простого каприза.

Это мы имеем как в России, так и в так называемом коллективном западе. Конечный пункт будущего движения к справедливому реформированию отношений собственности имеет следующую научную трактовку:

Компонентами ассоциированной частной собственности граждан являются:

– **владение** — есть отражение фундаментального свойства Природы — частной, а не приватной собственности, которая бесплатно и безусловно наделила все «дыхания» на нашей планете достаточными для жизненного воспроизводства ресурсами. Владение общенародной собственностью начиналось с национализации, то есть возвращения природных ресурсов их законным владельцам и в дальнейшем стала интегральным результатом добровольного отказа всех граждан страны от части своих текущих доходов для формирования производительных сил общества, обеспечивающих достаток и поступательное, справедливое развитие благосостояния всех членов общества и каждого человека. «Владение», которое было формально отнято у долевых частных собственников общенародного имущества и ресурсов должно быть восстановлено законодательным путём;

– **пользование** — есть функция передачи через добровольное делегирование своих прав объектов ассоциированной частной собственности граждан наиболее квалифицированным управленцам, которые действуют в интересах собственников и под их строгим контролем. Современные пользователи (приватизаторы и постприватизаторы)

¹ В этой связи и с учётом предыдущей ссылки особый интерес представляет фундаментальный анализ модели корпоративной социальной политики, проведённые в монографии Бобров Д. В. Корпоративная социальная политика: теоретические основы и методические аспекты: монография. М. : Русайнс, 2023. 220 с. Автор разработал, апробировал авторскую Методику и научно доказал необходимость общественного контроля за мерой социальной ответственности частных собственников перед наёмными работниками

должны выплатить собственникам плату за все годы пользования чужой собственностью;

– **распоряжение** — является неотделимой функцией всех собственников имущества и обусловлено задачей поступательного улучшения качества жизни граждан страны, не предусматривает ликвидацию действующих производств или их передислокацию в другие страны без создания новых более производительных рабочих мест.

Существенным облегчением для будущего восстановления справедливости является то, что копирование методов приватизации в понимании мировой «демократической» общественности является, по мнению запада, априори демократическим. Поэтому, копируя отмену через корыстные бумажные законы прав миллионов частных собственников на общенародную собственность, простое **признание ничтожными всех тех законов о приватизации**, как нарушающих права и законные интересы населения страны, возвратит стороны к первоначальному состоянию. В Москве этот опыт в виде решения Конституционного суда уже есть. Это решение жёсткое. Оно чревато катаклизмами. Но есть элегантный выход из тупика.

Члены национально ориентированной руководящей подсистемы должны принять и реализовать пакет бумажных законов о персонификации всех прав на владение приватизированной собственностью в России и выведения всех собственников из тени оффшоров и прочих юридических прикрытий. В случае отсутствия реального собственника-физлица, скрывающегося за безликими правами оффшоров, государство должно будет принять закон о реституции бесхозного имущества и реструктурировать собственность в форматах ассоциированной частной собственности граждан. **Это первый шаг.** Этим же законом необходимо обязать всех собственников структурообразующих предприятий, имеющих приватизационную историю, заполнить и сдать нулевую декларацию, в которой они должны детально описать всю свою собственность, включая и собственность на оффшоры, бенефициарные отношения с трастами и трастовыми фондами и т. п. за период с 1980 года и обосновать частный характер источников этих средств, а также доказать, что все причитающиеся налоги уплачены в полном объёме. **Это второй шаг.** Эту процедуру проходят граждане стран, вступающих в Европейский Союз в формате нулевой декларации, что является гарантией демократичности процедуры.

После этого достаточно введения призыва на военную службу всех современных хозяев

приватизированных предприятий и топ менеджеров. Служить они должны по уставу, но на собственных предприятиях без возможности дезертирства. **Это третий шаг.** Может быть установлена более строгая дисциплина управления предприятиями на период реорганизации. В таком случае процедура восстановления справедливости пройдет абсолютно безболезненно. Но есть и более мягкие возможности.

Одним из вариантов может стать введение чрезвычайно демократического и прозрачного принципа **открытого управления** приватизированной собственностью и собственностью «аффилированной» с приватизированным имуществом, которое устно и письменно много лет пропагандировалось К. Б. Норкиным. В настоящее время администрирование налога на приватное имущество и доходов от него вызывает огромные трудности в силу множества схем легального и теневого ухода от всех видов налогов приватизаторами и их последователями. Бюджет при этом теряет значительные суммы от недоплат, триллионы долларов утекают в оффшоры, а интеллектуальные работники бюджетной сферы ущемляются в правах на справедливую оплату их труда. В Налоговый кодекс России достаточно ввести пункт об обязательности ежегодного декларирования стоимости любых производственных факторов, находящихся в приватной собственности на российской территории. Собственник может самостоятельно заявить любую стоимость принадлежащего ему имущества для целей его налогообложения, а государство, оценивая адекватность заявления, может принять одно из двух решений. **Первое.** Если заявленная стоимость облагаемого налогом имущества соответствует действительности, то бюджет получает соответствующий значительно возросший налог. **Второе.** Если стоимость имущества собственником занижена, то государство, рассматривает его декларацию, как оферту на продажу. Органы государства могут по этой стоимости выкупить данное имущество и перевести его в форму ассоциированной частной собственности граждан. Решение столь простое и эффективное, что оно может быть реализовано моментально. При этом оно не будет ущемлять чьих-либо экономических интересов, так как сделка будет производиться по стоимости, заявленной собственником публично. Это самый мягкий путь из приватизационного тупика экономики в модель самосозидательного развития производства и активизации гражданского общества, превращения людей в реальных собственников своей страны и запуска модели Державной Гармоничной экономики.

Дополнительным инструментом может стать законодательное установление на всех приватизированных предприятиях, включая и перепрофилированные, **обязательной минимальной зарплаты для персонала** в соответствии со среднеевропейским или мировым уровнем развитых стран. По официальным данным почасовая оплата в Европе колеблется от 34,53 евро в Швеции до 24,25 евро в Италии. Она составляет 22,57 евро в США и 18,39 евро в Японии [3]. Это обосновывается тем, что за годы эксплуатации приватизированного предприятия собственники имели достаточно времени и амортизационных средств для его инновационной модернизации до среднемирового уровня и создания пресловутых высокоэффективных рабочих мест. В случае, если собственники не смогут выплачивать зарплату работникам в таком размере они автоматически должны будут доплачивать разницу каждому наёмному работнику собственными акциями, стоимость которых будет рассчитываться уполномоченным сообществом оценщиком по балансовому методу. Указанные корректировки реестра собственников должны на себя взять и контролировать госорганы. При исчезновении контрольного пакета акций у прежних частных собственников необходимо провести чрезвычайное общее собрание и избрать демократичные управляющие органы.

Собственнику может быть предоставлено также право продажи всего его пакета акций государству по цене, коррелирующей через специальные коэффициенты с приватизационной стоимостью предприятия. Вопрос о судьбе извлечённого дохода из приватизированной собственности за годы её эксплуатации более простой и его можно решать множеством способов.

Представленные в настоящем исследовании результаты должны быть дополнены квалифицированными, профессиональными расследованиями криминальной составляющей приватизации, которая, как видно из расследования О. Лурье, существенно перевешивает описываемые здесь факты.

Тупик приватизации

Фактическая приватизация собственности в России ещё не произошла. И не нужно ничего пересматривать и уж тем более национализировать. Ассоциированную частную собственность граждан можно сформировать в достаточном объёме быстро и эффективно, так как фундаментальный принцип приватизации был нарушен, Конституционные права на общенародную собственность были поруганы. Надо этот принцип подтвердить и заставить Феде-

ральное собрание принять «Федеральный Закон о возврате из пользования и распоряжения основных ресурсов и отраслей экономики в связи с вновь выявившимися обстоятельствами». Аналогом может служить бесспорно верное решение Конституционного суда от 02 апреля 1993 г. о признании «обвальная» приватизации в Москве ничтожной, как противоречащей законодательству России.

Напутствие молодёжи

Проведённый научный анализ показал следующее:

1. Скоробогатые приватизаторы частично оплатили российскому народу права «пользования» и «распоряжения» общенародным частным имуществом. Права «владения» собственниками не были проданы или переданы, так как на это нет соответствующих документальных свидетельств.

2. Приватизация за столь короткий период не могла состояться, так как у экономически активного населения страны не было личных средств и чистой прибыли частных предприятий для эквивалентного выкупа в частную собственность общенародного имущества.

3. Закрепление исторически ничтожными бумажными законами процессов и результатов фиктивной российской приватизации является умоглядным процессом, который будет су-

ществовать лишь до тех пор, пока политическая воля национального лидера россиян, а не кучки скоробогатых, не осознает сущностного анализа процессов приватизации «эпохи исторического предательства» и не реализуется в законах восстановления интересов и законных прав ограбленного населения нашей великой страны.

4. Теоретическая, идеологическая база такой трансформации подготовлена.

5. Практические предложения по переходу из нынешнего состояния к процветанию России и её народа уже разрабатываются.

Президенту остаётся лишь подготовить проект Указа о реституции общенародной собственности и вынести его на всенародный референдум с двумя вопросами: «Справедливо ли решение Президента по преобразованию навязанных отношений по поводу собственности в России, сформированных по законам, написанным узкой группой ангажированных людей под диктовку 1200 западных консультантов?» и «Хотите ли Вы вернуть в ассоциированную частную собственность граждан России имущество, приватизированное скоробогатыми после развала СССР?». Результаты общенационального референдума не трудно предсказать. Теперь надо молодёжи, особенно вернувшейся из СВО, брать в свои руки восстановление справедливости и дело делать.

Список источников

1. Кретов С. И., Симчера В. М. Что после либерализма? // Изборский клуб. 2020. № 9 (85).
2. Бобров Д. В. Корпоративная социальная политика: теоретические основы и методические аспекты: монография. М. : Русайнс, 2023. 220 с.
3. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М. : АСТ, 2013.

References

1. Kretov SI, Simchera V M. What is after liberalism? *Izborsky club*. 2020;(9):85. (In Russ.).
2. Bobrov DV. Corporate social policy: theoretical foundations and methodological aspects: monograph. Moscow, RUSAINS; 2023. 220 p. (In Russ.).
3. Sarrazin T. Germany: self-destruction. Moscow, ACT; 2013. (In Russ.).

Информация об авторе

С. И. Кретов — научный руководитель межведомственного центра.

Information about the author

S. I. Kretov — Scientific Director of the Inter-Ministerial Center.

Статья поступила в редакцию 05.11.2023; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 05.11.2023; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 331.5.024.5

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-228-237

ДЕФИЦИТ РАБОТНИКОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ, МЕРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Елена Васильевна Масленникова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, evm26@mail.ru, 0000-0003-2469-5057

Аннотация. Задачи по обеспечению технологического суверенитета страны требуют структурной перестройки экономики и обеспечения ее квалифицированными работниками, дефицит которых выступает ограничителем и препятствием дальнейшего развития. Целью исследования является анализ дефицита работников на российском рынке труда, определение его причин, а также изучение принимаемых государством и организациями мер по его преодолению с целью дальнейшего совершенствования государственной политики в этой сфере. В результате было установлено, что, несмотря на различие отраслей, причины дефицита работников являются схожими и определяются уровнем оплаты труда и качества трудовой жизни. Было определено, что для решения проблемы дефицита работников на рынке труда необходимо совершенствовать 1) систему подготовки и переподготовки кадров; 2) институциональное обеспечение рынка труда; 3) качество трудовой жизни в организациях. На основе анализа реализуемых государством проектов и программ, направленных на преодоление дефицита работников на рынке труда, определено, что недостаточно внимания уделяется повышению качества трудовой жизни организаций, что требует усиления работы по этому направлению.

Ключевые слова: рынок труда, дефицит работников, занятость, государственная политика, воспроизводство человеческого капитала, человеческий капитал

Для цитирования: Масленникова Е. В. Дефицит работников на рынке труда: понятие, причины, меры преодоления // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 228–237. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-228-237.

Review article

THE SHORTAGE OF WORKERS IN THE RUSSIAN LABOR MARKET: THE CONCEPT, CAUSES, AND MEASURES TO OVERCOME

Elena V. Maslennikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, evm26@mail.ru, 0000-0003-2469-5057

Abstract. The tasks of ensuring the technological sovereignty of the country require a structural restructuring of the economy and providing it with skilled workers, the lack of which acts as a limiter and an obstacle to further development. The purpose of the study is to analyze the shortage of workers in the Russian labor market, determine its causes, as well as to study the measures taken by the state and organizations to overcome it, in order to further improve public policy in this area. As a result of the study, it was found that, despite the difference in industries, the reasons for the shortage of workers are similar and determined by the state of the industry. It was determined that in order to solve the problem of shortage of workers in the labor market, it is necessary to improve 1) the system of training and retraining of personnel; 2) the institutional provision of the labor market; 3) the quality of working life in organizations. Based on the analysis of projects and programs implemented by the state aimed at overcoming the shortage of workers

Keywords: labor market, shortage of workers, employment, public policy, reproduction of human capital, human capital

For citation: Maslennikova EV. The Shortage of Workers in the Russian Labor Market: the Concept, Causes, and Measures to Overcome. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):228-237. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-228-237.

Введение

Основой развития любой экономики являются люди. Поставленные перед страной задачи обеспечения технологического суверенитета, импортозамещения и развития реального производства должны быть обеспечены трудовыми ресурсами. Вместе с тем на рынке труда отмечается рекордно низкая безработица. По словам вице-премьера Т. А. Голиковой, совокупный дефицит кадров в ряде отраслей в России к 2030 г. может достигнуть двух млн человек¹. Важнейшей задачей является обеспечение экономики трудовыми ресурсами и преодоление ситуации дефицита работников на рынке труда.

Рынок труда представляет собой систему социально-экономических и юридических отношений в обществе, норм и институтов, призванных обеспечить нормальный непрерывный процесс воспроизводства рабочей силы и эффективное использование труда, также это сфера формирования спроса и предложения на рабочую силу [21]. Характеристикой рынка труда является состояние его конъюнктуры, которая может быть в одном из трех состояний: *равновесия* (сбалансированности), *дефицита* рабочей силы, *безработицы*. Для характеристики конъюнктуры рынка труда используется коэффициент напряженности, который показывает, какое число незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в службе занятости, приходится на одну заявленную предприятиями вакансию [3].

Для российского рынка труда значение коэффициента напряженности снизилось с уровня в 10 единиц в 2000 г. до 2,1 в 2019 г. Коэффициент напряженности — достаточно чувствительный показатель рынка труда, что можно видеть по росту этого показателя в кризисные годы. Так, в 2009 г. значения коэффициента были больше 6, всплеск значений коэффициента напряженности до уровня 3,5 наблюдался также в 2015 г. В 2016–2019 гг. на фоне сокращения численности безработного населения и роста числа вакантных рабочих мест четко прослеживалась тенденция постепенного уменьшения значений коэффициента напряженности [10]. В 2021 г. коэффициент напряженности на рынке труда в Российской Федерации составил 1,8². Все это показывает тенденцию снижения на-

пряженности на рынке труда, изменение ситуации в сторону дефицита рабочей силы.

О наличии дефицита работников на рынке труда также свидетельствует динамика hh.индекса, который рассчитывается как соотношение количества резюме к количеству вакансий на рынке в выбранной профессиональной области, размещенных на портале HeadHunter. Значение этого показателя в интервале 4,0–7,9 означает умеренный уровень конкуренции за рабочие места, а в интервале 2,0–3,9 — дефицит соискателей. За 2022 г. среднее значение hh.индекса по всем профессиональным областям составило 5, тогда как за 2023 г. — 3,6³, что свидетельствует о ситуации дефицита работников на рынке труда.

Учитывая имеющиеся тенденции, рынок труда в ближайшее время будет функционировать в условиях дефицита работников, поэтому необходимо изучить причины сложившейся ситуации, принимаемы меры для выработки эффективных решений в этой сфере.

Существуют несколько ключевых направлений исследования дефицита работников на рынке труда.

Первая группа исследований направлена на изучение внешнего рынка труда, анализ демографических тенденций и структуры занятости [3; 11; 14; 20]. Основными причинами дефицита работников на рынке труда являются сокращение численности и ухудшение качественной структуры трудовых ресурсов, их старение, рост экономически неактивной части населения вследствие роста популярности самозанятости и изменения трудовых ценностей. Исследователи отмечают несоответствие профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов потребностям рынка труда.

Вторая группа исследований направлена на изучение причин дефицита работников на рынке труда и анализ мер по его преодолению в отдельных отраслях и профессиональных сферах, таких как образование, здравоохранение, сельское хозяйство, промышленность, ИТ-сфера и т. д. [1; 2; 6; 8; 16; 18; 19]. Дефицит работников в разных отраслях имеет как общие причины, так и специфические. Общие причины связаны с состоянием

казатели 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

³ Рассчитано по: Динамика hh.индекса. URL: https://stats.hh.ru/?from=menu&utm_source=hh.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=menu_new&hhIndexProfArea=working_staff (дата обращения: 20.03.2024).

¹ Манукиян М. Голикова заявила, что к 2030 году в России может не хватать 2 млн специалистов. URL: <https://rg.ru/2023/11/28/golikova-zaiavilachto-k-2030-godu-v-rossii-mozhet-ne-hvatat-2-mln-specialistov.html> (дата обращения: 20.03.2024).

² Регионы России. Социально-экономические по-

отрасли, например, в образовании, здравоохранении, сельском хозяйстве, промышленности, нехватка кадров объясняется низкой заработной платой, высокой интенсивностью труда, отсутствием уважения к профессии, то есть причинами, связанными непосредственно с состоянием предприятий и организаций. Специфические причины обычно связаны с особенностями отрасли, например, в ИТ-сфере дефицит обусловлен бурным развитием технологий и массовой релокацией специалистов. В исследованиях отмечается, что во многих отраслях дефицит работников связан не с нехваткой их на рынке труда, а с низким качеством рабочих мест.

Третья группа исследований объединяет изучение причин дефицита работников на предприятиях и организациях, а также направлений кадрового обеспечения в сложившихся условиях. [12; 21]. В данных работах даются рекомендации по совершенствованию отдельных направлений системы управления персоналом организации, таких как привлечение и найм персонала, мотивации и стимулирования труда и т. д.

Несмотря на существование достаточного количества научных исследований и трудов, посвященных проблемам дефицита работников на рынке труда многие вопросы остались за рамками рассмотрения, в частности необходимо комплексное исследование и систематизация причин дефицита работников как на внешнем, так и на внутреннем рынке труда, анализ, сопоставление и выявление общих причин дефицита работников в разных отраслях для разработки и оценки предложений по сокращению дефицита работников на рынке труда.

Материалы и методы исследования

Целью исследования является анализ дефицита работников на российском рынке труда, определение его причин, а также исследование принимаемых государством и организациями мер по его преодолению с целью дальнейшего совершенствования государственной политики в этой сфере.

Задачами исследования являются:

1. Изучить существующие подходы и дать определение понятию «дефицит работников на рынке труда».

2. На основе изучения имеющихся исследований проанализировать и обобщить причины дефицита работников на рынке труда, в том числе в отраслевом разрезе.

3. Дать характеристику и систематизировать принимаемые государством и организациями меры по преодолению дефицита на рынке труда.

4. Сформулировать научно обоснованные выводы, на основе которых предложить меры по совершенствованию государственной политики в сфере рынка труда.

Гипотеза исследования заключается в том, что существует две группы причин дефицита работников на рынке труда, обе связаны с уровнем оплаты труда в организациях и уровнем качества трудовой жизни в них.

Первая группа связана с низким уровнем этих показателей. Чем ниже уровень оплаты труда и качество трудовой жизни в организации, тем выше будет дефицит работников, несмотря на наличие трудовых ресурсов на рынке труда.

Если в организациях высокий уровень оплаты труда и достаточный уровень качества трудовой жизни, то дефицит работников будет обусловлен недостатком или отсутствием на рынке труда специалистов нужного профиля. Это и будет составлять вторую группу причин.

Государственная политика будет более эффективна и позволит снизить уровень незакрытых вакансий, обеспечив экономику квалифицированными работниками, при условии дифференциации в зависимости от причин дефицита работников и направлена на создание условий для роста оплаты труда, совершенствование качества трудовой жизни в организациях.

Теоретическую базу исследования составили работы в области рынка труда, занятости, аналитические и обзорные статьи по изучению дефицита работников на рынке труда, в том числе и в отраслевом разрезе.

Методологической основой исследования послужил системный подход, который позволил раскрыть сущность дефицита работников на рынке труда, выявить обеспечивающие его причины и механизмы, исследовать многообразные тенденции развития рынка труда и свести все в единую теоретическую картину. Также был использован воспроизводственный подход, что позволило разделить причины возникновения дефицита работников на рынке труда по стадиям воспроизводства человеческого капитала, проанализировать принимаемые меры и сформулировать направления решения проблемы обеспечения экономики квалифицированными кадрами.

Методическую основу проведенного исследования составили общенаучные методы, в числе которых: методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения, метод сравнительного анализа, системный подход.

Подходы различных авторов к определению понятий «дефицит кадров», «дефицит рабочей силы», «дефицит трудовых ресурсов»**Approaches of various authors to the definition of the concepts of “shortage of personnel”, “shortage of labor”, “shortage of labor resources”**

Содержание понятия	Автор
Ведущее место в оценке кадровой ситуации на обследованных предприятиях занимает <i>дефицит кадров</i> . Он носит как явную форму отсутствия требуемых работников, так и неявную форму ожиданий их острой нехватки в ближайшем будущем.	Коленникова О. А., Токсанбаева М. С. [9]
Термины «дефицит» и «избыток» рабочей силы используются для обозначения неравновесных ситуаций на рынке труда, когда фирмам приходится функционировать с численностью персонала либо значительно меньшей, либо значительно большей, чем та, которая является для них оптимальной (желательной).	Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. [5]
<i>Дефицит трудовых ресурсов</i> отечественного рынка труда отличается своим многообразием: интенсивное сокращение численности населения в трудоспособном возрасте; крайняя неравномерность размещения и низкая мобильность трудовых ресурсов; региональная несбалансированность трудовых ресурсов; сегментация рынка труда; низкая эластичность механизма привлечения и сохранения рабочей силы и др.	Яцык, Ю. А. [21]
Конъюнктура рынка труда может проявляться в одном из трех состояний: равновесия (сбалансированности), <i>дефицита рабочей силы</i> , безработицы.	Вишневецкая Н. Г. [3]
Тенденции последних лет, формирующиеся на российском рынке труда, свидетельствуют о начале его масштабной трансформации с переходом из режима ограниченного спроса на рабочую силу в режим ее ограниченного предложения с всё возрастающим <i>дефицитом на квалифицированные кадры</i> в ключевых отраслях экономики и одновременным углублением профессионально-квалификационных дисбалансов.	Мирзабалаева Ф. И., Антонова Г. В. [11]

Источник: составлено автором.

Результаты исследования и их обсуждение

Для того чтобы изучать причины дефицита работников на рынке труда необходимо уточнения того, что понимается под ним понимается. У исследователей нет единства взглядов на данное понятие, напрямую в научной литературе редко встречается формулировки данного понятия, в основном определение идет через неравновесность состояния на рынке труда, превышения предложения труда над спросом. Зачастую исследователи используют термины дефицит трудовых ресурсов [21], дефицит рабочей силы [3], дефицит кадров [9; 11], иногда используя данные понятия как синонимы [5] (табл. 1).

Чтобы определиться с понятиями, необходимо разобраться в различие категорий «трудоустройство», «рабочая сила», «кадры». Под трудовыми ресурсами понимается трудоспособное население в трудоспособном возрасте и работающие лица, находящиеся за пределами трудоспособного возраста (лица пенсионного возраста и подростки), иностранные трудовые мигранты¹. Под рабочей силой понимается население в трудоспособном возрасте, предлагающее свой труд на рынке тру-

да [15]. Кадры — основной (штатный) состав работников учреждения, предприятия той или иной отрасли деятельности; все постоянные работники [13].

Конечной целью функционирования рынка труда является удовлетворение спроса предприятий и организаций на труд работников. Предприятия и организации стремятся найти наиболее подходящих работников на рынке труда, чтобы обеспечить себе необходимый кадровый состав. Таким образом, данное понятие соединяет в себе с одной стороны потребности организации, с другой стороны возможности рынка труда, так как потенциальные работники предъявляют спрос на открытом рынке. Поэтому, в данной статье, в дальнейшем в качестве основного понятия будет применяться понятие «дефицит работников на рынке труда». В качестве синонимов к основному понятию будут применены понятия «дефицит рабочей силы», «дефицит кадров». Понятие «дефицит трудовых ресурсов» включает в себя не только работников, фактически предъявляющих спрос на рынке труда, но и потенциальных работников, которые пока не включены в этот процесс, поэтому рассматривается в рамках данного исследования, как более широкое, по сравнению с остальными.

Учитывая, что рынок труда — это механизм соединения работников и рабочих мест,

¹ Основные понятия и определения баланса трудовых ресурсов. Приказ Росстата от 29.09.2017 N 647 «Об утверждении Методики расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда».

то рассматривая ситуацию дефицита предложения труда целесообразнее использовать понятие «работник». Работник — это лицо, выполняющее работу, работающее на предприятии, в организации, учреждении [13]. Работник является одной из сторон трудовых отношений, это физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем¹.

Таким образом, под *дефицитом работников на рынке труда* будем понимать неравновесную ситуацию на рынке труда, характеризующуюся незаполненными вакансиями, в том числе по причине отсутствия работников требуемого качества и в необходимом количестве, а также ожидания организациями острой нехватки работников в ближайшем будущем.

Отклонения от оптимальной численности в ходе производственной деятельности возникают постоянно, но проблемными они становятся тогда, когда урегулировать количественные и качественные дисбалансы трудовых ресурсов не удается, и они приобретают опасную форму, вызывая риски сбоев в нормальной работе предприятия (вплоть до прекращения деятельности) [9].

Основными причинами исследователи [7; 9] считают негативную демографическую ситуацию, недостатки образовательной и миграционной политики, несовершенства государственного регулирования рынка труда, неразвитость системы профессионального образования и переобучения работников в организациях и предприятиях.

Исследования НИУ ВШЭ [5; 14], посвященные вопросам рынка труда, указывают, что экономические циклы влияют на увеличение или сокращение дефицита работников на рынке труда. Так, на подъеме экономики расширяется производство и возникает потребность в дополнительном найме сотрудников, тогда как в кризисном периоде наоборот, происходят сокращение и высвобождение работников. Данную закономерность подтверждают данные опросов, проведенных исследователями [5; 14]. Также было выявлено, что опрошенные менеджеры недооценивают факторы, связанные с качеством трудовой жизни организации, ее общим финансовым положением, объясняя длительно незакрытые вакансии проблемами с предложением труда, тогда как фактически данные предприятия являются неэффективными и вследствие этого непривлекательными для работников.

¹ Статья 20. Стороны трудовых отношений. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023)

Анализ причин дефицита работников на рынке труда также целесообразно проводить в отраслевом разрезе, так как это позволяет выявить общие причины в разных отраслях со схожим уровнем развития и экономическими характеристиками, определив общие для них факторы.

Проведенный И. Е. Золиным [7] анализ банка данных вакансий, размещенных на сайтах hh.ru, trudvsem.ru, superjob.ru показывает, что «наибольшую потребность в квалифицированных кадрах испытывают промышленность, транспорт, сфера IT-технологий, дорожно-строительная, атомная, сельскохозяйственная отрасли, строительство и ЖКХ, а также здравоохранение и образование» [7, с. 60]. В дальнейшем будем рассматривать причины дефицита работников в отраслях, где эта проблема является наиболее острой.

Напряженная ситуация с кадровым обеспечением характерна для сферы здравоохранения, решению этого вопроса посвящено много различных исследований [8; 25; 17; 18]. Основными причинами дефицита работников в здравоохранении являются низкая заработная плата, высокий уровень нагрузки и ответственности, наличие частных медицинских учреждений с высокой оплатой труда и т. д. Схожие причины дефицита работников отмечают исследователи в сфере образования [6; 7; 17], сельского хозяйства [7; 19], промышленности [4; 5; 9; 17].

При этом профильные вузы готовят достаточное число специалистов, государство финансирует значительное число бюджетных мест, однако, например, почти половина студентов педагогических вузов не предполагают в будущем работать в школе, они используют возможность получить высшее образование, чтобы затем на его базе получить другую профессию [7]. Аналогичные сложности характерны и для привлечения специалистов инженерного профиля. Среди основных факторов специалисты указывают низкий уровень оплаты труда в отрасли, а также недостаточную популярность профессии «инженер» [1].

Несмотря на то, что фактически на рынке труда есть достаточное количество работников нужной квалификации для работы в отраслях здравоохранения, образования, науки и т. д. ситуация кадрового дефицита только усугубляется. Увеличение дефицита работников в данных отраслях происходит за счет «перехода работников в другие области хозяйства с более высокой зарплатой и более низкими затратами труда, переезд за рубеж» [17, с. 146].

Совершенно другая природа дефицита работников наблюдается в ИТ — сфере [2]. В данный момент Российской Федерации сформирован тренд

на долгосрочное развитие сферы ИТ, что определяет прогнозы по увеличению спроса на специалистов этой сферы в ближайшие годы. Восполнение дефицита работников зачастую решается за счет межотраслевого замещения кадров, а именно, путем переподготовки специалистов из других смежных отраслей [2].

Были проанализированы научные исследования по вопросам дефицита работников в отраслях промышленности [4; 5; 9; 17], сельского хозяйства [7; 19], образования [6; 7; 17], здравоохранения [8; 25; 17; 18], ИТ — сферы [2]. Выявленные причины были разбиты на три группы по источникам возникновения (табл. 2; 3).

При этом, как видно из табл. 2 и 3, наибольшее количество причин дефицита работников в образовании, здравоохранении, промышленности, сельском хозяйстве связаны с качеством трудовой жизни в организациях и предприятиях этих отраслей. Тогда как основные причины дефицита работников в ИТ — сфере связаны с высоким спросом на специалистов в связи с бурным развитием отрасли и неспособностью системы образования в короткие сроки подготовить работников в нужном количестве и необходимого качества.

Таким образом, в зависимости от ситуации на внешнем рынке труда дефицит работников можно разделить:

Таблица 2
Table 2

Причины дефицита работников на рынке труда в образовании, здравоохранении, промышленности, сельском хозяйстве
The reasons for the shortage of workers in the labor market in education, healthcare, industry, agriculture

Сфера образования	Качество трудовой жизни организаций отрасли	Состояние рынка труда
<ul style="list-style-type: none"> – низкое количество желающих получить профессию для работы в отрасли; – низкая доля выпускников устраивается по специальности; – отсутствие государственного планирования потребности в кадрах, неразвитость системы целевого обучения; – отсутствие регулирования внебюджетных мест в вузах и ссузах; – низкие требования к абитуриентам; – сложность обучения; – снижения качества образования; – получение образования как базового для смены профессии в будущем. 	<p><i>общие причины</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – низкий уровень оплаты труда в отрасли; – низкая престижность, отсутствие уважения в обществе профессии и отрасли в целом; – высокие требования, предъявляемые к работникам; – сложные, тяжелые условия труда; – высокая интенсивность труда и большой объем переработки; – старение кадров, ситуация «старички учат внуков». <p><i>специфические причины</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – для образования и здравоохранения: большой объем бюрократической работы и конфликты с пациентами, учениками и их родителями; – для сельского хозяйства: низкий уровень социального благоустройства на селе. 	<ul style="list-style-type: none"> – уход работников на более высокооплачиваемую работу; – переезд в другие регионы, за рубеж; – отсутствие специалистов, желающих занять освободившиеся места.

Источник: составлено автором.

Таблица 3
Table 3

Причины дефицита работников на рынке труда в ИТ — сфере
The reasons for the shortage of workers in the IT labor market

Сфера образования	Качество трудовой жизни организаций отрасли	Состояние рынка труда
<ul style="list-style-type: none"> – недостаточное количество образовательных программ и мест в вузах для подготовки специалистов ИТ-сферы; – низкое качество подготовки специалистов. 		<ul style="list-style-type: none"> – высокий спрос на специалистов ИТ-сферы из-за развития информационных технологий; – релокация, переезд в другие регионы, за рубеж.

Источник: составлено автором.

– *реальный* — отсутствие требуемого количества и качества работников, связан с расширением производства, появлением новых рабочих мест;

– *условный* — наличие работников в нужном количестве и качестве, не желающие работать в отрасли в связи с низким уровнем оплаты труда и другими неценовыми факторами, связанными с качеством трудовой жизни отрасли.

Для выработки мер по преодолению реального дефицита работников на рынке труда необходимо увеличивать количество программ подготовки и переподготовки кадров в учебных заведениях, стимулировать дополнительные вложения средств предприятий и организаций в эту сферу.

Для решения проблем кадрового обеспечения при условном дефиците работников необходимо принимать меры по повышению качества трудовой жизни в соответствующих отраслях, реализовывать программы по увеличению производительности труда, обеспечению конкурентоспособности предприятий и организаций. При этом решение кадровых проблем должно носить комплексный характер и воздействовать на причины появления и усиления дефицита работников.

Вместе с тем принимаемые государством меры направлены прежде всего на сферу формирования человеческого капитала, решение демографических проблем, расширение образовательных программ, системы подготовки и переподготовки кадров. Так, на расширенном заседании Президиума Государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации»¹, а также на совещании Президента России с членами Правительства² рассмотрены государственные проекты и программы, направленные на совершенствование рынка труда и снижения дефицита кадров в экономике страны. К ним относятся как национальные проекты, так и отраслевые и региональные проекты и программы:

– национальный проект «Демография» (реализуется программа переобучения по востребованным на локальных рынках труда направлениям), «Кадры» (поддержка образования, профессио-

¹ Расширенное заседание Президиума Государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72319> (дата обращения: 20.03.2024).

² Доклад Министра труда и социальной защиты РФ Антона Котякова на совещании Президента России с членами Правительства. URL: <https://mintrud.cap.ru/news/2023/07/04/doklad-ministra-truda-i-socialnoy-zaschiti-rt-ant> (дата обращения: 20.03.2024).

нальной подготовки, создание условий для развития научных и кадровых резервов)³, «Производительность труда» (совершенствование производственного процесса, обучение сотрудников основам бережливого производства, повышение эффективности бизнеса)⁴;

– федеральный проект «Профессионалитет»⁵;

– создание портала «Работа России» (www.trudvsem.ru) и реализуемые на ней программы;

– программы «Работа с переездом», «Мобильность 2.0»;

– проведение Всероссийской ярмарки трудоустройства «Работа России. Время возможностей»;

– социальный проект «Карьера. Дом. Семья» для помощи молодым людям обустроиться на Сахалине и Курилах;

– федеральный проект «Заработаем вместе», реализуемый в Сахалинской области;

Преимущественно указанные проекты и программы направлены на совершенствование ситуации на первых двух этапах воспроизводства человеческого капитала, таких как его формирование (сфера образования, приобретения профессиональных качеств) и распределение (рынок труда). Тогда как в сфере использования человеческого капитала реализуется только национальный проект «Производительность труда». То есть повышению качества трудовой жизни и эффективности функционирования предприятий и организаций уделяется недостаточно внимания, хотя анализ причин дефицита работников на рынке труда показывает высокую значимость данного направления.

Выводы

К 2030 г. дефицит кадров в России достигнет 2–4 млн человек, оценили «Яков и Партнеры». На этом фоне эксперты ожидают потери ВВП на уровне 1–2%. Эксперты оценили, что за 2018–2023 гг. количество вакансий в стране выросло в 1,8 раза, что говорит о начавшемся кадровом дефиците. К 2030 г. он усугубится, будет доставать

³ Кривцов В. С. Национальный проект «Кадры» — 2024. URL: <https://crnprf.ru/tpost/x1o5a9o8a1-natsionalnii-proekt-kadri-2024> (дата обращения 29.05.2024).

⁴ Национальный проект «Производительность труда». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения 29.05.2024).

⁵ Федеральный проект «Профессионалитет». URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/ (дата обращения 29.05.2024).

2–4 млн человек. Происходит переход к рынку дорогого труда и дефицитных кадров¹.

Таким образом, для решения проблемы дефицита работников на рынке труда необходимо реализовать комплексный подход, затрагивающий все стадии воспроизводства человеческого капитала: формирование, распределение, использование. Необходимо, во — первых, повышать количество и качество трудовых ресурсов, совершенствовать систему профессионального образования, реализовывать новые и повышать эффективность действующих механизмов и институтов на рынке труда, способствовать повышению эффективности предприятий и организаций, росту уровня заработных плат и качества трудовой жизни.

Что касается конкретных мероприятий, позволяющих снизить дефицит на рынке труда, то в соответствии с выделенными причинами можно предложить следующие:

- осуществлять разработку перспективного плана развития трудовых ресурсов по дефицитным направлениям;
- развивать систему целевого обучения;

¹ Эксперты оценили уровень потерь ВВП России из-за дефицита кадров URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2023/656c83409a79471d72124f2d?from=copy> (дата обращения: 22.03.2024).

- развивать механизмы государственно-частного партнерства в отраслях бюджетной сферы с целью повышения их эффективности и совершенствования качества трудовой жизни в них;
- усилить регулирование приема в учебные заведения на внебюджетные места;

– разработать меры по повышению качества трудовой жизни в организациях.

Предлагаемыми мероприятиями целесообразно дополнить программы и проекты, направленные на решение вопросов дефицита работников на рынке труда.

Таким образом, существующую проблему дефицита работников на рынке труда необходимо решать, как на уровне государства, через реализацию федеральных и региональных проектов и программ, при тесном взаимодействии с предприятиями и организациями. Необходимо комплексно и системно работать со всеми стадиями воспроизводства человеческого капитала. Принимаемые меры можно разделить на три группы: направленные на повышение качественных и количественных характеристик человеческого капитала, на решение задач в сфере совершенствования институциональных условий на рынке труда и способствующие росту качества трудовой жизни работников в организациях и предприятиях.

Список источников

1. Бондаренко В. А., Попова Т. С., Попов А. А. Исследование причин и возможных направлений решения проблемы дефицита специалистов в энергетической отрасли России с привлечением HR-брендинга // Глобальная ядерная безопасность. 2023. № 3 (48). С. 96–106.
2. Васильева Е. В., Каманина А. Н., Клешнина И. А. Дефицит ИТ-кадров в России на современном этапе: причины и пути преодоления // Дискуссия. 2023. № 117. С. 108–118.
3. Вишневецкая Н. Г. Конъюнктура регионального рынка труда: проблема дисбаланса профессий // Уровень жизни населения регионов России. 2016. Т. 12, № 3. С. 55–66.
4. Власенко А. В., Пацук О. В. и др. Проблемы дефицита квалифицированных кадров инженерно-технических специальностей в отечественной ракетно-космической отрасли // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2-2(104). С. 23–27.
5. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком : препринт WP3/2007/03. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 60 с.
6. Заир-Бек С. И., Мерцалова Т. А., Анчиков К. М. Кадры школьного образования: возможности и дефицита // Вып. 18. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2020. 17 с.
7. Золин И. Е. Рынок труда и проблема дефицита кадров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 59–63.
8. Калашников К. Н., Лихачева Т. Н. Проблемы дефицита медицинских кадров в сельских территориях // Вопросы территориального развития. 2017. № 2(37). С. 6.
9. Коленникова О. А., Токсанбаева М. С. Обеспечение приоритетных производств качественными трудовыми ресурсами: проблемы дефицита и набора кадров // Народонаселение. 2017. Т. 20, № 3. С. 90–103.
10. Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б., Сеница А. Л. Оценка напряженности на рынке труда: региональный и отраслевой аспекты // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 449–465.

11. Мирзабалаева Ф. И., Антонова Г. В. Структурные диспропорции спроса и предложения на рынке труда в отраслевом и профессионально-квалификационном разрезах // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 8. С. 1145–1168.
12. Мортиков В. В. Управление персоналом в условиях дефицита кадров // Вопросы управления. 2022. № 1 (74). С. 73–86.
13. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М, 2023. 512 с.
14. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой, С. Ю. Рощина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 148 с.
15. Рощин С. Ю., Разумова Т. О. Экономика труда: экономическая теория труда. М. : Инфра-М, 2001. 400 с.
16. Савинкина Л. А., Шепелова Т. С. Проблема дефицита медицинских кадров и пути ее решения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 569.
17. Смолин О. Н. Кадровый кризис в науке и социальной сфере: пути преодоления // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241, № 3. С. 139–148.
18. Созарукова Ф. М. Кадровый дефицит специалистов здравоохранения: причины возникновения и пути решения // Вестник экспертного совета. 2018. № 4(15). С. 104–109.
19. Ушачев И. Г., Еремеев В. И., Жуков Н. И. Сельскохозяйственные кадры: дефицит при избытке / И. Г. Ушачев // АПК: экономика, управление. 2017. № 2. С. 15–26.
20. Царенко И. В. Состояние и тенденции развития регионального рынка труда в условиях цифровой трансформации экономики (на примере Пермского края) // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 63–71.
21. Яцык Ю. А. Совершенствование механизма привлечения рабочей силы в условиях дефицита трудовых ресурсов : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 20 с.

References

1. Bondarenko VA, Popova TS, Popov AA. Investigation of the causes and possible ways to solve the problem of shortage of specialists in the Russian energy industry with the involvement of HR branding. *Global'naya yadernaya bezopasnost' = Global nuclear security*. 2023;3(48):96-106. (In Russ.).
2. Vasilyeva EV, Kamanina AN, Kleshnina IA The shortage of personnel in Russia at the present stage: causes and ways to overcome. *Diskussiya = Discussion*. 2023;(117):108-118. (In Russ.).
3. Vishnevskaya NG The conjuncture of the regional labor market: the problem of the imbalance of professions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2016;(12(3):55-66. (In Russ.).
4. Vlasenko AV, Patsuk OV, Kleshnina IA, Torgashin AS, Kozlovskaya EB Problems of shortage of qualified personnel of engineering and technical specialties in the domestic rocket and space industry. *Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2021;104(2-2):23-27. (In Russ.).
5. Gimpelson V, Kapelyushnikov R, Lukyanova A The demand for labor and skills in industry: between deficit and surplus. Moscow, Higher School of Economics, 2007. 60 p. (In Russ.)
6. Zair-Bek SI, Mertsalova TA, Anchikov KM School education personnel: opportunities and deficits. *National Research University Higher School of Economics*, 2020. Iss. 18. 17 p. (In Russ.).
7. Zolin IE The labor market and the problem of personnel shortage. *Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2019;(10):59-63. (In Russ.).
8. Kalashnikov KN, Likhacheva TN Problemy` deficyta medicinskix kadrov v sel`skix territoriyax. *Voprosy` territorial`nogo razvitiya = Problems of shortage of medical personnel in rural areas*. 2017;2(37):6. (In Russ.).
9. Kolennikova OA, Toksanbayeva MS Providing priority industries with high-quality labor resources: problems of shortage and recruitment. *Narodonaselenie = Population*. 2017;20(3):90-103. (In Russ.).
10. Korovkin AG, Dolgova IN, Korolev IB, Sinitsa AL Assessment of tension in the labor market: regional and sectoral aspects. *Nauchny`e trudy` : Institut narodnoy`o`zyajstvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific papers: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. 2020;(18):449-465. (In Russ.).

11. Mirzabalaeva FI, Antonova GV Structural imbalances of supply and demand in the labor market in the sectoral and vocational-qualification sections. *E`konomika truda = Labor economics*. 2023;10(8):1145–1168. (In Russ.).
12. Mortikov VV Personnel management in conditions of personnel shortage. *Voprosy` upravleniya = Management issues*. 2022;1(74):73-86. (In Russ.).
13. Raisberg BA, Lozovsky LSh, Starodubtseva EB. Modern economic dictionary. Moscow, INFRA-M, 2023. 512 p. (In Russ.).
14. The Russian labor market: trends, institutions, structural changes. The report of the Center for Labor Research and the Labor Market Research Laboratory. Edited by Gimpelson VE, Kapelyushnikov RI, Roshchin SYu. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. 148 p. (In Russ.).
15. Roshhin SYu, Razumova TO Labor economics: economic theory of labor. Moscow, INFRA-M, 2001. 400 p. (In Russ.).
16. Savinkina LA, Shepeleva TS The problem of shortage of medical personnel and ways to solve it. *Sovremny`e problemy` nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2014; (6): 569. (In Russ.).
17. Smolin ON Personnel crisis in science and the social sphere: ways to overcome. *Nauchny`e trudy` Vol`nogo e`konomicheskogo obshhestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2023; 241 (3): 139–148. (In Russ.).
18. Sozarukova FM Personnel shortage of healthcare professionals: causes and solutions. *Vestnik e`kspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*. 2018;4(15):104-109. (In Russ.).
19. Ushachev IG, Ereemeev VI, Zhukov NI Agricultural personnel: deficit with. *APK: e`konomika, upravlenie = Agro-industrial complex: economics, management*. 2017;(2):15-26. (In Russ.).
20. Tsarenko IV The state and trends in the development of the regional labor market in the context of digital transformation of the economy (on the example of the Perm region). *Vestnik Astraxanskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Seriya: E`konomika = Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2023;(2):63-71. (In Russ.).
21. Yatsyk YuA Improving the mechanism of attracting labor in conditions of shortage of labor resources: abstract of the dissertation of the candidate of Economic Sciences. Thesis. Moscow; 2011. 20 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Масленникова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления.

Information about author

E. V. Maslennikova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 005.8:005.8

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-238-248

ОБЗОР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ПРОЕКТНОЙ ЗРЕЛОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Артем Геворгович Геокчакян

Государственный университет управления, Москва, Россия, geokchakyan@guu.ru, 0000-0002-3666-367X

Аннотация. Степень эффективности и результативности применяемых подходов, методик и инструментов проектного управления во многом зависит от уровня организации управления в компании в целом. В связи с этим важным с практической точки зрения вопросом является проектная зрелость организации. Оценка проектной зрелости является актуальной и популярной темой как научных исследований, так и практических разработок, однако многие вопросы остаются изучены не до конца. Основной целью данной статьи является исследование ключевых аспектов, которые влияют на проведение оценки уровня проектной зрелости организации. Научная новизна заключается в определении методологических основ проведения оценки проектной зрелости. Качественная оценка проектной зрелости требует четких теоретико-методологических основ. Рассматриваемые в статье аспекты являются актуальными для совершенствования процессов проведения оценки проектной зрелости и дальнейшего развития проектного управления в организациях.

Ключевые слова: проектная зрелость, оценка зрелости, проектное управление, модели зрелости, процессы управления, области знаний, лучшие практики

Для цитирования: Геокчакян А. Г. Обзор методологических аспектов оценки уровня проектной зрелости организаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 238–248. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-238-248.

Review article

OVERVIEW OF METHODOLOGICAL ASPECTS OF ASSESSING THE LEVEL OF PROJECT MATURITY OF ORGANIZATIONS

Artem G. Geokchakyan

State University of Management, Moscow, Russia, geokchakyan@guu.ru, 0000-0002-3666-367X

Abstract. The degree of effectiveness and efficiency of the applied approaches, methods and tools of project management largely depends on the level of management organization in the company. In this regard, the project maturity of the organization is an important issue from a practical point of view. The assessment of project maturity is an urgent and popular topic of both scientific research and practical developments; however, many issues remain not fully studied. The main purpose of this article is to study the key aspects that affect the assessment of the level of project maturity of the organization. The scientific novelty lies in the definition of the methodological foundations for the assessment of project maturity. A qualitative assessment of project maturity requires clear theoretical and methodological foundations. The aspects considered in the article are relevant for improving the processes of assessing project maturity and further development of project management in organizations.

Keywords: project maturity, maturity assessment, project management, maturity models, management processes, knowledge areas, best practices

For citation: Geokchakyan AG. Overview of Methodological Aspects of Assessing the Level of Project Maturity of Organizations. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):238-248. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-238-248.

Введение

Современные мировые тенденции в экономике, производственно-хозяйственной деятельности, изменяющейся конъюнктуре рыночных отношений вынуждают организации к трансформации своей деятельности. Основной задачей такой трансформации является соответствие новым условиям существования на рынке, к которым можно отнести глобализацию, постиндустриализацию, транснационализацию, кастомизацию производства, индивидуализацию потребления, развитие интеграционных процессов, повышение требований безопасности и др. Помимо этого, всемирное признание концепции устойчивого развития требует от многих организаций соблюдения ее основных положений. Концепция устойчивого развития накладывает дополнительные требования и ограничения на деятельность организации, формирует не только экономическую, но и социальную, и экологическую направленность деятельности, что в свою очередь формирует определенную экосистему бизнеса.

Такие условия требуют новых подходов к управлению организацией, и в этой связи, многие руководители видят перспективу в проектно-ориентированном управлении организацией. Проектное управление позволяет осуществлять более гибкое, более комплексное управление с учетом всех тенденций внешней среды, поскольку деятельность организации разбивается на более управляемые объекты — проекты и программы, к управлению которыми применяется специальный инструментарий. В таком случае очень важно контролировать и согласовывать состав и содержание этих проектов между собой, которые в совокупность представляют корпоративный портфель проектов организации. «Более продвинутые» организации в плане использования проектного управления формируют специальную корпоративную систему проектного управления, создают проектный офис, осуществляют сертификацию специалистов и др. В целом, необходимо понимать, что переход на проектное управление не является конечной целью, поскольку с развитием организация должна увеличивать степень «проектности» своей деятельности. В противном случае качество организации управления и внутренних процессов будет серьезно уступать качеству и сложности внешней среды, что приведет к определенному диссонансу между внутренними и внешними средами организации и негативно скажется на общей конкурентной позиции.

С этой точки зрения, важным становятся такие понятия как зрелость проектного управления и уровень (степень) зрелости организации. Понятие проектной зрелости отражает качество организации и использования проектного управления в своей деятельности в целях стратегического развития и обеспечения конкурентоустойчивости организации [2, с. 285]. Ключевым вопросом является оценка уровня проектной зрелости. Оценка осуществляется в целях определения состояния проектного управления в организации, а также определения степени его развития в целях оптимизации управленческой деятельности организации. Оценка степени проектной зрелости представляет собой довольно сложный и трудоемкий процесс, предполагающий детальный анализ сложившихся процессов и процедур проектной деятельности, выявление трудностей, проблем и перспектив использования проектного управления, анализа лучшей внутренней практики управления проектами. Однако качественная оценка уровня проектной зрелости организации предоставляет хорошие перспективы для совершенствования проектных процессов в организации.

Материалы и методы исследования

Данное исследование является обзорным и, в первую очередь, направлено на определение методологических основ и анализ существующих подходов к определению уровня проектной зрелости организации. Основным направлением исследования является систематизация имеющихся методологических оснований проведения оценки уровня проектной зрелости. При проведении исследования осуществляется глубокий анализ имеющейся литературных источников по проблематике исследования, а также проводился выборочный анализ практики оценки проектной зрелости в российских компаниях. Автором использовались такие общенаучные и частные методы исследования, как анализ и синтез, индукция, наблюдение, сравнение.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Методологические основы оценки уровня проектной зрелости

Основной целью проведения оценки уровня проектной зрелости в организации является определение степени и качества управления с точки зрения проектного подхода. Определение текущего состояния организации позволяет четко определить направления развития и совершенствования. Адекватная оценка текущего состояния позволяет

грамотно планирования развитие своей организации. Завышенная оценка вводит руководство организации в заблуждение и определяет цели, которые организация в данный момент достичь не может вследствие недостаточного уровня компетенций; заниженная — наоборот определяет цели, которые уже достигнуты в организации, и организация вместо полноценного развития остается на месте.

Этим подтверждается актуальность проведения оценки уровня проектной зрелости в организации. Также актуальность подтверждается тем, что оценка зрелости позволяет определить ключевые проблемы и слабые стороны в организации, которые необходимо ликвидировать для достижения устойчивого стратегического развития.

К основным задачам проведения оценки можно отнести:

- анализ корпоративной системы управления проектами или отдельных ее элементов (в случае ее несформированности);
- анализ процессов проектного управления в организации и их качественная оценка;
- анализ используемой нормативно-правовой базы проектного управления;
- анализ состава, содержания и сбалансированности корпоративного портфеля проектов организации;
- оценка компетентности персонала организации, принимающего участие в проектной деятельности;
- анализ реализованных организационных решений проектной деятельности;
- анализ степени использования информационных систем и отдельных программных продуктов для автоматизации процессов проектного управления;
- анализ экономической эффективности проектного управления;
- анализ системы внешних и внутренних проектных коммуникаций и др.

Объектом оценки уровня проектной зрелости является система управления проектами в организации, ее отдельные элементы, а также процессы проектного управления. Предметом оценки — степень профессионализации управления проектами. При этом необходимо понимать, что при проведении оценки речь идет не про управления отдельными проектами (степень зрелости управления отдельными проектами может отличаться в зависимости от их специфики и опыта команды), а про организацию и функционирование проектного управления в организации.

В современной научной среде большое внимание уделяется вопросу и проблеме оценки уровня проектной зрелости. В научной литературе выделяется большое количество подходов и моделей оценки уровня зрелости проектного управления, при этом некоторые из них основаны на конкретном стандарте проектного управления, а некоторые отражают авторский подход. Все они рассматривают и оценивают систему и процессы проектного управления, но с разных позиций и с использованием разных показателей и уровней зрелости. В целом проведение оценки зрелости проектного управления базируется на классических методах исследования организации — наблюдение, измерение, анализ, синтез, аналогия, а также на системном и структурном подходах.

Практическая значимость оценки проектной зрелости определяется в разработанных целях развития и направлениях совершенствования на основе определения текущей ситуации, а экономическая значимость — в сокращении затрат за счет оптимизации процессов проектного управления и выхода на новый уровень зрелости, что в свою очередь повышает рентабельность деятельности организации.

2. Сравнительный анализ существующих моделей оценки проектной зрелости организации

В современной науке и практики проектного управления выделяется ряд моделей оценки проектной зрелости организации [8, с. 234]. Использование этих моделей позволяет определить на каком этапе «проектификации» находится та или иная организация. Однако ключевыми недостатками всех существующих подходов к оценке проектной зрелости является их субъективно-качественная оценка. Существующие подходы не позволяют проводить количественную оценку степени проектной зрелости организации [5, с. 46], а скорее отражают наличие тех или иных проектных характеристик в процессах управления и организации в целом [11, с. 51]. Кроме того, оценка и анализ характеризуется большой степенью субъективности, что создает трудности и ограничения по использованию данного управленческого инструмента. Среди основных моделей оценки проектной зрелости можно выделить следующие:

- модель зрелости проектного управления Гарольда Керцнера (Project Management Maturity Model (PMMM)) состоит из пяти уровней, каждый из которых отражает различную степень зрелости проектного управления в организации. Идеология самой модели предполагает, что переход на следующий уровень зрелости не может

быть осуществлен до тех пор, пока предыдущий уровень не будет полностью реализован; уровни могут перекрываться; каждый уровень зрелости имеет свои особенности, проблемы и трудности; проблема наличия сопротивления сотрудниками присутствует на каждом уровне зрелости; все уровни обязательны и ни один из уровней модели не может быть пропущен [6];

– модель зрелости организационного управления проектами (The Organizational Project Management Maturity Model (OPM3)) является многомерной моделью оценки зрелости, одним измерением являются компоненты проектной деятельности (организационные механизмы, проекты, программы, портфели), вторым — стадии зрелости процессов проектного управления (стандартизация, измерение, управление и постоянное усовершенствование), третьим — сами процессы управления проектами (инициация, планирование, организация исполнения, контроль, завершение), четвертым — совокупность возможностей, которые реализуются или не реализуются в организации. Уровень зрелости проектного управления определяется наличием необходимых возможностей и степенью приближения процессов к лучшим практикам. Данная модель зрелости не содержит уровней зрелости в явном (линейном) виде, а степень зрелости определяется комплексно;

– интегрированная модель зрелости способностей (Capability Maturity Model Integration (CMMI)) используется не только для оценки проектной зрелости, но и зрелости различных видов процессов в организации. Модель предлагает проведение двух независимых видов оценки: оценка мощности отдельного процесса и оценка зрелости организации в целом [10, с. 75];

– модель IPMA Delta Project Excellence Model ориентируется исключительно на оценку проектной зрелости и в настоящее время является одной из наиболее обоснованных и комплексных моделей. Модель основывается на концепции организационной компетентности и включает в себя три основных компоненты оценки зрелости: I — «Индивидуумы» (компетенций руководителя, членов команды проекта, участников), P — «Проекты» (оценка результатов, методов и инструментов проектной деятельности), O — «Организация» (компетентность управления с позиции организации) [1, с. 5]. На основании оценок по модулям осуществляется общая оценка проектной зрелости организации по 5-уровневой шкале;

– инкрементная модель зрелости в контролируемой среде (Maturity INcrements IN Controlled Environments (MINCE)) рассматривает зрелость как готовность, способность и умение организации эффективно реагировать на изменения, возникающие во внешней среде, реализация которых обеспечиваются возможностями проектного управления. Модель рассматривает зрелость с позиции нескольких измерений: люди, методики, заказчик, реализация, знания, поддерживающий сервис;

– модель зрелости управления портфелями, программами и проектами (OGC Portfolio, Programme and Project Management Maturity Model (P3M3)) включает в себя три модели для оценки зрелости проектного, программного и портфельного управления в организации. Выделяется также производная от P3M3 модель PRINCE2 Maturity Model (P2MM), которая оценивает степень внедрения, адаптации и использования стандарта Prince2 в организации [11, с. 51];

– модель зрелости процессов управления проектами Беркли (Project Management Process Maturity Model (PM2)) представляет собой систематичный и поэтапный подход к оценке и повышению уровня проектной зрелости организации. Модель включает в себя 5 уровней зрелости;

– модель зрелости проектного управления (The Project Management Maturity Model (ProMMM)) основывается на концепции бенчмаркинга и представляет собой оценку степени адаптации и использования лучших практик проектного управления с целью повышения эффективности реализации проектов в организации. Проектная зрелость оценивается по 4-уровневой шкале;

– модель зрелости управления проектами PM Solution (PM Solutions Project Management Maturity Model (PMMMsm) основана на концепции постепенного перехода от «незрелого» к «зрелому» управлению проектами, разделенная на 5 уровней. Степень перехода на более высокий уровень характеризуется процессами профессионализации управления проектами, использования управленческих инструментов и практик стандарта PMBOK Guide;

– модель оценки уровня зрелости управления проектами в организации IPMA-СОВНЕТ разработана российскими специалистами с учетом сильных и слабых сторон известных ранее моделей проектной зрелости [9, с. 136]. Модель включает в себя 4 уровня зрелости и оценивает ее с позиций корпоративной системы управления проектами.

Основной задачей данного исследования не является проведение детального сравнительного анализа моделей проектной зрелости организации, в связи с этим проводится анализ и сравнение далеко не всех моделей проектной зрелости, а наиболее используемых и, по мнению автора, показательных. При сравнении не рассматривались модели, которые при оценке учитывают, в первую очередь, не проектную зрелость, а используются для оценки зрелости процессов управления, такие как модель ГОСТ ИСО; модель SPICE; модель BPM; модель Gartner; модель Forrester, модель EAMMF [7, с. 70].

Кроме этого, в последнее время стало появляться все больше авторских моделей, разрабатываемых компаниями, оказывающими консалтинговые услуги в сфере проектного управления [13, с. 75].

Сравнительная характеристика моделей проектной зрелости представлена в табл. 1. Данные модели представляют собой основу для совершенствования управления проектами в организации и развития конкурентных преимуществ организации, однако все они несовершенны и ограничены в возможностях их использования. Многие исследователи выделяют ряд критических аспектов:

Таблица 1
Table 1

Сравнительная характеристика моделей проектной зрелости в организации
Comparative characteristics of project maturity models in the organization

Модель (привязка к стандарту)	Акцент оценки зрелости	Преимущества	Недостатки
PMMM	Организация и процессы управления проектами в целом; оценка системы стратегического управления проектами для достижения устойчивых конкурентных преимуществ бизнеса	– наличие конкретных вопросов для проведения самоанализа и самооценки уровня зрелости; – простая методика оценки, не требующая финансовых затрат и привлечения внешних специалистов	– модель не связана с существующими стандартами проектного управления; – не учитывается степень зрелости отдельных элементов проектного управления и их вклада в общую зрелость; – отсутствуют отдельные элементы, с помощью которых возможно влиять на уровень зрелости; – отсутствуют измеримые индикаторы и критерии достижения того или иного уровня зрелости, перехода на следующий уровень зрелости; – высокая степень субъективности оценки;
OPM3 (PMBoK)	Степень соответствия реализуемых процессов в организации лучшим практикам проектного управления	– модель может быть применима практически к любой организации; – комплексный подход к оценке проектной деятельности в организации; – позволяет определить четко «пробелы», выявить потенциал повышения зрелости и выработать шаги по ее повышению; – позволяет описать систему управления проектами с учетом всех уровней; – модель является с одной стороны гибкой, а с другой – масштабируемой	– многокритериальность создает сложности для применения на практике; – отсутствие единой методики оценки (часть материалов не опубликована); – использование опросников для оценки значительно снижает объективность и комплексность модели; – требует наличия квалифицированных специалистов в организации для оценки; – оценка зрелости сводится к сравнению с лучшими практиками, которые определяются организацией самостоятельно; – не дается количественная оценка соответствия требованиям методики
SMMI	22 процессные области, разделенные на четыре группы: управление процессами, управление проектами, инженерная деятельность, поддержка	– является универсальной моделью и может использоваться с любыми практиками и стандартами на любом уровне управления; – сертификация и оценка признается со стороны бизнес-сообщества	– требуется сбор большого объема информации по различным аспектам проектной деятельности; – не до конца учитывается специфика проектного управления; – представлены не все функции и процессы проектного управления; – трудно коррелируется с agile-методологиями

Модель (привязка к стандарту)	Акцент оценки зрелости	Преимущества	Недостатки
IPMA DELTA (ICB)	Оценка с точки зрения компетентности по трем модулям: индивидуумы, проекты, организация	<ul style="list-style-type: none"> – согласованность с рядом стандартов по проектному управлению; – комплексный подход к оценке зрелости; – существует система сертификации организаций по степени зрелости по итогам проведения оценки 	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствуют процессы оценки эффективности и результативности использования лучших практик; – как правило, требует привлечение внешних ассессоров для проведения оценки
MINCE	Оцениваются 6 измерений с точек зрения желания и способности организации занимать лидирующие позиции; профессионализма сотрудников; возможности реализации миссии и политики организации; средств и ресурсов; процессов, инструментов и средств управления	<ul style="list-style-type: none"> – понятная в использовании; – предлагает поэтапный подход к оценке зрелости; – видны «узкие» места, снижающие общий уровень зрелости организации 	<ul style="list-style-type: none"> – неприменима для оценки зрелости управления программами и портфелями; – нет прямой связи со стандартами проектному управлению; – оценка осуществляется субъективно
P3M3 (Prince2)	Оценивается зрелость всей организации в разрезе 32 процессов управления	<ul style="list-style-type: none"> – согласованность с международным стандартом; – охватывает все ключевые процессы управления; – позволяет оценить зрелость проектного, программного и портфельного управления; – позволяет оценить компетентность организации по отдельному процессу или области знаний; – также рассматривает процессы обеспечения и развития проектного управления на уровне организации; – позволяет учесть специфику проектного управления в органах государственной власти 	<ul style="list-style-type: none"> – не анализируется связь между процессами, процессы рассматриваются обособленно; – отсутствуют измеримые индикаторы и критерии достижения того или иного уровня зрелости, перехода на следующий уровень; – отсутствует количественная методика оценки степени зрелости; – длительность и трудоемкость процесса оценки
PM2 (PMBoK)	Оценка с точки зрения организационного воздействия и корпоративного управления проектами	<ul style="list-style-type: none"> – согласованность с PMBoK; – анализируется зрелость каждой отдельной области проектной деятельности; – системный и поэтапный подход к повышению зрелости на основе выявленных недостатков 	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствуют отдельные элементы, с помощью которых возможно влиять на уровень зрелости; – не хватает полного описания модели, детальной характеристики уровней зрелости, описания степени влияния внешних и внутренних факторов
ProMMM (начало)	Оценка и сопоставление лучшим практик с процессами проектного управления в организации	<ul style="list-style-type: none"> – стимулирует формирование корпоративной культуры; – всесторонне анализирует процессы, протекающие в проектах; 	<ul style="list-style-type: none"> – не согласована со стандартами проектного управления; – отсутствие системного подхода, рассматриваются лучшие практики проектного управления на уровне организации, не учитывая отдельные аспекты;

Продолжение табл. 1
The end of the table 1

Модель (привязка к стандарту)	Акцент оценки зрелости	Преимущества	Недостатки
ProMMM (окончание)		– базируется на внедрении лучших практик управления	– отсутствуют отдельные элементы, с помощью которых возможно влиять на уровень зрелости; – не оценивается эффективность и результативность использования лучших практик
РМММ sm (РМВоК)	Оценка областей знаний отдельных проектов, а не менеджмента организации в целом	– согласованность с РМВоК; – дифференцированный подход позволяет определить сильные и слабые стороны в каждой области проектного управления	– отсутствуют отдельные элементы, с помощью которых возможно влиять на уровень зрелости; – отсутствие системного подхода, компоненты модели не ориентированы на менеджмент организации в целом; – общая оценка проектной зрелости организации осуществляется по наименее зрелой области
IPMA-COB-NET	Оценка корпоративной системы управления проектами по ключевым областям проектной деятельности: цели и стратегии применения, люди, методология, организация, технологии	– простота и понятность модели; – оценка приоритетов развития проектной деятельности; – комплексный подход к оценке зрелости; – возможность оценки эффективности постепенных улучшений	– необходимость привлечения внешних специалистов для проведения оценки; – отсутствуют показатели и индикаторы, учитывающие отраслевую специфику, специфику органов государственной власти

Источник: составлено на основании [10; 12; 16; 18].

– отсутствуют четкие количественные показатели отнесения тех или иных процессов или организации в целом к конкретному уровню зрелости;

– проведение оценки во многом носит субъективный характер;

– описывают уровень зрелости «в моменте» и не имеют инструментария для оперативного измерения изменений в уровне зрелости во времени;

– слабо учитывают уровень организации взаимодействия с внешней средой проекта, акцентируя внимание на организационных аспектах управления;

– структура моделей делает проведение оценки трудным процессом, требующим привлечения большого количества ресурсов, длительного сбора и анализа необходимой информации;

– не рассматриваются вопросы оценки эффективности и результативности применения лучших практик управления;

– слабое описание верхних уровней проектной зрелости;

– модели не содержат рекомендаций по решению существующих проблем и повышению уровня проектной зрелости.

3. Базовые аспекты организации оценки уровня зрелости проектного управления

Проведение оценки уровня зрелости проектного управления в организации, как уже отмечалось, является довольно сложным, трудоемким и длительным процессом. Однако, если организация хочет повышать качество и эффективность реализуемых проектов, снижать управленческие и накладные затраты, обеспечивать доходность портфеля проектов организации, проводить оценку проектной зрелости и по ее итогам разрабатывать мероприятия, направленные на повышение проектной зрелости и ликвидации «слабых» сторон в проектной деятельности, необходимо.

Проведение оценки может осуществляться как собственными силами организации (своим персоналом), так и с помощью привлечения профессиональных компаний, которые занимаются оказанием консалтинговых и экспертных услуг в области проектного управления [15, с. 76]. У каждого из способов есть свои возможности и ограничения, достоинства и недостатки. Процедуру оценки проектной зрелости организации необходимо проводить регулярно; периодичность проведения напрямую зависит от масштаба реализуемой про-

ектной деятельности, скорости осуществления изменений в организации. Оценка занимает долгое время, финансовые ресурсы и отвлекает организацию от нормального процесса функционирования, в связи с этим проводить оценку слишком часто не целесообразно. Оптимальной периодичностью проведения оценки в среднем можно назвать 1 раз в 2–3 года, как правило, за этот период выходит новая версия стандарта по проектному управлению, могут быть окончены долгосрочные проекты, в динамике видны изменения показателей годовой отчетности организации.

Проведение оценки проектной зрелости должно активно поддерживаться руководством организации, поскольку в данном процессе должны быть задействованы все структурные подразделения организации. Для максимальной эффективности руководителем организации должны быть назначены ответственные лица за проведение оценки, а также возложена обязанность принимать участие и оказывать содействие представителям всех подразделений организации.

Кроме этого, группой проведения оценки уровня зрелости организации определяются сроки, формат, методика проведения оценки; разрабатывается анкета-опросник, в соответствии с которым проводится сбор и последующий анализ первичной информации. После этого формулируются выводы по результатам проведенной оценки, определяется текущий уровень проектной зрелости и разрабатываются рекомендации по его повышению. Важнейшим аспектом процессом оценки зрелости проектного управления является реализация разработанных рекомендаций по ее повышению. Руководители организаций должны осознавать затратность проведения оценки, и если они принимают решение о проведении оценки, то необходимо обеспечивать выполнение рекомендаций и мероприятий, направленных на повышение проектной зрелости организации.

Организация процесса проведения оценки во многом зависит от само же уровня зрелости организации. При более высоком уровне зрелости организации, как правило, функционирует проектный офис [3, с. 54], либо проектный комитет, в функциональные обязанности которого входит проведение оценки.

4. Базовые подходы к разработке методик оценки уровня зрелости проектного управления в организации

Методика проведения оценки уровня проектной зрелости является основополагающим фактором, определяющих организацию оценки,

а также полученные результаты, их интерпретацию и «шаги» по повышению зрелости организации. Методика проведения оценки проектной зрелости базируется на доминирующей модели оценки проектной зрелости, т. е. организация при проведении оценки должна определить, на основании идеологии какой модели осуществляется оценка. Как уже отмечалось, все модели имеют свои недостатки, и требуют конкретизации при применении в организации, т. к. практически все модели не могут учитывать отраслевую специфику и особенности деятельности конкретной организации.

Проведение оценки уровня зрелости проектного управления напрямую связано с анализом корпоративной системы управления проектами (либо ее отдельных элементов на начальных этапах формирования) и базируется на триаде «процессы-технологии-персонал».

В независимости от того, какая модель оценки проектной зрелости взята за основу, и какая методика утверждена в организации для проведения оценки зрелости необходимо провести анализ и оценку следующих элементов и аспектов системы управления проектами в организации:

- соответствие процессов управления проектами, программами и портфелями в организации международно признанным «лучшим практикам» управления;
- «цифровая» культура управления проектами и использование современных информационных технологий;
- функционал и полномочия специализированных организационных структур проектной деятельности (проектный офис, проектный комитет);
- квалификация менеджеров проектов и членов проектных команд;
- процессы управления человеческими ресурсами для реализации проектов (подбор новых сотрудников, оценка деятельности, профессиональное развитие и обучение, мотивация и т. д.);
- нормативно-регламентная база проектного управления в организации;
- стандартизация процессов управления проектами в организации;
- проблемы в проектно-ориентированной деятельности организации и опыт их решения;
- участие стейкхолдеров в процессах проектного управления;
- методики и подходы анализа, оценки и снижения проектных рисков;
- организационная культура проектной деятельности [15, с. 72];

- система измерения результатов проекта на различных стадиях и этапах жизненного цикла;
- применение профессиональных инструментов управления проектами;
- согласованность реализуемых проектов с бизнес-стратегией организации.

Результатом проведения оценки уровня проектной зрелости организации является набор качественных и количественных характеристик, позволяющих определить уровень проектного управления, ключевые проблемы и готовность к совершенствованию существующих процессов.

Заключение

Оценка зрелости проектного управления является одной из ключевых задач организационного развития компаний, использующих проектные технологии в своей деятельности. В ходе проведенного исследования автором были определены основные методологические основы проведения оценки уровня проектной зрелости организации, такие как цель, задачи, предмет, объект, научная и практическая значимость, модели, подходы, аспекты, организация оценки проектной зрелости.

Сравнительный анализ существующих моделей оценки проектной зрелости позволил выявить преимущества и недостатки каждой из моделей, определить области и возможности их использования. Кроме этого, выявленные в исследовании основные аспекты организации и базовые подходы к формированию методик проведения оценки являются основой для проведения оценки уровня проектной зрелости в конкретной организации. Из исследования очевидно, что несмотря на большое количество существующих подходов и моделей, проведение оценки уровня проектной зрелости зависит от специфики деятельности конкретной организации, характера реализуемых в организации проектов, количества и характера взаимоотношений со стейкхолдерами и т. д. В связи

с этим не существует единой универсальной методики и модели оценки уровня проектной зрелости, поэтому организации, желающие осуществить оценку проектной зрелости, должны адаптировать существующие подходы с учетом описанных в исследовании рекомендаций по организации и проведению оценки под свою организацию.

Практическое применение моделей зрелости включает три аспекта: оценка способности организации реализовывать проекты; оценка способности организации проводить улучшения; обеспечение практического руководства для совершенствования организационного дизайна управления проектами в организации [4, с. 49].

Своеобразным завершением процесса оценки проектной зрелости является разработка рекомендаций по ее повышению. В целом можно выделить следующие мероприятия, направленные на повышение уровня зрелости:

- совершенствование и адаптация применяемых в организации методик управления проектами под специфику реализуемых проектов и окружения;
- постоянное обучение персонала новым инструментам, методикам и подходам, применяемым в организации;
- четкое выделение функциональных обязанностей тех или иных сотрудников, задействованных в реализации проектной деятельности;
- сбор, накопление, систематизация и использование опыта по реализованным проектам;
- внедрение подходов, направленных на управление корпоративным портфелем проектов и его согласование со стратегией организации;
- повышение эффективности управления ресурсами и рисками проектов в организации;
- обновление и совершенствование корпоративных стандартов и нормативно-регламентной базы.

Список источников

1. Бушуев С. Д., Бушуева Н. С., Харитонов Д. А. Оценка совершенства организаций в области управления проектами и программами на модели IPMA DELTA // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. 2011. № 1(49). С. 4–7.
2. Геокчакян А. Г. Исследование факторов конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. Вып. 72. 2021. № 3(449). С. 284–289.
3. Геокчакян А. Г. Формирование проектно-офисной системы управления в современной организации // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 12 (206). С. 53–62.
4. Дегтярев М. А. Проектная зрелость и ценностно-ориентированное управление проектами // Промышленный энергообогрев и электроотопление. 2014. № 4. С. 48–55.

5. Золочевская Е. Ю., Кривошеева Т. Д. Функциональная характеристика российской системы управления государственными проектами // Вопросы управления. 2014. № 6. С. 42–49.
6. Керцнер Г. Стратегическое управление в компании. Модель зрелого управления проектами. М. : ДМК Пресс, 2010. 320 с.
7. Лыкова А. И. Сравнительный анализ моделей процессной зрелости // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2017. № 3(30). С. 69–75
8. Малинина М. В. Современные модели зрелости организационного управления проектами // Управление проектами и программами. 2011. № 3(27). С. 230–240.
9. Марков О. А., Логинов М. П. Оценка зрелости проектного управления // Вопросы управления. 2018. № 3. С. 133–141.
10. Николаенко В. С., Мирошниченко Е. А., Грицаев Р. Т. Модели зрелости управления проектами: критический обзор // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 73. С. 71–111.
11. Руденко М. Н., Субботина Ю. Д. Оценка зрелости проектного управления организации // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 50–55.
12. Ручкин А. В., Шеметова Н. К. Оценка уровня зрелости организации проектной деятельности в органах исполнительной власти в Российской Федерации: анализ методики // Вопросы управления. 2019. № 1(37). С. 86–95.
13. Рыбкина Е. А., Сыровой Д. В. Оценка уровня зрелости проектного управления как услуга // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 74–77.
14. Титов С. А., Борисова Е. В. Сравнительный анализ моделей зрелости управления проектами // Экономика и предпринимательство. 2014. № 5–1(46). С. 654–658.
15. Титова Н. В., Титов С. А. Исследование ключевых характеристик проектно-ориентированных компаний и их организационной культуры // Вестник университета. 2020. № 9. С. 71–76.
16. Узбекова А. М. Анализ управления проектами посредством моделей зрелости // Научные записки молодых исследователей. 2017. № 4. С. 16–22.

References

1. Bushuev SD, Bushueva NS, Kharitonov DA. Assessment of the excellence of organizations in the field of project and program management based on the IPMA Delta project management model. *Vostochno-Evropejskij zhurnal peredovyh tekhnologij = Eastern European Journal of Advanced Technologies*. 2011;(1(49)):4-7. (In Russ.).
2. Geokchakyan AG. Research of factors of competitiveness of project-oriented companies. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Chelyabinsk State University. Economic sciences*. 2021;(3(449)):284-289. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10334>
3. Geokchakyan AG. Formation of a design and office management system in a modern organization. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara State University of Economics*. 2021;(12(206)):53-62. (In Russ.). <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2021-12-206-53-62>
4. Degtyarev MA. Project maturity and value-oriented project management. *Promyshlennyy energoobogrev i elektrootoplenie = Industrial energy heating and electric heating*. 2014;(4):48-55. (In Russ.).
5. Zolochevskaya EYu, Krivosheeva TD. Functional characteristics of the Russian state project management system. *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2014;(6):42-49. (In Russ.).
6. Kertsner G. Strategic management in the company. Model of mature project management. Moscow; 2010. 320 p. (In Russ.).
7. Lykova AI. Comparative analysis of models of process maturity. *Vektor nauki TGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Vector of Science TSU. Series: Economics and Management*. 2017;(3(30)):69-75. (In Russ.).
8. Malinina MV. Modern models of maturity of organizational project management. *Upravlenie proektami i programmami = Project and program management*. 2011;(3(27)):230-240. (In Russ.).
9. Markov OA, Loginov MP. Assessment of maturity of project management. *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2018;(3):133-141. (In Russ.).
10. Nikolaenko VS, Miroshnichenko EA, Gritsaev RT. Models of maturity of project management: a critical review. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public administration. Electronic bulletin*. 2019;(73):71-111. (In Russ.).

11. Rudenko MN, Subbotina Yu D. Assessment of maturity of project management of the organization. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Managerial consulting*. 2019;(7):50–55. (In Russ). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-7-50-55>.
12. Ruchkin AV, Shemetova NK. Assessment of the maturity level of the organization of project activities in the executive authorities in the Russian Federation: analysis of the methodology. *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2019;(1(37)):86-95. (In Russ). <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-1-86-95>.
13. Rybkina EA, Syrovoy DV. Assessment of the maturity level of project management as a service. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2016;(1):74-77. (In Russ.).
14. Titov SA, Borisova EV. Comparative analysis of maturity models of project management. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2014;(5-1(46)):654-658. (In Russ.).
15. Titova NV, Titov SA. Research of key characteristics of project-oriented companies and their organizational culture. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2020;(9):71-76. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-9-71-76>.
16. Uzbekova AM. Analysis of project management through maturity models. *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej = Scientific notes of young researchers*. 2017;(4):16-22. (In Russ).

Информация об авторе

А. Г. Геокчакян — старший преподаватель кафедры управления проектом.

Information about the author

A. G. Geokchakyan — Senior Lecturer of the Department of Project Management.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 336.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-249-255

К ВОПРОСУ О СПИСАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО БЮДЖЕТНЫМ КРЕДИТАМ

Данил Александрович Федотов

Правительство Челябинской области, Челябинск, Россия, danil.fedotov25@yandex.ru, 0000-0001-8556-5171

Аннотация. Рассматривается механизм списания задолженности по бюджетным кредитам и его влияние на долговую нагрузку консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации сквозь призму поручений Президента, озвученных в послании Федеральному Собранию. Механизм списания содержит большое число параметров, которые могут значительно повлиять на его эффективность. Автором приводятся несколько вариантов его реализации, их основные преимущества и недостатки. Также детально анализируются такие параметры механизма, как основания, момент, источники, период и условия списания, направления использования высвобождаемых средств, а также последствия невыполнения ключевых показателей инфраструктурных и инвестиционных проектов.

Ключевые слова: списание бюджетных кредитов, долговая нагрузка регионов, бюджетная обеспеченность, новые инвестиционные проекты, инфраструктурные проекты

Для цитирования: Федотов Д. А. К вопросу о списании региональной задолженности по бюджетным кредитам // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 249–255. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-249-255.

Review article

ABOUT THE WRITING OFF REGIONAL DEBT ON BUDGET LOANS

Danil A. Fedotov

Government of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia, danil.fedotov25@yandex.ru, 0000-0001-8556-5171

Abstract. The article examines the mechanism for writing off debt on budget loans and its impact on the debt burden of the consolidated budget of the constituent entities of the Russian Federation through the prism of the President's instructions, voiced in his address to the Federal Assembly. The write-off mechanism contains a large number of parameters that can significantly affect its effectiveness. The author provides several options for its implementation, their main advantages and disadvantages. Also, such parameters of the mechanism as the basis, moment, sources and conditions of write-off, directions for using the released funds, as well as the consequences of failure to meet key indicators of infrastructure and investment projects are analyzed in detail.

Keywords: write-off of budget loans, regional debt burden, budgetary security, new investment projects, infrastructure projects

For citation: Fedotov DA. About the Writing off Regional Debt on Budget Loans. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(10(492):249-255. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-492-10-249-255.

Введение

В настоящее время перед регионами стоят амбициозные задачи, озвученные Президентом России в ходе своего послания Федеральному собранию. Это и вопрос народосбережения, создания эффективной экономики, достижения технологической зрелости, а также всестороннее улучшение качества жизни населения.

Для их решения от регионов, по сути, требуется бюджетная мобилизация. При этом бюджетные возможности от региона к региону сильно разнятся. В настоящее время существует сильный разрыв в уровнях бюджетной обеспеченности между наиболее бедными и наиболее богатыми регионами, и тенденции к его сокращению пока не наблюдаются: за период 2017–2024 гг. разрыв увеличился с 2,56 до 2,84 раза (рис. 1). Указанный параметр создает неравенство между регионами и вызывает

Рис. 1. Сравнение уровней бюджетной обеспеченности 10 наиболее и наименее обеспеченных субъектов Российской Федерации

Fig. 1. Comparison of the levels of budgetary provision of the 10 most and least well-off subjects of the Russian Federation

Источник данных: составлено автором по данным Минфина России (Межбюджетные отношения с регионами и муниципалитетами // URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/> (01.06.2024 г.))

территориальный перекося при оказании ими услуг населению (социальных, медицинских, образовательных и так далее).

Бюджетная обеспеченность регионов зависит от многих параметров. Однако одним из важнейших является показатель долговой нагрузки¹.

В отечественной литературе уже изучались следующие аспекты долговой нагрузки регионов: оценка задолженности регионов [9], влияние долговой устойчивости на социально-экономическое развитие регионов [6], методологические основы бюджетного кредитования [3], механизм реструктуризации бюджетных кредитов [1], последствия реструктуризации госдолга регионов [4], региональные особенности реструктуризации на примере отдельных субъектов Российской Федерации [7].

Однако авторами не исследовался такой механизм снижения долговой нагрузки, как списание задолженности консолидированных бюджетов Российской Федерации перед федеральным бюджетом. Поэтому целью настоящего исследования является изучение механизма списания задолженности регионов по бюджетным кредитам, предоставленным из федерального бюджета, как одного из основных инструментов снижения долговой нагрузки регионов.

Результаты исследования

Государством постоянно ведется работа по снижению задолженности регионов. На фоне ограничений экономической деятельности субъектов, введенных в период пандемии, в 2020 году была экстренным образом проведена реструктуризация региональных долгов. Однако это несильно помогло регионам, особенно тем, у которых имелся большой объем банковских кредитов. Поэтому в 2022 году стартовала масштабная программа замещения дорогого коммерческого долга (субфедеральных облигаций и банковских кредитов) дешевыми бюджетными кредитами.

Принятые решения сохранили бюджетную устойчивость регионов в период макроэкономической турбулентности и создали основу для нового витка экономического развития. Однако главная проблема так и не была решена — вместо сокращения долг продолжил накапливаться, и многие регионы стали финансово зависимыми от федерального центра. Это подтверждается увеличением доли бюджетных кредитов, предоставляемых из федерального бюджета, в структуре внутреннего госдолга консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации с 41% на начало 2019 года до 80% к маю 2024 года (рис. 2). Более того, часть регионов и вовсе попала в финансовую ловушку, когда платежи по реструктурированным, инфраструктурным и замещающим бюджетным кредитам слились в один большой платеж в период 2025–2029 годов — порядка 300 млрд рублей в год совокупно по всем регионам (9% от общего объема внутреннего госдолга).

¹ Постановление Правительства РФ от 22.11.2004 г. № 670 «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/187556/> (01.06.2024)

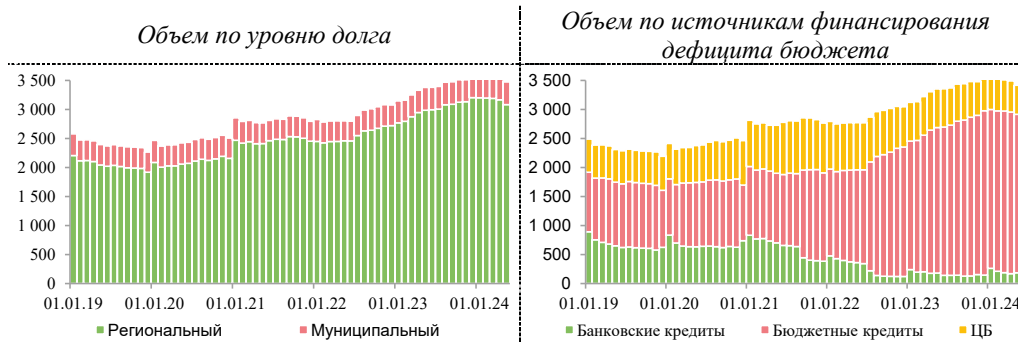

Рис. 2. Внутренний государственный долг консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации, млрд рублей

Fig. 2. The internal public debt of the consolidated budget of the subjects of the Russian Federation, billion rubles

Источник: составлено автором по данным Минфина России

(Государственный долг. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/ (01.06.2024 г.))

В этих условиях проблема дорогого обслуживания долга (качественный параметр) уступила пальму первенства размеру задолженности регионов (количественный параметр). В целях нивелирования риска роста долговой нагрузки в будущем было принято решение о списании 2/3 долгов регионов по бюджетным кредитам (за исключением инфраструктурных, специальных казначейских и на пополнение остатка кредитов) при условии их целевого направления в инфраструктуру и на инвестиции (около 1 трлн руб.).

С одной стороны, формируется новый вид источника финансирования дефицита бюджета, которой будет иметь целевой характер (то есть направляться на конкретную статью расходов). С другой стороны, основной вопрос заключается в том, что же под собой подразумевает термин «списание» бюджетных кредитов. В целом, под ним понимается прекращение долгового обяза-

тельства региона с последующим исключением его из состава государственного долга субъекта Российской Федерации. Однако формально списание бюджетных кредитов, предоставленных регионам, запрещено действующим бюджетным законодательством (п. 4 ст. 99.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации).

До настоящего времени, если в рамках современной бюджетной системы возникала проблема высокой долговой нагрузки регионов, фокус обсуждений всегда сводился к реструктуризации бюджетных кредитов, правовая сущность которой заключается в смещении срока выплат.

Однако в этот раз конечным итогом снижения долговой нагрузки регионов (рис. 3) должно стать снижение задолженности регионов.

Существуют разные точки зрения и подходы к списанию бюджетных кредитов. Выделим два основных механизма:

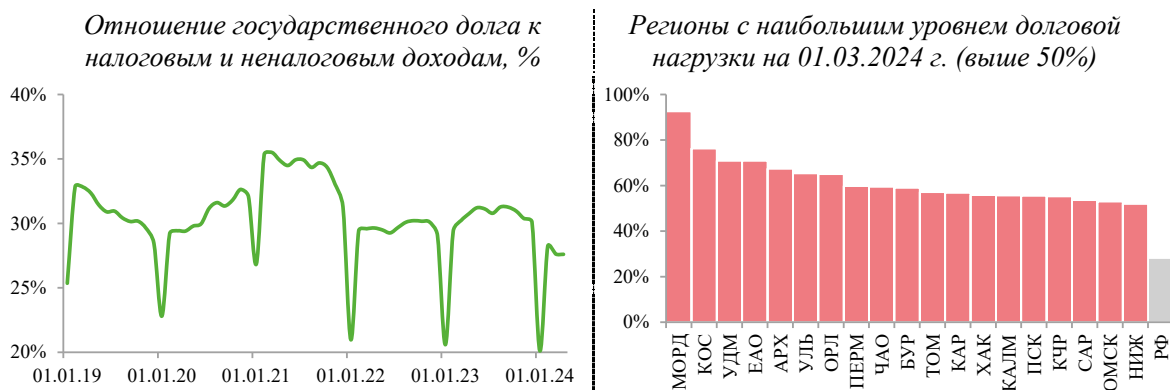

Рис. 3. Долговая нагрузка консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации по регионам

Fig. 3. Debt burden of the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation by region

Источник: составлено автором по данным Федерального казначейства (Государственный долг. URL: <https://open-prod.ds.epbs.ru/Бюджет/Государственный-долг> (01.06.2024 г.))

1. Двухэтапный (позиция Минфина России). На первой стадии предлагается реструктурировать задолженность путем переноса срока платежей с 2025–2029 гг. на 2030–2039 гг. В дальнейшем, перенесенная задолженность будет списываться на сумму расходования регионом собственных средств (налоговых и неналоговых доходов) в инфраструктуру и инвестиции.

Следует отметить, что реализация данного механизма несет в себе ряд рисков. Во-первых, регионы могут потерять мотивацию к его использованию. Из-за переноса задолженности на более поздний срок достаточно длительное время не будет большого объема платежей. То есть фактически проблема с долгом решится и без списания. А в случае приближения нового срока погашения (2030–2039 гг.) незамотивированные регионы начнут просить о новом списании (реструктуризации).

Во-вторых, может ухудшиться финансовая дисциплина отдельных регионов, так как при увеличении долга они будут рассчитывать на возможность его списания в будущем. Кроме того, некоторые высшие должностные лица субъектов Российской Федерации могут смениться к новому сроку погашения, и спрашивать за неисполнение поручения Президента будет не с кого.

2. Одноэтапный, когда задолженность списывается сразу — в момент, когда регионы несут расходы (принимают обязательства) на инфраструктуру и инвестиции. Во-первых, есть регионы с чрезмерно большими суммами списания. В этом случае будет достаточно затруднительно за столь короткий промежуток времени (один год) освоить высвобожденные средства. Во-вторых, есть регионы, в которых в принципе могут отсутствовать столь крупные проекты для использования указанных средств (например, регионы с высокой долей сельского населения [8]). При этом их разработка (составление проектно-сметной документации) может занять достаточно длительное время.

В этой связи можно разрешить регионам в отдельных случаях использовать нереализованный остаток прошлых периодов в текущих и будущих периодах (например, средства, подлежащие высвобождению в 2024 году, использовать в 2025 году).

В целом, учитывая задачу по повышению самостоятельности регионов, второй вариант списания является наиболее реалистичным.

Однако при его реализации нужно учитывать следующие параметры:

1) Основание (момент) списания задолженности по бюджетным кредитам.

Если обратиться к похожему уже действующему в рамках реструктуризации механизму (постановление Правительства Российской Федерации от 19.10.2020 г. № 1704), то государственный долг списывается по мере поступления налогов в федеральный бюджет от реализации нового инвестиционного проекта. Иными словами, *списание перенесенной задолженности происходит после получения какого-либо социально-экономического эффекта*.

Однако именно сложность указанного механизма, заключающаяся в необходимости прохождения регионом большого количества согласительных процедур с Минэкономразвития России, стала главной причиной его непопулярности.

Поэтому необходимо, чтобы новое *списание шло* без привязки к выполнению каких-либо показателей проекта, то есть непосредственно *до его реализации*. В этом случае основанием будет являться решение региона о направлении высвобождаемых средств в инфраструктуру и инвестиции путем включения соответствующих сумм в проект регионального (муниципального) бюджета.

2) Источником списания являются собственные доходы регионального (муниципального) бюджета (налоговые и неналоговые), которые были изначально заложены для погашения задолженности по бюджетным кредитам.

Это означает, что главными бенефициарами списания станут наиболее обеспеченные и экономически развитые регионы. Для них высвобождаемые средства — это реальный ресурс.

В то время как малообеспеченные регионы вместо собственных источников погашения задолженности возможно закладывали банковские кредиты (де-факто процедура замещения дорогого финансирования дешевым могла бы не состояться). В результате, списывать таким регионам просто было бы нечего.

3) Период, на который будет происходить списание.

Ясность в отношении сроков списания очень важна для проведения регионами качественного планирования. Реализация некоторых проектов может занимать очень длительное время (более 5 лет). Поэтому чем длиннее будет горизонт планирования, тем эффективнее будут израсходованы средства.

Реальным способом является трехлетнее списание аналогично составлению плана бюджета на трехлетний период. Однако наиболее пер-

спективный вариант — это шестилетний период (ровно на те года, когда происходит списание). В результате регион может осуществить списание определенной части долга без принятия соответствующего бюджета.

При реализации второго сценария могут появиться первые признаки возрождения долгосрочного бюджетного планирования, наподобие той системы, которая действовала в СССР [10] или действует в современном Китае [5].

4) Пропорциональность списания задолженности.

Здесь есть несколько вариантов развития событий. С одной стороны, две трети можно рассматривать от общей суммы задолженности консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации по бюджетным кредитам. В таком случае пропорция между регионами соблюдаться не будет: один регион будет вправе списать 100% задолженности, а другой — 0%. В целом, это поможет решить проблему с малообеспеченными регионами, не имеющими источников для списания. Однако принцип «равных возможностей регионов» будет нарушен.

С другой стороны, задолженность можно списывать пропорционально по каждому субъекту Российской Федерации (у всех по две трети). Указанный вариант более рационален, так как отвечает принципам проведения современной внутренней политики страны.

5) Условия списания задолженности.

Здесь также есть две совершенно противоположные точки зрения. Первая состоит в необходимости установления условий списания. В качестве примеров можно привести создание порядка оценки эффективности проектов (наподобие той, которая содержится в постановлении Правительства Российской Федерации от 19.10.2020 г. № 1704),

или привязку к наличию проектно-сметной документации. Однако тогда регионы не смогут самостоятельно принимать решения, что значительно усложнит процедуру списания.

Вторая заключается в списании задолженности без дополнительных условий. Отсутствие условий может частично решить проблемы малообеспеченных регионов и отсутствия проектов.

6) Направления использования высвобождающихся средств.

Этот вопрос состоит из двух принципиальных моментов. Во-первых, необходимо определить состав направлений. В послании Президента России к Федеральному Собранию указаны два крупных направления: инфраструктура и инвестиции. В базовом варианте предлагается ограничить регионы в направлениях использования высвобождающихся средств. Например, использовать указанные средства на следующие направления (табл. 1),

Однако такой подход не учитывает приоритеты развития некоторых регионов, которые они ставят перед собой (например, Республика Адыгея специализируется на развитии туризма [Гохберг, 2021, С. 138]). Кроме того, необоснованное сужение сфер может привести к невозможности освоения всей суммы высвобождаемых средств (например, в некоторых регионах может не быть того или иного вида направления).

Поэтому целесообразно не ограничивать направления использования средств от списания. Так, по результатам опроса, проведенного Советом Федерации¹, ряд регионов предложили

¹ В Совете Федерации рассказали, куда регионы направят освобождаемые от кредитов средства // URL: <https://1prime.ru/20240409/sredstva-847238936.html> (01.06.2024 г.)

Таблица 1
Table 1

Направления использования средств, высвобождаемых при списании бюджетных кредитов
Areas of use of funds released when writing off budget loans

Инфраструктурные проекты	Поддержка инвестиций
1. Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ)	1. Новые инвестиционные проекты (НИП)
2. Модернизация подвижного общественного транспорта	2. Компенсация выпадающих доходов регионов от предоставления инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль
3. Развитие опорных населенных пунктов	3. Субсидирование управляющих компаний преференциальных территорий
4. Расселение граждан из аварийного жилья	4. Докапитализация фондов развития промышленности

Источник: составлено автором с учетом итогов заседания Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета по направлениям социально-экономического развития (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74162> (16.09.2024)).

направить средства на создание и модернизацию транспортной, дорожной, энергетической, туристической, социальной инфраструктуры, а также инфраструктуры различных видов преференциальных территорий.

Во-вторых, важность некоторых сфер требует установления минимальной доли высвобождаемых средств, на которые регион должен направить (например, на ЖКХ). Тут можно проявить гибкость и для каждого субъекта Российской Федерации установить свой размер в зависимости от их социально-экономического положения (например, дифференцировать долю средств, направляемых на ЖКХ).

Вместе с тем введение ограничений такого плана не совсем корректно. Формально это деньги регионов, и поэтому регионы вправе самостоятельно выбирать направления их использования.

7) На случай нереализации проекта регионом должен предусматриваться механизм восстановления долга. Что делать, если регион не смог реализовать проект? Основным решением является восстановление долга. При этом оно должно происходить с учетом уже исполненных обязательств, (частично). Однако в силу того, что реализация инфраструктурного проекта несет в себе значительные риски, данная мера может носить избыточный характер

Заключение

Списание бюджетных кредитов представляет собой совершенно новый институт бюджетных правоотношений. Во-первых, указанный механизм создает основу для окончательного решения проблемы высокой долговой нагрузки регионов, которая сформировалась около 20 лет назад. Во-вторых, он является одним из базовых элементов для снижения зависимости регионов от федерального центра и постепенного перехода от дотационной к самодостаточной модели бюджетных финансов. В-третьих, списание становится одним из главных инструментов при осуществлении государственных инвестиций. В-четвертых, проектная направленность высвобождаемых средств может стать прообразом новой системы долгосрочного бюджетного планирования.

Несмотря на все преимущества механизма списания, процедура его реализации представляет особую сложность в условиях сложившейся системы государственного управления. Кроме того, данный инструмент может создать новый виток государственных расходов и привести к ужесточению денежно-кредитных условий.

Однако стоит учитывать, что эффективность его реализации будет во многом зависеть от тех параметров, которые в него заложат.

Список источников

1. Абдуллаев А. М., Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М., Чуженькова В. А. Особенности применения кредитных инструментов «инфраструктурного меню» и их возможное влияние на бюджетную ситуацию в регионах России // Региональные исследования. 2023. № 1 (79). С. 42–55.
2. Атлас экономической специализации регионов России / В. Л. Абашкин, Л. М. Гохберг, Я. Ю. Ефеткин и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 264 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2379-7.
3. Бисултанова А. А. Теоретические основы бюджетного кредита // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 12-2. С. 247–250.
4. Васюнина Л. В. Бюджетные кредиты как инструмент обеспечения устойчивости региональных бюджетов для успешной реализации национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 6. С. 18–27.
5. Голубева А. С. Китай в условиях тринадцатой пятилетки: итоги и перспективы // Инновации и инвестиции. 2021. № 10. С. 24–31.
6. Киселева Е. Г. Оценка долговой устойчивости бюджетной системы регионов // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26, № 3. С. 110–128.
7. Кузнеченко И. М., Ефимова Н. П. Проблемы консолидированного долга Тверской области // Московский экономический журнал. 2020. № 7. С. 16.
8. Кухаренко А. А. Классификация субъектов Российской Федерации на основе динамики численности сельского населения // Вестник академии знаний. 2022. № 53 (6). С. 137–144.
9. Норкин А. В., Смирнова И. А., Коробова В. Ф. Государственные заимствования субъекта Российской Федерации в контексте нового понятия «долговой устойчивости» региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7-2. С. 61–67.
10. Шульга О. А. История развития среднесрочного бюджетного планирования в отечественной и зарубежной практике // Вестник российской таможенной академии. 2011. № 4. С. 103–110.

References

1. Abdullaev DM, Zemlyanskii DYu, Medvednikova DM, Chuzhenkova VA. Features of «Infrastructure menu» credit instruments and their potential impact on budget situation in Russian regions. *Regional'ny'e issledovaniya = Regional researches*. 2023;(79):42-55. (in Russ.).
2. Atlas of Economic Specialisation of Russian Regions. V. Abashkin, L Gokhberg, Y. Eferin et al.; L. Gokhberg, E. Kutsenko (eds.). HSE, 2021. p. 264.
3. Bisultanova AA. Theoretical basis of the budget credit. *Vestnik Altajskoj akademii e'konomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(12-2):247-250. (in Russ.).
4. Vasyunina ML. Budget credits as a tool to ensure the sustainability of regional budgets for the successful implementation of national projects. *E'konomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes and Law*. 2023;16(6):18-27. (in Russ.).
5. Golubeva AS. China in the thirteenth five-year plan: results and prospects. *Innovacii i investicii = Innovation and Investment*. 2021;(10):24-31. (in Russ.).
6. Kiseleva EG. Debt sustainability assessment of regional budgets. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2022;26(3):110-128. (in Russ.).
7. Kuznechenko IM, Efimova NP. Problems of Consolidated Debt of the Tver region. *Moskovskij e'konomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2020;(7):16. (in Russ.).
8. Kukharenko AA. Classification of the constituent entities of the Russian federation on the basis of rural population dynamics. *Vestnik akademii znaniy = Newsletter of the Academy of Knowledge* 2022;53(6):137-144. (in Russ.).
9. Norkin AV, Smirnova LA, Korobova VF. The state borrowings of the Russian Federation in the context of the new concept of “debt sustainability” of the region. *Vestnik Altajskoj akademii e'konomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019;(7-2):61-67. (in Russ.).
10. Shulga OA. Foreign and domestic experience of medium-term budgetary planning. *Vestnik rossijskoj tamozhennoj akademii = Bulletin of the Russian Customs Academy*. 2011;(4):103-110. (in Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Федотов — начальник отдела аналитического обеспечения и взаимодействия с федеральными органами власти Управления по работе с Государственным Советом Российской Федерации.

Information about the author

D. A. Fedotov — Head of the Department of Analytical Support and Interaction with Federal Authorities of the Department for Work with the State Council of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 31.03.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 31.03.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

MONTIBVSELSIN
LOIACIARATCORI
CRVDELISNEXINI
CARMINLNOSTRI
REFORMA F. DN. VN
MONTIBVSELSIN
LOIACIARATCORI
CRVDELISNEXINI
CARMINLNOSTRI